

В ПУТИ ВВЕДЕНИЯ

ОСНОВНЫЕ КОНТРАСТЫ МЕЖДУ ПОДТИПАМИ E2: СОХРАНЯЮЩИЕ, СЕКСУАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ.

Те, кто «по-настоящему» хорошего мнения о себе, излучают свое самодовольство таким образом, что его мгновенно разделяют окружающие, без необходимости выражать свое качество явным образом через действия или добродетельные поступки. Они настолько убеждены в своих достоинствах, что не чувствуют необходимости убеждать других, даже себя.

КЛАУДИО НАРАНХО¹

Нищий, переодетый королем

В целом, эннеатип 2 считает, что самое главное в жизни — жить с высокой эмоциональной интенсивностью и вызывать эмоции. Вот почему они манипулируют отношениями. На самом деле это слегка авторитарные персонажи, поскольку они хотят чувствовать свое превосходство над другими, вызывая восхищение и особое уважение, которые питают их гордость.

Действительно, они верят, что их гордость — это их сила, тогда как на самом деле это их невротическая и деструктивная модальность. Двойка фальсифицирует свое самовосприятие: они чувствуют себя любящими существами, способными отдавать полностью, тогда как на самом деле они являются существами, нуждающимися в любви (нищими, замаскированными под королей), которые отвергают свою нужду, из-за чего они чувствуют себя слишком хрупкими и незащищенными. оставление. Поэтому они проецируют эту потребность на других.

Они маскируют свои потребности под щедрость. И они улавливают потребности других через призму их доступности, что реально, но они используют это, чтобы подпитывать свою гордость и идеализированное представление о себе.

Все люди E2 определяются как гордые, восторженные, любопытные, страстные, легкомысленные, потакающие своим желаниям, остроумные, распутные, поверхностные, жизнерадостные, манипулятивные, интенсивные, льстивые, агрессивные, оптимистичные, деспотические, наивные, преувеличенные и в некоторой степени бесстыдные. Как будто что-то дионисическое остается в них нетленно, а любовь — двигатель мира. Они — великие гедонисты Эннеаграммы, наряду с жадными E7. Однако гедонизм Двойки очень примитивен и связан с чувственным и непосредственным удовольствием от того, чтобы быть довольным и любимым.

Подобно детям, они находятся в тесном контакте с любовью, но также и с капризом и тиранией. Прослушивание Моцарта, который принадлежал к подтипу консервации E2, дает нам возможность воспринимать жизнь так, как это сделал бы E2. Есть цвет, гармония, теплота, игривость, радость, счастье, своего рода общение с божественным; а еще трагедия, хаос, печаль и глубокая боль, умело скрытые за истеричной улыбкой, как у главного героя фильма *Амадея*.

Люди этого характера знали любовь, были замечены и любимы. Они пришли в свои дома как глоток свежего воздуха, но слишком скоро поняли, что за эту любовь приходится платить. В их случае использование в качестве объекта эмоциональной поддержки или товара между родителями, что порождало чувство унижения и развитие гордости как страсти.

Парадоксально, что на самом деле у этих вечных детей не было детства. Это была цена, которую они заплатили за то, чтобы продолжать получать восхищенную любовь своих родителей и сохранять свое место

¹ К. Наранхо, *Эннеаграмма общества*, Gateways Books and Tapes, Калифорния, 2004 г.

силы: удушающий трон, который позволял им быть видимыми, но оставлял мало места, чтобы просто быть детьми.

Такова и их жизнь: неустанная попытка вернуть себе то привилегированное место, которое могут иметь только дети. Стремление вернуть тот любящий взгляд одобрения и признания, который заставлял их чувствовать себя достойными любви. В конечном счете, это возвращение в потерянный рай.

И благодаря этим усилиям они научились блистать и искусству манипуляции, а также научились чередовать сладкие слова с более или менее тонким ядом, в зависимости от подтипа. Их развитая эмпатия — это компас, указывающий, что нужно другим. И, как заклинатели змей, они будут ослеплять своего нынешнего возлюбленного или человека, который им интересен, осыпая его лестью и благосклонностью, пока другой не подумает, что это привилегия иметь их в своей жизни. Именно этой преданностью питаются E2.

Начнем дифференциацию трех подтипов с таких показаний:

Мой образ жизни — результат того, что я слишком рано стал взрослым, потому что не мог позволить себе быть ребенком. Я думал, что, «вырастая», меня будут больше любить родители, которые хвалили меня за ответственность. Таким образом, я не позволяла себе жить теми чертами, которые у меня ассоциировались с детством (говорят, они от консервации E2): зависимостью, безответственностью, капризностью, даже нежностью. Они часть моей тени. Я отрицал их себе, пока не столкнулся с ними в терапевтическом процессе.

Хотя я считаю, что принадлежу к сексуальному подтипу, на следующем месте идет социальный. Социальные аспекты преобладали во мне в первой половине подросткового возраста, когда меня больше всего интересовала власть; Я всегда был лидером или начальником чего-либо. В соседской банде, в школьном оркестре, в патруле бойскаутов... Мне нравилось быть главным.

И так было до пробуждения полового инстинкта. Потом я перестал интересоваться амбициями, хотя и не совсем, и начал мечтать о романтической любви и искать для себя идеальную женщину.

ЛУИС ЭРНАНДЕС

Раннее чувство ответственности, как только что описано, может иметь основополагающее значение для формирования этого характера. Их грандиозность позволяет им подтвердить идею о том, что они особенные благодаря тому, что они дают, а не тому, кем они являются. С этой точки зрения они избегают контакта с чувством неполноценности, которое у них было с детства, и с необходимостью быть защищенными и направляемыми.

Консервация: любимец папы или мамы. Привилегия

**Если я нужен императору, пусть он мне заплатит,
ибо чести быть с ним одним недостаточно.**

ВА МОЦАРТ

Сохранение E2 было маминой или папиной прихотью, вечным ребенком, который продолжает искать благосклонности старших. Подобно тому, как император (социальный E2) является самым интеллектуальным, а король (сексуальный E2) самым эмоциональным, принц или принцесса являются наиболее активными (и зависимыми) из троих. Они используют свою хрупкость и капризность, чтобы завоевать фаворитизм. Они эгоистичны, капризны, нежны и игривы. В отличие от двух других подтипов, они манипулируют с более детской позиции, подобно тому, как это делает ребенок.

Сохранение E2 кажется оправданным. Они могут вести себя так, как будто они выше других, и ожидать преференциального отношения, даже быть наглыми в ожидании, что их побалуют, и закатывать истерику, если не получают того, чего хотят. Их логика такова: «Я много даю и делаю для других; вот почему я заслуживаю особого обращения». Словно бессознательно они подсчитывают, скольким пожертвовали ради друг друга. Они могут показаться дивами.

Что касается других, то они относятся к подтипу, наиболее склонному к истощению, игнорирующему собственные потребности. Они недостаточно отдыхают и не уделяют времени себе. Им нравится принимать

гостей и готовить, но, возможно, они не позволяют себе наслаждаться ужинами и вечеринками, которые устраивают. Они неосознанно желают, чтобы их потребности были удовлетворены, но редко просят о помощи открыто; вместо этого они ожидают, что другой угадает. Короче говоря, они склонны чувствовать себя мучениками и думать, что другой должен им за оказанные услуги.

Гордясь своими жертвами, их девиз: «У меня есть права (чтобы получить за них компенсацию)». В детстве они пришли к такому выводу: «Я самый важный». И с тех пор они сосредотачиваются на удовлетворении своих желаний, вкладывая в это все свои силы. Из трех подтипов они наиболее скупы на свои вещи и проявляют больше эгоизма.

Требование вознаграждения за многочисленные жертвы соседствует с избытком еды и лекарств для подавления агрессии. Отрицание проблем чередуется с жалобами: от «мне не нужна помощь» до «обо мне никто не заботится». Они часто прибегают к эмоциональным манипуляциям, обвиняя других в удовлетворении своих потребностей. (И когда они осмеливаются их высказать, то редко используют предлагаемые им ресурсы.)

В своем менее здоровом выражении консервативные Е2 демонстрируют сильное пренебрежение своим физическим «я». Распространены расстройства пищевого поведения, психосоматические синдромы и ипохондрические расстройства. В любом случае подавление эмоциональных потребностей или агрессивных чувств может привести к серьезным проблемам со здоровьем.

На самом деле Е2, как правило, мало заботятся о себе, поскольку их высокая самооценка заставляет их чувствовать себя неуязвимыми.

Социальное: Избран богами. Амбиция

**Я часто веду долгие разговоры один,
и я такой умный, что иногда не понимаю
одно слово того, что я говорю.
ОСКАР УАЙЛД**

Социальные Двойки характеризуются стремлением быть в центре всего и быть публично признанными людьми, заслуживающими внимания. Они напрямую ищут внимания и путают, что их принимают во внимание и любят. Они могут действовать провокационно или неприятно, чтобы их не игнорировали. Или они женятся на влиятельных людях и концентрируют свою энергию на целях пары, обучая своих детей преуспевать в этом мире. В этом персонаже часто встречаются образцовые матери и компетентные жены, напоминающие Е3 и Е1.

**Есть только одна вещь в жизни хуже, чем когда о ней говорят, и это то, что о ней не говорят.
ОСКАР УАЙЛД**

Социальный инстинкт Е2 выражен в девизе «Я со всеми дружу». Существует сильное желание, чтобы все люди в их социальной сфере ценили их. Им нравится знакомить людей и организовывать встречи дома. Они очень эффективны в обеспечении себя необходимыми и опытни в создании сетей; сегодня их можно назвать влиятельными лицами. Других удивляет то, как они относятся почти ко всем, от уборщиков до совершенно незнакомого менеджера, с привычной близостью, которая делает их заслуживающими доверия. Другой подходящий девиз для этого подтипа — «Информация — сила», и они усваивают его с детства.

Им нравится оказываться в центре внимания в социальной сфере, и они очень нуждаются в том, чтобы их помнили, боясь, что их проигнорируют или почувствуют себя исключенными. Они сближаются с ценными людьми в группе, становясь их незаменимой поддержкой. Если они чувствуют неуверенность в своей силе социального обаяния, они развивают новые навыки. Они пытаются произвести впечатление, давая советы, духовные, финансовые, медицинские... или упоминая важных людей, как если бы они знали их близко. Это доставляет им неприятности, поскольку желание дать знать, что они дружат с VIP-персонами, может привести к тому, что они будут неосторожны и раскроют секреты.

Социальные Двойки, более заикленные на своей структуре характера, могут расстраивать других из-за своей разбросанности, широкого круга контактов и ни на кого по-настоящему не обращающая внимания. Они патерналисты и любят оказывать услуги, но очень ясно дают понять другому человеку все, что они для него

сделали. — Что бы ты делал без меня? Это классический сообщник, который скрывает проступки важного человека, чтобы тот почувствовал себя в долгу.

Сексуальный: Избранный мужчиной или женщиной. Соблазнение

В Мадриде я никогда не выходил на улицу, потому что каждый раз, когда я появлялся у дверей «Ритца», легион джентльменов бросал свои плащи на пол, чтобы я мог идти дальше. лежал передо мной ковер, которому не было конца.
МАТА ХАРИ

Сексуальные Е2 колеблются между соблазнением и агрессивностью, сочетая в себе очарование и чувственность. Они являются наиболее явными, спонтанными и дикими из трех подтипов. Подобно тому, как социальные Е2 соблазняют с интеллектуальной точки зрения, а сохраняющие Е2 - с нежности, сексуальные делают это с плотской точки зрения. Они агрессивны, и если им чего-то хочется, они это берут, точно так же, как сексуальные Е4 или Е8.

Они явно ставят свое сочувствие на службу соблазнению, а не искреннему интересу к другому человеку. Они умеют плести паутину, из которой трудно вырваться, потому что они страстны, когда находятся в режиме завоевания. Это личности, которые знают, что они особенные, и хотят быть незабываемыми; их единственное желание — чтобы их снова обожали.

Их основной интерес состоит в том, чтобы найти романтический союз, слияние, и они путают быть желанными, в которых они являются искусными стратегами, с тем, чтобы их любили и ценили. Они могут быть расточительными и снисходительными родителями, или страстными и внимательными любовниками, или и тем, и другим.

Если они встречают сопротивление, они давят и провоцируют обезоружить возражения. Они также могут яростно обвинять, приближаясь к Е8. За их вспышками гнева скрывается меланхолическое стремление к полной и всеобъемлющей связи с другим, стремление, близкое к Е4.

Распространенные путаницы

Гордость больше связана с нашим мнением о себе; тщеславие, то, что мы хотим, чтобы о нас думали другие.
ДЖЕЙН ОСТИН,
Гордость и предубеждение

Социальный Е2 можно спутать с социальным Е3, и, хотя они и неуловимы, между ними есть решающие различия. Образ Тройки более хамелеоноичен; напротив, Двойка делает вид, что адаптируется как средство достижения своих целей. Тройка более изысканная и утонченная, а Двойка более яркая, с более индивидуальным стилем, который может быть несколько эксцентричным.

Е3 больше контролируют свои эмоции, особенно на публике, потому что они придают большее значение защите своего имиджа от вреда. Е2, напротив, в своем увеличении не видит последствий своей горячности и снисходительности. В случае конфликта Е3 сохранит видимость, чтобы не запятнать свой имидж. Е2, более контрфобный, страстно верит, что сможет убедить другого человека, и игнорирует сигналы, указывающие на опасность быть исключенными.

Оба конкурентоспособны. Е3 ищет признания своей хорошей работы и борется за то, чтобы ее ценили за это. Е2 «знает», что они лучшие, и хочет, чтобы им было предоставлено место, которого они заслуживают. Е3 испытывает тревогу и сомнения из-за страха не добиться успеха. Е2, однако, уверены, что добьются успеха: их безумная идея состоит в том, что им не нужно конкурировать, даже если они соревнуются всю свою жизнь, со своим отцом, матерью или братьями и сестрами, даже с позиции превосходства. .

Физические различия

В строении тела Е2 демонстрируют сочетание орального и ригидного характера с некоторыми мазохистскими компонентами в зависимости от подтипа. Их глаза большие и выразительные, во время разговора они жестикулируют.

В целом образ гордости представлен мягким и нежным выражением лица с приподнятым подбородком, обозначающим превосходство и надменность. Плечи, одинаково поднятые, стремятся набрать высоту. Исключением является подтип консервации, при котором они часто выдвигаются вперед, как бы закрывая грудь, из-за значительной оральной защиты. Фактически, именно они больше всего напоминают завистливого персонажа, а среди гордых подтипов они больше всего осознают свои недостатки и нужды.

Социальные Е2 являются наиболее статичными и жесткими в своем понимании важности. Мужчины физически крупные, а женщины кажутся больше, чем они есть на самом деле; их тон голоса твердый и немного глубокий.

Сексуальные Е2 более выразительны и улыбки; их тело извилистое, и все в них движется.

Что касается консервации Е2, то они имеют более округлое тело, напоминающее по своим чертам детское; их тон более спокойный и детский, чем у полового подтипа, более ускоренного и искрометного.

Страх, скрытый за страстью

При сохранении Е2 гордость не так заметна, как у других подтипов, и скрыта детским образом. Этот персонаж боится взросления.

Гордые относятся к *триаде образов* (Е2, Е3 и Е4), поэтому первобытный страх, даже до страха быть недостойным любви, не просматривается. Исчезновение из поля зрения другого, будь то для принцессы, королевы или императрицы, означает смерть. Как для музыканта или актера, для Е2 не существует «я» без «ты». В то же время их неотложная задача — увидеть другого человека, которого они рассматривают только по отношению к себе.

Страх перед сохранением Е2 заключается в том, чтобы стать беспомощными и неспособными удовлетворить свои основные потребности. Поэтому они закрепляются в своей самой детской части, ища зависимости и одобрения от кого-то, кто мог бы их защитить.

Сексуальные Е2 боятся оставаться в одиночестве, поэтому они становятся страстными, отдавая. Как и главная героиня книги *«Как быть еврейской матерью»*, бредовая метафора их желания отдать себя своим детям, но также и создания глубоких чувств долга и вины.

Социальному подтипу, чтобы чувствовать себя в безопасности, необходимо быть эталонным человеком в своем окружении, ради чего он отказывается от своих эмоций и посвящает себя собственным амбициям или делу.

Три матери разговаривают:

«Мой сын меня обожает», — говорит Е4. «Он только что дал мне билет на круиз на Аляску».

«Мой боготворит меня», — отвечает Е3. «На прошлой неделе он подарил мне квартиру в Майами, чтобы я провела целый год под солнцем».

«Ну, это еще ничего», — вмешивается Е2. «Мой ходит на терапию три раза в неделю и платит сто евро за сеанс. И о ком он все время говорит? Мне!»

Чтобы избежать их скрытого страха, сохранение Е2 отключается от их сексуальности и, таким образом, играет роль ребенка. Сексуальный Е2 отключается от своего интеллекта, чтобы реагировать на патриархальные модели завоевания. А социальный Е2 отключается от эмоций, чтобы не упускать из виду желанный объект, не чувствовать утомления и не думать о добровольном требовании, которому они подчиняются.

Любовь - это маяк...

Каждый персонаж придает жизни смысл и ценность. Для людей Е2 этим маяком и в то же время двигателем является любовь. Влюбленные в фантастический образ, который они себе создали, неудивительно, что они предлагают себя как неисчерпаемый источник удовольствия, благополучия или защиты... даже тем, кому это не интересно. Их цель — «вернуть» то, что они в детстве воспринимали как безусловную любовь. Все три

подтипа стремятся к интенсивному и неиссякаемому любовному контакту, чтобы заполнить пустоту, скрытую за детским эгоцентризмом, от которого они не могут полностью оторваться.

Сохранители Е2 испытывают это в отношениях, где они чувствуют себя избалованными и защищенными. Социальный Е2 чувствует это, когда его ценность признают, особенно со стороны тех, кого он считает авторитетами. И сексуальный Е2 обращается к эротизму, но всегда для того, чтобы подпитывать гордость быть желанной не какой-то любовью, а исключительной, уникальной, вечной любовью, способной заполнить экзистенциальную пустоту.

Говорят, что Двое не могут любить, потому что любят только себя. Правда в том, что они признают себя достойными любви только тогда, когда отдают, когда делают, когда помогают. Они не умеют любить себя такими, какие они есть, и ищут во взгляде другого знания о том, что они достойны любви. Они питают иррациональную идею, что, если они нужны, их будут любить. Итак, даже если они замаскированы под королей, они не более чем нищие, жаждущие любви, способные на все, включая манипуляции, самоэксплуатацию или жестокость, если необходимо, чтобы получить ее.

Принцесса, влюбленная в свой детский образ, ищет только расположения своего нынешнего покровителя. Королева идет дальше; влюбленная в любовь, она ищет преданности своих самых близких возлюбленных и друзей.

А самопровозглашенная императрица жаждет любви своей империи. Социальные Двойки не нашли своего места в семье относительно своих братьев и сестер. Отсюда их потребность всем угодить. Они как будто ищут в других «системах» то место, которое не смогли найти в своей; порадовать всю публику.

Мы чувствовали себя сиротами из-за родителей, братьев и сестер и постоянно жаждали этой эмоциональной связи. Чем больше, тем лучше...

МОНИКА АНГУЛО

Из трех типов любви ²все подтипы разделяют сострадательную и эротическую любовь. Они отличаются тем, что сохранение Е2 имеет более сострадательный компонент, например, мать; сексуальный Е2, более эротичный, как у ребенка; а социальный Е2, как и отец, вызывает больше восхищения.

Гордые устанавливают неравные властные отношения. Сексуальный Е2 – активный, предлагающий, мужской. Есть в консервации Е2 более пассивно-женское поведение. Они занимают «нижнюю» позицию, не предлагая так много, ожидая, пока им скажут, как поступать.

Они предлагают нежность, радость, невинность, приключение, которое может предложить только свежий и остроумный ребенок. Сексуальный Е2 предлагает страсть, огонь и интенсивность, как у подростка. А социальная Е2, более близкая к миру взрослых и с очень отцовской позиции, предлагает безопасность, достоинство, приют и даже спасение, если необходимо.

Девизом сексуального инстинкта Е2 может быть «жажда близости». Из всех типов эннеграммы они в наибольшей степени зависят от близости с другими людьми. Физически и эмоционально. Если социальный Е2 хочет дружить со всеми, то сексуальный Е2 хочет быть лучшим другом одного человека. Они сосредотачивают внимание на нескольких людях и любят считать себя другом номер один для своих друзей, самым близким доверенным лицом. Им нравится проводить время вместе, делиться секретами, говорить об отношениях и быть в курсе любимых тем другого человека.

...и соблазнение, корабль

**Мы соблазняем ложью и притворяемся
что они любят нас такими, какие мы есть.
ПОЛ ДЖЕРАЛДИ**

Соблазнение – это нечто естественное для всех гордых личностей. Они делают это, даже не осознавая этого, без меры и ни малейшей угрызений совести и не принимая на себя ответственности за последствия, которые

² См. К. Наранхо, *Очерки психологии эннеатипов*, Ediciones La Llave, Барселона, 2017 г. [перевод на английский язык пока нет]

это может вызвать. Три подтипа тайно презируют людей, поддавшихся их соблазну. На самом деле им нравится манипулировать и унижать своих «ухажеров».

Слово «соблазнитель» обычно ассоциируется со вторым типом, но особенно оно применимо к сексуальному типу E2. Все девять типов умеют соблазнять, каждый по-своему, но сексуальный E2 соблазняет, уделяя много внимания другому человеку, всегда готов выслушать его проблемы. Частью картины также может быть высокая доступность секса.

Они сосредотачивают свою страсть на акте завоевания и на самом эротизме. Если они вдруг усомнятся в своей способности очаровывать, личности этого подтипа начинают осажать другого человека, охваченный страхом оказаться нежеланными. Они вряд ли примут ответ «нет».

Если социальные E2 любят расширять круг друзей, то сексуальные E2 предпочитают иметь друзей только для себя, становясь чрезвычайно ревнивыми и собственническими. Они наблюдают за другим человеком, если боятся потерять его из виду или оказаться вне досягаемости, маниакально контролируют его и не способны принять негативную реакцию, даже прибегая к ловушкам или мучая объект своей романтической одержимости. .

Если сексуальные E2 привлекают всей своей сексуальной энергией, каждой частью своего существа, то консервативные E2 соблазняют кажущейся невинностью, своей наивностью, своим невежеством и неопытностью. Нельзя не защитить кого-то такого нежного и беспомощного, пробуждающего материнские и отцовские инстинкты. Они дают себе меньше свободы выбора и вступают в отношения, в которых отсутствует эротическая любовь.

Сохранение E2 использует соблазнение, чтобы получить привилегию. Конечно, они хотят быть желанными, но «по-другому». Они продают себя не как эротический объект, а как омолаживающую таблетку, обещая: «Со мной тебе никогда не будет скучно». Взамен они получают вечный титул «принцессы дома» или «зеницы маминого ока».

Социальный E2 активен в завоевании, но менее страстен, чем сексуальный подтип, поскольку их цель не столько в том, чтобы желать, сколько в получении власти посредством своих романтических отношений.

Их соблазнение направлено на группу, хотя на самом деле им нужна близость, и с интеллектуальной точки зрения они пытаются воспроизвести позицию власти, которую они имели в детстве. Для этого они предлагают защиту, контакты, советы... занимая позицию превосходства.

Я помню, когда я начал заниматься геитальтом и SAT, и они говорили со мной о моем соблазнении. Я нигде этого не видел; Я не понимал, что видели другие. Со временем и большей осознанностью я ясно вижу свой способ соблазнения: всегда присутствует очень женская роль и, прежде всего, забота, помощь, совет и спасение другого. Речь идет о стремлении быть очень нужным и ценным как кто-то действительно особенный.

МОНИКА АНГУЛО

Итак, сохранение соблазняет получать, сексуальность - делиться, а общение - отдавать.

Недостаток и переизбыток

Второй тип – один из самых нарциссических персонажей. Своими фантазиями о личной значимости они выстроили представление о себе как об особенных людях, за которым на самом деле скрывается полная неуверенность в собственной значимости. Чрезмерно завышенная самооценка прикрывает другую обесцененную, которая, если выйдет на поверхность, вызывает невыносимый стыд, способный привести к отчаянию.

E2 не показывает их недостатков. Это означало бы показаться уязвимым, то есть слабым, неполноценным, бесполезным в глазах других: прямой путь к неприятию и отказу. Чтобы замаскировать свою человечность, они представляют себя миру гордыми и с особым блеском. Подобно искусному актеру, они прибегают к механизму подавления, с помощью которого маскируют любую потребность или эмоцию, которые могли бы связать их с внутренним ощущением обмана и недостатка.

Эти три подтипа подавляют, прежде всего, зависть. Больше всего с ним контактирует консерватор E2. Чтобы скрыть это, Двойка становится завидной и, кажется, предлагает щедрость, обернутую оптимизмом, явно не прося ничего взамен. Таким образом, их гордыня питается чувством превосходства (лучше было бы назвать его *неуязвимостью*), которое позволяет им лишь косвенно выражать свои слабости, через манипуляцию, капризы, замаскированное презрение или враждебный гнев.

Щедрость E2 не очень аутентична, потому что они больше, чем раздача, лстят очаровывать. Они во многом зависят от восхищения, которое вызывают, становясь очень внимательными к тому, что дают, и пренебрегая тем, что получают. Следовательно, они не очень склонны к благодарности.

Сексуальные и социальные E2 кажутся настолько полноценными и удачливыми, что кажутся невосприимчивыми даже к болезни или смерти. Карен Хорни говорит, говоря о невротической гордости:

Они избегают любых мыслей, которые могут повредить их гордости. Самым ярким примером является избегание мыслей о смерти, потому что мысль о старении или смерти, как и любой другой смертный, для них невыносима. «Дориан Грей» Оскара Уайльда [социальный E2] — это художественное воплощение гордости вечной молодости.

«Я был очень удивлен, когда понял, что старею; у кого-то вроде меня не должно быть срока годности», — добавляет женщина этого подтипа Ана База.

Сохранение E2, с другой стороны, требует, чтобы люди приходили и видели их, баловали их; появляется страх остаться один на один со своей болезнью. Они больше связаны с недостатком, чем другие подтипы. Этот взрослый человек, выходящий в мир в детстве, чувствует себя менее способным, более неуверенным, легче обесценивает себя и показывает себя более нуждающимся. Они выражают свои потребности более открыто, позволяя себе требовать и протестовать больше, чем сексуальные и социальные E2, которые более самоотверженны и сопротивляются.

Когда они что-то получают, первое, что приходит на ум сторонникам сохранения E2, — это то, что это незаслуженно. Их объединяет с E4 и ненасытность: за одной прихотью следует другая, и еще...; как если бы существовала куча невыполненных желаний, ожидающих возможности быть удовлетворенными. А то, чего у них нет и чего они не знают, они могут показать как нечто «смешное»: «Ну, я ничего не знаю». «Понятия не имею... и мне это не интересно».

Гордый чувствует себя на ступень выше других, убежденный в своей важности для другого; и они, в то же время, самодостаточны. Сексуальные особи в изобилии. У них нет недостатка ни в чем; на самом деле, у них есть все, что нужно другому человеку, как у *матери* с большой грудью, полной молока, которая накормит всех нас и удержит в ловушке. Как мог такой полный, замечательный и особенный человек нуждаться в чем-либо или в ком-то? Соблазняет тот, у кого есть, а не тот, кто нуждается, и они не позволяют себе показать трещину в этом так хорошо сложенном образе изобилия.

Сексуальный E2 стремится стать кем-то в своей личной жизни. Они смягчают свои страдания, будучи незаменимыми. Их чувство значимости подпитывается удовольствием, которое они доставляют. Завоеватель и *роковая женщина* — персонажи страсти к завоеванию, выходящей за рамки влюбленности; их волнует то, что они необходимы для объекта желания.

Сексуальный E2 очень хорошо прикрывает свои страдания соблазнением. В интеллектуальном плане, чтобы приспособиться к желаниям другого, они могут проявлять к чему-то интерес, но всегда поверхностно. Они вызывают много зависти, потому что, кажется, достигают всего, что намеревались сделать... Но они также терпят неудачу. Теперь это прикрито их фантазией или рассеянностью, так что другие могут видеть только светлую сторону фасада.

Социальный E2, наконец, представляет собой подтип, который устанавливает наименьший контакт с нехваткой. Они обезболивают себя, бросаясь в действие. Как и у E7, у них плотная повестка дня, полная мероприятий, что заставляет их чувствовать себя незаменимыми. Как и другие подтипы, они находят убежище в фантазиях; в их случае — путем составления планов, координации проектов или установления контактов.

Им нравится чувствовать себя директором восьмидесятилетнего цирка. Для социального E2 решение проблем придает смысл их жизни и позволяет им отключиться от своих потребностей. Бешеный темп, которому они подчиняются, держит под контролем чувство неполноценности, и если по какой-то причине они заболевают или терпят неудачу, они запираются дома, пока буря не пройдет, и почти никто не знает об их ситуации.

Стратегии самоутверждения этого эннеатипа являются компенсаторной защитой глубоко поврежденной самооценки. Кажущаяся грандиозность Е2 разъедается в основе постоянными чувствами унижения, неполноценности, вины, неадекватности и отсутствия аутентичности.

Е2 питает глубокое убеждение в радикальной бесполезности, и именно это запускает компенсаторный импульс гордости, подавляющий зависть. Чтобы поддерживать хрупкий каркас гордости, они должны действовать так, чтобы получать постоянное удовлетворение. Сексуальный подтип встречается преимущественно в романтических отношениях. Социальный подтип добивается своих триумфов и в других сферах.

Вот свидетельство:

Мне приснился очень яркий сон: я был в школьном писсуаре, я был сумасшедшим ребенком, который бежал и бежал, не в силах перестать плакать и двигаться. Меня переполняла ярость, ненависть, и чувство глубокого унижения охватило мое тело. Я ощущал это как невыносимую боль, которая заставляла меня бесконтрольно двигаться в поисках выхода в никуда. Я кричала о мести, но моя взрослая личность не могла найти способа ее утешить.

Этот сон отражает насилие и последующую невыявленную детскую депрессию, от которой я страдал в школе в раннем возрасте: меня заставляли есть собственную рвоту на глазах у других одноклассников. Это повторялось годами и в конечном итоге лишило меня базового чувства собственного достоинства. Это создало во мне дыру, которую я мог компенсировать только поиском признания в спортивных успехах и поиском идеальной любви, чтобы заполнить эту пустоту. Я смог направить большую часть гнева через усталость и борьбу, которые стали многими достигнутыми успехами.

В подростковом возрасте я столкнулся с парадоксальной ситуацией, которую смог понять лишь годы спустя, в контексте моего терапевтического процесса. Я достиг спортивной цели, к которой стремился годами: чемпионат страны и рекорд. И в тот же день, который должен был стать особенным моментом праздника и радости, превратился в бездонный колодезь печали и разочарования. Позже я понял, что главное разочарование заключалось в том, что моя эмоциональная ситуация не изменилась. Я не чувствовал себя более любимым, хотя меня и поздравляли; Я не чувствовал себя более ценным, хотя и более известным. Бессознательные ожидания заключались в том, что моему миру неуверенности, неполноценности и отсутствия уважения придет конец, но все было не так.

ТОНИ АГИЛАР

Фантазия. Лучшие мечтать

Лучше всего Е2 процветает в мечтах. Фантазия — это стратегия, используемая всеми тремя подтипами как убежище от боли и разочарования. С детства им необходимо было вырваться из беспорядочного эмоционального мира, которому никто не помог структурировать и не найти выхода. Они научились создавать реальность по своему вкусу, более привлекательную, чем та, что за дверью или даже в собственном доме, и развивают в себе замечательную способность отключаться. Окрашивание любой неудачи или потери как незначительное часто приводит к более или менее скрытой депрессии.

Принцесса воображает, что все королевство осознало, насколько она уникальна и прекрасна, в сказке, где сбываются все ее желания. Королева мечтает быть возвышенной возлюбленной, матерью, дочерью и компаньонкой, которой будут безоговорочно поклоняться. А императрица наслаждается сознанием своего великодушия и мечтает о великих произведениях, которым будут аплодировать ее творчеству.

Эмоционализация. «Я чувствую, следовательно, существую»

Эмоционализация, как противоположность интеллектуализации, свойственна гордым. Они «в трансе», полагая, что подлинными являются только сильные чувства. Поскольку «жизнь — это эмоции», им нравится

привносить эмоции во все. Они заменяют слово «думать» на «чувствовать», как будто это делает его более реальным (то, что человек думает, можно оспорить, а то, что он чувствует, — нет).

Тогда важны только эмоции. Вина не имеет большого значения. Они почти не испытывают этого. В лучшем случае нарциссический стыд: «Как мог кто-то вроде меня...»

Но все три подтипа отрицают свои чувства, обвиняют других в своем дискомфорте и прячутся, когда чувствуют себя уязвимыми. С защитниками природы Е2 нелегко понять, что происходит, потому что они живут на поверхности своего эмоционального мира, в постоянном отрицании боли и агрессии. Они наиболее плаксивы, но меньше позволяют себе проявлять гнев, а когда он и выходит наружу, то в виде жалоб, раздражительности и истерик. Хотя они очень чувствительны, им трудно справиться с внешней агрессией; их реакции замедлены.

Сексуальные и социальные Е2 действительно имеют более прямой контакт с гневом, будучи способными инсценировать непропорциональные и стопроцентно манипулятивные трагикомические ситуации.

Я называю это «водевиль». Жизнь — это театр, игра, где почти нет границ и где эмоции, если они не интенсивны и не драматизированы, не кажутся подлинными; их просто нет. Эта трата энергии и нечестность изнашивают отношения с другим человеком.

АНА БАЗА

Сексуальный Е2 — самый театральный и напряженный. Они позволяют себе злиться и быстро реагируют на внешнюю агрессию. Социальная Е2 более жесткая и жесткая. Они сохраняют внешний вид больше, чем сексуальный подтип, особенно на публике, и когда они, наконец, взрываются, именно позиция власти обеспечивает их успех. Тогда они могут показаться ироничными, жестокими или безжалостными по отношению к себе и другим.

Я чувствую, что у меня сильная мазохистская защита. Я глотаю и терплю, говоря себе что-то, чтобы не чувствовать то, что болезненно и с чем трудно столкнуться, пока, наконец, не соединяюсь с этим гневом и не взрываюсь, и отсюда он становится непропорциональным и чрезмерным. Настолько, что мне может быть очень обидно и вообще не видеть другого человека.

Потом мне становится стыдно за такую реакцию... и я начинаю страдать из-за образа, который создаю. (Большая разница с Е8 именно в этом: Е8 не сожалеют об этом и не чувствуют внутреннего осуждения себя.)

В споре со своим партнером, после того как я многое пережил, я резко критиковал его, пока он не заплакал из-за того, как сильно я его обидел. И я этого даже не осознавал! Когда он плакал, если бы я в это ввязалась... «Ух, может быть, я зашла слишком далеко...» Нагоняй был, как у матери, ругающей своего ребенка за то, что он не сделал хорошо.

МОНИКА АНГУЛО

Социальная Е2 — самая интеллектуальная из гордых. Чтобы выйти в мир и добиться успеха, стать лидером, им необходимо использовать свой ум для организации, создания стратегий и принятия решений, отбросив в сторону эмоциональную прохладу. Они сдерживают свои эмоции больше, чем представители других подтипов.

С другой стороны, сексуальный подтип Е2 является наиболее явно антиинтеллектуальным подтипом. В их жизни нет места рассуждениям. Они покончили с интеллектуальным; они даже презирают это, так как их чувства важнее всего. Они бегут от рассуждений и здоровой логики. Они самые импульсивные, провокационные и дикие. Им необходимо чувствовать себя свободными, они не терпят ограничений и любят грехи. В этом, как и в поиске интенсивности, они очень близки к Е8, даже становясь деструктивными или саморазрушительными.

Сохранение Е2 может быть более интеллектуальным, чем сексуальным, если они думают, что оно принесет им обаяния и внимание или гарантирует защиту любимого человека. Кроме того, в своем стремлении казаться независимыми им необходимо развивать свой интеллект. Но они не достигают уровня социального Е2.

От зависимости...

Все Е2 эмоционально зависимы, каждый со своим камуфляжем. Сохранение Е2 является наиболее зависимым, хотя они считают, что это не так, и демонстрируют миру образ самодостаточности. Многие дистанцируются от своей семьи, полагая, что расстояние уменьшит зависимость, но обычно это не работает. На самом деле, они не знают, как поддерживать отношения, не впадая в зависимость, и именно поэтому им так трудно создать свою собственную семью и взять на себя обязательства. Это отличает их от сексуальных и социальных Е2, которые меньше боятся партнерства и расставания.

С сексуальным Е2 все по-другому. Они проживают каждый роман так, как если бы он был единственным и окончательным. В любом случае, их любовь и чувство любви – это то, от чего они зависят.

Социальные Е2, напротив, нетерпимы к любым ограничениям, как своим, так и чужим, и действуют из контрзависимости, поскольку любовь их не слишком интересует.

...через ответственность...

Ни один из трех подтипов не привлекают обыденные дела или рутина, а повседневные обязанности утомляют их. Каждый по-своему стремится сделать жизнь более насыщенной, яркой и своеобразной.

Сохранение Е2 из-за своей привязанности к ребячеству является наименее ответственным из трех. В детстве они были достаточно защищены. Когда их о чем-то просят, они склонны думать: «Я не могу», «Я не знаю, как это сделать», «Я слишком занят» или «Я утомлен». Вместо этого они переполнены энергией для приятных дел.

Сексуальные Е2, напротив, с их изобилием лучше продают свою способность брать на себя ответственность и демонстрируют большую готовность заботиться о других и жертвовать ими.

Благодаря своему стремлению к власти и управлению группами социальные Е2 являются наиболее ответственными и трудолюбивыми, берущими на себя высокую ответственность в различных сферах своей жизни. Для этого им нужно быть чрезвычайно требовательными, жесткими и контролирующими.

Даже будучи разлученными, я поймала себя на том, что контролирую, как мой бывший делал или не делал что-то с нашим сыном. Пока я не осознал, что это нанесло вред не только моему бывшему партнеру как мужчине, которым он является, но и моему сыну из-за модели мужчины, с которой он мог вырасти, и его трудностей с тем, чтобы стать независимым мужчиной, не зависящим от мамы.

МОНИКА АНГУЛО

...к свободе

Еще одна черта, которая характеризует гордых, лишенных ограничений и склонных к излишествам, — это их любовь к свободе. Чего они действительно жаждут, так это быть довольными. То есть делать то, что хотят, когда хотят, с кем хотят и как хотят. Они называют это свободой.

Сохранение Е2 способно отказаться от свободы в обмен на привязанность и защиту. Социальный Е2 покупает это, будучи кем-то важным и благодаря статусу, который они приобретают, хотя они зависят от своего группового имиджа. Те, кто заявляет о своей свободе и использует ее более интенсивно, провокационно и бунтарски, относятся к сексуальным Е2.

Вседозволенность

Все три подтипа имеют жесткий характер и, в своей полярности, снисходительны и снисходительны к своим ошибкам или забывчивости. Социальный Е2 снисходителен к ошибкам других, но только в качестве манипулятивной стратегии. А сами по себе могут пройти путь от завышенной требовательности до полного неосознания своей ответственности.

Я могу перейти от лишней работы и стресса к четкому: «Я останавлиюсь и ничего не буду делать...», потому что мне это нужно. Все очень поляризованы. Хотя остановиться явно сложнее.

МОНИКА АНГУЛО

Сохранение E2 очень гибко в их повседневной жизни. Их не волнует, где они оставляют свои вещи на кухне, и они терпят, когда их кто-то перемещает, поскольку они очень ценят свободу других. Они пытаются заставить других делать то, что они хотят, своей детской соблазнительностью, нежностью и послушностью, но им необходимо обеспечить одобрение; то есть они хотят того же, чего хочет и другой, и они очень расстраиваются, если другой человек хмурится на них.

Сексуальный E2 самый снисходительный, но также и тот, кто может быстро переключиться на требование и просьбу о больших жертвах, чтобы другой человек показал свою безоговорочную поддержку.

Делать, чтобы быть

Все три подтипа характеризуются динамичностью. Сохраняющий E2 — это тот, кто больше всего сосредотачивается на служении другим, пренебрегая заботой о себе. Они также меньше всего концентрируют свою деятельность. Они могут знать, куда хотели бы пойти, но по пути отвлекаются.

Сексуальные E2 являются наиболее эмоциональными среди эмоциональных типов, и, хотя они кажутся электрическими, они двигаются только тогда, когда перед ними стоит ясная цель, поскольку сильная эмоциональность, которой они все наполняют, утомляет их. На работе они делают вид, что заняты, но сосредотачиваются на том, что им нравится, теряются в деталях, а внешний вид важнее содержания.

Социальная группа E2 является наиболее дисциплинированной, но порой непоследовательной. Они используют свой разум, чтобы обнаружить возможности и быстро извлечь из них выгоду. Жаль, что они не могут сделать все, что берут на себя.

Каждый из подтипов запутывается в разном уровне действий, к которым им необходимо быть внимательными. Защитник природы E2, который является самым робким, должен быть уверен, что получит привилегированное место. В противном случае они парализованы и ждут приказов или разрешения. Безудержный сексуальный E2 действует, не задумываясь о последствиях ни для себя, ни для других.

И социальные E2, планируя в своей грандиозной фантазии, способны на большее.

Я постоянно обнаруживал, что берусь за встречи, проекты, мероприятия, которые позже не реализовал. Это вызвало болезненную обратную связь со стороны друзей. Из-за импульсивности, энтузиазма и веры в то, что я могу все, я совершаю ошибки, и цена, которую я плачу, высока.

МОНИКА АНГУЛО

Амбиция

Сохранение E2 ищет власти через других, то есть они используют свои усилия для завоевания фигуры власти, а не стремятся достичь власти сами. Это отличает их от более холодных и сильных социальных групп E2.

Защитник природы E2 прежде всего предпочитает обеспечить комфортную и приятную жизнь и избегает усилий, которые могут быть связаны с наличием большой власти или очень важной значимостью. Однако амбиции остаются, принимая форму требований, особенно по отношению к другим. Их процесс всегда должен идти вверх, а если нет, то они позволяют фантазии заставить их так думать.

Материнство

Сексуальные E2 являются наиболее материнскими. Они склонны вступать в отношения, полные безумия, вседозволенности и импульсивности, больше сосредоточены на своих завоеваниях, чем на своих детях, но при этом проявляют щедрость.

Консервация E2 больше похожа на игривую мать. Ее можно рассматривать как друга, и ей трудно видеть себя взрослой матерью. Она много отдает, но ожидает еще большего (признания и любви). Она переживает из-за того, что по мере того, как ее дети растут, она теряет свое значение.

Социальный E2 выглядит старше и зрелее. Она поддерживает перед своими детьми образ всемогущества, чтобы они зависели от нее и сильнее нуждались в ее присутствии. Она мать, которая хвастается, которая «отдает миру».

КНИГА ПЕРВАЯ: КОНСЕРВАЦИОННЫЙ ПОДТИП

I. Страсть в сфере инстинктов: Как гордость действует на сохранение

от Кати Пресиадо

Страсть гордыни кажется очевидной, когда представляешь себе человека, который чувствует, что у него много собственных ресурсов, который не нуждается в других и готов предложить все, что у него есть. Но в сфере инстинкта самосохранения эти черты выступают даже вопреки тому, что называется гордостью и высокомерием.

Доктор Клаудио Наранхо неоднократно упоминал, что среди трех подтипов каждого персонажа есть один, который кажется противоположным — «контртип», где поведение, чувства, убеждения и отношения кажутся антитезой страсти этого эннеатипа. Однако в основе мы находим основу характера: страсть чувствовать себя полноценным и превосходящим, не показывая недостатков и не выражая их.

Сохранение E2 считает, что существования достаточно, чтобы дать ему право на привязанность; что ему не нужно ничего делать, чтобы получить заботу и любовь. В основе этого лежит убеждение, что он не может быть один, что ему нужен другой, на которого он проецирует свою гордость и достоинство.

Гордость за сохранение E2 не всегда очевидна для окружающих. Его даже можно спутать с другими эннеатипами, которые кажутся более нуждающимися или более прилежными. В зависимости от возраста человека, его семейного стиля и культуры он будет строить свои стратегии отношений, чтобы сохранить свои привилегии. И чтобы не пришлось самоопределяться и показывать миру свою индивидуальность, он будет сохранять позицию низкого риска.

Она - человек, который с юных лет достигает главного героя среди своих близких, создает эмоциональные связи и становится незаменимым, предлагая радость, привязанность и жизненную силу. Таким образом, ей не нужно заботиться о себе: она гарантирует постоянную зависимость от других, что обеспечивает удовлетворение ее основных потребностей, связанных с выживанием.

Замалчивание собственных потребностей и ожидание, пока их «угадают и интуитивно поймут», становится требованием, которое никогда не будет удовлетворено. Эта поза, однако, дает ей компенсационные «привилегии» за отсутствие контакта со своими потребностями: восполнить свои недостатки и не брать на себя ответственность за свою жизнь.

Сохранение E2, кажется, удовлетворяет все его вкусы, он всегда старается убедиться, что у него нет недостатка: кто-то будет обеспечивать его, кто-то будет заботиться о нем, кто-то будет защищать его, кто-то будет отвечать за него, кто-то будет решать его маленькие и большие проблемы. Однако, когда мы идем глубже, мы обнаруживаем очень бедное существование с точки зрения идентичности и способности принимать решения самостоятельно, что отражается в страхе, сознательном или бессознательном, жить без ресурсов.

Его стратегии взаимоотношений, обычно бессознательные, служат только хозяину момента, которым может быть его отец, его мать, его партнер, его друзья или его дети. Все они служат страсти сохранения E2, которая состоит в том, чтобы сохранить себя, не оставаться одиноким, не страдать снова от детской раны чувства одиночества, отвержения и отсутствия любви; хотя он не осознает этого страха.

На первый взгляд неочевидна несамостоятельность того, кто, казалось бы, ни в чем не нуждается и одним лишь взглядом получает обильную привязанность от окружающих. Вопреки тому, что она показывает, под ней сплетена сеть действий, указывающих на очень сильный контроль над тем, кто оказывает ей любовь, чтобы она никогда не испытывала недостатка в любви или заботе. За фасадом спонтанности бессознательное усилие должно оставаться неотразимым, ибо кто не обратит внимание на такого нежного человека, предлагающего «безусловную» любовь и преданность?

Ее гордость состоит в том, чтобы знать, как позаботиться о своем маленьком запасе силы, привязанности и любви, а также знать, как избегать конфликтов и отвержения.

Женщина вызывает первоначальное замешательство при распознавании своего энеатипа:

Я начал в Прото³, поставив себя в число Двойок; также по предложению моего терапевта. Но я не отождествлял себя с их властью и манипуляциями. Я нашел их властными и дерзкими, качества, которые никогда не проявлялись в моем характере, который, кстати, довольно репрессивный. Я был мягок, не обнаруживал во мне высокомерной гордыни.

Я осмотрелся и выбрал более мягкие и спокойные ЕЗ. Когда я отказался от бумаги и ручки, мне предложили записать основные черты этого характера. Я растерялся, но лучше было быть спокойным, чем расстраиваться из-за этих суровых, блестящих гордецов. Мне легче расположиться в комфорте и хорошем месте.

Мне трудно открыть глаза, когда дело доходит до того, чтобы заглянуть внутрь. Мне приходится приложить усилие, да и то кратковременное; сила привычки заставляет меня ходить по поверхности, двигаться и получать удовольствие.

АНАБЕЛЬ ДЕ ПАБЛО

Показания заканчиваются тем, что она «ходит по поверхности, двигается и веселится». Сохранение Е2 отдает приоритет удовольствию, а не беспокойству. Жизненные трудности делают его раздражительным, и здесь гордость становится более очевидной. Он подобен ребенку, который плачет, когда не получает внимания матери, как бы выражая: «Кто смеет пренебрегать мной, столь незаменимым?»

Здесь постоянно поддерживается комфорт и безопасность. Ограничения, правила и обязательства отвергаются. Не открыто и не всегда; он может играть послушно или подчиняться, пока есть награда: привилегия достичь того, что у него между бровей. (Даже в этом случае ему всегда будет трудно выполнить то, что он обещал).

Эта история иллюстрирует это:

Когда мне было девять лет, у меня начались серьезные проблемы в отношениях в школе, и мне было трудно вставать по утрам. Когда я проснулся, мне уже хотелось, чтобы наступила ночь, чтобы я мог заползти обратно в постель, обратно в свое гнездо.

Пойти в школу означало столкнуться с реальностью. У группы были свои правила; были люди, которые следовали им в буквальном смысле, и другие, которые отвергали их как нечто само собой разумеющееся. Был лидер; многие девушки без вопросов последовали за ней. Я был против лидера, но у меня не было ни армии, ни смелости, чтобы открыто противостоять ей.

Я могла убедить других девочек, но не всю группу; Я не понимал своего места в нем: иногда к одним я подходил очень близко, а потом отдалялся, а к совсем другим подходил совсем близко.

Я заползал в кровать, прикрывал голову и сползал к изножью кровати, съевшись, как улитка в панцире. Это было чувство безопасности: никто не мог меня там обидеть, никто не мог меня увидеть. Это удовольствие длилось всего несколько секунд; Мне не хватало кислорода, и мне пришлось выйти на улицу, чтобы подышать. Затем я почувствовал разочарование; как будто мое желание никогда не могло быть удовлетворено.

Примерно в одиннадцать или двенадцать лет сексуальный инстинкт начал пробуждаться, но с сильным подавлением. Я еще одевалась как девочка, была очень неразвита и поэтому не могла

³ «Прото» — короткое название, данное Мастерской по введению в психологию энеатипов, отсылающее к протоанализу Оскара Ичазо.

претендовать на сексуальное завоевание кого-либо. Я искал способы поделиться этой энергией со своими самыми близкими друзьями, но боялся ее и начал пробовать мастурбацию как способ направить ее. У меня также были танцы, и с помощью танца я мог снять это напряжение.

Я чувствовала себя внутренне очень хрупкой как перед сексом, так и перед социальными отношениями. Мне было легче оставаться ребенком, так как я мог получить то, что хотел, одновременно предупреждая других, чтобы они относились ко мне бережно. С места ребенка я мог получить доступ к сексу, но более спокойно и контролируемо. В детстве я всегда находил отцов и матерей, которые попадались на мое обольщение и поддерживали меня. Из этого места я также мог получить доступ к власти, наслаждаясь ее привилегиями без обязательств и ответственности.

АНА ФАКОДА

Этот недостаток обязательств и ответственности является симптомом того, что нам трудно вести полноценную жизнь как таковую. Признаки страха повторения конфликта в жизни человека, который не смог признать свои ограничения и возможности. Сохранение проявляется, как и в этом свидетельстве, как «пребывание в гнезде». Как птенец, который не хочет рисковать начать летать и стрекотать мать, чтобы она продолжала кормиться и получать тепло. Конечно, в мире птиц птенец, который не может постоять за себя, в конечном итоге умирает, потому что выпадает из естественного цикла жизни.

Сохранение также появляется в «Два» как стремление избежать отвержения. Он даже не замечает этого из-за своего защитного механизма — *отрицания*. Эта паника неприятия прикрывается компенсацией притворства, что другой, тот, который ему нужен, не так уж и важен. Но признание этой необходимости ставит под угрозу все его основы.

Избегая отвержения, человек избегает видеть себя и свои отношения; он избегает подвергать сомнению веру в то, что его не выгонят из гнезда, из группы, из отношений; Короче говоря, он избегает расследования своих истинных мотивов и страхов.

Свидетельство об этом страшном отказе:

Гордость была способом бегства от неприятия, замены одного человека другим, одного чувства другим... Когда мне было десять лет, ко мне на день рождения пришел мальчик, который нравился всем девочкам в школе. У меня не было выбора, потому что я не чувствовала себя красивой, но поскольку сдача не принесет мне никакой славы, когда он прибыл, я побежала за ним, чтобы заставить его влюбиться. Чем больше я бежал за ним, тем больше он убегал. Все это казалось игрой, но мне не хотелось осознавать, что завоевание идет не в ту сторону.

Я думал, что это принесет мне удовлетворение, если я попробую. Это не так. Но я нашел способ избежать разочарования: я убедил себя, что если я не победил его, то это потому, что я попробовал неправильно. Я спрятался от того, что чувствовал; это не меня он отвергал. В конце вечеринки, на романтических танцах, он был с кем-то другим, и мне это не понравилось, но я тоже была с кем-то другим. Я сделал вид, что это тот, кто мне нравится. Я показал остальным, что у меня есть партнер. Хотя я тоже помню, как меня отталкивал тот парень, который был со мной.

АНОНИМНО

Эта же женщина объясняет, как в ней развилось это избегание отвержения:

С годами это стало немного более тонким, как будто я посвятил себя добросовестной подготовке к победе в состязании и в то же время занял позицию самосаботажа, потому что не думаю, что смогу.

Меня также охватывает чувство фальши, что намерение достичь того, чего я намереваюсь достичь, не совсем реально, как способ защиты для уменьшения воздействия в случае, если я не добьюсь цели. Как будто это было важнее, чем «достижение цели». Если результат провальный, то это было не так уж и плохо, потому что я получил от этого удовольствие.

И как мне инфантилизировать себя во взрослом возрасте? Когда мне приходится просить кого-то о чем-то, что для меня трудно, я теряю сознание, моя настойчивость покидает меня, и я чувствую, что, просто попросив, я могу быть отвергнут. Затем я иду и спрашиваю, оторванный от

своей потребности, бесчувственный, полагая, что это будет иметь меньший эффект, если я получу отказ. Моя речь оказывается пустой. У некоторых людей такая речь без полноты выражения приводит меня в истерику, потому что я не получаю того внимания, которое заставляет меня чувствовать себя достойным.

АНОНИМНО

Это неприятие разочарований, возникающих во взрослом возрасте, который должен научиться жить своими собственными ресурсами, закрепляется в подростковом возрасте и на взрослой стадии становится образом жизни, стилем интерпретации реальности и настройки на чувства другого человека. другие, чтобы приспособить их к сочувствию, привязанности, нежности.

Хотя кажется, что о сохранении E2 позаботились, им нужен кто-то, кто позаботится о них, обеспечит то, чего в своем комфорте они не могут достичь сами. Забота и защита становятся страстью, которой они в конечном итоге оказываются поработанными.

Человек-двойка-сохранитель должен поддерживать свой статус недееспособного, беспомощного и нежного. Он защищает свои страхи, потому что без них ему пришлось бы столкнуться с тем, как он атрофировал себя, чтобы избежать развития. E2 живет стремлением к свободе, а человек-природоохранитель живет фантазией о том, что, когда он обретет экономическую и физическую автономию, он будет свободен, свободен от требований других. Но взять на себя ответственность, принимать решения и столкнуться с одиночеством ему не по силам; и если он не научится прикасаться к своим потребностям и познавать себя, он наполняется страхом, который прикрывает чрезмерной яростью на других за то, что они не понимают его и не заботятся о нем.

Чтобы не столкнуться с суровой реальностью, он запускает процесс идеализации себя и других, что также мешает ему расти. Он идеализирует, чтобы зависеть и оставаться внизу. Он культивирует неполноценность, не высказывая своего мнения и не предлагая, и сохраняет другого человека большим, взрослым и способным. Но это ложное восхищение, которое служит только его цели — заставить кого-то нести его бремя, поддерживать жизнь без тяжести, спокойную, не предполагающую неприятных трудностей.

Сохранение Двое специализируется на изучении того, что предпочитает взрослый в их компании. Вот почему он спрашивает: «Я иду именно этим путем? Вам это нравится?» Он самодовольен и кажется очень гибким, но это не более чем уловка, чтобы сохранить отношения, в которых он соединяет себя с другим, до такой степени, что его иногда принимают за Девятку. Но его детское самодовольство, заключающееся в том, чтобы не рисковать и не брать на себя ответственность за последствия, позже превратится в жалобу.

Сохранение E2 в конечном итоге обвинит другого в его плохих решениях: как получается, что его, у которого были самые лучшие намерения и вся любовь к другому, не ценят за его усилия? Затем он использует свое невежество и неопытность, которые действуют как защитные механизмы, становясь очень эмоциональным и избегая контакта с размышлениями и самокритикой.

Последний аспект — большая трудность принятия критики — очень присутствует в этом персонаже. Он просто не может этого терпеть, не говоря уже о самокритике, которая ставит под угрозу весь идеализированный образ самого себя и своих отношений. Он чувствует себя настолько хрупким в отношении того, кем он себя считает и что для него значат другие, что недостатки представляют собой угрозу стабильности его отношений с самим собой и с другими.

Часть процесса взросления состоит из признания и принятия собственных успехов и неудач. Когда вы указываете человеку с таким характером на неудачу, он чувствует себя ущемленным в своем представлении о себе. Вот почему она пытается скрыть недостатки другого человека, в то время как она является источником привязанности и чувствует, что у нее есть ресурсы, чтобы давать и брать. В интимных отношениях, когда она чувствует себя несправедливо выделенной в ее суждениях, она может беспощадно наброситься на нее, становясь очень жестокой на словах.

Неспособность к самокритике отражает отсутствие самости, которое также проявляется в отсутствии ограничений, в частоте, с которой она позволяет плохо с собой обращаться, подчинять и эксплуатировать. Столкнувшись с унижением или неприятием со стороны тех, от кого она зависит, она воспринимает себя лишенной ресурсов, поскольку риск потерять другого сдерживает ее ярость, и в конечном итоге она сохраняет отношения любой ценой, манипулируя как своими чувствами, так и чувствами другого. , оправдывая свою малоавторитетную позицию и неспособность быть самой собой.

Е2 утверждает, что он не живет беспомощным и хрупким.

Гордость инстинктом самосохранения иногда проявляется у людей, способных к большей независимости, экономической и профессиональной автономии. Однако их эмоциональная зависимость показывает, что им сложно понять, что им нужно, взять себя в руки и построить взрослую жизнь. Любому человеку — из-за недостаточной зрелости или дифференциации — может быть трудно понять, каковы его потребности, но Двойка консервации первоначально предстает человеком без серьезных недостатков или инвалидности, а затем, в своих наиболее значимых отношениях, они постепенно раскрывают этот стиль. полагаться на других.

Некоторые специалисты по охране природы Е2 могут жить одни, вести независимый образ жизни и брать на себя различные обязанности. Не каждый идентифицирует себя с образом детской женщины или вечного ребенка, а с внутренним процессом личности, оказавшейся неспособной выдержать натиск взрослой жизни.

Поэтому невозможно полагаться на внешнее поведение, соответствующее подтипу. Черты заключаются во внутренней жизни, в том, как они построили свое существование, свое повествование, свои привязанности. И что является фундаментальным, так это неспособность отказаться от этого статуса важности, привилегированности, делать все, что им «нравится», что в переводе является компенсацией за отсутствие любви.

Старый телевизионный ролик о лекарстве от простуды начался с матери, которая лежала в постели и не могла встать, чтобы позаботиться о своем маленьком сыне. Подходит маленький мальчик, одетый в игрушечный стетоскоп, белый халат и пару крекеров, как будто это лекарство. «*Возьми две штуки, мамочка, и позвони мне утром*», — ласково «прописывает» он. Растроганная мать обнимает малыша и спешит вылечить простуду, чтобы позаботиться о нем. Таково Двойное сохранение, как тот ребенок, заботящийся о своем любимом человеке, из страха остаться один, беспомощный, без никого, кто о нем позаботится. Он предлагает свою помощь матери или отцу, чтобы они оставались рядом с ним, давая ему свою любовь и защиту.

Многие защитники природы Е2 заботятся о своей семье, своем партнере, своих детях, и их хрупкость и недееспособность не воспринимаются с первого взгляда. Они показывают, что могут реагировать и брать на себя ответственность; из-за конфигурации отношений в их жизненной истории. Однако внутренне собственный голос невозможно услышать насильно; и в отношениях с другими это тоже не проявляется, его нет. Мотивов такого отсутствия экзистенциального присутствия много, и иногда голос дает о себе знать перед лицом конфликта, который возникает в результате усталости, раздражительности, выражения неблагодарности со стороны другого и в форме гнева. при неудовлетворении своих потребностей.

Формирование личности является результатом коллективного строительства: семьи и общества. Е2 не «выходит» в семье путем спонтанного зарождения. Чтобы ребенок оставался инфантильным, необходимы воспитывающие его родители, в семье, в паре, которым не хватает радости, нежности. Сохраняющий Двойка — это тот, кто вскоре учится закреплять свою инфантильную привязанность в отношениях, в которых отец или мать отождествляют себя с этой очаровательной, нежной, идеализированной частью его самого.

Отношения сохранения Е2 основаны на избегании тяжелого, неудобного, разочарования, обид, трудностей и одиночества, которые всегда встречаются в жизни. Человек склонен держаться подальше от всего неприятного, и именно для этого существует гордая страсть, удерживающая его в неведении и неведении относительно того, что ему не подходит.

Работа с энтузиазмом — трудный путь, требующий упорства. Личность этого персонажа не считает дисциплину одной из своих сильных сторон, и это затрудняет ей героический путь быть самой собой. Таким образом, задача трансформации себя в Би будет зависеть от кризиса, который она переживает. Этого должно быть достаточно, чтобы пробудить стремление стать человеком, желающим реализовать свое достоинство.

II. Характерная невротическая потребность. Привилегия

автор: Роксана Росас

Этот тип Двойки представляет себя очаровательным ребенком, милой девушкой, предлагающей безусловную любовь без ограничений с намерением добиться признания и привилегированного положения (страсти подтипа), которого она жаждет. По этой причине она не любит блистать в обществе или проявлять себя слишком сексуально, что ставит под угрозу ее детский внешний вид.

В отличие от других Двойок, персонаж подтипа сохранения с подозрением относится к своим способностям совершать достойные восхищения поступки, которые вызовут признание и одобрение со стороны окружающих. Стремление к протагонизму, столь характерное для гордых, удовлетворяется тогда больше в сфере фантазии, чем в практическом действии. Этот тип E2 живет с недостижимым идеалом себя. Вот почему он питает постоянное ожидание, что его разоблачат как мошенника, и тогда унижение и публичное разоблачение будут неизбежны. Клаудио Наранхо ⁴описывает свой инфантильный эгоцентризм как желание быть в центре внимания без необходимости быть важным благодаря квалификации или достижениям. Поэтому ему трудно почувствовать удовлетворение лестью: даже если он и выражает настоящую добродетель, слепое пятно мешает ему ясно усмотреть ценность заслуги, так как он не знает, сфабриковал ли он ее путем манипуляции или нет.

Любая форма безответной любви порождает стыд. Когда родители холодно отворачиваются или реагируют с чрезмерным гневом на незначительный поступок, ребенок в растерянности предполагает, что с ним, должно быть, что-то не так, даже если он не знает, что именно. Это замешательство является ключевым ингредиентом процесса стыда.

В обществах, ориентированных на стыд, учат, что контроль является источником гордости, а отсутствие самоконтроля — источником стыда. Суть в том, что ничего не бывает достаточно, и вы недостаточно подготовлены. Стыд вызывается игнорированием желаний ребенка и высмеиванием его или нее перед другими. Наказание за стыд — отказ.

Противоположностью стыда является гордость. Рационализация, гнев и высокомерие часто используются, чтобы избежать чувства стыда. Стыд сжимается и прячется; и гордость — расширяться, быть увиденным и услышанным. Но гордость не поддерживается должным образом, поскольку она не основана на полном понимании того, кем является человек, она не соответствует его или ее реальным достижениям и слабостям. На самом деле гордость сопровождается презрением к другим и защищает самодостаточность.

Защитник природы E2 склоняется к симбиотическим отношениям, как только он чувствует, что нашел идеального партнера, но вскоре возникает проблема неспособности установить границы между собой и другим.

Гордость Двойки — это способ, которым некоторые люди решают проблему потери чувства существования и связи: заполняя пустоту грандиозным представлением о себе. Однако в этом подтипе гордость снижается, потому что появляется стыд, заставляя консерватора E2 представлять себя другим как человека нежного и ребячливого, человека, который хочет, чтобы его любили, независимо от сексуального соблазна или социальной значимости. Он соблазняет деликатностью и хрупкостью.

Оставить детство-юность было трудной работой; Я всю жизнь была влюблена в свой образ половозрелой девочки. Образ, который соблазнил меня, который я полюбил и которому я позволил управлять своей жизнью.

Пристрастие к ребячеству — это больше, чем просто предпочтение; это образ жизни, в котором ответственность никогда не лежит на мне и моих решениях, а на обстоятельствах, других или случайности жизни.

КАТИ ПРЕЦИАДО

Легко было получить извинение за все, потому что по моему ребяческому поведению я мог сойти за невиновного; этим я добился бальовства, привилегий и удобств.

Физически я выгляжу намного моложе своего возраста. Это позволяет мне, даже сейчас, когда мне за пятьдесят, вести себя перед другими с некоторым ребяческим видом.

РОКСАНА РОСАС

⁴ См. К. Наранхо, 27 личностей в поисках бытия. La llave, Барселона, 2012 г.

Происхождение

Сохранение Е2 поняло, что ее любили больше всего на свете за то, что она была милым, улыбчивым и веселым ребенком, поэтому она научилась скрывать чувства печали и неприязни.

Мой отец приходил домой с работы и, если видел, что я выгляжу грустным, говорил: «У меня много проблем на работе, и когда я приду домой, я хочу свою маленькую капельку меда».

Моя мать говорила мне, когда я плакала, чтобы я приберегла эти слезы до ее смерти.

РОКСАНА РОСАС

Она получила двойственное послание о том, что она является самым важным человеком в семье, в центре сердец своих родителей, которые всегда готовы защитить ее и помочь ей в превратностях жизни. Но эти родители поставили условием, что она не должна выражать никаких негативных чувств, что она не должна создавать им проблемы, которые они не смогут вынести. Родители всегда были готовы удовлетворить практические потребности, при условии, что она не будет контактировать с гневом, грустью или чувством нехватки какого-либо рода и что они навсегда останутся самыми важными людьми в ее жизни. Наградой стало отсутствие порядка и четких правил, что привело к ложному ощущению свободы и отсутствия ограничений. Привилегия, которую может иметь ребенок, в подростковой и взрослой жизни трансформируется в обязанность оставаться в роли ребенка, который счастлив и не доставляет проблем.

Парадокс этой привилегии состоит в том, чтобы быть ребенком и в то же время иметь задачу нежно, а иногда и физически заботиться о родителе. Взросление пробудит глубокое чувство вины за то, что он бросил родителей, и не будет благодарности за предоставленную привилегию быть защищенным ребенком и, таким образом, пользоваться страховкой на выживание. Очень тонкое унижение связано с разочарованием взросления, которое связано с фактом становления мужчиной или женщиной, поскольку невозможно обойтись без того, чтобы не стать «взрослым».

Этот персонаж живет с впечатлением, что он никому не понравится, если он выразит печаль, гнев или любую явную форму недовольства, поэтому радость и оптимизм — его способы взаимодействия, а почти вечная улыбка — его лучшее качество. Он развивает социальные навыки, такие как зрительный контакт, откровенная улыбка и физическая близость, но, не показывая своего печали или гнева в обществе, он оставляет свою способность устанавливать здоровые границы неразвитой.

Единственной возможностью выразить свой дискомфорт будет прихоть, за которой он будет скрывать свой гнев и которая будет возвращать ему привилегию претендовать и занимать свое место в центре мира.

Он имитирует интимную близость с другим, заставляя его чувствовать себя особенным, что он так относится только к этому человеку; конечно, он ожидает такого же обращения. В каждом отношении он повторяет усвоенный им обман: я всегда буду с тобой, будучи светом и радостью, а ты всегда взамен уступишь мне место особенного человека, незаменимого, который может все.

Детская поза, позволяющая не принимать на себя последствий решений, становится настолько жесткой, что, чтобы сохранить характер, ему приходится лишиться себя силы; то, что проявляется, например, в затруднении заработка денег или его расточительности в «детских» расходах. А также в принятии задач без предварительного анализа того, что они влекут за собой, или своих собственных возможностей их выполнить. Этому персонажу обычно приходится учиться по ходу дела или отказываться от них, не осмеливаясь показать свое лицо, когда он чувствует себя подавленным ими.

Защитник природы Е2 пытается занять центр сцены, очевидно, беспокоясь о нуждах других, и первым спрашивает их, что им нужно. Его отношение к жизни такое, будто это игра волшебства и волшебства, а не что-то более человеческое, сырое и взрослое.

Его действия определяются потребностью других, что порождает вокруг него чувство долга.

Мы ужинали с доктором Клаудио Наранхо, Антонио Сантамарией, несколькими другими людьми и мной. Клаудио упоминает, что у него написано что-то, что может заинтересовать Антонио, и просит его электронную почту. Поскольку он медлит с ответом, я сразу говорю ему: «Если хочешь,

пришли мне бумагу, и я пришлю ее ему». Вот как я ставлю себя в центр внимания, будучи артикулятором отношений. Это значит, что я не могу просить о помощи, потому что мне пришлось бы разделить центр внимания.

РОКСАНА РОСАС

Это похоже на бездонную бочку, которая никогда не насыщается. Это приводит к тому, что другой чувствует себя в долгу, неплатежеспособным, поскольку не находит способов удовлетворить потребности нуждающегося в сохранении Е2. Психодинамически это означает, что этот персонаж не доверяет любви другого, и гарантировать ее становится необходимостью.

В детстве он строил мосты любви, гармонии и благополучия между отцом и матерью, воспитывая таким образом опыт занятия привилегированного места. Он предлагает мосты помощи, стараясь, чтобы его не забыли, поэтому он так часто посвящает себя профессии служения, становясь социальным работником, где его «страсть» хорошо воспринимается.

III. Межличностная стратегия и связанные с ней иррациональные идеи

от Вероники Антон

Здесь мы опишем, как фиксация *ложного изобилия*, типичная для характера Двойки, проявляется в подтипе консервации.

Консервативные представители Е2 развили возвышенную самооценку и веру в то, что приоритетом является удовлетворение собственных потребностей, которые они часто путают с желаниями. Если они не звезды, они не чувствуют себя ни замеченными, ни оцененными и, как следствие, испытывают большую эмоциональную изменчивость, переходя от грусти к эйфории. Невротическая потребность сохранять привилегированное положение связана с представлением о себе как о человеке, заслуживающем быть в центре внимания просто потому, что он или она существует.

Как мы видели, в своей семейной среде она построила свою идентичность, адаптируясь и реагируя на противоречивые послания и требования. С одной стороны: «Ты особенная девочка (или мальчик), ты должен быть радостью этого дома, и это дает тебе привилегированное место». Но в то же время ценность признается только в том случае, если она остается на этом детском и зависимом месте, срывая любую попытку автономной самореализации по отношению к тому, что нарисовали для ребенка родители.

Мандат быть вечным ребенком влечет за собой отказ от любой инициативы, ведущей к становлению взрослым. Так, с одной стороны, она чувствует себя незаменимой, а с другой стороны, она переживает постоянное унижение, так как за ней не признается ни право, ни ценность самостоятельного выбора в жизни; до такой степени, что в глубине души она верит, что она не сможет сделать это одна, что, если она уедет, она умрет от голода или болезни, что у нее нет инструментов, чтобы поддержать себя. Убеждения, которые поддерживают скрытое чувство недостатка или неполноценности.

Сохранение Е2 отрицает разочарование, недостаток заботы и страх независимости, создавая грандиозную самооценку, основанную на ощущении привилегированности благодаря этим особым отношениям с отцом или матерью. Не обязательно, чтобы «особые» отношения характеризовались баловством, соблазнением или гиперопекой. Конфликтные отношения также особенные; главное быть в центре внимания.

Грандиозный образ консервации Е2 основан не столько на убеждении в том, что он стоит больше других, сколько на том, что он человек, заслуживающий защиты, помощи, особого взгляда. Страсть к *привилегиям* и *ложное изобилие* питают друг друга.

Все «негативные» переживания, касающиеся удовлетворения глубоких и подлинных потребностей или реализации собственной независимости, интерпретируются как малоценные, не стоящие внимания или с отречением, немедленно компенсируемые фантастическими представлениями о том, что и так хорошо, как

есть. есть, или что она будет реализована в будущем, хотя и без какого-либо конкретного плана действий. Здесь важно снова принять во внимание путаницу между желанием и потребностью: ребенок E2 добился удовлетворения своих желаний и не уделяет внимания ни подлинным потребностям любящей заботы, ни тем, которые имеют отношение к его эволюции. Вот почему он может легко принять капризное утверждение из своей интерпретации изобилия вместо того, чтобы просить о помощи, которая помогла бы ему расти и реализоваться, что означало бы признание его пределов.

Ложное изобилие также проявляется, как и у других Двойок, под маской щедрости, чуткости и чуткости к нуждам других. Но в этом подтипе это принимает, прежде всего, форму отсутствия потребности в большем, потому что жизнь у него уже сложилась хорошо, и он наверняка может получить то, что ему нужно, благодаря своей способности соблазнять или детской драгоценности своего присутствия. Грандиозность проявляется как самоидеал, которому не нужно быть знаменитым или превосходить того, кто он есть: только для того, чтобы сохранить уникальное место любимого, защищенного, незаменимого человека, привилегированное место в сердцах других, гарантирующее его собственное. существование.

Интенсивная и неустойчивая эмоциональность работает как защита от глубокой пустоты нереализации себя, нероста, будь то моменты эйфории от того, что мы добиваемся своего, или глубокая печаль от ощущения, что ты несвободен.

Двойной-охранитель вкладывает всю свою энергию в реализацию собственных желаний, порожденных его фантазией, пока не потеряется, как корабль, плывущий по течению. Это тот, кто не очень укоренен, склонен перемещаться из одного места в другое и ему трудно найти себя и взять под контроль свою жизнь.

Искаженное когнитивное ядро, как объясняет Клаудио Наранхо, порождает многочисленные убеждения о жизни и самом себе, которые образуют последовательную программу. В модели психологии эннеатипа это называется *сумасшедшими идеями*. «Безумие» в том смысле, что эти интерпретации жизненного опыта частичны и субъективны, но для человека они становятся абсолютной реальностью. Мы теряем осознание того, что это всего лишь мысленная конструкция, поддерживающая защиту нашего характера. Мы верим, что они реальны, и считаем само собой разумеющимся, что все их разделяют. Тогда они «сумасшедшие» в том смысле, что они не связаны с реальностью контекста, в котором мы живем.

Межличностные стратегии, хотя и определяются жизненным опытом первых лет жизни, главным образом с родителями, закрепляются как способ отношения к каждому. В консервации E2 покинутость и связанное с ней чувство одиночества входят в число переживаний, которых больше всего избегают, поскольку они очень сильно запечатлеваются в телесно-эмоциональной памяти. Это движущая сила многих их межличностных стратегий, которые подкреплены катастрофическими фантазиями на этот счет.

Вот свидетельство:

После нескольких регрессивных переживаний в разных работах, в момент рождения переживание сильного заброшенности и одиночества. Это чувство одиночества, отсутствия ощущения другого рядом со мной в момент большой уязвимости. В этих переживаниях я соединился с холодностью своего тела и его жесткостью перед лицом страха и покинутости.

Этот опыт пробудил во мне позицию «выжившего» и поддержал безумную идею о том, что «я могу поддерживать себя и выжить без нужды в других», которая характеризовала мою жизнь. Имеется чрезмерная и «подозрительная» автономия, очень ранняя; очевидная безопасность и эффективность передвижения в мире, которую можно спутать с E3 или социальным E2.

ВЕРОНИКА АНТОН

Сильный страх перед повторением этой заброшенности и одиночества приводит этого персонажа к переоценке своей свободы и независимости, что выливается в трудность построения интимных отношений, если человек не желает удовлетворить свою святую волю. Крайняя чувствительность к малейшему расстройству своей воли приводит его к поведению, которое можно квалифицировать как «капризное». За этим стоят сумасшедшие идеи: «Если ты не удовлетворяешь мои желания, ты меня не любишь». «если ты устанавливаешь границы, ты меня не любишь» и «если ты не можешь угадать, чего я хочу, я тебе не интересен».

Таким образом, Е2 чередуется между не прислушиванием к своим жизненным потребностям и моментами, когда он не может помешать своей воле. Важно понимать эту полярность, чтобы не спутать его с «капризным ребенком», всегда стремящимся удовлетворить свои желания.

Здесь также важно различать желания (или волю) и потребности. Этот подтип очень сильно соприкасается со своей волей (чего он хочет), но ему очень трудно осознать свои потребности, от самых глубоких до самых жизненных и правильных самосохранения (еда, вода, отдых). Именно поэтому ему очень трудно быть ясным в своих отношениях.

Этот импульс столь пылко защищать удовлетворение своего желания возникает как невротическая компенсация фрустрации от невозможности удовлетворить свою потребность (из-за отсутствия контакта с ней). На самом деле, восприятие потребности является очень слепым пятном для всех Е2, и, возможно, что специфично для подтипа сохранения, так это невротическая компенсация, которая стремится не помешать своей воле любой ценой.

Столкнувшись с вопросом: «Почему ты этого хочешь?», ответ может быть: «Почему бы и нет?», подкрепленный этими безумными убеждениями: **«Я заслуживаю всего»**, **«Я могу все»**, **«Если я этого не сделаю. получай то, что хочу, я ничего не стою»** и **«Я имею право на то, что хочу»**.

Фантазия сохранения Е2 может быть такой: **«Я ничему и никому не подвластен»**, тогда как в действительности он чередует эту псевдосамостоятельность с большой эмоциональной зависимостью в самых интимных отношениях, преимущественно с партнером. Стремление к независимости может быть очень сильным с детства и выражаться в мечтах о полной автономности и одиночестве. В этой фантазии о свободе и экспериментировании вне семейного взгляда, за спиной родителей, в подростковом возрасте он может оказаться в рискованной ситуации.

Об этом свидетельствуют некоторые свидетельства:

С самого детства я очень хотел быть независимым от своей семьи. В девять лет я представлял, что живу один, у меня есть свои деньги, и вскоре мне захотелось работать.

Дерзкое поведение поставило меня под угрозу: вождение автомобиля до тринадцати лет, побег из школы в старших классах, появление парня в одиннадцать. Я чувствовал, что у меня есть возможность сказать все, что я хочу.

В восемнадцать лет я накопил на покупку своей первой машины, мне нужно было что-то свое! Мне нужно было передвигаться, не завися от родителей и общественного транспорта.

Моя потребность в «независимости» заставила меня уехать самостоятельно в возрасте двадцати одного года, как только у меня появились на это деньги. Но я сделал это с доходом, который позволил бы мне иметь квартиру в хорошем районе: до этого я не чувствовал себя в безопасности, уезжая. С тех пор я содержал себя сам, я платил за все.

Временами мне было трудно управлять собой и быть полностью самодостаточным; У меня всегда был кто-то, кто «поддержал меня», например, мой начальник, а затем мой партнер. Даже если я не просил у них денег напрямую, возможность получить доступ к их финансам успокоила меня.

Мне потребовалось много лет, чтобы осознать, что я тратил деньги на одежду, еду, подарки, прогулки и вещи, которые доставляли мне удовольствие, но никогда не тратил ни на что, что обеспечивало бы мне безопасность, например, на медицинскую страховку, и при этом я не откладывал деньги на непредвиденный случай. Я жил изо дня в день, думая, что у меня всегда будут деньги, как будто будущего не существовало.

КАТИ ПРЕЦИАДО

Именно в подростковом возрасте, времени всемогущества, когда с уходом из семейного окружения он импульсивно выходит в мир, и трудность видеть границы и неосознанность перед опасностью становятся яснее. Импульс соблазнения возникает с определенными нюансами, которые делают его своеобразным.

Женщины часто имеют сентиментальные отношения с людьми намного старше их самих, а также желание соблазнить привлекательных мужчин или женщин из-за их знаний или власти. Соблазнение может подтвердить ее всемогущество, например, в стремлении преступить социальную норму: соблазнить священника, учителя, своего терапевта, женатого мужчину... В некоторых случаях очень рано проявляется сексуальность и потребность перемещаться в среду пожилых людей. .

Мы выделяем эти безумные идеи; **«Если я соблазню тебя, у меня будет привилегированное место, и ты защитишь меня»**. **«если я соблазню человека власти, у меня будет место силы»** и **«если мне удастся привлечь тебя, у меня будет ценность»**.

Манипуляция окружающей средой является ключевым моментом в ее способе общения, и она использует ее по-разному, в зависимости от жизненной стадии. Как «хороший» ребенок, она приспосабливается к тому, чего от нее ждут, возможно, добиваясь хороших результатов в школе, восприимчивая, наблюдательная, нежная, милая. Позже, с пробуждением к миру отношений с мужчинами и в мире, она сохраняет этот образ наивности или «девчачье», но живет двойной жизнью, где другая сторона — трансгрессия, подвергая себя риску, но оставаясь незамеченной. .

Эта манипуляция посредством сокрытия информации, лжи, не показывая себя такой, какая она есть, и развития огромной способности к соблазнению в некоторых случаях усилила эту безумную идею автономии, наряду со всемогуществом: **«Я могу сделать и добиться всего, что предлагаю»** , **«Я делаю ни от кого не зависеть»** и **«У меня нет ограничений»**.

Я применял его в подростковом и юношеском возрасте на поле завоевания любви. И в разные моменты моей жизни оно перемещалось в другие области. Став взрослым, мой опыт часто показывает, что я могу делать все, что захочу, я вкладываю в это много энергии, даже ценой того, что не вижу своих потребностей, собственных ограничений или перенапряжения, которое я могу сделать, с очень высокой стоимостью.

Вот так в своей жизни я сталкивался с «трудными» ситуациями, например, эмигрировать в страну, где у меня не было близкого окружения, оставлять хорошую работу; найти себе профессиональное место в новой среде; или расстаться со своим партнером и, несмотря на то, что я один и без семьи, решить остаться в этой стране. Выживание генерирует внутренние ресурсы для преодоления практически любой ситуации, с которой я могу столкнуться.

ВЕРОНИКА АНТОН

В различных аспектах жизни общим знаменателем является сложность увидеть другого человека, принять его во внимание. Их порыв, их желание имеют приоритет над диалогом и совместным строительством. Отсюда трудности работы в команде или адаптации к правилам, установленным функционированием учреждения. Защитник природы E2 чувствует, что он может быть «исключением» из правила, что это не является нарушением, и отсюда он навязывает свою волю, даже не осознавая этого.

Он находится в сильной конкуренции, неосознанно, потому что оправдывает себя идеями: **«Я прежде всего, потому что я есть»** и **«Я имею право делать то, что хочу, потому что я особенный»**. Мы можем видеть источник этой трудности в групповых отношениях в треугольнике с родителями или братьями и сестрами: мать или отец настроили его или ее против другого. Для ребенка это неустойчивый союз, но он гарантирует ему привилегированное место в двойственных отношениях. Став взрослым, он продолжает ощущать триадные отношения как угрозу, потому что другой всегда может занять его место. Таким образом, соревнуясь, он испытывает страх быть исключенным либо со стороны одного, либо другого. Это значит, что он никогда не испытывает доверия в любви.

Он не видит ни своего предела, ни своей потребности, совершая перенапряжения из-за очень большого спроса (многие люди этого подтипа прошли несколько профессий, работали на нескольких работах). Но существует полярность, потому что это чередуется с моментами, когда они лишь добиваются победы своей воли и своего желания: это «капризное» отношение.

Однако все эти ресурсы, которые они выработали, не идут в сторону взрослой автономии, допущения собственной жизни с ее пределами. Притязания и капризы, поддерживающие идеал Я, нарциссизм, не позволяют достигнутым навыкам стать наследием для зрелой реализации.

Когда консерватор E2 является своим собственным начальником, работающим самостоятельно, ему очень трудно сохранять дисциплину, достигать своих целей и ценить то, что он зарабатывает своими усилиями. Он легко может потерять чувство границ: работать без графика до такой степени, что расслабляется, или недостаточно стараться и впадать в оправдания, объясняющие свою посредственность.

Он может быть настолько сосредоточен на своей непосредственной выгоде, что не сможет реализовать свои проекты. Он как будто не видит будущего, в своем затруднении построить что-то для поддержания себя в

жизни, предвидеть, видеть себя человеком, имеющим вотчину. Он словно живет в настоящем мгновении, которое можно принять за спонтанность, когда ему трудно удовлетворить свои потребности. Слышно, как он говорит: «Я думал, что смогу все это сделать». Он влезает в долги, ему не хватает денег. Суперэго отсутствует или, скорее, у него есть союзник в суперэго, который не позволяет ему устанавливать границы реализации проекта.

Другая полярность: Если с одной стороны есть ложная «независимость» от внешнего мира, то с другой стороны, в самых интимных отношениях, например с партнером, возникает большая зависимость, ненасытная потребность в ласке, в любви. выражение привязанности, физического контакта и эмоционального слияния.

Возникает чувство потребности в безусловном другом, без риска несоответствия, конфронтации, ограничения или разочарования, что и сталкивает этого человека с первичной раной заброшенности в детстве: **«Если я останусь один, я умру»**.

Ограничение или фрустрация в рамках аффективных отношений может восприниматься как угроза разрыва связи и возрождать примитивную рану и заброшенность. Поскольку трудно переносить фрустрацию, человек использует все оружие соблазнения и манипуляции, чтобы другой человек делал то, что он хочет, и его желания исполнялись. За этим стоит сумасшедшая идея: **«Я не переживу боли разочарования»**. Как будто часть Е2 проживает себя как беспомощный и брошенный ребенок или ребенок, которым она когда-то была, переживая себя чрезвычайно хрупкой и очень несоответствующей текущей реальности.

Мы предоставляем следующие показания:

В отношениях я как будто не хочу сделать неверный шаг и при этом всегда манипулирую. Я делал это в первые десять лет брака, опуская информацию и, возможно, проецируя свои страхи: именно я мечтал о разрыве отношений. Я подумал: «Кто я здесь?», «Какая мне в этом нужда? Мне лучше одному!». Но я никогда не уходил, хотя и хотел расстаться из-за разногласий и ссор. Мой партнер всегда жаловался мне, что я не принимаю его во внимание, что я веду себя так, как будто я единственный, кто существует.

КАТИ ПРЕЦИАДО

В своей псевдонезависимости он боится остаться в одиночестве или исчерпать ресурсы для выживания. Этот ужас отсутствия никого может полностью вторгнуться в жизнь защитника природы Е2, который, сам того не осознавая, наполняет себя занятиями, людьми, за которыми нужно следить и с которыми можно что-то делать, даже если они ему не интересны.

Кажется, что он человек, который ко всему приспосабливается, которому все идет, но рано или поздно у него появится потребность изолироваться, так как он устал участвовать в жизни других, а не в своей.

Этот способ наполнить себя людьми и находиться с другими отчасти является причиной того, что ему трудно понять, что его питает (а не то, что его развлекает; в этом смысле он является экспертом). Ему трудно понять, что помогает ему развиваться, что заставляет его расти и взрослеть. Развлечения помогают ему сбежать, избежать встречи с тем, чего он действительно хочет в ее жизни. Чрезмерная активность, «наполняющая» его жизнь, усиливает эту бессознательность и собственную ложь.

Ложь также является способом избежать разочарования в отношениях, минимизируя и приспосабливая реальность, пытаясь смягчить и создать явно менее враждебную среду. Этот ресурс в конечном итоге обращается против него, потому что, когда конфликт выходит на поверхность, стыд и вина берут верх, предотвращая конфронтацию с реальностью, которая позволила бы ему взять на себя ответственность и повзрослеть на уровне отношений.

Упущения являются частью этой лжи, особенно если речь идет о недостатках, которые другой видит или мог бы увидеть в двух консервациях. Это еще один способ не допустить разочарования. То, что он считает неприятным в себе, он считает чем-то ужасающим для преподавания. Любой аспект, идентифицируемый как недостаток, преувеличивается: **«Никто не полюбил бы меня, если бы знал...»**

Таким образом, манипулирование ситуациями путем пропуска информации становится способом избежать риска отказа, возможного отказа или потери привилегий. Он/она не берет на себя обязательств и ответственности показывать себя другому, чтобы вместе вырасти в более искренние отношения. **«Если они узнают мои недостатки, они меня отвергнут»** и **«лучше исчезнуть, чем показать мою реальность»**. Эти безумные идеи заставляют нас увидеть близость между сохранением Е2 и Е4, с которой его часто путают из-за

большой связи этого подтипа Двойки с эмоциональностью, связанной с недостатком, такой как стыд, застенчивость и импульс спрятаться, когда он чувствует что образ ложного изобилия может пасть.

Часть работы с сумасшедшими идеями — это знать их, осмелиться идентифицировать их и понять их когнитивные, эмоциональные и реляционные механизмы. А также увидеть их силу держать Е2 рабом для себя, в выживании, а не в жизни.

Межличностные стратегии являются остатком этой жажды привязанности, контакта и защиты. В детстве они были полезны, помогали ему иметь то, что нужно и желает каждому человеку: любовь родителей и основных опекунов. Устаревший сегодня взрослый консерватор Е2 продолжает цепляться за них, полагая, что таким образом ему удастся остаться на плаву, гарантировать свое существование.

Закончим этим свидетельством:

Ключ открыл доступ к пониманию многих механизмов моей личности в SAT III, во время регрессионной работы (ребефинга). Я испытал первое эмоциональное воспоминание сразу после рождения как глубокую печаль и отрицание. Не из-за специфических условий самого рождения, а из-за контраста, вызванного внезапным переходом от комфорта к болезненному опыту, которым является жизнь. Я восприняла рождение как несправедливость, которая сделала меня жертвой. Я отреагировал возмущением и разочарованием, полагая, что мстю своему невезению или человеку, ответственному за эту несправедливость, кем бы он или она ни были.

Я не смог сопротивляться тому факту, что я родился живым и подверженным боли и разочарованиям. Затем стратегия выглядит нежной и беспомощной, чтобы мои родители могли меня защитить. Торговля еще и с Богом, с «механикой жизни»: «Хорошо, я буду хорошим, послушным и адекватным ребенком. Взамен я ожидаю удовлетворения своих потребностей».

Поскольку жизнь настаивает на невыполнении своей части сделки, старая рана разгорается и возбуждает невыносимое чувство бунта и разочарования, наиболее заметными проявлениями которого являются вспышки гнева и приступы гнева.

ФЕРНАНДО РАМОС

IV. Другие характерные особенности и психодинамические соображения.

Роксана Росас

Зависимый

Из трех подтипов это наиболее зависимый, хотя он демонстрирует самодостаточный и независимый фасад. Он дистанцируется от своей семьи с мыслью, что расстояние уменьшит его зависимость, но это не так, потому что он навязчиво устанавливает отношения зависимости, чтобы обеспечить свою защиту и выживание. Он хамелеон, и его огромные интуитивные способности позволяют ему очаровывать других.

Он ищет отношений с людьми с сильным характером, чтобы компенсировать свою неуверенность, но при этом «теряет» свою свободу, привязываясь к роли любимого за то, что он весел.

Он проецирует агрессию, потому что не соприкасается с смелостью, которая позволила бы ему устанавливать ограничения, поскольку он живет, желая всем угодить.

Застенчивый

Это очень заметная черта в этом инфантильном характере. Застенчивость связана со страхом разоблачить себя, если нет уверенности в узнавании.

Страсть к привилегиям скрывает поиск подтверждения и глубокую нехватку самоуважения. Поскольку этот персонаж не хочет признавать, что у него есть пределы, а также не контактирует с этой низкой самооценкой, он прячется, если не уверен в успехе. Он предпочитает по-детски прятаться за словами «Я не

знаю», «Я не хочу» или «Я не могу», чем не признавать, что он не чувствует, что он не соответствует своему уровню. Он также играет застенчивость и смущение как детское обаяние соблазнительного характера, с которым он избегает конфронтации.

Жертва

Склонен проецировать вину, поскольку соблазнение пытается заставить его видеть только то, что хотят видеть другие. Сумасшедшая идея, стоящая за этим, заключается в том, что **«чтобы быть принятым, нужно скрывать плохое»**. Он винит мир в своих трудностях и проблемах, иначе ему пришлось бы взять на себя ответственность за свои действия и перемены. Ему легко выступать в роли жертвы, когда он не чувствует, что его понимают или ценят, хотя большую часть времени он предпочитает закрыть главу и разорвать отношения.

Идеализатор

Когда вы ребенок и во всем зависите от взрослых, вы идеализируете их, считая их великими, решительными, способными, защищающими, независимыми и целеустремленными. Если окружающие его взрослые не дают ему времени переварить то, что с ним происходит, и принять собственные решения, сохранение Е2 научится оставлять их в руках старших.

Конфликт заключается в том, что он достигает зрелости с идеализированным представлением о том, что значит быть взрослым, предполагая, что, когда он достигнет совершеннолетия, женится, заведет детей или начнет работать, в нем автоматически и волшебным образом проявятся характеристики взрослого.

Я мечтал, что в тот день, когда мне исполнится восемнадцать, люди автоматически начнут относиться ко мне по-другому. Было разочарованием, когда этого не произошло.

В течение многих лет, будучи подростком, я смотрела на себя в зеркало, желая стать зрелой, крупной женщиной с красивым телом. Шли годы, а мое тело оставалось почти таким же, я не росла и меня все еще называли «маленькой» или «девочкой». Я привыкла к этому и, достигнув совершеннолетия, поняла, что моя внешность мало изменилась. Я изменил свою идеализацию большого и взрослого человека, чтобы выглядеть моложе, устранив в своем уме ограничения, которые я внутренне имел в виду, сопротивляясь взрослению как личности.

РОКСАНА РОСАС

Сравнивает

Этот тип Е2 имеет необычайно высокий критерий компетентности, то есть перфекционистское и одержимое идеальное Я, что и делает его таким целеустремленным. Это происходит от чувства неполноценности из-за того, что не чувствуешь себя любимым и, наоборот, брошенным. Отличие Е4 в том, что он использует гордость, чтобы добиться любви и не быть брошенным. Конфликт в том, что он живет, сравнивая себя, невыгодно и выгодно, со всеми. Это способствует пренебрежительному отношению (поднятый нос), как если бы кто-то из королевской семьи смотрел на других свысока.

Быть необходимым

Основная тема защитника природы Е2 заключается в том, что он не чувствует себя достаточно ценным или достойным того, чтобы его любили. Он тогда делает что-то для других, стремясь быть нужным, потому что предполагает, что так его не бросят, а другой вернет защиту. Он не осознает, что в конечном итоге расстраивается и злится, когда его о чем-то просят. И поскольку он не знает, как устанавливать ограничения, он делает это с выражением неприятия и раздражения, больше походя на истеричного ребенка.

Причудливый

Многие Двойки-охранители в детстве жадно читали, стремясь напитать свои эмоции. Клаудио определяет их в своих мастер-классах как ограниченных искателей приключений, то есть они жаждут чувствовать себя свободными, путешествовать, иметь возможность что-то делать и отменять, а в противном случае они читают. Прежде всего, романы, которые позволяют им порвать с табу и *обязанностями*, которые, по их мнению, «связывают» их. Они чувствуют, что их реальность слишком узка, и в фантазиях достигают того, чего иначе не смогли бы достичь.

Мне было около десяти лет, когда я начал читать Салгари. Было чудом стать главным героем его романов и столкнуться вместе с Сандоканом с тиграми, или стать частью его пиратской команды, или стать капитаном Штормом. Вскоре после этого я проглотил «Бытие Библии», «Божественную комедию» и еще много книг; истории, которые я воссоздавал снова и снова в качестве главного героя. Это заставило меня почувствовать себя живым, сильным и, самое главное, мне не нужно было ни у кого спрашивать разрешения.

РОКСАНА РОСАС

Сорванец

Физически они, как правило, девчонки-сорванцы, что отражает меньший возраст, чем они есть. Женщины практически не носят макияжа и лучше относятся к мужчинам, чем к женщинам, и ведут себя с ними асексуально.

Мои подруги в двенадцать лет уже из девочек превратились в женщин, но не я... Им начинали нравиться мальчики, а мне еще нравились мои девичьи игры.

РОКСАНА РОЗЫ

Снисходительный

Поскольку Двойка-хранитель считает, что его любят только тогда, когда он хороший и хороший, он склонен к снисходительности (всему говорит «да»), не задумываясь о том, хочет он этого или нет. Это заставляет его принимать на себя обязательства, которые впоследствии отягощают его, и он неохотно выполняет их или отказывается от них без предупреждения.

В снисходительности присутствует пренебрежительный оттенок по отношению к другим, взгляд, считающий их неполноценными существами, нуждающимися в поддержке и ласке. Иногда он смешивается с юмором, вызывающим насмешку, сарказм или цинизм.

Сверхчувствительность к критике

Трудность с самокритикой и получением критики от окружающих запускает ядро обесценивания, которое он держит внутри. Оно проявляется раздражительностью, плачем и чувством непонимания и гнева, так как пробуждает страх быть непринятым, а значит, и любимым.

Защитнику природы Е2 трудно признать свои ошибки. Даже если он знает, что он некомпетентен, или выражает это: это далеко не способность терпеть, когда ему указывают на его ошибки и недостатки. Это видно по его вспышкам гнева, которые могут закончиться эмоциональными взрывами, полными претензий к тому, кто его критикует.

Завистливый/боюсь зависти

На первый взгляд защитник природы Е2, похоже, не испытывает зависти, поскольку он компенсирует свои заниженные сравнения демонстрацией позиции изобилия и превосходства. Зависть, человеческая и неизбежная,

он скрывает ее, чтобы скрыть недостатки и избежать конкурентного невыгода. Он может прожить это тайно, выпуская наружу некоторые проявления безразличия и апатии к людям, которым он завидует.

Человек этого характера не только скрывает зависть от себя и других. Еще он боится, что ему завидуют, потому что он беззащитен. Чувствовать зависть к другим — значит показывать, что ты силен и что у тебя есть то, чего хотят другие. И она боится агрессии окружающих. Будучи объектом зависти, она может стать объектом неприятия, критики и недовольства, поэтому будет льстить и притворяться, чтобы прикрыть свои привилегии или самые желанные качества, она даже проявит себя антипрайдом, чтобы остаться целой и невредимой.

Нежный

Значение слова «нежный» — это нежный, любящий и добрый человек. Обычно это относится к детству, чтобы объяснить деликатный и послушный образ жизни из-за небольшого возраста и опыта. Сохранитель E2 — это человек, который особенно подчеркивает эти черты, который предлагает этот мягкий и нежный опыт. Эта характеристика, с которой она ведет себя с предельной естественностью, является способом привлечения защиты и заботы, что гарантирует ей оставаться нетронутой и вдали от осложнений суровой жизни и отношений.

Притяжательный надеж

Собственничество сохранения E2 возникает из стремления слиться с другим, в поисках безопасности, которая всегда доступна, чтобы гарантировать ему/ей, что он не переживет опыт покинутости, или защиты и удовлетворения его/ее. ее основные потребности.

Собственничество также связано с трудностью воспринимать людей как «других», разных и независимых. Для этого персонажа это было бы угрожающим зеркалом его страха перед аффективной независимостью. В конце концов, другой — это объект, над которым можно осуществлять власть.

Ревнивый

Ревность, типичная для эмоциональных характеров, в консервации E2 связана с невротической потребностью быть единственным на привилегированном месте, в сердце и в жизни другого. Они также имеют свои корни в триангуляции, переживаемой в детстве, когда отец или мать вовлекали его в свое ревнивое соревнование друг с другом.

Высокомерный и эгоцентричный

Гордое высокомерие этого персонажа проявляется прежде всего в уверенности в том, что то, что он хочет или думает, всегда должно быть учтено и подтверждено. Дело не в том, что он считает себя интеллектуально правым, это скорее высокомерие того, кто претендует на первое место, капризное высокомерие.

Садистский

Садизм сохранения E2 кажется противоречащим его нежности и снисходительности. Это выражается очевидным образом, когда он чувствует себя несогласным или преданным (в смысле неудовлетворенности тем, чего он хочет). Если другой не к его услугам и не внимателен к нему, он легко станет объектом неприкрытой ярости и жестокого обращения, подкрепленных интуитивной способностью этого персонажа «уловить» слабую сторону другого. Он также садист в своем способе хладнокровно ранить и не оставлять другого без возможности спасения.

Параноик и контроль

Паранойя взрывается навязчивым и эмоционально слепым образом, когда Двое консерваторов проецируют на другого манипулятивную динамику, которую он сам практикует, когда хочет угодить или завоевать могущественное привилегированное место. Когда он чувствует, что кто-то не поддерживает его безоговорочно или ему приходится столкнуться с кем-то, кого он считает превосходящим по какому-то признаку, он сразу же считает его соперником, врагом, который может занять его место. Там он применяет свое агрессивное и контролирующее оружие с безумной идеей иметь право атаковать любого, кто ему угрожает, даже выдумывая заговоры.

Кастрирующий и мстительный

Если кто-то его разочаровывает или побеждает в соревновании, он очень умело унижает его и нападает на него, пока тот не останется безобидным соперником. Это особенно проявляется в отношениях пары или брата или сестры, как будто он чувствует себя вправе заставить другого заплатить цену за подчинение его приказам или прихотям. Но также и если они чувствуют себя обиженными, раскритикованными или брошенными. Отобрать власть у другого – это способ отомстить и тем самым восстановить его превосходство.

Потворство своим желаниям

Как персонаж, полагающийся на идеализацию себя, он все прощает. Это прощение показывает его нетерпимость к ограничениям и подтверждает его детское отношение, согласно которому все должно быть позволено. Он таким образом компенсирует фрустрацию или контакт низкой самооценкой, скрытой предоставленной ребенку вседозволенностью. Это черта, связанная со страхом стать взрослым.

Непостоянный

Двойка-Сохранение нетерпима к дисциплине; любую работу, требующую усилий или отказа, он воспринимает как нечто, что невозможно выдержать. Очевидно, он оправдывает себя ложью или обесцениванием цели. Он также решает проблему, делегируя задачу. Эта динамика является основной для того, чтобы оставаться зависимым от другого и возвращать его гордость, не осознавая, как эта нетерпимость мешает ему создать внутреннюю безопасность во взрослом возрасте.

V. Эмоциональность и фантазия

Фернандо Рамос

Эннеатип 2 в современной характерологической литературе известен как *театральный характер* из-за его способности *вызывать* эмоции. Сохранение Е2 порождает детскую нежность, чтобы соблазнить того другого, кто кажется ему любовью всей его жизни. Ему необходимо фантазировать о вечной романтической любви, очень похоже на сексуальную Тройку, с той разницей, что в то время как Е3 адаптируется, чтобы быть идеальной женщиной для другого, гордый человек этого подтипа фантазирует, что другой именно так, как она хочет и нуждается.

И хотя она может показаться холодной и сдержанной по сравнению с сексуальной Двойкой, она делает эмоциональность и фантазию своими главными защитными механизмами.

Я никогда не считал себя очень эмоциональным, скорее, я всегда был холодным и сдержанным. Я начал понимать свою эмоциональность после нескольких лет терапии. Эмоциональность – это преувеличение чувствительности к эмоциям, в результате чего вы теряете себя и перестаете различать что-либо, кроме эмоций. В этом состоянии вы не думаете, а если и думаете, то о чем-то, что еще больше усиливает эмоции, которые вы испытываете.

Часто меня охватывает грусть. Это начинается с чувства одиночества, а затем у меня появляются мысли типа: «Никто меня не любит», «Я один», «Никто не придет за мной»... и печаль возрастает до такой степени, что я теряю себя. Это все печаль. Он огромен и представляет собой бездонную яму.

Но то же самое и с радостью. Происходит что-то хорошее, я чувствую себя счастливым и начинается процесс: «Жизнь прекрасна», «Я молодец»... И когда я это осознаю, это уже радость в квадрате и эйфория.

АНОНИМНО

Самая характерная черта эмоциональности, как замечает эта женщина, состоит в том, что, так сильно преувеличивая, человек теряет себя и уже не может ясно мыслить (в определенной степени уже ни о чем не может думать), а также не может чувствовать свое тело. Все есть эмоции.

Суть дела в том, что этот персонаж теряет себя, либо преувеличивая то, что он чувствует, либо ничего не чувствуя, чтобы все было под контролем. Там нет никакого среднего. В конфронтации, пытаюсь найти аргументы в защиту своих действий, он чувствует, что его попытка бесполезна. У другого аргументы получше и весомее. Он не может найти причину или не может ее выразить. Внезапно его охватывает бессилие, энергия возрастает, и ему становится все труднее выражать свои мысли вербально. Начинается театр, эмоциональность. Он начинает серию преувеличенных жестов, сопровождаемых криками; внутреннее ощущение смерти. Говорит без уважения, оскорбляет, угрожает. Со стороны это выглядит так, как будто совершается преступление. В конце концов он плачет от отчаяния, а иногда и от отчаяния.

Можно сказать, что сохранение Двойки – это «от всего сердца». Хотя существует мысленный лабиринт, в котором мы теряемся, и из которого сложно извлечь четкое послание, говорящее нам о наших чувствах, потребностях и желаниях.

Я говорю «я чувствую...» вместо «я думаю...». Мой внутренний мир богат эмоциями, такими как печаль, внезапная радость, гнев... Я могу начать безутешно плакать, не очень хорошо понимая, из-за чего это происходит. Только эмоция приходит и надо ее выпустить. Много раз после громкого плача ко мне приходил нервный смех, чтобы разрядить напряжение.

Бывают серые дни, когда я просыпаюсь и уже знаю, что это должен быть день уборки, то есть плачу и плачу, отпуская себя в печали и гнев. Для меня полезно принять это и просто позволить этому случиться. Хотя, по правде говоря, я усиливаю эмоцию, чтобы сделать ее более «реальной», более интенсивной. В этом есть радость.

Иногда ко мне приходит крайняя внутренняя радость, глаза загораются, сверкают, я смеюсь, мне хочется прыгать, смеяться, кричать... Я счастлив чувствовать себя живым, и если в серый день (который, возможно, был накануне) мир рухнул на меня, сегодня я могу видеть все светом и красотой без границ... Эта способность заставила меня подняться после многих падений.

Трудно распутать мой «мысленный клубок». Я могу показаться милой девочкой, иногда истеричной... Оно включает в себе существо, полное внутренних противоречий, интроектов, того, как все должно быть, того, кто я перед собой и перед миром, или то, чем я должен быть... Объединение воедино моих потребностей, моего разума, моего тела и моих самых сокровенных желаний было делом моей жизни.

ВАНЕСА ЛУНА

Как мы уже говорили, эмоциональный мир ребенка не мог найти подлинной формы выражения. Вообще мать Двойки-консервации занимала много места своей эмоциональностью, депрессивностью или театральностью. Ребенок узнал, что посредством эмоций можно манипулировать эмоциональным миром другого. Слезы печали могут остановить агрессию или необоснованные требования. При меланхолии можно соблазнить другого человека или попытаться удержать его от ухода. При панических атаках можно скрыть большой страх перед жизнью. А при большом эмоциональном переливе можно избежать встречи с проблемами или неудачами.

Так Двойка-Сохранение выражает целый истерический эмоциональный мир, который полностью покрывает боль одиночества, рану покинутости, недостаток любви. Глубокие раны отрицаются с помощью

смущенных и агрессивных эмоций, и, если это страх быть отвергнутым и брошенным, жест гордого превосходства все охлаждает. Этот жест отвечает приказу не взрослеть, но здесь нет разрешения почувствовать подлинные страхи ребенка, одновременно демонстрируя его величие, когда он ни в ком не нуждается.

Мы уже изобиловали отношениями между стыдом и унижением. Это правда, что стыд — это эмоция, которую сохранение E2 часто чувствует и скрывает. Ему нелегко соединиться с унижением, потому что это детская рана, которую ребенок получил от того же родителя, который льстил ему или соблазнял. Много раз это была шокирующая и непредвиденная реальность, которую он переживал как предательство и раскрытие своей близости: как будто отец или мать заманили его в ловушку и оставили одного. Воспоминания о чувстве себя обнаженным и осмеянным остались очень яркими, и много энергии вложено в то, чтобы никогда к этому не возвращаться.

Гнев не допускается ни потому, что это будет нападение на родителей, ни обвинение в том, что он или она не тот веселый и солнечный ребенок, которого они хотят. Прямое выражение гнева является табу и разрешается избеганием или капризными истериками и, в крайнем случае, глубокой депрессией.

Зачастую единственной возможностью спасения является отключение и ограничение эмоций в теле, нередко проявления астмы, аллергии, мышечных болей или проблем с желудочно-кишечным трактом.

Наконец, этому очень эмоциональному персонажу приходится нелегко. Он заключен в обязательстве дарить радость и хорошее настроение, не задаваясь глубоким вопросом, счастлив ли он.

Это правда, что существует творческая фантазия, фантазия, которая не является защитной, но этот персонаж является экспертом в использовании этой способности, чтобы бежать, верить во что-то отличное от того, что есть на самом деле. Реальность никогда не бывает такой хорошей и чудесной, как то, что она может себе представить, и ей хочется как можно скорее вернуться к этой фантазии. Поэтому он недооценивает реальность, сравнивая ее с воображаемой жизнью.

Например, она представляет себе красивого, умного, богатого, милого и замечательного мужчину. Ясно, что на самом деле этого человека не существует: вывод таков: ни один человек не соответствует требованиям. Фантазия также благоприятствует ее собственной переоценке; в нем она верит, что способна на бесконечные вещи, о которых она только мечтала и которые никогда не осознавала. Действия пугают ее.

В подростковом возрасте, так как я не решалась подойти к понравившимся мальчикам, я представляла себе парней. У меня их не было в реальности, только в моем воображении. Свой первый парень у меня появился, когда мне было восемнадцать, и потому что мама практически заставила меня.

АНОНИМНО

Уже в детстве, будучи девочкой, она интенсивно жила фантазией. Жизнь всегда казалась пресной по сравнению с тем, о чем она могла мечтать. Она превратила побег в фантазию из-за двойного факта: неспособности выразить себя и не осмелиться сделать определенные вещи. В фантазии она может чувствовать себя свободной. Это также противоядие от чувства одиночества или от того, что ей не с кем поиграть: она выдумывает воображаемых друзей... но в общественной жизни она застенчива и почти не имеет друзей. Она также находит фантазию в поисках способа не утонуть. Великая беда фантазии в том, что она не дает ей почувствовать, насколько она плоха. Это очень похоже на зависимость.

Романтические фантазии о том, что меня желают, что другой не может перестать искать меня, добиваться меня, о том, что он — его великая любовь, его свет, его вдохновение.

АНОНИМНО

Что больше всего шокирует в этой позе, так это то, как далеко может зайти человек, чтобы не брать на себя ответственность за свои действия и желания. По сравнению с другими гордыми подтипами, которые «щедры» стремятся соблазнить посредством действий группы (социальные) или отдельных лиц (сексуальные),

чтобы купить привязанность и восхищение, консерватор E2 кажется наименее активным в соблазнении. которая в большинстве случаев остается ограниченной фантазией.

В воображении, как и другие Двойки, он заботливый, вызывающий восхищение и щедрый. Фантазия — его великий ресурс, позволяющий раздуть эго чувством собственной важности, чтобы справиться с разочарованием от чувства неспособности и неспособности действовать конкретно в мире.

Богатый внутренний мир консервации E2 переполнен возможностями для фантазии; наше воображение не имеет границ. Многие Двойки связаны с эзотерическим миром и духовностью; это способ расширить воображение и удовлетворить потребность в соприкосновении с Богом или чем-то большим, по крайней мере, не подчиняющимся правилам господствующей рациональности.

С детства у меня был параллельный воображаемый мир. Я играл один, чтобы поверить, что я сотрудник тайной полиции и отличаюсь от остальных детей. Я выполнял задание инкогнито внутри школы, чтобы поймать кого-то из ФБР... Я был кем-то особенным. Однажды мой очаровательный принц приехал за мной из школы на большой машине, в которой могли поместиться все дети класса, и они удивлялись моей удаче. Я представлял это так сильно, что это было просто реально, что это произойдет однажды... Я поговорю с Богом и даже с Дьяволом и заключу свои собственные договоры, чтобы то, чего я желал, произошло... или чтобы что-то страшного не случилось бы.

ВАНЕСА ЛУНА

Человек этого персонажа чувствует неуверенность в своих силах. Он хранит в памяти болезненный опыт периодических неудач и унижений из-за своей слабости, а потому предпочитает не рисковать; вот почему он прибегает к фантазии. Его энергия к действию загрязнена страхом, что того, что он сделает, будет недостаточно, чтобы им восхищались. И в этом он контрастирует с другими подтипами, более активными в любовном обольщении. Его также заботят квалификации и успехи, но ему достаточно мечтать о них, чтобы раздуть свое эго.

Давайте закончим этим свидетельством:

Я чрезмерно преувеличивал или преуменьшал значение вещей. Например, чей-то взгляд мог оставаться со мной годами, представляя, что этот человек влюблен в меня из-за того, как он на меня смотрел... Было очень стыдно открыто рассказать о ситуации или, по крайней мере, мои собственные желания и чувства и брать на себя ответственность за них. Так этот взгляд стал механизмом убеждения в том, что я хорошенькая, красивая, особенная личность, способная издалека заставить кого-то влюбиться.

И точно так же, как маленькая вещь могла сверхъестественным образом увеличить меня, так и когда дело дошло до того, чтобы сделать меня меньше: я позволил неуверенности вытеснить все мысли и эмоции. Просто представить, что из-за жеста, отстраненного взгляда (или того, что я представлял себе отстраненным...) меня не любили или критиковали... Это причинило мне огромную боль, до такой степени, что я почувствовал себя очень маленьким и очень хрупким... недостойный, отодвинутый в сторону.

ВАНЕСА ЛУНА

Страх играет важную роль. В социальных отношениях человека этого персонажа появляется множество страхов: страх остаться в одиночестве, страх быть проигнорированным, страх, что в его жизни никого нет, страх оказаться обнаруженным, что он не способен, страх, что он не сможет справиться ситуация, страх подвергнуться нападению, страх неспособности поддержать себя, если он один, страх потерять поддержку своих близких, страх увидеть в себе кого-то ужасного с дефектами и недостатками, страх оказаться в ловушке ситуации где он не может предаваться своим вкусам и удовольствиям, боится потерять свое особое место среди другого человека. Страх разозлиться и показать свой гнев, страх говорить о болезненных, уязвимых местах. Страх, что его ложь будет раскрыта.

Детство — это для Двойки сохранение реальности, которую он пытается представить как фантастическую, чтобы не соприкоснуться с разочарованиями и болью и в то же время экзистенциальным состоянием перед жизнью, занимая роль маленькой девочки или мальчик навсегда, хотя он и не считает себя таковым.

В детстве из них лепят того прекрасного ребенка, которого желает иметь каждый, ведь он вызывает ту нежность, которой так не хватает в семье и в обществе.

Запись мамы в моей детской книжке: «Она в целом здоровый ребенок, непоседливый, игривый и добрый, потому что не плачет постоянно. Несколько дерзкая для своего возраста (годик). Ей нравится лазить везде, где только можно, и тянуться к вещам, которые находятся под рукой, и к тем, которых нет. С уважением: Ее мать».

С самого детства я всегда чувствовала себя очень желанной со стороны родителей. Я чувствовала, что я и мой старший брат были мечтой моих родителей: иметь двоих детей, сначала мальчика, а затем девочку. Я чувствовала огромную жизненную силу, много танцевала, никогда не останавливалась на месте, всех обнимала и целовала, всегда улыбалась, была готова на все. До четырех лет я был полностью свободен, как будто мой дух не имел границ, как и мое тело.

Улыбки, поцелуи, пухлые ножки, кокетливые и игривые движения. Я произвел приятное впечатление, вызывая в сердцах людей тепло и сочувствие. Когда я начал говорить, мой тон был низким и хриплым; это сделало меня еще более особенной: они заметили во мне другую девушку, нежную и сильную. Я чувствовал себя смелым, всегда мечтал днём. Мне хотелось быть физически рядом с людьми, в их объятиях, в их ногах, получать ласку, лесть, иметь их внимание (и мне это, конечно, удавалось).

КАТИ ПРЕЦИАДО

Выращивание в вате кажется очень характерным для E2 Conservation, но вата весит и имеет свою цену. Имела место чрезмерная опека со стороны одного из родителей или у него было несколько отцов и матерей (братьев, дядей и т. д.), иногда с двойственным отношением, которое ребенку было трудно интерпретировать как искреннюю и бескорыстную заботу и, прежде всего, это не имеют функции сдерживания его/ее эмоций или переживаний. Последствия — глубокое недоверие к узам любви и нетерпимость к жизненным проблемам, из-за того, что он не привык находить в себе инструменты, чтобы противостоять суровости, трудностям.

Как привилегированный человек приходит в мир?

Я была первой дочерью, первой внучкой, первой племянницей... Ну, меня баловали со всех сторон. Мне дарили подарки, фотографировали, я был в центре внимания. У меня была комната только для моих игрушек. У меня был сильный характер, я был настоящим авторитетом в семье.

АНОНИМНО

Это правда, что я всегда чувствовал себя привилегированным. Я был первенцем. Я был очень желанным ребенком и, судя по тому, что мне говорили, был очень милым и очень умным ребенком. Я начала ходить в девять месяцев и говорить тоже очень рано. Меня очень любили и баловали. У меня всегда было то, чего я хотел больше всего. Моя семья была идеальной, а я рядом с ними неуязвимым. Я всегда чувствовал себя защищенным.

Теперь я вижу, что это была не защита: это была чрезмерная защита. Вот почему я так плохо справляюсь с разочарованиями.

АНОНИМНО

Чрезмерно опекая своего ребенка, родители хотят, чтобы «с ним/ней ничего не случилось», чтобы уберечь его/ее от какой-либо опасности или, скорее, в случае этого подтипа, от опасности, которую может представлять для них воспитание детей, с неопределенностью и разочарования, которые это влечет за собой. Они далеки от осознания того, что у него/нее развивается неспособность справляться с их потребностями. Отсутствие родителей, по крайней мере, эмоционально; или инфантильные и нарциссические родители, которые компенсируют свою незрелость поверхностной лестью, направленной на подпитку грандиозности собственного эго; или кто дарит подарки, чтобы скрыть свою неспособность поддерживать близкий контакт со своим ребенком и свою нетерпимость к узам, которые могут привести к ограничениям или разочарованиям.

Постепенно консервация E2 узнает, что гораздо комфортнее отключиться от своего внутреннего мира и вернуть родителям этого смешного ребенка, объект для выставления, и учиться манипуляциям по передаче ответственности другому (матери, отец). У него появляется определенный страх перед попытками, перед риском, поскольку всегда был кто-то, кто шел впереди него, кто выполнил за него задачу или большую ее часть. Таким образом, внешние знания подтверждаются в ущерб внутренним знаниям, что влечет за собой ненадежность. **«Другой человек — это тот, кто знает, как это сделать»**, **«Другой человек — это тот, у кого есть решение моей проблемы»**, **«Если я сделаю это самостоятельно, я могу совершить ошибку»** или **«Это неправильно»**. желательно, чтобы это сделал кто-то другой, чтобы я не совершил ошибку» — типичные внутренние предписания.

Я обожал своего отца, он всегда был прав. Мой отец был самым сильным, умным и добрым отцом в мире. Я бы рассказал ему все. И он объяснял мне, как обстоят дела, кто из моих товарищей идиотов, а кто стоил того. Он также объяснил мне, что со мной происходит, что я чувствую, и, прежде всего, он объяснил мне, каким он был в моем возрасте: намного сильнее, храбрее и смелее. До недавнего времени моим примером был мой отец. Он был человеком, который знал, понимал и имел власть судить, что правильно, а что нет. Он был тем, к кому я стремился добиться признания.

ГИЛЬЕРМО ПЕРЕС

Но дело не в доверии, а в ощущении незащищенности, возникающем из-за посланий родителей, функциональном для ребенка, чтобы соответствовать зависимости и развивать свою функцию вечного ребенка.

Эта «чрезмерная защита» подпитывает ощущение невозможности выйти в мир. В то же время мандат быть драгоценным ребенком матери и «привилегии», которые эта мать или отец предоставили ему, оставляют его в замешательстве и двойственности, и единственным выходом является избегающая или гордая реакция на свои страхи. Растерянность и двойственность еще больше усиливаются, когда отец и мать используют этого «любимого» ребенка как оружие друг против друга.

Вполне обычно, что это особое место, которого он достиг в отношениях с родителями, ставит его в очень трудную ситуацию с братьями и сестрами. Он воспринимает их зависть и гнев, и создается дистанция, которая бессознательно питает его чувство одиночества.

Это недоверие среди сверстников повторится позже с одноклассниками или друзьями. Многие сообщают, что им было трудно заводить друзей или что им было тяжело переживать отказ.

Родители заботятся об интерпретации внешней и внутренней жизни своего ребенка, не интересуясь по-настоящему тем, что с ним происходит эмоционально, и часто бессвязно, в соответствии с тем, что родитель чувствует или хочет от своего ребенка, который вырастает, следовательно, с мыслью, что другой должен знать, что с ним происходит, без того, чтобы он научился слушать себя и уметь дать ясное название своему опыту.

Сохранение E2 понимает, что быть таким, какой он есть, неправильно, что лучше сдерживаться, потому что это не уместно. **«Если я не раздражаю и я хороший, они меня полюбят»** — одна из его безумных идей. Следствием этого является отстранение или самоуничтожение, столь типичное для этого персонажа. Занимать как можно меньше места, отодвигаться на задний план, быть сдержанным, предельно осторожным, чтобы не мешать.

Моя мама принимала за меня все решения. Она говорила мне, что мне следует делать, что мне следует носить, как мне следует вести себя, и мало-помалу я научился подавлять свои желания и

ждать, пока она скажет мне, что делать. Несколько раз я делал что-то по собственной инициативе, она критиковала меня и говорила, что я должен был сделать в ответ. Поэтому я просто сделал то, что она мне сказала: повиноваться, не раздумывая.

АНОНИМНО

Он также узнает, что его потребности следуют за потребностями других, что он может подождать, сначала он должен удовлетворить другого (зеркало матери, которая всегда рядом с ним, пока он не беспокоит ее своей правдой).

Кажется, существует несоответствие между этим опытом отстранения и высокомерием ожидания, что другой будет любить его безоговорочно, быть к его услугам и признавать дары, которые он имеет «от природы». Но на самом деле ее нет, потому что гордость за свою особенность — это эгоическая структура, которая не только скрывает недостаток, но и представляет собой выход из этой неуверенности, играя детскую роль ребенка, который заботится о своей матери и взрослых, помогая им. с болезнью, выполняя практические задачи и работая на благо других. Отношение, которое отделяет его от его потребностей, но возвращает ему центральное место в жизни другого. Мало-помалу **«мне ничего не нужно»**, и невозможность осознать, что у него есть потребности, а вместе с ним и всемогущество, хотя и ценой потери истинной индивидуальной свободы.

Моя мама много говорит, она говорит весь день. Это было невыносимо, я мог какое-то время ее слушать, но потом устал и отключился. Я чувствовал, что у меня нет места для самовыражения, и тогда я шел в свою комнату и представлял все, что хотел сказать.

АНОНИМНО

Я стала маленькой девочкой, которая училась танцевать у своего учителя и вести себя так, как хотела мама, дома и в школе. Когда я была маленькой девочкой, я помню, как с восторгом, который переполняла меня, ждала объятий и поцелуев от матери, и как мама просила меня остановиться и стоять на месте. Я чувствовал себя скованно, я не понимал, как моя мать могла отказаться от чего-то столь прекрасного, как ласка, которую я хотел ей дать, а она могла дать мне. Мой отец, более восприимчивый, позволил мне обнять и поцеловать себя, и это помогло мне не чувствовать себя таким одиноким из-за холодности, которую я чувствовал со стороны матери.

КАТИ ПРЕЦИАДО

Две Сохранения еще в детстве научились подбадривать других, улыбаться и всегда быть счастливыми или, во всяком случае, притворяться счастливыми. Все это, тесно связанное с ложью, основано на том принципе, что если реальность не так хороша и интересна, ее всегда можно немного изменить, чтобы сделать интереснее. Целью, как всегда, было привлечь внимание, чтобы вас любили и защищали.

Кажется, мое рождение порадовало всю семью без исключения. В моей семье не было никого моего возраста. Мои двоюродные братья тоже были взрослыми. Я жил во взрослом мире и мне пришлось адаптироваться. Я очень рано понял, что если я сделаю их счастливыми, они послушаются меня, они будут со мной. Я научился быть очень приятным, и они все время просили меня поцеловать и обнять. Я бы отдал его им при условии, что они будут играть со мной и не оставят меня одного.

АНОНИМНО

Идея о том, что он может изменить реальность, в будущем проистекает из его способности раскрашивать жизнь в розовые цвета, минимизировать или опускать неприятные факты или объяснять жизнь более приятным образом. В неспособности увидеть «темную» или сырую сторону жизни. Эта розовая интерпретация — детский способ реагирования на семейные требования, согласно которым нельзя говорить

или показывать все, что идет не так. Это устанавливает очень прочный союз с родителями, чтобы они не чувствовали себя неполноценными или тревожными.

Мне было важно быть рядом с мамой и осознавать все, что она делала, говорила, чувствовала. Иногда я злился или скучал, сопровождая ее, но я приспособливался: я знал, что позже она сделает то, что я от нее хочу.

КАТИ ПРЕЦИАДО

Наряду с потребностью улыбаться и подбадривать других, чтобы получить одобрение и любовь, существует еще потребность передать образ «я хороший, послушный и всегда доступный», и, конечно же, страх быть уличенным на лжи. .

С пожилыми людьми я всегда боялся, что меня осудят и поставят в неловкое положение. Мое внутреннее чувство заключалось в том, что я не мог контролировать себя. Мне так хотелось быть вежливой и милой... Мой взгляд, когда он пересекался со взглядом пожилого человека, навязчиво выражал: «Я хороший». Мне так хотелось увидеть милую улыбку... Мне так хотелось защиты и одобрения...

Моей главной целью было заставить их считать меня хорошим. Прежде всего, мне нужно было убедить старейшин. У них была власть. Один страх, который я очень хорошо помню и который до сих пор испытываю, — это страх быть пойманным. Мне было очень стыдно, когда меня поймали на чем-то неприличном. Мне было стыдно за ложь, за образ, который я дал. Если я был плохим, то я был плохим. Я все время чувствовал этот страх рядом с отцом.

В вере в то, что я хороший, добрый, чем другие дети, была очень выраженная двойственность. Помню, как я продал своей племяннице (ей, должно быть, пять лет, а мне восемь) машину за то, что она десять раз провела рукой по гениталиям. На следующий день мать моего соседа пришла протестовать против случившегося. Моя мама не спросила меня, правда это или нет, она просто не поверила. На рисунке появилось большое облегчение. На заднем плане — унижение материнской любви. Фигура хорошего асексуального ребенка была настолько определена, что поведение, не соответствующее этой модели, рассматривалось как импульсивные действия, непреднамеренные действия, за которые я не мог взять на себя ответственность, не упав со своего пьедестала. А упасть с пьедестала означало поставить под угрозу то, что меня очень, во все времена любили больше, чем других.

ГИЛЬЕРМО ПЕРЕС

В этом характере, кажется, есть общая черта, особенно у женщин, — фигура отсутствующего отца, физически или символически, и последующая его идеализация.

Мой отец много путешествовал, много работал...; в заключение: его почти никогда не было дома. И я его очень любил. Я сказала, что хочу выйти за него замуж. Поскольку он всегда спрашивал меня о школе и оценках, я начал заниматься навязчиво: я хотел быть лучшим, я хотел сделать что-то, что впечатлит его, чтобы он увидел меня, чтобы он был со мной, я стал лучшим учеником школы, затем лучшим учеником университета и, наконец, правая рука начальника. Когда вы находитесь в таком положении, вы не можете его потерять, вы не можете потерпеть неудачу, и вам нужно прилагать все больше и больше усилий. Это утомительно...

АНОНИМНО

Также очень очевидна конкуренция с матерью за отца. Имеется плохо разрешившийся комплекс Электры, так как отец отводит особое место дочери (влюбленной в него) и не ставит себя на его место родителя в системе.

С моей матерью в детстве всегда было напряженно; она пытается «приручить» меня и меня, выйдя из «загона». Временами я казался очень вежливым и послушным, пока... мне не захотелось добиться своего. Моя мать боролась со мной из-за моей импульсивности и капризности. Наши отношения заключались в том, чтобы научить меня быть хорошей девочкой, подчиняться, вести себя прилично, делать то, что от меня ожидают, и красиво одеваться. Я воссоздала образ деревенской дочери в стиле Лоры Ингаллс, которая просто хочет играть, жить жизнью и веселиться.

Больше всего маму пугала моя непредсказуемость; как я мог изменить свое мнение, вкусы, направление и как я не мог ни на чем удерживать внимание. Она с подозрением относилась к тому, что я могу сделать или они могли сделать со мной, будучи убежденной, что они будут дразнить меня и использовать меня в своих интересах.

С отцом мы всегда были как друзья, у него всегда была приятная музыка в машине, он покупал нам конфеты, водил нас в кино, мы никогда не пропускали огромное мороженое, он всегда предлагал сходить в тематический парк, с ним я играл в бассейне; мой отец научил меня кататься на велосипеде и быть беззаботным, не относиться к жизни так серьезно. Я видел его очень маленьким мальчиком; Я помню, как видел его спортивную фигуру в расклеенных брюках семидесятых, мне нравилось видеть его гриву прямых, как смоль, черных волос, и я надевал очки. Присутствие моего отца было бальзамом легкости и хорошего настроения.

У меня был цвет кожи отца, ногти были как у него. Его философия заключалась в том, что бороться за что-то не стоит. Я подражал его беззаботной и расслабленной манере поведения, уступая, как и он, чтобы не спорить.

Я помню, как защищал отца перед матерью; Я полностью отождествлял себя с ним, с его пристрастием к еде, его желанием гулять, его любопытством к миру. Его работа всегда заставляла меня гордиться; он был пионером в области компьютеров. Его рассказы о поездке в Чикаго, где один компьютер занимал целый этаж... были ошеломляющими. Мне не нужно было читать рассказы; мой отец рассказал их мне. Я представлял себе жизнь полную приключений.

Мой отец показал свою привязанность ко мне своими словами и своей снисходительностью. Он говорил: «Моя маленькая девочка», «Моя брюнетка», всегда хвалил мое доброжелательное и приветливое отношение, доходя до того, что говорил моей матери: «Почему ты больше не похожа на свою дочь?» Я помню дискомфорт, услышав эти слова. С одной стороны, я чувствовал себя важным, но с другой стороны, отец упрекал мою мать за то, как она относилась к нам и к нему, и я чувствовал, что предаю свою мать.

КАТИ ПРЕЦИАДО

Так что девочка действительно чувствует, что у нее больше власти, чем у матери, над отцом, для которого она хочет быть его партнершей или его сообщницей, отвечая на его предложения. Итак, существует большая конкуренция с матерью за это место.

С самого начала мое внимание было сосредоточено на мужском мире, то ли из-за ранних увлечений, то ли потому, что дома я уже шел в сторону отца. Еще до того, как я научилась ездить на велосипеде, я уже вкрадывалась в образ отца и соревновалась с матерью, чувственно позируя для его фотографий, показывая свои ноги, чтобы соблазнить его.

АНОНИМНО

Эти неупорядоченные отношения с матерью и отцом в будущем вытекают из того, что женщине-Двум-охранителям трудно найти свое место среди женщин, будучи еще одной женщиной, вместо того, чтобы хотеть быть единственной. С мужчинами она всегда будет искать привилегированное место, а в паре поставит себя на место самодовольной девушки.

В этом смысле женщине E2 будет очень полезно осознать свое место и место матери в семье. Сложить оружие, принять на себя ущерб, причиненный матери в этом бою, и воздать благодарность, отказаться от борьбы за не соответствующее ей место. Как и признание того, что союз с отцом стоил ей потери материнства. Это трудный шаг, потому что смысл себя создается по отношению к этому месту, но в то же время он будет

очень раскрепощающим и позволит ей изменить модель отношений с другими женщинами, сближаясь и делясь с ними (вместо того, чтобы соревнующиеся). Это также позволит ей утвердиться как женщина по отношению к мужчинам и отказаться от позиции девушки.

По статистике, самцов этого признака меньше, чем самок. Будущий мужчина-консервация E2 имеет интенсивные отношения с матерью, которая придает ему особое место и эротизированную связь, что заставляет его идеализировать себя как особенного мужчину и в то же время как вечного ребенка.

Отношения с отцом могут быть в его случае *более отдаленными*, а иногда и конкурентными, что приводит к возникновению трудностей во взаимоотношениях с мужчинами, где он чувствует себя гордо превосходящим и внутренне не приспособленным к взрослой мужской роли. Этот инфантильный опыт заставляет его часто иметь очень милую внешность и более «женственный» способ соблазнения, характеризующийся сочувствием, заботой и чувствительностью.

В общих чертах, у консерватора E2 было, *казалось бы*, счастливое детство, полное внимания и упоминаний, которые подарили ему любовь и научили его тому, как устроен мир, только посредством манипулируемых и иррациональных интерпретаций. В глубине души это было детство эмоциональной незащищенности и зачастую с вредным воздействием мира взрослых. С несоответствием между чувством ребячливости и привилегированности и тем, что он является хранилищем секретов, не соответствующих его возрасту.

Он научился делать все, что в его силах, чтобы быть в центре внимания и привлекать взгляды старших, будучи вежливым, хорошим и послушным. Такова цена любви, какой ее понимает герой в детстве. Установление или получение лимита будет стоить ему столько же, сколько и уверенности в себе. Принимая решения, он будет полагаться на сторонние мнения, те, которые имели ценность на этапе формирования его характера. У него, наконец, выработалось глубокое недоверие к этой двусмысленной любви и к способности взрослых по-настоящему заботиться о нем.

В заключение, поскольку выражение его существа тем или иным образом подавляется или отрицается, он научится подавлять себя в реальности и жить в фантазии, которая будет его великим убежищем. Фантазия, с которой он украсит все недостаточно красивое. Он очень быстро поймет, что эффективный способ добиться любви — это быть радостью в доме и не мешать ему. Благодаря этому он станет экспертом в обнаружении знакомой атмосферы. И он будет ребенком с плохо разрешенным комплексом Эдипа или Электры, и этот факт принесет ему конкурентные отношения со сверстниками того же пола и трудности с позиционированием себя как взрослого в парных отношениях.

Дети-консерваторы E2 шумны, суетливы, деструктивны, терпеть не могут, когда от них требуют, отвлекают и отвлекают. Критикующие, хвастливые и импульсивные, они всегда хотят добиться своего. Многие из этих черт будут сопровождать их во взрослой жизни.

Или, наоборот: это застенчивые, неуверенные в себе, тихие и чувствительные дети, которые забывают травмирующие события и переписывают реальность посредством фантазии, пока не теряют осознание своих чувств отвращения, неприятия, гнева и даже ненависти к своим родителям или опекунам. Непокорность может появиться с подросткового возраста, когда они уже научились маскировать свои истинные чувства и перестают соответствовать образу хорошего мальчика, хорошей девочки, добивающегося внимания любой ценой, что подразумевает не только заслуги, но и все, что служит для того, чтобы выделиться.

В заключение я приведу свидетельства из своего детства:

Когда мне было пять лет, моя мать умерла, и мой отец во многом решил умереть при жизни. Фактически через несколько месяцев его поместили в психиатрическую клинику. Только сейчас, через двадцать восемь лет после его смерти, я смог открыть эту коробку, полную боли, тот эпизод моей жизни, о котором я рассказывал, как человек, пьющий чашку кофе. Теперь я могу вновь пережить панику, которую я пережил в ночь ее смерти, как одиноко я себя чувствовал, когда мне приходилось заботиться о брате, зная, что я этого не хочу, что я не справлюсь с этой задачей, что мне нужно только быть забранным. Теперь я чувствую боль в груди, боль, которая проходит... и потом, остаток от того, что мне не нужно держаться, не нужно терпеть доспехами своей груди великую печаль.

В этот момент я почувствовал боль, которую был способен выдержать мой маленький человек. Я помню, как вначале много плакала и многочисленные «нет криков» от тех, кто не мог сдерживать боль из-за моего плача. И тут я начал замораживать свою грудь, чтобы не чувствовать: начало глубокой печали, которую я все еще чувствую, таящейся здесь.

Я начал видеть все усилия на протяжении всей моей жизни, чтобы не чувствовать боли, заменяя ее двумя разными стратегиями: первая — изобретать реальность, искажать ее, раскрашивать мир в розовые цвета; а другой, прямо отодвигая все болезненное, не видя этого. От гордости я могу заморозить грудь, не осознавая, что на меня что-то действует.

Интересно, не из-за пустоты, вызванной смертью моей матери, возникло невротическое решение создать впечатление, что я сыт? Если бы это был мой способ избежать огромной зависти, которую я испытывал к другим за то, что у меня есть мать, и моего стыда за то, что я так отличаюсь от других детей. Я отвечаю да; для меня существует четкая связь между ощущением этого великого недостатка и желанием его скрыть.

Это было также в то время, когда зародилось требование делать все очень хорошо, чтобы мной восхищались сверстники и любили старшие. Я добивался привилегированного места, блестяще учась в школе. Получение хороших оценок было залогом любви моих учителей, поэтому я не колебался вкладывать в это душу. Я помню свой первый момент сильного беспокойства по поводу учебы, когда мне было десять лет, из-за того, что я не выполнил все домашние задания вовремя. Потеряю ли я любовь учителя?

Я всегда был зеницей ока своего отца. Я чувствовал, что у нас особая связь, я соревновался с матерью за любовь отца, и она не ставила меня на место, она позволяла мне быть там. После ее смерти я автоматически занял ее место, стал эмоциональной опорой отца, выполняя эдипальную роль. Я заняла место партнера и, унаследовав ту роль, которую играла с ним моя мать, стала его матерью. Дочь, партнер и мать — невозможное место. Но если бы я чувствовал себя всемогущим, я мог бы занять его. Именно здесь, я чувствую, родилась моя гордость: «Я стою больше, чем ты, и я докажу тебе это». Забота об отце, ставя себя выше него, позволила мне почувствовать себя более способной, чем весь остальной мир. Именно здесь родились фразы «Я лучший» и «Мужчины не стоят на ногах».

Недавно я услышал, как Альберт Рамс сказал, что характер формируется для того, чтобы предотвратить повторение чего-либо, и на недавнем сеансе терапии я увидел, как я поставил себя в состояние всемогущества, чтобы смерть моей матери не повторилась. Я чувствую себя более способным, чем Бог; смерть моей матери была его ошибкой. В то же время я чувствую огромную тяжесть, которую для меня значило то, что я не смог ее спасти. Появляется еще одна часть моей черты: *спаситель*. «Я всех спасу»: это моя самая безумная идея. Это защита от чего-то, чего я больше не смогу избежать. Как будто попытка спасти всех, кто, по моему мнению, в этом нуждается (независимо от того, просят они меня об этом или нет), залечит мою рану.

Я также не хотела повторить рану заброшенности, когда умерла моя мать, а отец попал в психиатрическую больницу. Там я пообещал себе: «Мне больше никто никогда не понадобится».

Для меня в детстве не было странным быть матерью моего брата. Окружающая среда помогла. Я отчетливо помню награды от родных: улыбки и похвалы за то, что я такой хороший, ответственный, за такую заботу о брате, за то, что такой сильный и смелый! Я был идеальным ребенком, каким они хотели меня видеть, я был таким очаровательным!

Я научился всегда быть доступным и угадывать, чего от меня ждут, чтобы быть уступчивым и иметь возможность любить. Я научился отключаться от своего страха и заставлять себя быть сильным. Я понял, что забота о другом важнее, чем забота о себе. Я научилась не спрашивать, чтобы не беспокоить и не разочаровывать. Я научился верить, что я настолько хорош и способен, что могу быть лучшим. И, конечно же, я научился соблазнять своим видом, грацией и красноречием.

Такое поведение принесло мне много привилегий, в семье, в школе. Я познал радость обладания этой привилегией и знания, как соблазнить взрослых дать ее мне. Анекдот: В садике, куда я ходил, нас всех уложили спать после обеда. Я не хотела спать, и мне разрешили остаться с учителями или в зоне, где могли играть старшие дети. Однажды, когда меня никто не увидел, я решил «освободить» малышей из спальной зоны. Я пошел и открыл им дверь; Пришли воспитатели, встревоженные шумом, и увидели, что двухлетние «малыши» свободно бродят с открытой дверью. На этом мои привилегии закончились.

«Привилегия»... Это звучит для моих ушей небесной музыкой. Это ослепительно, место, которое притягивает меня, ловит меня... Потому что это ловушка, палка о двух концах. Только сейчас я вижу это так. Цена, которую я заплатил за эту привилегию, была высока: с отцом я всегда был доступен, я забывал о себе; его потребности были на первом месте, затем я. Это означает мои отношения с мужчинами в будущем.

Еще одна вещь, которая характеризует мои отношения с мужчинами, — это разделение между любовью и сексом, которое начало формироваться еще в моем детстве. Я помню, как очень любила своего отца и как мне нравилось сидеть на нем, обнимать его, находиться у него на коленях, целовать его... Когда я была маленькой, я очень открыто помню физический контакт с отцом; мы принимали душ вместе, точно, пока мне не

исполнилось пять лет. Я не помню, как мы перестали это делать, хотя у меня есть сцена совместного купания, когда я спросила его что-то о его пенисе. И я начинаю жить своей детской сексуальностью со стыдом и смущением. Что-то в моем желании, должно быть, напугало моего отца, который подверг его цензуре. Я начал чувствовать, что это нехорошо; Я могла любить его, но не желать его. Этот раскол между желанием и любовью до сих пор не дает мне покоя.

VII. Персона и тень: разрушительны для себя и других

Ханна Хусейни де Оливейра

Юнг ⁵называл «персоной» образ, который мы показываем обществу; на работе, в школе или в других социальных группах. Чем больше оно отделено от нашего внутреннего «я», тем больше оно будет использоваться как маска, под которой мы проявляем качества, которыми на самом деле не обладаем.

А «тенью» он называл отрицательную сторону личности, «то есть сумму скрытых и неблагоприятных характеристик, нарушенных функций и содержания личного бессознательного».⁶

В синтезе, согласно теории Юнга, тень скрыта человеком. Последняя, которую мы создаем, чтобы защитить себя от внешнего мира, используется также для того, чтобы скрыть нас от собственной тени, и является первой, которую мы видим, когда смотрим в зеркало. Если бы мы, проявив смелость, пошли дальше, мы смогли бы увидеть за человеком те аспекты нашей личности, которые мы считаем злыми и которые не способны предположить. Там будет наша тень.

По словам Марии Адель Палкос ⁷, личность — это сторона, с которой мы себя идентифицируем, исходя из указаний тех, кто был близок нам в детстве. Таким образом, некоторые аспекты нашей личности, те, с которыми мы себя идентифицируем, становятся частью персоны. Например, женщина-консервация Е2, к которой родители в детстве относились как к самой красивой и умной дочери в семье, признает себя «самой красивой и умной», и в ней будут проявляться черты уродства и глупости. тень ее личности. Однако, если тот же самый красивый и умный ребенок также бесчисленное количество раз слышал, как родители говорили ей, что она агрессивна и беспокойна, она интегрирует эти характеристики в свою личность и отправит в тень своей личности черты мягкости и безмятежности. .

Поэтому, согласно теории Марии Адель Палкос, мы можем найти как в человеке, так и в теневых аспектах социально негативные и разрушительные как для себя, так и для других.

Если у этого персонажа есть существенный дар, то это способность «сопереживать». Мы могли бы назвать это *псевдоэмпатией*. Он представляет себя приветливым и сердечным, и именно таким он себя и воспринимает, не выдавая своих истинных намерений. Когда он глубоко соединяется с нуждами и болью других, искренне и с нейтральной внутренней точки зрения, он открывает пространство для смирения. Но именно эта способность позволяет ему создавать все стратегии соблазнения, чтобы его любили.

Таким образом, Двойки-сохранения — это хорошие девочки или хорошие мальчики, готовые, деликатные, веселые и заботливые к эмоциональным потребностям других... Так они проявляют себя и используют этот образ, чтобы гарантировать себе привилегированное место и защиту.

Но этому сопереживанию может внезапно прийти конец, если другой покажет себя контролирующим или чрезмерно зависимым, потому что этот персонаж не выносит нехватки свободы. Поскольку человек не дает себе разрешения на свободу из-за страха незащищенности и одиночества, он может оказаться в ловушке отношений, которые его отягощают, но обращение с ним становится жестким и агрессивным. И она, так боящаяся быть брошенной, хладнокровно бросает или дает себе разрешение на предательство, не принимая на себя ответственности. Таким образом, другой, который был так очарован ее мягкостью, оказывается закрытым или убегает и с большой легкостью прощает себя.

⁵К.Г. Юнг, *Психологические типы*, Routledge Classics, Нью-Йорк, 2017 г.

⁶ К.Г. Юнг, *Психология бессознательного*, Моффат, Ярд и компания, Нью-Йорк, 1916.

⁷ М. А. Палкос, *Del cuerpo hacia la luz* [*От тела к свету* — на данный момент английского перевода нет], Кир, Буэнос-Айрес, 2011 г.

В интимных отношениях, дружбе или партнёрстве у этого персонажа также может развиваться агрессивная конкуренция, где ей будет очень сложно признать его эгоизм или вступить в уточняющий диалог. Напротив, презрение к другому будет очень сильным. И если она возьмет на себя свои трудности, это может обернуться саморазрушительным презрением к себе. Наконец, самое разрушительное для себя и для другого – это оставаться в незрелых отношениях, которые питают низкую самооценку и опыт недостижения истинной свободы.

Двойку не заботит то, чтобы быть чем-то особенным, и она часто прекращает реализацию своих собственных проектов из-за страха не достичь их или потерпеть неудачу. А возможно, что он также избегает успеха и самореализации из-за страха потерять поддержку родителей, супруга или других близких людей. Он боится, что, став автономным, он потеряет свое привилегированное место и защиту. Это чрезвычайно разрушительный порочный круг.

Я вижу самосаботаж. Это очень убедительно. Я с большой деликатностью убеждал родителей, что та или иная работа мне не подходит, потому что я буду слишком мало зарабатывать, и поэтому перестал ходить на собеседования бесчисленное количество раз.

ДЖУЛИЯ ПЕССОА ХУСЕЙНИ

Одним из аспектов самосаботажа является избегание контакта с собственными ограничениями и, как следствие, с неудачей. Этот тип думает, что он должен быть «лучше во всем», и боится негатива взрослой жизни. Таким образом, он поддерживает идеализацию того, что «он сможет пройти процесс отбора» или что «его примут на собеседовании», приводя благовидные оправдания, чтобы не продолжать свои личные проекты. Таким образом, он не улетает.

Величайшее самоуничтожение сохранения E2 – это наслаждение завоеванием автономии и независимости. Он инфантилизирует взрослую жизнь, прикрываясь оправданием, поддерживающим «детское высокомерие» и идеализацией, которую он не потерпел, чтобы не потерять своего привилегированного места. Он боится, что, став автономным, он больше не будет принадлежать системе, которая изначально обеспечивала ему защиту.

Как будто Двойка в своих отношениях выражала: «Я облегчаю для тебя все, что между тобой и мной, но позволь мне остаться здесь под твоей защитой». «Содействие» в этом типе требует умения читать потребности другого. Он использует свою способность «сопереживать», чтобы удовлетворить свою невротическую потребность в любви, привилегиях и безопасности. Защитник природы E2 говорит то, что другой хочет услышать, и дает ему то, что ему нужно, забрасывая сеть для создания отношений глубокой зависимости.

В этом смысле он становится разрушительным не только для себя, но и для окружающих. Эмпатия (в принципе, дар) приходит на службу тени. В этот момент он слеп. К его реальным потребностям и к тому, чтобы по-настоящему увидеть другого. Единственное, что важно для личности этого персонажа – не потерять своего привилегированного положения и ощущения избранности. Когда его потребность быть важным и получать любовь фрустрируется, он посвящает себя использованию своих эмпатических способностей в злонамеренных целях. Это может включать в себя чрезмерную агрессивность, требовательность и мстительность.

Он также очень деструктивен в смысле невежества, подавляющего его незрелость, постоянной небрежности нежелания знать о другом, о других, о мире. Незнание неумения управляться в жизни, не брать на себя ответственность за последствия своих действий, порывов и порывов. Трудность обучения чтению контекста, а также недостаток проницательности, размышлений и терпения.

Другой аспект тени — это отрицание эмоций, которые кажутся неудобными, угрожающими, глубокими дискомфортами, которые пытаются вызвать крик о помощи для удовлетворения своих потребностей. В некоторых случаях боль; у других — печаль; а еще импотенция. Трудно признать и усвоить эмоции.

Эмоциональная разобщенность и невежество — это очень саморазрушительные аспекты, которые приводят к избеганию подлинных и прозрачных отношений с самим собой и с другими.

Говоря о любви, возможно, стоит начать с того, что Е2 «любят» себя больше других. Или, скорее, они влюблены в свой нарциссический образ. Это фундаментально затрудняет их отношения, поскольку у них нет подлинного и настоящего интереса к другим людям. Признать это сложно, потому что видеть себя таковым не приятно двусохранителю. За этим стоит много стыда и вины. И, кроме того, часто плохая самооценка (замаскированная под ложное изобилие) помогает скрыть это увлечение собой.

Я не могу по-настоящему увидеть другого. Я не заинтересован. Поскольку я центр мира, я не могу его видеть, я осознаю только свои нужды и запросы. Хотя черты моего характера очень сильны, поэтому первоначальный образ, который я создаю, прекрасен: чрезвычайно восприимчивый, добрый, любящий, почти не от мира сего... Когда я использую свою силу обольщения, которая огромна, я чувствую легкость, мне хочется кто-то особенный, привлекательный, кто-то, с кем, должно быть, приятно быть, общаться... кто-то с харизмой.

В том, кто я есть, есть много чувства вины, даже если это может показаться не так. Мне очень больно, когда я дистанцируюсь от себя и от других; в частности, от моего партнера. Я сижу, а вокруг меня зеркальный шар. Я не вижу мира; Куда бы я ни посмотрел, я вижу только себя. Никакого контакта, только я и я повсюду. Нет ни мира, ни людей.

ВАНЕСА ЛУНА

Раньше я думала, что танцую, чтобы соблазнить другого, и наверняка в этом что-то было. Теперь я танцую, соблазняю себя, очаровываю себя тем, насколько я нравлюсь себе, когда танцую, насколько я нравлюсь себе, когда готовлю, когда пою. Я обнаруживаю себя тысячу раз в день, глядя на себя в зеркало, проверяя, какая я красивая или насколько красивой я себя чувствую.

ТАНИЯ РОЖО

Ложная любовь – вот что характеризует эту черту. Как и остальные подтипы, кажется, отдает все, проявляет щедрую, добрую, почти преувеличенную любовь. Мы говорим о «ложном», потому что это любовь с подтверждением получения. Все, что дает сохранение Двойки, тщательно заносится в список, на основании которого в какой-то момент оно спросит или, лучше сказать, потребует отчета. В парных отношениях, а также в очень близких дружеских отношениях он достигает очень высокого уровня отдачи (лучше назвать это *псевдо-отдачей*): во внимании, времени, баловстве, заботе... забывая о себе и своих личных проектах; а потом позже (когда он это осознает) упрекать в этом самоотречении партнёра.

Когда я влюбляюсь, я забываю себя, я ухожу в другую тотально, я чувствую ее внутри: Ффффибббббуууууу! Я уже здесь, стремлюсь оправдать ожидания, наблюдаю, анализирую, сходяюсь... Если мне обычно трудно определить, в чем моя потребность, если я влюбляюсь... это почти невыполнима миссия!

Я помню, как не ходил в университет и не сопровождал его на работу. Мои обязательства были на втором месте; самое главное было быть с ним.

[...]

Я могла дать ему все, заставить его поверить, что отдаю себя, но глубоко внутри я знала, что не отдаю ему и не показываю ему даже сто процентов себя.

ТАНИЯ РОЖО

Согласно теории трех типов любви Клаудио Наранхо, у людей этого подтипа сострадательная любовь является воротами в отношения, как и у всех эннеатипов 2, в том смысле, что их ложное изобилие делает их щедрыми и всегда готовыми помочь и заботиться. Цель этой ложной щедрости — вовлечь другого в зависимые отношения, чтобы почувствовать себя желанным и таким образом воспитать ложный образ.

Она также разделяет с другими подтипами Двойки склонность к идеализации эротической любви, но ее сексуальная жизнь часто находится в большей степени в ее фантазиях, а в реальности она подавляет ее. Поскольку в детстве она уже пережила неоднозначный или вредный опыт на сексуальном уровне, она может оказаться в нежелательных сексуальных отношениях, скорее стремясь получить привязанность и подтверждение. В романтических отношениях, напротив, она часто переживает конфликт между любовью и сексом, с трудом объединяя оба переживания из-за страха настоящей близости и потому, что возобновляется старое чувство вины за то, что она впала в соблазн одного из родителей, вызывая ревность другого. Таким образом, он продолжает выполнять свой мандат вести себя как девочка или мальчик, в чем поведении на самом деле сексуальность имеет мало места, хотя, с другой стороны, это эротизирует отношения.

Среди подтипов Двойки она — та, кто специализируется на сострадательной любви, заботе о других и их конкретной поддержке, чему она научилась в детстве вместе со своими родителями.

Способ ухода за женщиной с таким характером заключается в том, чтобы оставаться внимательным к нуждам другого с ее теплыми и очаровательными способностями до тех пор, пока другой не почувствует себя очарованным присутствием рядом с ним нежной гейши, которая в то же время способна поддержать его эмоционально, а часто и конкретно. Давайте помнить, что среди подтипов гордыни подтип гордости является наиболее конкретным, который вкладывает больше всего энергии в действие. Но он также внезапно становится тираническим ребенком, которому своим капризным обольщением удастся подчинить другого своему приказу.

Я использовала сексуальное соблазнение, чтобы привлечь мужчин, но мне не хотелось заниматься сексом. Мне хотелось только внимания, ощущения себя раскованным, а не самого контакта. Повторяя игру детства, я искал на улице мам и пап. Я думал, что хочу отношений, но на самом деле я боялся контакта так же, как его боится ребенок.

АНОНИМНО

Развитие подлинного сострадания — это очень хорошая работа для защитника природы Е2, потому что, помимо вреда, который он может причинить своим эгоизмом, самый большой вред наносится ему самому. Отсутствие сострадания к себе происходит из-за резкости, с которой к нему обращается внутренний судья. Развитие сострадания поможет ему соединиться с материнской любовью, что позволит ему более чутко и полно видеть другого человека, с его болью и радостью. И это также поможет ему обрести любовь к себе, что повысит его способность к самообеспечению.

Работа над сострадательной любовью в SAT V изменила мою жизнь. Я испытал чувство, что не смогу уместить в своей груди столько любви. Я мог видеть других людей, наполненных их светом и тьмой; Я чувствовал глубокое уважение к их путям и их процессам. Это заставило меня взглянуть на себя более сострадательным взглядом, что позволило мне держаться за руки в моменты, когда раньше я бы раздавил себя.

ТАНИЯ РОЖО

В этом персонаже на восхищение любовью сильно влияет необходимость служить нуждам кого-то, кто способен обеспечить ей привилегированное место. Он может возложить на алтарь учителя, терапевта или кого-то еще, если это гарантирует ему убежище, где он не будет чувствовать угрозы или, прежде всего, лишения ресурсов.

Он также может использовать это место рядом с кем-то, обладающим силой, чтобы почувствовать себя храбрым, хотя он никогда не поверит в это до конца. Напротив: эта манипуляция со стороны кого-то, обладающего властью, в конечном итоге еще больше усилит его низкую самооценку из-за чувства неспособности справиться с задачей или отсутствия ресурсов для автономной жизни.

Сохранение Е2 ощущает восхищенную любовь, идеализирующую некоторых людей, но, как и в остальных подтипах, это не настоящая любовь, поскольку доминирует убеждение « **я превосхожу остальных людей** ». И хотя он одевается как ребенок, чтобы соблазнить, правда в том, что он не чувствует, что может чему-то научиться почти у кого-либо. Он дарит свою восхищенную любовь, если чувствует, что будет вознагражден, но если тот, кем он восхищается, не признает и не дарует ему что-то, он вскоре исчезает и мутирует свою восхищенную любовь во что-то гораздо более разрушительное.

Раньше мое восхищение некоторыми людьми было очень сильным, в отличие от презрения, которое я испытывал к другим, считавшимся менее важными. Некоторым я даровал почти божественный статус, и таким образом не было места ни вере в Бога, ни преданной любви. «Я существую, потому что ты веришь» оставило меня в нулевой точке, где развития было очень мало.

АНОНИМНО

Когда я восхищался кем-то, я пытался многому научиться, чтобы быть похожим на него или на нее. Но только для того, чтобы, когда позже я увижу их недостатки, я почувствовал себя лучше, чем этот человек. Сначала я провожу тщательную проверку, чтобы увидеть, достойна ли она моего восхищения, затем наступает период идеализации, за которым следует период поиска в ней каких-то недостатков, чтобы доказать, что она не так хороша, как я думал или как я думал. сказал он или она, и иметь возможность отрубить ей голову.

ТАНИЯ РОЖО

Дружба

Перед нами одинокие люди, которым трудно делиться, а, следовательно, поддерживать и углублять дружеские отношения. Когда дело доходит до поиска друзей, они становятся подобны хамелеонам. Их великая интуиция диктует правила игры, которыми можно увлечь тех, кто им интересен. Они самодовольны, забавны, остроумны, словоохотливы и обладают оттенком загадочности, что поначалу интересно. Они лучше передвигаются один на один, чем в группе, хотя в группе их наблюдательность заставляет их располагаться ближе к лидеру, к месту, представляющему их интерес.

Двойкам-Сохранителям трудно удержаться в роли, они прекрасно знают, что их скрытое лицо проявится тогда, когда они меньше всего этого ожидают. Пока другой человек сдержан, ему придется преодолеть трудности, и он будет продолжать прилагать усилия. Но когда вы начнете им доверять, они постепенно потеряют имидж хороших и понимающих детей. Наступает эйфория, они ладят, чувствуют, что контролируют ситуацию, и начинают играть в отношения. Вторгаются, не слушают, проявляют неуважение. Они плохо шутят. Они хотят быть правыми.

Короче говоря, все вытесненное в образе хороших детей, которых они продали, проявляется, и когда другой человек злится или разочаровывается в них, они впадают в глубокую пустоту; они не чувствуют себя понятыми. Они тотчас же возвращаются к своим убеждениям, они еще раз доказывают, что не могут действовать свободно, потому что, когда они поступают, другие их не понимают. Они могут ограничиться ролью жертвы, театрально обвиняя другого, но в большинстве случаев решают сдаться и закрыть главу.

Одна из самых больших трудностей человека этого подтипа – взять на себя ответственность за то, что она также причинила боль, поскольку ее эгоцентрическая позиция мешает ей видеть другого человека, а при ее самооценке трудно чтобы она признала, что она не супер-хорошая.

Я чувствовал, что я выше всех других только потому, что не принадлежу, потому что не привязан ни к одной среде, ни к другой. Это была история моей жизни: пустынная десубъектация, прикрытая гордостью.

АНОНИМНО

Это недоверчивые и властные люди, поэтому, чтобы проявить себя, им необходимо чувствовать себя очень уверенно. Им нужно доказать, что они находятся в безопасном месте, где они могут раскрыться, быть уязвимыми и раскрыть свои слабости.

В основном ими движет интерес. Они идут на контакт, чтобы другой мог удовлетворить свою потребность, используя в качестве средства соблазнение. Они понимают отношения как коммерческие контракты, как игру в одолжения. «Да ради да» трудно понять стороннику Двойки-охранителя; кто-то звонит, чтобы просто узнать, как у них дела, - это редкость. Таким образом, им очень сложно поддерживать дружеские отношения, уделять внимание другому или проявлять неподдельный интерес.

Будучи довольно независимыми и одинокими людьми, внутренний мандат самодостаточности не позволяет им рассчитывать на помощь другого, когда им нужна помощь. С одной стороны, потому что им приходится со всем справляться самостоятельно, а с другой – из-за чувства долга перед этим человеком. То же самое можно сказать и об отношениях, хотя и в более радикальной форме.

Пара

Жизнь заповедника Е2 вращается вокруг (романтической) любви. Когда он в паре, потому что у него это есть, а когда его нет, потому что ему этого не хватает. Происходит определенное слияние с другим: он считает, что его счастье зависит от факта наличия партнера, поэтому он перекладывает на другого (когда он есть) всю ответственность за то, чтобы сделать его счастливым.

Его жизнь проходит в неоднозначном эмоциональном состоянии, обусловленном сочетанием недостатка и стремления к физическому контакту. Детская зависимость сохраняется у взрослого человека от того, кого он считает старше, более способным и организованным, кто обеспечивает физическую и эмоциональную стабильность. Либи́до является важным аспектом этой комбинации. Сексуальное влечение может быть интенсивным, но оно также сбивается с толку и теряет силу при сохранении мужчины Е2, когда он проецирует на своего партнера материнскую фигуру, к которой у него было фрустрированное и фантазийное эротическое желание. Точно так же женщины с этой чертой проецируют отцовскую фигуру на своего партнера.

Необходимо сбалансировать источник удовлетворения, сделав его более внутренним и менее внешним. Рост двусохранения происходит через завершение построения внутреннего референта, который обеспечивает ему безопасность с точки зрения его способностей и автономии; в большинстве случаев эта функция делегируется партнеру. Он восхищается и его привлекают стабильные и уверенные личности, которым, по его мнению, он может посвятить больше привязанности, чем сексуальной энергии.

Сандра Майтри⁸ объясняет в этой связи, что человек этого персонажа после утраты слияния с матерью проводит свою жизнь в поисках способа воспроизвести это чувство слияния. И именно это он испытывает, когда влюбляется: огромную (и мимолетную) полноту сердца. Она путает счастье с ощущениями, которые дарит ей любящий партнер. Вместо того, чтобы направить свою энергию внутрь, чтобы реализовать себя как личность и взять на себя ответственность быть счастливой, живя полной Любовью (а не романтической любовью), ее энергия направляется наружу, чтобы получить то, что ей подходит, чтобы быть счастливой.

Место «самого важного в моей жизни» я отдаю своему партнеру, если он у меня есть, или потенциальному партнеру, если у меня его нет. Я идеализировал любовь партнера: это не просто прохождение части пути вместе, это должен быть кто-то, кто делает меня счастливым. Я возлагаю ответственность за свое счастье на другого человека, и поэтому постоянно обвиняю его, если чувствую, что что-то не так.

ТАНИЯ РОЖО

Трудность заботиться о себе приводит к трудностям с заботой о другом, чье присутствие она интерпретирует как ограничение делать то, что ей заблагорассудится. Когда есть дети, забота о них, о своем партнере и о себе переполняет ее, как будто она не может одновременно присутствовать с другими и с собой. Поэтому, хотя она кажется такой любезной и ласковой, человеку трудно иметь собственный голос в

⁸ См. С. Майтри, *Духовное измерение Эннеаграммы. Девять лиц души*, Penguin Putnam Inc., Нью-Йорк, 2001.

совместной жизни. Как будто для того, чтобы позаботиться о себе, ей нужно убрать с дороги других. И она уходит и прячется от своего партнера, чтобы делать все, что хочет: есть, ходить по магазинам, гулять с друзьями и, если осмелится, со своим возлюбленным.

Партнер становится авторитетом до тех пор, пока ее интересы не будут поставлены под угрозу; тогда появится список жалоб или бунта чувства покорения и принесения в жертву. Подчинение не считается чем-то, что она делает. А что касается «жертвования собой», то она переживает это, не делая так, как ей заблагорассудится, не поддаваясь своей прихоти, чтобы дать тот образ, который ей нравится и располагает. Ей очень сложно чувствовать себя партнершей: на равных со своим партнером. Потому что быть партнером означало бы быть такой же ответственной, как и другой, поэтому в глубине души ее это не устраивает. Если бы она взяла на себя свою ответственность, она смогла бы соприкоснуться со своими истинными потребностями.

Он идеализирует жизнь в паре; он не хочет оставаться один. Человек этого характера желает компании, но без необходимости прилагать усилия, как если бы он ожидал, что преимущества жизни в паре придут сами собой. Они будут мириться с различной неудовлетворенностью, пока живут в своей идеализации, пока не взорвутся и не обвинят другого, поскольку считают, что внесли свой вклад в свою привязанность и преданность, и поскольку у них нет способности к самокритике, когда их партнер говорит им, что их что-то беспокоит, они чувствуют себя очень обиженными и считают, что лучше разорвать отношения, чем столкнуться с трудностями.

Некоторые партнеры человека, занимающегося охраной природы Е2, выражают чувство, что их вторглись, задавили, прервали, что они не могут на нее рассчитывать, что она превращается из веселой в ненасытную, что ей ничто не нравится, что она не выносит критики... Их также соблазняет видимость легкость, свобода и иллюзия того, кто ничего не просит, чтобы быть счастливым и дарить ласку.

Когда пара решает расстаться, некоторые Двойки-сохранители удивляются, не понимая мотивов друг друга. «Как он посмел оставить меня, если я дала ему так много?» Такое замешательство не позволяет признать и усвоить свою роль в расставании. И в свою очередь, когда именно она решает разорвать отношения, ей может быть очень трудно оставаться одной, проецируя на другого страх почувствовать себя одиноким и обиженным. Иногда можно услышать, как она говорит, что ей «жалко» другого. Существует зависимость и большие трудности с потерей идеальной любви, которая когда-то существовала с партнером, или того, что, по ее мнению, она значит для своего партнера.

Отношения «на высоте»

Защитник природы Е2 различает отношения «сверху» и «снизу». Отношения «сверху» — это отношения с партнером, который явно желает ее. После стадии соблазнения и самоуспокоения по отношению к этому партнеру, чтобы обеспечить завоевание, начинает проявляться потребность этого персонажа. Появляется холодный и капризный человек с бесконечным количеством желаний удовлетворения, большинство из которых материальные. Вереница желаний появляется одно за другим, так что, как только партнер удовлетворит одно, второе уже стоит на очереди и не заставляет себя долго выражаться. Они словно устраивают полосу препятствий, чтобы доказать себе и партнеру, что это неправда, что они их любят.

У меня были отношения с парнем на шесть лет старше меня, человеком с большим и благородным сердцем. Меня очаровал тот факт, что он пойдет против меня, и я продолжал это делать, пока не победил его. Я влюбилась, я стала зависимой, я требовала от него Неба и Земли, и он дал их мне. Я просила его о проявлениях любви, он терпел огромные приступы ревности, сцены... Он удовлетворял мне все мои прихоти, требования, обеды, поездки... и я всегда смотрела на то, чего он мне не дает или чего мне не хватает.

ВАНЕСА ЛУНА

Поскольку он вкладывает так много энергии в процесс завоевания, мало-помалу он понимает, что характер, который он продал в первые дни, не соответствует действительности, и ему очень трудно его поддерживать. Когда он достигает этой точки в отношениях, он чувствует необходимость показать другую

сторону медали и переходит к противоположному полюсу. Появляются вытянутые лица, недовольство, постоянная критика, гнев (выраженный не по-взрослому с прямой конфронтацией, а по-детски, капризы которого не удовлетворены), ревность, обвинения, упреки и т. д.

Большие требования к партнеру. На самом деле настолько, что он никогда не оправдает моих ожиданий, так как мне всегда придет в голову новая безумная идея.

ВАНЕСА ЛУНА

Я поставил много сцен, в которых я был в истерике, не в своем уме, и моя энергия была сосредоточена на том, чтобы уничтожить его, уничтожить его.

АНОНИМНО

Логично, что другой ничего не понимает, потому что оказывается перед кем-то совсем другим, чем тот, которого он знал. Даже в этом случае партнер обычно прилагает усилия, чтобы понять, пытается понять. Но человек этого характера будет заботиться о том, чтобы постепенно снести любовь своего партнера, пока не сможет еще раз подтвердить, что на самом деле он его не любил. Они приведут к прекращению отношений. Фактически, она попытается заставить своего партнера взять на себя ответственность за прекращение этого, потому что, если бы она прекратила это, она запятнала бы свою самооценку как хорошую.

Я постоянно проверяю другого, пока не получу столько «доказательств» того, что другой виноват, что я прав, оставив его.

ВАНЕСА ЛУНА

Отношения «на дне»

Это те, в которых сохранение любимого объекта Е2 невозможно. Это отношения, в которых он чувствует сильное влечение к другому человеку, которого он в значительной степени идеализирует. Он смотрит только на хорошие и замечательные стороны другого человека; он не видит всего человека и безумно влюбляется в то, что видит. В таких отношениях человек этого подтипа уже не чувствует себя в такой безопасности. Она боится, что ее будут рассматривать только как сексуальный объект, и в то же время играет (очень активно) сексуальностью, чтобы поймать другого в ловушку; то есть она боится того самого, что делает, поскольку показывает себя сексуальным объектом. Эта игра также направлена на обретение ложной безопасности перед другими.

«Я весь твой, ты можешь делать со мной все, что захочешь». Секс-игрушка; его секс-игрушка. Сколько раз меня трахали от боли, а я ничего не сказал; Я вложил всю свою энергию в то, чтобы не показать этого, особенно чтобы он не заметил; это выглядит так, будто я развлекаюсь...

Я уже мог сказать, что что-то не так, но не мог ничего выразить словами; на самом деле я отрицал это сам себе; Я бы сделал все, чтобы сохранить статус-кво, каким бы болезненным, безумным и сюрреалистичным это ни было.

Я почувствовал невротический вкус быть секс-игрушкой, образом, иконой, секс-бомбой, порнозвездой.

ТАНИЯ РОЖО

В этом типе отношений другой, который просто хочет попробовать и начинает без каких-либо обязательств, внезапно обнаруживает себя привлекательным существом, но требующим обязательств с самого начала. Эта ошибка приводит к прогрессирующему дистанцированию избранника. И здесь консервация Е2 теряет свою роль. Он не понимает заброшенности и гневно требует и требует его возвращения. Фатально.

Дети эннеаграммы не терпят пренебрежения и на какое-то время погружаются в страдания. В этих отношениях «на дне» бывают случаи, когда попытка соблазнить невозможную любовь дает результат и цель достигается. Однако интерес к другим падает с той же скоростью, с которой росло желание, когда на него не отвечали взаимностью. Когда она чувствует, что другой уже принадлежит ей, что он открылся, что он влюблен, что он близок, тогда игра окончена, потому что единственное, что имело значение, — это завоевание. Что стимулировало, так это задача заставить другого сдаться.

Появилась задача – суметь заставить его заметить меня. Уметь его соблазнить, влюбить, заставить сходить по мне с ума, чтобы в его жизни не было ничего важнее меня... И я становилась все более и более ненасытной по мере того, как получала желаемое. Этот вызов взволновал меня, наполнил меня. Но это ослепило и меня, и я больше не осознавал того, чего хотел и что чувствовал. Я даже не знала, что не нахожусь в контакте с самим собой. Чем сильнее я чувствовал этот вызов, тем больше я влюблялся.

ТАНИЯ РОЖО

Противоположным полюсом обращения с другим (независимо от того, получает она его или нет) как с объектом является позволить обращаться с собой как с объектом и позволить себя унижать. Столкнувшись со страхом одиночества, который следует за расставанием, появляется очень сильная способность к выносливости.

Моя игра в соблазнение сопровождалась инстинктом кастрации. Как и в отношениях с мальчиком, которого я не очень хорошо знала. Я восхищалась им издалека, потому что у него был сильный характер, потому что он был сутенёром, потому что его очень желали девушки. Я сам очень хотел его, и когда он попал в мои руки, я презирал его.

Теперь чувство вины за такое отношение подтолкнуло меня вступить в новую игру; это подчинение унижению. После этого опыта я много раз позволял мужчинам унижать себя, почти столько же раз, сколько кастрировал.

АНОНИМНО

В этих отношениях я полностью аннулировал себя. Я позволил ему овладеть мной, позволил ему обращаться со мной так, как он хотел. Я всегда во всем винила себя и он меня, конечно, тоже винил. Я не чувствовала себя способным ни на что, если бы не был с ним. Я стала намного более зависимой, чем была в предыдущих отношениях, хотя на самом деле он не так сильно меня наполнял, и мне не было хорошо с ним, как и не было уверенности, потому что, когда я рассказывала ему о том, что со мной происходило, или мои процессы роста или мои размышления... затем он использовал их, чтобы бросить мне в лицо, когда мы обсуждали. Я всегда был «сумасшедшим».

После психологического насилия последовало физическое насилие. Мне нужно было опуститься на самое дно, потерять себя, чтобы наконец найти себя.

ТАНИЯ РОЖО

Унижение, которое консервация E2 принимает от своего партнера, тесно связано с зависимостью, которую он испытывает.

По мере того, как я становился «независимым» от родителей, я становился все более и более зависимым от своих новых отношений.

АНОНИМНО

Страх снова почувствовать детскую рану покинутости ставит его в детское и бессильное место, где он готов мириться со всеми видами ситуаций, независимо от того, осознает он или нет, что они ему вредны. Ему

нужен сильный толчок, глубокое прикосновение или кто-то, кто откроет ему глаза и сопровождает его, чтобы почувствовать его силу, чтобы иметь возможность выбраться оттуда.

Тенденции пары

Когда дело доходит до брака, многие выбирают пары, с которыми их связывает большая дружба, и отношения, а не брак, становятся детской игрой, где каждый идет своим путем и в целом взаимных обязательств мало. Однако они также часто вступают в отношения с людьми сильного и уверенного характера, компенсирующими неуверенность собственного инфантильного характера. Они жертвуют в них значительной частью своей вожделенной свободы и подчиняются ясному и аргументированному указанию партнера, что может привести к еще большей потере ответственности и почти полному аннулированию в обмен на удовлетворение желания чтобы получить привилегию, к которой они стремятся невротически.

Сохранитель E2 попадает в свою собственную ловушку, он придерживается комфорта, хотя и ценой того, что играет роль, которую он играл в своей родительской семье: подбадривать и украшать. Отсюда он дистанцируется от своего партнера, в котором, если это женщина, она видит скорее отца, чем любовника, и с которым она не чувствует себя ни понятой, ни любимой. Отношения такого типа притупляют ее жизнь, поскольку она теряет свою женскую силу и чувствует себя все более и более неполноценной. В крайнем случае отношения приводят ее к депрессивному состоянию, которое вынуждает бросить все, чтобы начать все сначала.

Соблазнение

Это постоянное соблазнение, даже не осознавая этого, заставило многих людей подумать, что я вкрадываюсь в себя: то, как я ходил, мои узкие штаны, то, как я двигал волосами, мой смех, то, как я выглядел, то, как я оставлял предложения незаконченными... На SAT я был ошеломлен количеством парней, которые думали, что я «заигрываю» с ними или что у них есть шанс со мной. Логично, что такое отношение привело меня ко многим недоразумениям.

АНОНИМНО

Хотя кажется, что соблазнение — это его искусство, на самом деле консерватору E2 очень трудно принять его и научиться его использовать из-за асексуального образа себя, который исходит от семейных интроектов. Он редко пойдет прямо к человеку, который ему нравится, и может даже сделать вид, что тот ему не интересен, потому что ему стыдно, что его заметили. Или в порыве смелости он может использовать всевозможные стратегии, чтобы «дать другому человеку понять» (по крайней мере, он так думает), что он его привлекает.

Я не соблазняю «в лицо». Много раз я чувствовал себя на том «привилегированном месте», которое должен выбрать тот, кто в моем внутреннем мире занимал высокое место в иерархии. Но это не то, чего мне действительно хотелось. На самом деле меня тянуло к другому парню, но моя неспособность приблизиться к нему и мой стыд были таковы, что я была способна пойти другим путем, чтобы не встретиться с ним.

ВАНЕСА ЛУНА

В чем причина этого непрерывного соблазнения?

Огромная потребность в контакте, ласке и нежности... Ощущение нехватки настолько сильное, что не длится долго, когда рядом появляется кто-то, с кем ты все это испытываешь...

ВАНЕСА ЛУНА

Она также впадает в компульсивные сексуальные связи один за другим в моменты депрессии, которую не выдерживает. Столкнувшись с разочарованием утраченной любви или унижением, она прибегает к сексуальному подтверждению, часто далекому от удовольствия, и уходит с еще большим разочарованием и чувством вины за то, что предала образ хорошей и чистой девушки, хорошего мальчика, который предал маму или папу.

На работе консервация Е2 соблазняет своего начальника так же, как он соблазняет партнера, чтобы получить удобное и комфортное положение по отношению к коллегам. Он не любит прямой конкуренции со сверстниками, которая требует усилий в действиях, и там он может проиграть. Он знает, что, если он понравится начальнику, он будет иметь большое преимущество перед коллегами, которые будут смущены полученными привилегиями и не облегчат его задачу. Следовательно, сотрудничество в команде будет затруднено, и он предпочтет действовать в одиночку, самостоятельно, с согласия начальника.

То же самое произойдет, если он будет занимать координационные или руководящие должности, на которых ему придется напрямую противостоять подчиненным ему людям. Он будет чувствовать себя некомфортно на этой должности и пойдет к своему начальнику, если подчиненные не будут его «слушаться», что будет связано с тем, что он не займет свое место.

В обмен на эти привилегии он способен практически на все. Он подчиняется требованиям человека, который в большей степени, чем его начальник, является его защитником, с которым он поддерживает нежные отношения, и жертвует своей личной жизнью ради работы, как если бы это была его собственная компания. Лесть начальника — это награда для ребенка-эннеаграммы, и она стимулирует его готовность служить до неожиданных пределов. Он воспроизводит с начальником привилегированные отношения, которые были у него с тем отцом или матерью, которых он тоже соблазнил. И он заново переживает отношения с братьями и сестрами, с которыми он не конкурировал напрямую, а завоевал расположение одного из двух родителей.

Похвала мотивирует меня и заставляет отдать все свои силы работе. Чтобы сохранить имидж хорошего сотрудника перед начальством, я способен пойти на крайние меры, работать до изнеможения. Но я делаю это не ради работы, я делаю это, чтобы не разочаровать его.

АНОНИМНО

Когда человек этого характера не может соблазнить своего начальника, она вступает в кризис, она теряет, ей не хватает мотивации усердно работать, она не чувствует себя замеченной или оцененной, она не знает, как быть одной из других. Она может легко сдаться.

У меня был начальник, которого я не смог соблазнить. Я продолжал его ненавидеть. Поскольку в то время между этим начальником и другим в отделе шла необъявленная война, мне было совершенно ясно, что я присоединюсь к другому, чтобы насолить ему. В конце концов нам всем удалось выгнать его из компании.

АНОНИМНО

КНИГА ВТОРАЯ: СЕКСУАЛЬНЫЙ ПОДТИП

I. Страсть в сфере инстинктов: как гордость действует в сексуальной сфере

Когда гордость вторгается или паразитирует в сфере полового инстинкта, упор делается на то, чтобы быть неотразимым, незабываемым. Эта сфера — это не только сфера сексуальных отношений, понимаемых как

одна из самых глубоких и потенциально приятных интимных связей в человеческом существе, но также и сфера аффективных отношений Я-Ты. В случае с Гордостью все эмоциональное преувеличено и питает чувство превосходства. Именно в этой аффективной связи с другим естественным инстинктом близости и ориентированными на удовольствия человеческими существами будет наиболее заметно деформироваться. Перед нами самый соблазнительный из персонажей, поставленный на службу вниманию, любви, зависимости и... «всему».

Страсть гордыни в половом инстинкте проявляется в аффективно-лабильной и поверхностной личности, соблазнительной и сексуально-провокативной, почти всегда опьяненной любовью, ошарашенной и со склонностью к нелогичному мышлению. Необдуманное поведение и ее порывистые поступки создают социальные проблемы и бурные отношения. Она театральна и гипоманиакальна, склонна к обаянию и легкомыслию, способна создавать фантастические образы, которые интригуют и соблазняют откровенных людей.

Этот признак чаще встречается у женщин. Привлекательная и опасная, она воплощает собой архетип вампира или *роковой женщины*, которая питается дискомфортом других и является специалистом в беспрецедентном разжигании их аппетита. У нее проявляются многие нарциссические черты личности.

Она независима, хотя и вкладывает много сил в то, чтобы ее воспринимали и узнавали как особенную личность. И именно это желание раскрывает глубокую зависимость от другого, которую она хочет скрыть, зависимость, которая оставляет ее в ловушке отношений, в результате чего она не свободна, несмотря на ее попытки казаться дикой и независимой.

Происхождение заключается в том, что она была эротизированным ребенком (или ребенком) в первичных отношениях со своей матерью или отцом. Она получила внимание, смешанное между привязанностью и удовольствием. Два измерения, которые естественным образом связаны у ребенка, но в случае Двойки эта природа была отклонена в сторону эротики из-за отсутствия ясности в физическом и аффективном контакте с родителями. Таким образом, ребенок усвоил, что любовь проходит через сексуальность и что доставление удовольствия другому человеку является привилегированным каналом привлечения внимания и, в конечном итоге, любви.

Во взрослой жизни этот канал является исключительным, что приводит к неумению различать естественное сексуальное желание и потребность в любовном контакте. Сексуальный инстинкт берет верх и заставляет человека быть рабом исключительной потребности быть желанным, часто отказываясь или не зная, как предоставить адекватное пространство другим удовольствиям, таким как забота или самореализация в социальной или профессиональной сфере.

Сексуальные Двойки обладают способностью заставлять других чувствовать себя непринужденно: они щедры, снисходительны и лстивы; но они также могут быть бескомпромиссными и презрительными, когда задето их самолюбие. Жаждающие близости и всегда ориентированные на сентиментальные отношения, они страстны и приятны, пока это чувство длится. Они также очень чувствительны, вплоть до гнева, когда в своей гордости чувствуют себя безответными.

Они наделены чарующей аурой, часто нетрадиционной, которую они активно используют в своих интимных отношениях. Они ищут азарта, влюбляются «безумно» и легко и на мгновение привязываются к одному человеку или предмету за другим. Это энергичные, искрометные, живые, обычно юморные (хотя и с переменным настроением), активные и импульсивно экспрессивные люди. Очень живы в своих жестах, но с нотками более или менее подчеркнутой застенчивости и с разнообразной, но не всегда поддающейся расшифровке мимикой из-за их изменчивого и двойственного отношения.

Они нарушают обещания и контракты. Не имея ни внутренней структуры, ни самодисциплины, они поддаются искушению новых и волнующих стимулов.

Как признает эта женщина:

Я хочу быть для своего партнера лучшим любовником, лучшим другом, самым творческим, самым веселым... самым лучшим и самым лучшим. Взамен я хочу, чтобы он дал мне все. И всё есть всё! Это то, что заставляет меня вибрировать и придает смысл моей жизни.

И как только я чувствую, что он не дает мне «всего», я начинаю сомневаться в отношениях: «Уже не то.... Не то, что раньше». Меня легко обидеть, и я дистанцируюсь. Я виню другого в том, что он не справился с этой задачей, и ухожу, уверенный, что найду других мужчин, которые смогут дать мне то, что я заслуживаю. На самом деле, у меня всегда есть секретный план потенциальных

кандидатов, к которым я могу обратиться (использовать), чтобы удовлетворить свою завышенную самооценку.

АНОНИМНО

Сексуальный Е2 основывает свою сильную реляционную тягу на потребности быть любимым посредством щедрого отношения к отдаче и тайному желанию стать незаменимым.

Вот как это описывает мужское свидетельство:

Я чувствую себя неотразимым. Кто-то уникальный и обаятельный, кто сможет навсегда стать хозяином других людей, потому что они его никогда не забудут. Меня больше не волнует, что разумно или разумно, логично или запрещено...

Я превращаю что угодно в чувство и появляются защитные барьеры, отделяющие меня от любой боли. Я терпеть не могу разочарований, поэтому при предварительном отборе ускользаю от потенциального отказа со стороны других. Иногда, когда я ищу немедленного удовлетворения, оно может прийти ко мне в виде неубедительного оправдания или отрицания. Тогда я злюсь, становлюсь дерзкой, выпячиваю грудь и подпитываю агрессивные стратегии (мужчины, который делает то, что хочет, потому что он сильный, уверенный в себе и сексуальный). Это длится недолго, я немедленно переориентируюсь на другие потенциально приятные альтернативы, более возможные. И, конечно, тем, кто сказал мне: «Нет», я отвечаю: «Посмотрим, милый», чтобы избавиться от них в моих дорогих чувствах.

Мне можно доверять. Я показываю это (и это правда), но, в конце концов, это всего лишь еще одно мое предложение привлечь «поклонников», которые страстно восхищаются совершенством моих ресурсов.

Мне не нужно слишком много уловок, чтобы импровизировать в эффективных отношениях. Я не делаю ничего сложного и замысловатого.

Хоть я и мужчина пары, я люблю чувствовать любовь, откуда бы она ни исходила и со всей ее силой. Потребность быть любимым соразмерно моему личному величию (иногда такое случается со мной с женой) вызывает у меня ревность, беспокойство (я хочу знать, что происходит с другой, где она) и, в зависимости от того, как, я вмешаться. Я вторгаюсь в вас, чтобы повлиять на вас и перенаправить вас на свое благополучие.

АНОНИМНО

Это рвение может перенестись и на работу, как показано в одном сексуальном Е2:

Я хочу быть «лучшим» и в своей работе, и стремлюсь к недостижимому совершенству, которое мешает мне укладываться в сроки. Например, мне трудно завершать отчеты, потому что всегда есть куда совершенствоваться. Или есть телесные сеансы с пациентами, которых я всегда заставлял бы «еще немного», и этому нет предела. Всегда «немного больше», и этого никогда не бывает достаточно. Когда я достигаю уровня, я повышаю его снова. Я не люблю «полумеры».

АНОНИМНО

Сексуальный Е2 придает смысл своему существованию, манипулируя потребностями других, гордо раздувая свое эго и скрывая свое темное стремление к зависимости. Он идет на компромисс, чтобы добиться любви, но при этом цинично льстит эго другого.

Гордость заключалась в том, чтобы чувствовать себя неотразимым как любовник и как партнер. Она не могла бы быть лучше ни с кем, кроме меня, и если бы мы расстались, я был убежден, что мой след останется в ней навсегда.

Она тоже считала меня примерным отцом, а мой таковым не был: я был выше него.

Таким образом он создает иллюзию обретения того, что ищет: любви и восхищения, поклоняясь только тем, кто обожает его.

Хотя он очень общительный, сексуальный Е2 имеет сильную и противоречивую потребность в свободе и требует чувствовать себя независимым и недостижимым. Однако его стремление к автономии скорее кажущееся, чем реальное, поскольку он очень зависит от получаемого удовлетворения. Чего он хочет, так это охранной грамоты, чтобы получить наибольшее удовлетворение от как можно большего числа людей. Он даже действует по-разному с каждым человеком, что он оправдывает количеством граней, которыми, по его мнению, он обладает: «С каждым я раскрываю разные аспекты себя». Именно поэтому он предпочитает отношения один на один.

Здесь он отличается от Эннеатипа 8, который действительно независим, вплоть до того, что не нуждается ни в каком консенсусе: чувствуя меньшую эмоциональную привязанность, он считает, что имеет полное право на реализацию своей личной свободы и, поскольку не нуждается в одобрении других, он принимает эту свободу без соблазнительной театральности.

Мы заканчиваем длинным свидетельством о мужской сексуальной Е2:

Наблюдая за своим поведением, я могу описать фазы, из которых оно состоит:

Со стимулом или без него, когда я замечаю потребность в сексе, я ищу в своем окружении вариант, который может ее удовлетворить. (Мой партнер, если у меня есть отношения. Если нет, я исследую все возможности, доступные мне.)

Как только я воспользуюсь одним из заранее выбранных вариантов, удовлетворение от их внимания отменяет необходимость. Но не потому, что я питаю свою сексуальность, а из-за взаимодействия. Контакт приводит в движение механизмы, которые ослепляют их, поглощают их волю и вызывают в них сильное влечение, чтобы пробудить все их желания ко мне.

Первоначальное желание секса уступает место преодолению вызова: «Я заставлю тебя желать меня». Однажды подтвержденное поцелуями, ласками или другими прелибидинальными проявлениями, удовольствие, которого требовал мой инстинкт, становится анестезирующим.

Времена, когда завоевание заканчивается сексом, по сути, суть в том, чтобы стать лучшим любовником. Когда коллега по фильму получает удовольствие и наслаждается через меня, я тоже заражаюсь (при этом сексуальный контакт становится вишенкой на торте, который я уже ем, прежде чем оставить одежду в изножье кровати).

Если отбор никто не проходит или те, кто его прошел, не готовы, я откладываю до появления новых поводов, говорю себе взбодриться. Но оно и понятно: меня это очень бесит и у меня злеют зубы. Я злюсь на себя за то, что не нашел способов удовлетворения своих желаний, и ищу альтернативы: мастурбация, секс с незнакомыми людьми без предварительного взаимодействия и т. д.

Я с подозрением смотрю на все, что может угрожать моему свободному самоопределению. И поэтому существует внутреннее разногласие между половым инстинктом и моей волей, которое я разрешаю отказом от спонтанности своих порывов. Я делаю это сознательно, делая ставку на создание средств, которые упорядоченным образом удовлетворяют ожидаемые стремления.

На тех этапах, когда я не был ни влюблен, ни в отношениях (то есть в какой-то короткий период своей жизни), я в конечном итоге занимался сексом с женщинами, которые мне даже не нравились. Когда моя гордость проявляется, я уделяю столько внимания тому, как ее удовлетворить (как очаровать и лишить собеседника дара речи), что отвлекаю свою инстинктивную потребность. Секс сам по себе, по сравнению со всем, что движется внутри меня, чтобы получить от него удовольствие, не так уж и важен: он длится столько, сколько нужно другой стороне, и это нормально.

Секс – это здорово, и я не могла без него, но... не без ужина перед декольте со скрещенными ногами, сдержанных ласк в баре музыкального клуба, радости шампанского во взглядах, смачивающих губы языком.

На самом деле, это почти как все остальное: оно питает меня, пока я этого добиваюсь. Я привык делать, чтобы получить. Эта специализация делает то, чего действительно хочет мой

инстинкт, второстепенным. Прирученный животный импульс имеет право доставлять мне удовольствие, когда это уместно, легко и безвредно, и он угасает, отдавая приоритет внутренней радости, которую я испытываю, испытывая эротизм достижений.

АНОНИМНО

II. Характерная невротическая потребность

Соблазнение, слово, определяющее его страсть, в сексуальном Е2 представляет собой отчаянную попытку заполнить экзистенциальную пустоту путем достижения нереальной любви. Внутреннее убеждение таково: **«Я не желанен таким, какой я есть, я должен сделать себя желанным, я должен быть неотразимым, развернуть свое оружие»**. Но эмоциональная пустота остается незаполненной; ничто не удовлетворяет его. Отсюда постоянный поиск все большей интенсивности.

Сексуальный Е2 использует *соблазнение* до предела своих возможностей в обоих аспектах *secum ducere*: ведя к другому, чтобы через этот переход захватить другого к себе. Таким образом, он обостряет свое внимание к каждой детали отношений, что позволяет ему понять, любят ли его и насколько, и считают ли его особенным. Он всегда выглядит гостеприимным и снисходительным, даже когда критикует получателя своей любви (но умеет быть резким, когда хочет указать на свою дистанцию). Теплый, приятный и полный энтузиазма, он наслаждается обществом другого человека и способен заботиться о нем, предугадывая его потребности.

Однако он заключает себя в сети захвата, которую сплетает, до такой степени, что не может отказать никому, кто проявляет признательность, и в конечном итоге оказывается в отношениях, которые он не выбирал.

Терпимое к самопожертвованию, оно упорно стремится осуществить свою мечту о любви. Но за этим скрывается большая нескромность и чувство превосходства над партнером, которое проистекает из умения уловить его самые регрессивные потребности и из твердой убежденности в том, что он способен удовлетворить их (и даже изменить) больше, чем кто-либо другой.

Как объясняет эта сексуальная Двойка:

Состоят ли мужчины в браке или в отношениях, никогда не было препятствием. С самого начала мне было все равно; даже часть меня предпочитала это, потому что я «пила мед» от этой встречи: всегда романтической и особенной. Я чувствовал себя «больше», чем их женщины.

Пример: Он тщательно ухаживал, какое-то время присылал мне стихи и цветы, сохраняя магию анонимности. Со временем мы стали любовниками; и хотя у него уже была девушка, меня это устраивало. Я получала от него лучшее, его лучшее внимание, хороший секс... Пока однажды он не упомянул, что использовал ту же стратегию соблазнения одновременно со мной и другими: Ну...! Я почувствовал себя обманутым и со словами «Я не второй по величине» разорвал отношения. Спустя годы он признался, что ему пришлось солгать мне, потому что он не мог выдержать ситуацию.

АНОНИМНО

Действительно, для этого сексуального подтипа характерно глубокое убеждение в том, что он идеальная женщина или мужчина, целитель ран другого или вдохновитель его творчества и успеха. Им трудно осознать, насколько они требовательны и полны мысленных резерваций по отношению к другим, а следовательно, насколько манипулятивен их теплый прием, цель которого – вызвать желание другого, подтвердив, «что вы любимы безоговорочно».

Находясь в отношениях, я стремлюсь оставить неизгладимый след в их существе. Быть тем особенным человеком, которого они будут помнить с улыбкой и благодарностью... навсегда.

Я питаюсь тем, что вижу их счастливыми, и приписываю это себе; это «спасибо мне». Чтобы быть лучшим, оставь мой след. "Благодаря мне." У меня в их душе такое место, что оноечно; Я знаю (и он тоже поймет), что я был таким особенным...

Втайне я горжусь его прогрессом; он добился этого, потому что он был со мной, он прошел через мои руки, и это тоже мои результаты, и именно так я это объясняю.

Чтобы он признал меня, насколько я важна для него, забываема. Как в песне «Помни меня»: «Вспомни меня, когда спишь, и я угадываю, что тебе снится, когда вдали от нашей кровати ты думаешь обо мне. Вспомни меня, когда ты помотришь в глаза прошлому, когда рассвет больше не врывается в твои объятия. Помни, как я люблю тебя, смотрю в твои глаза, привязываю себя к твоей жизни. Что моя душа была вытатуирована на твоей коже.

АНОНИМНО

Очарованный собой и своей предполагаемой способностью изливать реки любви, этот персонаж притворяется, что всегда знает, как украсть улыбку у других, чтобы обеспечить эталонный образ с чертами наслаждения и сладострастия, которые послужат топливом для все более высокого взлета. соблазнения.

Да, он соблазняет только тех, кто заслуживает его внимания, тех, кто достоин интереса. А чтобы соблазнить, он льстит, осыпая чрезмерными похвалами, чтобы другой делал то же самое и подкреплял комплиментами свой преувеличенный образ.

Напротив, он особенно чувствителен к унижениям, часто выражает обидчивость, если его упрекают. Вместо того чтобы отнестись к этому конструктивно и искренне, претендуя на исключительность, его гордость легко ранить. Тогда на первый план выходит гнев, выражающийся в циничном пренебрежении ко всему, кто в этот момент не заслуживает его внимания.

Мы были знакомы много лет и встретились в чужом городе. Выпив немного вина, я проводил его в отель, и мы флиртовали с физической близостью. Рано утром он спросил меня, хочет ли он спать один, и я с большим достоинством ответила: «У меня здесь нет власти, но я королева». И, прихватив ботинки и остальную одежду, я закончила одеваться на лестничной площадке его роскошного отеля (я даже не доставила бы ему удовольствия увидеть, как я одеваюсь перед ним). Позже я продала это как очередной анекдот из моего репертуара королевы драмы, комедийную версию, но обида осталась. Нам потребовалось восемь лет, чтобы поговорить об этом и признать, что я на самом деле чувствовал.

Я переворачиваю грустные или болезненные ситуации и выталкиваю их из сознания, превращая их в мелочи, над которыми я могу посмеяться или пошутить, продавая свой позитивный имидж перед лицом любых невзгод.

АНОНИМНО

Или как в этом прощальном письме, отправленном женщиной после того, как отношения закончились, в котором завершение было трудным, и всего через сорок дней он начал новые отношения. И она рвет, ревнивую и кусающую, свою обиду:

Рад сообщить Вам, что удалил Вас из контакта, и теперь понимаю, почему Вы взяли те книги о совместном проживании, которые Вам так подошли бы. Мне хочется вам сказать, что я тоже решаю перевернуть страницу вместе с вами, в вашем чистейшем стиле, с папкой (беру несколько уроков у учителя, к чему я молод и претендую). Оставайся в своей маленькой тюрьме, тебе это подходит. И подсластите свое бессилие и неудовлетворенность французскими тостами и сборниками дел, чтобы посмотреть, любит ли этот «новый» тоже серость и холод... (хотя бы на время). Кроме того, рассказывать всю суету о своем бывшем, о своем сыне, которого ты не видишь, о своем печальном положении... это хорошая приманка для женщин, хотя это так типично... кажется, это не по инструкции!

Наверное, ты сияешь не так сильно, как я думал, думаю, может быть, это было отражение моего собственного света, которое я увидел в тебе. Между тем, те из нас, у кого есть крылья, будут

продолжать летать и строить... зная, что жизнь дает каждому то, что он заслуживает. Теперь точно пойду спать спокойно. До свидания.

АНОНИМНО

Сначала соблазнить, потом кастрировать.

И это также показывает великодушные, столь же великое, сколь и фальшивое. Навязчивое даяние типично для всех Е2, но это особенно заметно у сексуального подтипа, который чувствует себя благодетелем, не меньше, и, как таковой, могущественным. На самом деле он боится оказаться бесполезным, если в нем нет необходимости. Глубокое самоуничижение и гордость за то, что у других есть все, что нужно, сходятся в основе характера.

Давайте теперь послушаем это свидетельство:

У меня была потребность, чтобы мною восхищались, выбирали, желали, особенно женщины, чье завоевание было целью. Чтобы добиться этого, я постарался передать образ защитного, понимающего, чуткого, заслуживающего доверия, интересного человека с оттенком загадочности. Основной целью было переспать с ними, удовлетворить свою потребность в близости, контакте, коже.

Итак, когда я был с женщиной, я проявлял внимание, понимание и интерес, а внутри планировал следующий шаг, используя интуицию, чтобы понять и удовлетворить ее желания и потребности.

В сексуальных отношениях я чувствую себя наиболее защищенным. Я прикасаюсь к своему партнеру, чтобы ласкать себя и восхищаться чувствами моего возлюбленного.

ЛУИС ЭРНАНДЕС

Специфическим способом соблазнения сексуального Е2 является *похищение*. Добыча отделяется от остальных, попадая в паутину, которая ее не поедает и не убивает, а опутывает своей нитью, к которой прилипает, и оставляет там до тех пор, пока не заинтересует их, кормя комплиментами, соблазняя, не сдаваясь. к ней, продолжая плести свою паутину для новых завоеваний, но не отпуская ее.

Хищник соблазняет свою жертву, сужая поле зрения. Он пытается манипулировать своим образом действий, мышления и чувств, чтобы стать кем-то, адаптированным к его потребностям и отвечающим его ожиданиям. Это не значит, что ему нужна «марионетка», которая перестанет его интересовать. Это амбивалентность: «Будь таким, каким я хочу, чтобы ты был, и в то же время будь самим собой, чтобы ты мог иметь для меня ценность».

Соблазнение связано с еще одним внутренним ощущением возможности делать то, что я хочу. Любой человек «соблазнительный»; речь идет лишь о том, чтобы их переопределить.

Эта власть над всем, будучи центром вселенной, поддерживается внутренним приказом, согласно которому она должна быть всем или быть ничем.

АНХЕЛЬ СААВЕДРА

Сексуальный Е2 углубляется в нюансы соблазнения:

У меня есть целый набор ресурсов и способов, с помощью которых скрывается стратегия соблазнения, в диапазоне от предельной смелости до трезвости.

Моя рана такова: «Посмотри на меня... потому что я не чувствую себя ни увиденным... ни любимым». Я искал взгляда отца, но воспринимал его как сексуальный и стыдился того, что он гордится мной. Начиная с этого момента, я активизирую весь свой репертуар, чтобы вы увидели меня в очень позитивном свете.

Это постоянный и неостановимый поиск любви (в форме того, чтобы вас видели, принимали и ценили во всех ее проявлениях). Я стремлюсь привлечь к себе ваше внимание и быть в центре. Хуже

всего быть невидимым или чувствовать себя «нейтрально». Хочется порадовать, оставив неизгладимое, неповторимое впечатление. Чтобы произвести на вас впечатление.

Соблазнение затрагивает все мое тело, эмоции и психику, и оно проявляется автоматически и естественно. Есть предпочтение доставлять удовольствие мужчинам, но я не делаю различий, и это проявляется в отношении женщин, детей... даже предметов. Все подвержено соблазну; его можно применить на практике в любой момент.

Самое главное в моей жизни — отношения, и я различаю соблазнение:

особый. К кому-то конкретному, кто мне интересен и заслуживает моего внимания. Я хочу привлечь их к себе, завоевать их и активировать увлечение (влюбиться и заставить их влюбиться). Здесь основное внимание уделяется другому: быть интересным в их глазах; Я влюблен в то, как они смотрят на меня.

б) без разбора. По отношению к кому-либо, если это соответствует моему образу, ради моего собственного самолюбия. Точка отсчета — чувствовать себя прекрасно и видеть себя интересным в своих глазах.

Часто это мимолетные контакты, в которых я использую отношения, чтобы подтолкнуть себя.

Мое знакомство — это моя улыбка, которая также является для меня самым дорогим. Много лет назад, до тех медицинских и эстетических достижений, которые существуют сейчас, я фантазировал, что худшее, что может со мной случиться, — это остаться без передних зубов (тех, которые я чистю наиболее тщательно).

Я показываю улыбающийся образ, с блеском, весельем, свежим воздухом. Анимация, энтузиазм, оптимизм и веселье; Я постоянно шучу.

Я продаю ощущение свободы и безопасности в себе. Антинормы и размещение.

Я предлагаю: Внимание, время, энергию, чувство юмора, критическое чутье, понимание, исключительность, общение, интерес к вам и вашим вещам (по крайней мере, на данный момент я намерен).

Я лью комплиментами (дед называл меня «льстецом»).

Приветливый, теплый, дружелюбный. У меня для каждого есть доброе слово, соучастующий жест, совет или личное сообщение; Я стараюсь, чтобы люди чувствовали себя комфортно вблизи.

Изысканно внимателен к деталям, щепетилен в сюрпризах, отличный хозяин, щедро дарит подарки. Я помню имена людей.

Мне нравится мое тело, мои качества; Двигаюсь грациозно и хожу легко, покачиваясь, с легкими бедрами и свободным тазом. Физически внимательный (чуть наклоняюсь вперед, постоянно киваю: гарантирую, что вас слушаю), жестикулирую и корчу рожицы и другие жесты, с открытым взглядом; Я легко свистю и пою.

Психика: разговорчивая, экспрессивная беглость, непринужденная и многогранная беседа. Я говорю спонтанно.

По внешнему виду: открытый, легкий, гибкий, невинный и альтернативный (не стандартный и модный), хиппи-шик; мой стиль натуральный и мне не нужны добавки; просто надев серьги, я чувствую себя прекрасно.

По словам друга, которого я попросил описать меня, меня привлекает следующее: «белая и нежная кожа, щедрые и здоровые формы, я источаю чувственность; ясный и озорно-привлекательный взгляд, жестикулирование руками, физическая близость, откровенность в речи и смелость (я общительна и не сдерживаюсь, даже если не знаю, куда ступаю), любопытное и любящее отношение. » Он также подчеркивает мой воинственный настрой: волевой, конфронтационный, неконформистский, свободный.

Другой друг признался мне, что «нет ничего более соблазнительного, чем завуалированное смущение», и именно тогда я понял, что даже смущение можно использовать как стратегию соблазнения.

Примеры:

С женщинами: Мы были на общей тренировке и встретились накануне. Она мне очень понравилась, и ей пришлось уехать на несколько дней; Я продемонстрировал свое обаяние, готовя для ее поездки разнообразные и изысканные бутерброды, предвидя и облегчая логистику. Она была впечатлена моей готовностью; по сей день мы большие друзья.

С психопатами: Моя подруга часто упоминала о своем страхе перед встречей с возможным психопатом. Я же подумал: «Все равно... Это всего лишь человек», доверяя своим личным способностям и ресурсам его отговорить, даже воображая, что за пять минут разговора со мной он искупит себя («психопаты мне...»). Эта самая подруга напомнила мне, что однажды она застала меня в дружеском отношении с девушкой, и когда мы прощались, я сказал ей: «И в следующий раз, когда ты меня увидишь... не граби меня». Похоже, она подошла ко мне в запугивающей манере, чтобы ограбить, а я перенаправил ситуацию своими навыками соблазнения.

По сей день я использую в своей работе «сознательное соблазнение», чтобы снять напряжение, когда возникает конфликт с разгневанными пользователями. У меня это неплохо получается... У меня всегда припасены какие-нибудь юмористические или забавные комментарии, лесть, шутки и другие проявления доброты и вежливости, чтобы снять напряжение, трансформируя гнев в улыбку.

С мужчинами: либо я ставлю их на пьедестал, идеализирую, объекты моего желания, либо они находятся под землей и я их аннулирую.

Механизм привлечения: В присутствии мужчины, который меня привлекает, я запускаю «охотничий» автоматизм. Радар излучает свет в его сторону, и даже если он смотрит в сторону или далеко, существует нить, которая соединяет, энергия, которая переплетается. Это инстинкт, при котором все мои чувства активируются, фокусируются и направляются к человеку моего желания, который остается в моем поле зрения.

Я иду по его следу, как хищник, сосредотачивая там все свое внимание, одновременно занимаясь другими делами (мне не нужно смотреть прямо на него); только я знаю, и я очень осторожен, когда вокруг больше людей.

Я делаю вид, что вызываю у него желание контакта со мной: смех, взгляды, неконтролируемое желание романтики и кожного контакта...

Как только контакт установлен, я хочу затянуть нить, которая удерживает нас рядом, и сосредотачиваюсь, восприимчивый к любому индикатору, исключительно на этом человеке; вся моя жизнь сосредоточена на них. Я пытаюсь закрепить в вашем теле мощную нить, которая энергетически удерживает меня на связи с вами.

Пример: Мы спали в соседних комнатах, хотя я почти не спал всю ночь, между летней жарой и жаром моего тела от волнения от его присутствия. Я почувствовал желание контакта; Мне нравилось его тело и он сам. Еще через две недели я мучила себя вопросом: «Почему я с ним не переспала?»

Мне нужен кто-то, кто меня обожает и доступен мне (уделяет мне неограниченное внимание). Как поётся в песне: «Я просто хочу немного всей твоей жизни». Я нетерпим к отсутствию полного внимания. Пример: кто-то достаёт телефон и смотрит на него, пока он со мной, или не смотрит на меня, когда я с ним разговариваю, или не делает жестов, подтверждающих, что меня с интересом слушают.

Но есть тонкая грань: если вы слишком доступны, я отмечаю вас как зависимого, внутренне лишаю вас сил и отвергаю вас. И если вы не обращаете на меня внимания или не совсем доступны, я выражаю свой гнев и подвергаю вас сомнению, умаляю или принижая вас обесценивающими комментариями, ищу недостатки; Я могу быть очень резким и язвительным.

Пример: Он был ко мне внимателен, но я видела его мягким, «Я бы его съела», я делала с ним что хотела. Я наказала его, переспав с его лучшим другом, отправив сообщение: «Я не принадлежу только тебе». В другом похожем примере он не проявил ко мне сексуального интереса, а я расстроилась и пошла с его другом.

Я неустанно искала романтическую любовь, идеализируя мужчину и отношения. Чувство влюбленности подобно бензину; когда я влюбляюсь, я цепляюсь за иллюзию того, насколько это будет чудесно и идеально. В отношениях: «С тобой мне больше ничего не нужно; весь мир это, это сейчас, это ты. И я делаю вашу жизнь проще, поддерживая вас в ваших проектах в обмен на ваши постоянные знаки и демонстрации того, что вы для меня, потому что в противном случае я потребую их или в конечном итоге буду искать другое предложение».

Меня привлекает властный мужчина, но не настолько, чтобы я не могла им хоть немного манипулировать. На сеансе терапии обнаружилась эта жемчужина: если в меня влюбляется

влиятельный мужчина: «У меня большие силы, чем у того, у кого есть власть. Моя сила в том, что я доминирую над человеком, у которого больше всего власти».

В культурном отношении власть принадлежит мужчинам. Для меня секс — это территория, где я могу контролировать ситуацию и чувствовать себя сильной. Я использовала свою сексуальную жизнь как разменную монету, разыгрывая нерешенные проблемы и «заряжая» их в постели, расстраивая мужчину, если это необходимо.

Мужчина также является объектом желания. И благодаря сексуальности я чувствую себя любимой. Я хочу чувствовать себя желанным; Я не уверен в своем желании и могу испытывать трудности с его реализацией (мне нужен другой, чтобы активировать его).

Без моего активного желания я могу участвовать в игре с ощущением того, что меня используют, но с удовлетворением от того, что я доставляю удовольствие. Я также могу сделать себя жертвой, а затем воспринимать мужчину как врага, захватчика, которого я отвергаю и обвиняю как агрессивного и жестокого, отстаивающего женское «нет» с идеями «не продавать себя мужчинам».

Если у меня есть активное желание, я соревнуюсь ради удовольствия, принимая на себя более мужскую роль.

Удовольствие от контакта и близости — моя слабость. Эротическое ожидание встречи пронизывает мою психику. Эротизм и чувственность служат соблазну. Сексуальность не обязательно должна быть моей целью, хотя могут быть сексуальные провокации и флирт.

Мне было относительно легко преодолеть барьер дружбы и перейти к чему-то более близкому с моими друзьями; совместный сон был способом сохранить отношения.

СОНЯ ГОМА

Человек этого характера действительно любит себя как любовника больше, чем другого, и любит сильное ощущение влюбленности. То есть до тех пор, пока эмоция сильна, потому что в противном случае они не знают, какие эмоции испытывают.

Соблазнение естественно для этого подтипа Второго типа, поскольку оно основано на лежащей в его основе амбивалентности. Оно учит и прячет, говорит «да» и «нет» одновременно, дает и берет, присутствует и отсутствует, любит и разрушает. Это двусмысленность соблазнения, где та нестабильность установок, эта непостоянство и это чувство решительного принуждения до точки неподлинности, которые проявляются в сексуальном Е2, чтобы свидетельствовать о защитном конфликте.

И есть еще одна амбивалентность, в паре противоположностей активность/пассивность. Из трех подтипов только сохранение Е2 проявляет определенную пассивность через более явную зависимость от удовлетворения потребностей выживания, тогда как два других проявляют себя более активными и независимыми. Но это маска. В глубине души как социальное Е2, так и, что более радикально, сексуальное Е2 зависят от получаемых ими удовольствий. И собственный эксгибиционизм (выраженный в интимной близости или в социальных ситуациях, направленный на одного или многих) можно рассматривать как выражение этой пассивности: «Посмотри на меня» становится *ipso facto* «Люби меня». Поэтому речь идет скорее об амбивалентности, чем о независимости.

Более того, в сексуальном Е2 эта полярность активность/пассивность находит дальнейшее выражение в игре мужского/женского. Женщина сексуального подтипа, будучи женственной и восприимчивой, стимулируется присваивающей свободой, которая социально более мужественна, поскольку она также не слишком терпит ограничений. Нередко в ее детской истории встречается модель пары с выраженным мужественно-агрессивным и феминно-пассивным полюсами или, по крайней мере, уступчивыми.

Как показано в следующем отрывке:

Накаленный гнев моего отца проявлялся внутри семьи, поскольку он верил исключительно в строгость как в воспитательный метод. Моя мать не ставила ему границ, и ее отречение не имело границ: она подчинялась каждому приказу и желанию и ставила его превыше всего.

Я не мог понять, как моя мать могла спокойно подтолкнуть нас к агрессивному и отстраненному человеку, которым становился мой отец, и я чувствовал путаницу между любовью, гневом и бунтом по отношению к тому и другому.

Этот тип отношений сохраняется в психике наряду с гордой формой мести власти, которая в культурном отношении имеет тенденцию быть маскулинной и которой она одновременно завидует и отвергает со своей обычной амбивалентностью. Вроде бы любит давать, а на самом деле требует получать, бросая вызов своим девизом: «Если я предам себя, берегись!» как говорит роковая Кармен. Оно питает подозрение в скрытой враждебности, проецируемой на объект желания: мужчину, которого нужно поймать и завоевать. И он может конкурировать с этим самцом не только, принимая на себя его агрессивность, замаскированную под женское соблазнение (культивируя своего рода психическую андрогинность), но и соблазняя женщин, как в поисках идеального партнера, так и ради удовольствия испытать этот другой аспект сексуальности в свободных и нетрадиционных формах.

Часто у сексуального мужчины E2 также были родители, у которых эта полярность очевидна.

Как в следующем примере:

Моя мать рассказала мне, что ее муж гордился ею и возносил ее на пьедестал после того, как она добивалась успеха в любой из титанических задач, которые он любил ей возлагать. Но вскоре после этого, так как она не была божественным существом и в чем-то терпела неудачу, он оттолкнул ее. Мой отец был таким: он хотел не только самую красивую и желанную женщину, но и самую сильную и решительную, непогрешимую в его глазах. Если бы она не была такой, он бы наказал ее, не разговаривая с ней неделями.

ЛУИС ЭРНАНДЕС

Сексуальный E2 может обнаружить, что он одновременно завидует и презирает обоих своих родителей за то, что они чувствуют себя исключенными. Этот болезненный опыт может выражаться в детских фантазиях о том, что он не ребенок своих родителей, а тайно усыновленный или что-то подобное.

Через соблазнение сексуальный ребенок E2 научился обеспечивать себе место, важное место. Это не просто место в другом, но становится местом в мире. Повторяющееся желание соблазнить — это призыв быть увиденным, почувствовать, что они контролируют отношения, почувствовать, что они существуют. Только благодаря соблазнению они могут избежать унижения от того, что их не считают личностью, и бездны ощущения огромной пустоты.

III. Межличностная стратегия и связанные с ней иррациональные идеи

Когнитивный мир сексуального E2 искажен центральной идеей переизбытка или *ложного изобилия* (название, определяющее фиксацию, общую для всех подтипов E2), которая поддерживает страстное чувство превосходства над другими. Происходит переоценка и интерпретация действительности, основанная на убеждении в том, что ты можешь дать больше, чем другие, что ты «универсальный даятель», особенно в сфере любви, понимания, заботы, близости...

Кроме того, быть более свободным и независимым, чем другие.

В конечном итоге быть более особенным.

Эта эгоцентрическая щедрость основана на маневре сокрытия собственной потребности, своего недостатка. Всегда недостает другого, и один должен дать другому. Это все равно, что играть роль матери для бедных детей мира, для нуждающихся людей. Один видит себя в другом и дает им: «У меня более чем достаточно, а у вас недостает», прикрывая таким образом свой недостаток другим и самим собой.

Вот пример сексуальной женщины E2:

Я чувствую свою силу, отдавая, и при этом я контролирую других, потому что ставлю себя выше, а они остаются в долгу. Мне не нужно: это настолько укоренилось в моей психике, что просить о себе было синонимом унижения самого себя. (А просить прощения еще более унижительно.) Мне все еще трудно позволить себе получать, не чувствуя, что я должен отдавать, потому что я этого заслуживаю.

У мужчин получение еще хуже. Потому что это смешивается с сексуальным аспектом, что приводит меня в еще большее замешательство. Если я позволю мужчине пригласить меня, меня одолевает мысль: «Придется ли мне отплатить ему «натурой»?» А в интиме на протяжении многих лет у меня был фронтальный отказ от поз, которые я воспринимала как подчинение: «Я не подчиняюсь. Кем он себя считает? Я не из тех, кто стоит на коленях».

Отключившись от своего сексуального желания, я подключаюсь через их, а затем вступаю в борьбу за власть, в которой использую тебя для получения своего удовольствия. Затем мое тело закрывается, изгоняет и отвергает. А если не подключаюсь, то участвую в игре, в которой держусь, пока ты не закончишь, и жду твоей благодарности. Ни в коем случае ты меня не найдешь. И я не даю; Я только притворяюсь.

У меня есть сеть друзей, находящихся в прямой связи «ты и я», и когда кто-то спрашивает, я активирую режим ответа, и это имеет приоритет, даже останавливая мою собственную жизнь. Это цена дружбы, отношений с партнером... «Я не могу тебя подвести»; Я должен взять на себя ответственность.

Мое управление отношениями осуществляется по принципу «ты и я». В нем участвует множество людей один на один. Когда у меня открыто несколько фронтов, я не удовлетворяю свои основные потребности и в конечном итоге утомляюсь. Иногда я чувствую себя втянутым в дела других людей.

Приближаясь, чтобы предложить вам то, что, как я знаю, вам нужно, я уже говорю из места, переполненного изобилием: универсального дающего, способного исполнить ваши желания. Избегание осознания недостатка, то есть атмосферы зависти, которую я переживаю как унижительную и опасную.

АНОНИМНО

Эта когнитивная система появляется в ранней детской мечте о сексуальном E2:

В детстве мне приснилось, что по дороге, по дороге в город, где мы проводили лето, мы попали в аварию, и все были без сознания. Я, хоть и был маленьким, сумел дотянуться до педалей автомобиля и инстинктивно поехал в ближайшую больницу. Я был их спасителем, и все были бы мне за это очень благодарны.

СОНЯ ГОМА

Несколько лет спустя ей приснился еще один сон:

Я устал тянуть людей за собой. Я везу подругу на ее собственном мотоцикле, но вижу, что моя поддержка становится зависимостью, потому что она перестала использовать свои собственные ресурсы. Лучшее, что я могу сделать, это позволить ей упасть и не поднимать ее.

Потом появляются другие девушки, очень расслабленные, ждут, пока я займусь их делами, пока я занят другими фронтами, и просят купить им билеты. Пусть каждый занимается своим делом, а я займусь своими делами, говорю я сердито, поднимаясь по склону в гору, и начинается дождь.

В конце концов появляется мой отец и садится на мой велосипед, чтобы я его отвез. Я смиренно крутлю педали, держа его на спине.

Этот механизм, усвоенный в детстве, в конечном итоге ослепляет меня и сбивает с толку относительно того, в чем мои настоящие потребности. Это увековечивает трудность просить, быть получателем, то есть признавать, что мне тоже нужно, и что очень часто то, что я предлагаю, особенно любовь, — это то, что мне действительно нужно.

И все же, третий вклад:

У нас был экзамен по английскому языку в официальной школе. В устной части сестра немного застряла, а я, напротив, «без умолку» болтал на всплывшую тему, в которой являюсь специалистом. Полагая, что моя сестра потерпит неудачу, я чувствовал себя виноватым за то, что не смог спасти ее во время устного экзамена по поводу ее вероятной неудачи. Чтобы компенсировать ее разочарование и повысить ее самооценку, я сделал ей фальшивый диплом. Наконец... это я потерпел неудачу, а она прошла. И что теперь? Я немного поиграла в плаксу, разочарованную и бессильную, но потом отнеслась к этому легкомысленно, в шутку сказав: «Ну да... я считаю себя пройденным, да и диплом мне не нужен!»

Вывод: вместо того, чтобы признать, что сестра мне нужна в качестве компаньона, чтобы идти на экзамены и не чувствовать себя одиноким, я вступаю с ней в конкуренцию. В устной части вспыхнула гордость («Я знаю больше...»), потом я пожалела ее, заставила почувствовать себя маленькой и даже попыталась ее утешить (думая, что ложь о поддельном дипломе ей поможет).

Сам по себе акт даяния не только усиливает мое представление о себе как о дающем, но и создает у других «эмоциональный долг», дисбаланс, когда они воспринимают меня как щедрого помощника и, сознательно или нет, чувствуют себя нуждающимися. должник.

СОНЯ ГОМА

Новый пример:

Я гордился тем, что являюсь экспертом в области хороших отношений и лучшим бывшим. В течение многих лет я тянул со своими старыми отношениями, становясь их лучшим другом, поддерживая их, предлагая им свое плечо, даже посещая некоторые из их свадеб... Поддерживая исключительную и особую связь с каждым из них, независимо от того, был ли у них другой партнер.

Я считал, что заслужил это безкатегоризованное место своими заслугами (потратив на них свое время, я приобрел права «из-за того, что между нами было»). В конце отношений я в каком-то смысле почувствовала, что он мне должен. За все, что я дал ему, за все, что я любил его, заставлял его мечтать, заставлял его вибрировать...

АНОНИМНО

Этот идеализированный образ самого себя предполагает построение и поддержание целой когнитивной системы, включающей, как мы видим, ошибочные предположения, наполняющие его многочисленными иррациональными претензиями.

Как отмечает Карен Хорни:

Гордость связана не конкретно с воображением, а со всеми психическими процессами; интеллект, разум и сила воли. [...] Идеализированный образ — продукт воображения. Но он не был создан в одночасье. Неустанная работа интеллекта и воображения, по большей части бессознательная, направлена на поддержание частного вымышленного мира посредством рационализации, оправдания, экстернализации и примирения несовместимого, короче говоря, посредством стремления заставить вещи казаться отличными от того, чем они являются на самом деле.

Таким образом, E2 маскирует свою потребность в любви под ложным изобилием; ее печаль как радость; отсутствие спонтанности как импульсивность; его репрессии как свобода; его неуважение к другим, как чрезмерное внимание и подчинение; а отсутствие обязательств приводит к ложным обещаниям.

Таким образом, межличностная стратегия сексуального E2 основана на его собственных иллюзиях относительно того, как удовлетворить свою потребность в любви. По его убеждениям, что:

- он имеет право добиться любви путем манипулирования и соблазнения;
- он исключительный и заслуживает этого немедленно;
- то, чего он не имел вчера, должно быть дано ему сегодня;
- вызвать восхищение – значит получить любовь;
- нарциссическая самодостаточность соответствует реальной автономии и свободе: ему не так уж нужны другие;
- он способен удовлетворить потребности других и быть незаменимым; и
- он полностью предрасположен к отношениям.

Что касается этого последнего убеждения, то на самом деле он более неспособен создавать эмоциональные связи. Действительно, он, кажется, стремится к тому, что пугает его больше всего: к любовным отношениям, которые невозможно осуществить, если человек не очень способен строить связи, ведущие к повседневной жизни и равенству.

И все же, его основной стратегией, как мы знаем, является соблазнение, обусловленное невротической потребностью вызывать желание у других. Он знает, что в мире, где эротическое желание очень хорошо продается на рынке личного успеха, это отличная стратегия, которой стоит желать. И хотя он внутренне осознает этот самообман, он не может отказаться от второстепенного преимущества магии контакта. Его навыки совершенствовались с годами, но он забыл, что это было средством, а не целью само по себе.

Сопутствующие иррациональные идеи таковы: **«Если они не желают меня сильно, значит, они меня не любят, или я недостоин»** и **«если они не отвечают взаимностью во всем, они не любят меня или меня»**. **Я недостоин»**.

Как мы уже говорили, щедрость сексуального Е2 скрывает мотивы, которые не так добродетельны, как могут показаться, поскольку она служит эго псевдопревосходства: **«Я должен отдавать»**. Когда он думает о себе, он видит изобилие. И он постоянно предлагает свои услуги, чтобы скрыть свое глубокое чувство отсутствия и отсутствия чего-либо, недостатка и непоследовательности.

Сопутствующие здесь иррациональные идеи таковы: **«Если я покажу свою потребность, меня не полюбят»**. **«если я покажу свою нехватку, они поймут, что я никчемный, и бросят меня»**, и **«взрослые дают, они не показывают своих потребностей; только если я буду вести себя как взрослый, они меня полюбят»**.

Проиллюстрируем их примером:

Мне было двадцать семь, когда Манель спросил меня: «А тебе... что тебе нужно?» Вопрос взорвался у меня в голове, как будто я никогда его раньше не слышал, и я ответил: «Ну... я не знаю...» Затем началась моя личная терапия.

АНОНИМНО

Другая стратегия, которая больше относится к типам самосохранения, но присутствует во всех подтипах Е2, — показать себя хорошим мальчиком, хорошей девочкой. Это способ не вступать в открытый конфликт, не конфронттировать, своего рода неявный пакт о ненападении. Никто не хочет навредить ребенку, особенно если он хороший.

Эта стратегия берет свое начало в том, что в детстве мы учились любить таким образом, скрывая плохого ребенка. Если хороший ребенок социально принят, то плохой ребенок — это тот, кто не приспособился к желаниям других, стирая свои собственные. Хороший ребенок не желает, или незаметно, что он желает, или желает только «желанных вещей». Там плохой ребенок подавляется в тени бессознательного вместе со своим инстинктом.

Сопутствующие иррациональные идеи таковы: **«Если вы будете агрессивны и покажете свой гнев, они вас не полюбят»** и **«Если вы покажете себя таким, какой вы есть, они вас не полюбят»**.

IV. Другие характерные особенности и психодинамические соображения.

Мы уже углубились в соблазнение, ложное изобилие, эгоцентрическую щедрость и отрицание нужды. Давайте теперь посмотрим на другие черты, которые являются частью личности сексуального Е2.

Некоторые из них возникают из-за того, что им трудно выдержать нападку на свой идеализированный образ. Людям этого характера трудно признать свои ошибки; они чувствительны до такой степени, что становятся нетерпимыми и пренебрежительными, когда затрагивается их гордость; и они могут стать деспотичными, когда чувствуют, что другой ускользает.

Агрессивный

Сексуальному Е2 трудно спрашивать. Они не могут просить честно из-за боязни показаться человеком, а не божеством, поэтому либо допускают манипуляции, либо занимают требовательную позицию. Они толкают и вторгаются, занимая больше места, чем принадлежит им. И они принимают нарциссическое чувство своих прав. Жизненная стратегия, которую они используют, предполагает привлечение большего внимания в их первоначальном семейном кругу.

Они импульсивны и имеют девиз: «Занимайтесь любовью и войной». Преследуя цель, они движутся вперед, не обращая внимания на свое окружение и не признавая никаких флагов, кроме своих желаний, которые они путают со своими истинными потребностями. Их агрессивность выражается в порывистости в действиях. Они повышают голос. Они покупают привязанность или что-то еще, что необходимо. Они устраивают сцены, и, как и в Е8, цель оправдывает средства, а интенсивность действий приводит к эмоциональной разобщенности, иногда ошибочно принимаемой за похотливый характер. Весь этот механизм скрывает трудность поддержания фрустрации, ограничения, «нет» как непреодолимый барьер; граница, которая, если ее преувеличить, кажется унижительной.

Люди этого характера могут стать жестокими, наглыми и высокомерными. В интимных отношениях, когда достигается определенный порог разочарования, они реагируют безразлично или уходят, не задумываясь и не терпя много времени. Они быстро заменяют потерю, соблазняя другого кандидата, скрывая таким образом чувства утраты, разочарования и боли.

В этом отношении они отличаются от социального Е2, который выражает агрессию более интеллектуально, с аргументами и объяснениями. И прежде всего от самосохранения Е2, где агрессия скрыта под детским ореолом истерик и вспышек, а не явным насилием, и может обернуться и против них самих, согласно гештальт-механизму ретрофлексии. Это то, что мы вряд ли увидим в сексуальном Е2, полностью способном направлять все импульсы наружу.

сверхчувствительный

Гордость поддерживается завышенной самооценкой, которую иногда необходимо защищать от мира. Столкнувшись с конфронтацией, критикой... или даже малейшей атакой на этот имидж, реакция гордости немедленная. Громкость реакции связана не столько со стимулом, сколько с его гиперчувствительностью.

Когда стрела пробивает защиту эго и попадает прямо в сознание, раскрывая ложь или фальшь, в ответ на болезненное беспокойство, которое невозможно выдержать, вспыхивает гиперреактивность. Вместо того, чтобы позволить себе почувствовать боль, вместо того, чтобы признать правду, которая разрушила бы их эгоистическую конструкцию, при малейшей царапине на их самооценке, они автоматически защищаются, нападая. Говорят, что гордость — это эмоция, которую «легко ранить». Это просто реакция на древнее и первобытное унижение, которое ранило их в детстве и лишило их способности различать границы, критику и унижение.

«Тонкая кожа» может быть осознанной или нет, в зависимости от степени зрелости. Но что отличает сексуальный Е2 от других подтипов, так это «спонтанная» импульсивность реакции, автоматизм максимальной «свободы выражения» импульса.

Идолопоклонник Желания

Страсть сексуального Е2 — чувствовать страсть. Страсть, которая должна быть сметена и сметена силой идеализированной и сексуализированной любви. Жизнь в порыве дает им смысл и силу, поэтому им трудно отказаться от какого-либо желания или отложить его, особенно желание любви. Желание становится ничем не сдерживаемым импульсом, стремящимся к немедленному удовлетворению, используя любые необходимые манипулятивные стратегии. Он агрессивен, непостоянен и нетерпелив, преследует то, чего у него еще нет, но, по его мнению, он заслуживает.

Самое главное желание — это желание быть любимым и довольным, быть особенным в любви. Сексуальному человеку Е2 трудно принять тот факт, что ему больше всего нужно то, что он меньше всего готов дать. Им нужно научиться любить. Ибо их трудность заключается в любви, преданности и глубокой самоотдаче.

Они ищут такой тип любви, который удовлетворяет невротическую потребность, которая никогда не может быть удовлетворена. Чего им не хватало, так это того, чего они теперь бессознательно ищут, повторяя форму любви, основанную на дефиците, основанную на соблазнении и месте, которое она им предоставила среди родителей и семьи. Движущая сила состоит в том, чтобы заполнить пустоту, это болезненное ощущение, которое указывает на то, что не все так прекрасно и любяще, как кажется, заигрывая с завистью и подвергая опасности всю эгоическую структуру.

Импульсивный и безграничный

Кто-то такой дикий и импульсивный нуждается в свободе. Отсутствие границ, удовольствие от нарушения правил во имя чувства, а не мышления. Как выразился один сексуальный Е2: «Для меня правила — это просто рекомендации».

Есть в этом персонаже боязнь ощутить границы, навязанные извне. Пристрастие к эмоциональному состоянию момента дает им атмосферу свободы, которую можно принять за истинную спонтанность и которая на самом деле отражает трудность отказа от немедленного удовлетворения импульсов. Вот почему они кажутся непоследовательными и безответственными.

Сексуальный Е2 с детства привык получать то, что хочет, переключаясь с эдиповой ситуацией, в которой они находили место близости с родителем противоположного пола. Место, которое им не принадлежало и которого они достигли посредством соблазнения, неоднозначно вызванного тем же родителем или родителями, при этом вытесняя однополого родителя, с которым у них обычно конфликтные отношения.

Они самые дикие и свободные из Двойок. В гораздо большей степени, чем, например, самосохранительный Е2, который занимает детскую позицию, отказываясь от большей части своей свободы ради получения родительских привилегий, и должен быть скорее хорошим мальчиком или хорошей девочкой, что влечет за собой большую потерю своей свободы. и спонтанный импульс.

Свобода, или, скорее, чувство «свободы», связано с этим отсутствием границ, которые никогда не были установлены, или которые происходили от чрезмерной власти, которую они соблазняли, чтобы преодолеть страх быть раздавленным, смерти.

Зависимый

С виду независимые, они выставляют напоказ свободу, которую путают с распушенностью. Но на самом деле они — скрытые, замаскированные иждивенцы; с неисповедимой зависимостью от самих себя, поскольку это разрушило бы их идеализированный образ. Им нужен другой, чтобы подтвердить их. А еще тот контакт, как ласковый, так и плотский, где они получают желаемое.

Отрицая недостаток, причиной обращения человека за помощью часто становится кризис в отношениях, когда он чувствует себя брошенным, а здание, поддерживающее его гордость, рушится.

Театральный

Термин «театральный» в настоящее время используется для определения всей эмоциональной постановки персонажа Е2 и, особенно, сексуального Е2, который является специалистом по драматизации эмоций. Их еще

называют «истерическими», в смысле сильно эмоциональных и импульсивных: эмоциональное преобладает над разумным, тяготеет к эмоциональным всплескам. Но «театральный» точнее и относится к их театральности.

Эта эмоциональная постановка может не иметь ничего общего с их более глубокими мотивами. Это всего лишь перформанс, направленный на достижение чего-то другого, при этом скрывается реальная потребность, вызвавшая энергетическую мобилизацию. Часто это происходит бессознательно, потому что каждая мотивация или ощущение связано с недостатком, чем-то, что не вписывается в их раздутое представление о себе, поэтому оно передается в бессознательное через основной механизм Двойки: вытеснение. Хотя постановка сцен в целом характерна для Двойок, театральность, экспансивность и агрессивность сексуального Е2 делают их наиболее скандальным и наглым подтипом.

Истеричность особенно очевидна в сексуальном плане Е2. Чем больше они заключены в доспехи своих персонажей, тем лучше они становятся актерами, специализирующимися на выражении привязанности в различных ее формах. Они отличаются от самосохранительных и социальных Е2 более свободным и беззастенчивым выражением страсти. Они могут предаваться своим вспышкам до такой степени, что им не хватает слов, чтобы выразить все, что они чувствуют, а их глаз, рук или всего тела недостаточно, чтобы передать свои чувства: они хотят проникнуть в другого своим голосом, взглядом и с огнём страсти.

Самые порывистые личности еще более способны выражать ярость и борьбу в эмоциональном катарсисе, подобном тому, который испытывает актер в кульминационной сцене. В соблазнении они могут достичь высочайшего уровня творчества и выразительного богатства: кошачий ритм, властный взгляд, стремящийся проникнуть в другого, смесь сладости и силы, теплоты и инстинкта, большая свобода в физическом контакте, естественная раскованность в проявлении чувств. себя обнаженными и все те проявления эротизма, которые доставляют им огромное удовольствие.

Мятежный и трансгрессивный

Е2 испытывает болезненное ощущение того, что он мошенник, что заставляет его чувствовать себя фальшивым и, следовательно, виноватым. Один из способов избежать этого — расторможение и нарушение социальных правил, но не в результате реальной автономии суждений и действий, а как выражение невротической потребности выделиться, чтобы заслужить восхищение со стороны людей, которые вызывают у них интерес.

Сексуальный подтип приводит их в область эротически-нежных отношений, даже треугольных. Они считают себя хранителями новых социальных правил посредством сексуальной свободы, демонстрируя жизненную силу и чувство превосходства над более распространенными семейными связями.

Сексуальному Е2 нетрудно стать сторонником триумфа либидо, даже с провокационными и скандальными модальностями здравого смысла, как формы нарциссического самоудовлетворения.

Им нужно чувствовать себя возвышенными в отношениях, в которых они воображают себя в центре желаний другого, очень эмоциональных, без которых они чувствовали бы себя бесплодными, опустошенными, под угрозой изоляции и опасно грустными. Все это с фантазией о том, что это другие нуждаются в их щедром приеме, хотя на самом деле именно *им нужно постоянно чувствовать подтверждение своей ценности.*

Гедонистический

Сексуальный Е2 — гедонист; их стремление к удовольствиям служит спасением от боли и любой потенциально расстраивающей ситуации, которую они не могут вынести. Как можно сказать им «нет»? Или не отвечать на их потребность в обожании!

Не сталкиваясь с пределом, они могут вовлечь других в настойчивое обещание удовольствия. Эти игры-соблазнения удовлетворяют как гедонизм сексуальных Е2, так и их потребность нарушить рутину новыми впечатлениями. Как указывает Клаудио Наранхо, заменителем этого можно считать стремление к удовольствию; а Е2, нуждающийся в устранении из своей жизни всего проблемного, беспокойного или бесполезного, ищет этого через любовь. Их низкая толерантность к разочарованию, когда они не чувствуют себя любимыми, приводит их к состояниям гнева или волнения, которые, в свою очередь, помогают им нарушить ужасную рутину.

Гедонизм делает их потребителями отношений и объектов, поскольку они снисходительны к своему сильному желанию доставлять и получать удовольствие.

Идеализированное представление о себе

Сексуальный Е2 имеет грандиозную и раздутую самооценку. Сияющий и великолепный в фантазии, он не основан на реальности посредством действий. Это мечта, но заразительная, убеждающая не только себя, но и других. Это отличается от нарциссизма Е3, чья продажа имиджа подкреплена названиями, полным набором конкретных дел, часами в спортзале, большим гардеробом или чрезмерными расходами на косметику или косметическую хирургию.

Образ вамп, роковой женщины, которой необходимо нравиться и привлекать, является компенсирующим идеалом детской раны. И энергия, вложенная в то, чтобы не позволить этому идеализированному образу разрушиться, является причиной разрыва связи с глубиной их существа.

Это театральный образ, спектакль со всеми атрибутами лжи, составленный из интимной музыки в интонациях, провокации в соблазнительных жестах и одежде и подозрительно преувеличенной дарственности.

непоследовательный

В этом несоответствии между реальностью и самооценкой сексуальный Е2 воображает себя более крупным, более щедрым и более полезным, чем он есть на самом деле.

Они слишком много живут настоящим, чтобы помнить о том, что обещали позавчера. Вам говорят: «Я тебе помогу» в таком деле. Или: «Ты знаешь, что можешь на меня рассчитывать». Или: «Я поддержу тебя во всем, что ты делаешь». Но когда приходит время, обещания не воплощаются в конкретные действия. Это скорее чувство, существовавшее в тот момент, результат эмоционального импульса, поддерживающего образ. А когда появляется возможность, то дело не столько в оказанной услуге.

Универсальный даритель

Тот, кто чувствует свое превосходство над другими, считает, что может многое дать во всех отношениях. Тот, кто постоянно избегает боли и ищет удовольствия через любовь, не может показать, что именно этой любви у него нет. Напротив, они представляют себя великими дарителями любви.

Как в этом примере:

Я вижу себя большим сундуком, бесконечным, переполненным, доступным тому, кто в нем нуждается. Все с размахом, с обильными и разнообразными возможностями (лучше иметь слишком много, чем слишком мало; немного... — это ничто, это горе).

Или я вижу себя пожарным, тушащим пожары и чрезвычайные ситуации (эмоциональные или практические). Всегда со сверхспособностями, которые можно отдавать и жалеть.

ЭНРИКЕ ПЕРЕС

Учитывая комплекс превосходства и гордости, их высокие принципы в отношении жизни, любви и отношений заставляют их считать себя моральным чудом, поэтому они игнорируют последствия своих действий и то, на что похожа реальность.

Но как они трансформируют свою потребность в любви в способность дарить любовь? Психиатрик Карен Хани говорит:

Их потребность гордиться собой настолько настоятельна, что они не могут мириться с мыслью оказаться в тисках слепых потребностей, поэтому используют свое воображение, чтобы превратить свои потребности в добродетели, превратить их в качества, которыми можно гордиться. Но такая трансформация затрагивает только компульсивные потребности, которые служат их стремлению сделать свой идеализированный образ реальностью.

Структурируя себя как характер, их потребность в привязанности и в том, чтобы чувствовать себя в центре внимания, трансформируется в любовь, в заботу. И во всем этом давлении их не покидает одна мысль: они надеются, что другие оценят то, что они для них делают. В своем расширении они уделяют больше внимания тому, что получают, чем тому, что они делают для других. Это постоянные усилия заставить других увидеть их, причем с такой высокой самооценкой, что признание, на которое они надеются, никогда не приходит, что приводит к стойкому разочарованию.

Я признаю, что всегда прилагал много усилий. Даже сейчас я чувствую, что сделал недостаточно, особенно со своим сыном. Иногда мне хочется размножиться. Когда я так себя чувствую, все, что я делаю для своего сына, моих самых дорогих друзей, моих пациентов, кажется мне неадекватным. Затем я избавляюсь от этой идеи, говоря: «Хватит уже», но скорее реактивно, чем реальным принятием себя. В конечном итоге я всегда прилагаю усилия, чтобы сделать то или иное для других.

АНОНИМНО

Это стремление является характеристикой сексуального Е2, которая способствует их способности высоко держать голову, таким образом отражая основную идею о том, что они не заслуживают этого, от своего униженного внутреннего аналога.

Антиинтеллектуальный

Сексуальная Е2 – самая эмоциональная из эмоциональных. Сексуальный Е4, также являющийся экспертом в драматических и сильных эмоциональных проявлениях, однако, имеет более интеллектуальный компонент, поскольку для проявления компетентности им необходима аргументация. В сексуальном Е2 неоспоримым аргументом являются их эмоции: дела обстоят определенным образом, «потому что я так чувствую». В этом заключается их напористость, основанная скорее на чувствах, чем на познании, и в их несдерживаемой порывистости она дает им ложное чувство безопасности и высокомерие, связанное с возможностью добиться чего-либо.

Поэтому их прочтение реальности основано скорее на чувствах, чем на объективном взгляде на факты; эмоции загрязняют каждый момент, и во имя эмоций можно делать все что угодно. Они страстно отождествляют себя с эмоциями и теряют интерес к логическому и структурированному миру мысли, который они считают тяжелым и сухим.

У меня всегда были проблемы с запоминанием текстов песен; вместо этого я сохраняю мелодии. Они катапультируют меня в мир образов и фантазий. Я часто больше вспоминаю параллельный мир, созданный моим разумом, который рождается в музыке, а не в самих текстах. Припев отсылает меня, и оттуда я улетаю в свой фантастический мир, поддерживаемый нотами.

ТОНИ АГИЛАР

Когнитивные или интеллектуальные способности обесцениваются у всех Двойок. В несколько меньшей степени это справедливо для социальных Е2, которые создают имидж ответственных, серьезных и сверхвзрослых людей. Природоохранные группы Е2, очень отождествляющие себя с базовыми потребностями, больше всего заинтересованы в конкретных действиях, чтобы получить то, что им нужно. Кроме того, сексуальный Е2 чувствует больше, чем думает, и ценит эмоциональный и сентиментальный мир гораздо больше, чем когнитивный. Позиция, лежащая в основе их главного защитного механизма: репрессий.

Конкурентоспособный

Конкурентным полем сексуального Е2 являются в основном романтические отношения. Их борьба за то, чтобы чувствовать себя уникальными и незабываемыми, становится ожесточенной, когда появляется третья

сторона, которая может их затмить. В этом случае они могут вернуться к страстной, охваченной любовью энергии, хотя неясно, действительно ли они заботятся о объекте, за который борются. Они также не задаются вопросом, действительно ли они заботятся об этом возлюбленном или друге, потому что их интерес состоит в том, чтобы победить конкурента и почувствовать себя лучшими в глазах кого бы то ни было. Они снова чувствуют свою страсть и верят в нее, но как только добыча поймана, она может больше не иметь для них никакой ценности.

Нетрадиционный

Жестикуляция сексуального Е2 открыта, неформальна и расслаблена. Они кажутся спонтанными и беззаботными, везде чувствуют себя как дома и занимают пространство, вторгаясь в него. Их отличительная черта — нестандартность, как в одежде, так и в поведении, поскольку они любят ломать стереотипы и любой ценой отличаться от других. Они могут делать на публике то, что другие делали бы только наедине, например, снимать обувь, закидывать ноги на диван, показывать шрам в интимной области, спать посреди встречи и тому подобное, игнорируя социальные условности. . Они хотят делать все, что им заблагорассудится, где им заблагорассудится и с кем им заблагорассудится. Следовательно, они являются провокаторами, подслащенными своими соблазнительными стратегиями и страхом быть отвергнутыми.

Эротические движения

Тело гордой личности описал Вильгельм Райх в своем «Анализ характера».

Его наиболее выдающейся особенностью является явное сексуальное поведение в сочетании с особым типом подвижности тела, наполненным отчетливым сексуальным оттенком. [...] В типичном случае движения мягкие и сексуально провокационные. Общее впечатление – легкая возбудимость.

Описывая телесные движения сексуального Е2, следует говорить о изящных и чувственных движениях тела с небольшими глубокими мышечными блокировками. Их телосложение насыщено энергией и формирует пропорциональные и гармоничные тела. Они кажутся интегрированными и связанными, передавая ощущение активности, живости и ловкости.

Энергия достигает самых отдаленных частей тела, придавая коже теплый и румяный вид. Взгляд, живой и яркий, будет обозначать эмоциональное состояние человека, черту, общую с остальными жесткими признаками биоэнергетической классификации.

Более специфичной для Е2 является мышечная броня в форме «кольчуги», форма защиты, общая с Е7 и подразумевающая систематическую и общую жесткость. Эта «почта», расположенная чуть ниже кожи, на фасциальном уровне, является очень эффективным механизмом снятия тревоги, поскольку она перераспределяет статическую энергию по поверхности тела. В древней войне кольчуга представляла собой металлическую броню, состоящую из переплетенных железных или стальных колец таким образом, что энергия любого удара рассеивалась между всеми кольцами; Короче говоря, эффективная формула для поглощения ударов и минимизации ущерба.

Этот защитный механизм организма срабатывает при скором появлении тревоги, как рассказывает эта женщина:

Я не мог перестать двигаться; Я чувствовала, как энергия течет по всему моему телу, он вел меня, я двигалась, никуда не направляясь, как будто я была животным в клетке, мама сказала мне, что у меня истерика, но я ничего не мог сделать.

Когда я остановился, то почувствовал в груди сильное волнение, очень неприятное ощущение, и безутешно заплакал.

АНОНИМНО

Мы видим в показаниях, как отказ мышечной защиты вызывает тревогу и, в данном случае, сдерживаемую эмоцию, которая ее поддерживала.

Благодаря этому эффективному дренажу E2, особенно сексуальный E2, редко испытывает тревогу. Эта тревога преобразуется в плавные и волнообразные движения, эротически заряженные и часто сбивающие с толку собеседника, который получает двойное сообщение: с одной стороны, провокацию; с другой стороны, не беря на себя ответственность за интенциональность движения, отделенного от сознания посредством психического защитного механизма вытеснения.

Их эротические, соблазнительные движения вызывают сексуальные реакции, хотя это не является их настоящей функцией.

Как утверждает Райх:

Когда истеричная женщина делает особенно активные сексуальные предложения, неверно предполагать, что это подлинная сексуальная предрасположенность. [...] Истерический персонаж всегда игнорирует смысл своего сексуального поведения. [...] То, что кажется сексуальным импульсом, на самом деле служит защитой.

Это чувственное, волнообразное движение, которому способствует мускульная защита в «кольчуге», позволяет провести дифференциальный диагноз с другими персонажами, не обладающими такой репрезентативной ловкостью и подвижностью.

Видимо свободные бедра

Хуанхо Альберт утверждает, говоря об истерическом характере (эннеатипе два): «Защитная функция псевдоэротического контакта и генитальной сексуальности осуществляется посредством его специализации и тренировки, позволяющей обнаруживать риск обязательств и эмоциональной капитуляции и немедленно отстраняться, когда это происходит. имеет место."

Самая крайняя форма походки сексуальной E2 — это вылитый образ вампириши, соблазнение которой передается не только ее извилистыми и преувеличенными движениями, но и тоном ее голоса, выразительностью фраз, пленительным взглядом, выразительностью ее голоса. сладострастие и покачивание бедер, предполагающие обещание безоговорочного оргазма.

Это типичное покачивание, а также втянутое положение бедер могло бы означать здоровье и связь с сексуальностью, но на самом деле это не так. «Нагруженный таз» E2 энергетически подготовлен к проявлению своей силы посредством оргазма, но движения разрядки ограничены его жесткостью и уменьшенным передним диапазоном движений таза.

Привязанность не связана с сексуальностью

Кажущаяся свобода и раскованность бедер скрывают главный конфликт этого персонажа. Это движение не полностью связано с грудной клеткой из-за одного из ее основных напряжений — диафрагмы. Это самая активная мышца при дыхании, поэтому она участвует в восприятии и выражении эмоционального мира. Отвечая за увеличение или уменьшение сигнала, воспринимаемого в груди, он способствует или препятствует прохождению импульсов, исходящих как от живота, так и от бедер, т. е. из мира потребностей или сексуальности соответственно.

У этого персонажа диафрагма сокращена настолько, что нарушает энергетическую связь между бедрами и грудью. Сокращение диафрагмы диссоциирует привязанности и потребности, отделяя эмоциональный мир от сексуальности. Мы не можем говорить о блокировке диафрагмы у персонажа с эмоциональной связью и выражением, а скорее о напряжении, которое препятствует прохождению энергии.

Сложность сдачи

Читая напряжения и блокировки сексуального тела E2, можно утверждать, что существует трудность в глубокой любовной самоотдаче, и это ее самый значительный разрыв.

Как говорит Лоуэн, «сегодняшний истеричный персонаж боится глубоких любовных чувств больше, чем генитального контакта».

Вот почему тантрическая практика, биоэнергетика, интегративная телесная терапия, психотанец или любая другая телесная техника, целью которой является объединение генитального импульса с любовным импульсом, обладают огромным целебным потенциалом для этого персонажа.

Радостный

По сравнению с другими подтипами страсти гордыни сексуальный подтип выглядит удовлетворенным и безудержным. Это отличает его от социального Е2, выражение которого менее статично, немного более серьезно и жестко из-за охватывающего их чувства важности.

Та же самая радость и улыбка сексуального Е2 сопровождаются у подтипа консервации детским выражением лица, из-за чего они часто кажутся моложе, чем они есть на самом деле.

Спендер

Деньги обеспечивают этому персонажу решающую автономию. И здесь сексуальный Е2 полагается на свои собственные ресурсы; демонстрация своих экономических потребностей унижает их, а их независимость — это скорее жест гордости, чем внутренняя свобода.

Я работаю с пятнадцати лет; летом. Для меня экономическая независимость имеет важное значение. Я могу жить с малым; Я могу съесть хлеб и помидоры или подать к столу лобстера, если захочу.

Я довольно большой транжира. У меня мало свободных денег. Меня не волнует брендовая одежда или определенные типы вещей; однако я трачу и даже не знаю, как это делаю. Деньги сами по себе не имели для меня значения; оно не является критерием для принятия решений. Даже в романтических отношениях меня не интересует, есть у мужчины деньги или нет.

Мне нужно показать, что я независим, а не просто быть таковым. Это факт силы в отношениях; Мне сложно принять, что за меня платит мужчина. Это унижает меня, и я должен ответить взаимностью как можно скорее. Это так: у меня трудности с получением.

АНОНИМНО

С детства у меня были болезненные отношения с деньгами из-за экономического банкротства моего отца и преследовавших нас кредиторов.

Потребность начать работать я почувствовала с самого раннего возраста: в пятнадцать лет я перестала учиться, хотя мне это очень нравилось, но тяготить семью я не могла. Это также связано с «нечувствием себя достойным». Я не рассказал родителям настоящую причину; это унизило бы их; вместо этого я выдумал, что у меня нет желания учиться.

АНОНИМНО

Был период, когда отец мне очень помогал с детьми и не только в этом. Это дало мне возможность добиться величия, которого я не смог бы достичь при своих средствах. Мне нравилось иметь возможность тратить деньги на красивые подарки или приятные занятия.

По словам отца, я жил неправильно. Когда, чтобы контролировать меня, он сказал: «Тогда я отрежу тебе еду», волна гордыни была настолько сильна, что я годами не брал даже пятисот лир, И я начал серьезно работать и никогда ни о чем не просил. снова. Это был холодный душ, но тоже очень полезный.

АНОНИМНО

Экономические ресурсы подчинены эмоциональным и потребности в близком контакте. Сексуальный Е2 демонстрирует безразличие к сбережению или обладанию благами. Возможно, это связано с элементарным высокомерием и необходимостью немедленного удовлетворения интенсивности момента. Поэтому они склонны тратить заработанное, но больше на других, чем на себя.

Отсутствие заботы может привести к тому, что они не распорядятся деньгами, не проверят свои счета, не будут знать, сколько они зарабатывают, или не смогут вернуть выданные кредиты.

Я совершенно не организован в вопросах денег. Я не знаю, сколько я зарабатываю, только приблизительно; Я не проверяю банковские выписки и, по сути, я в минусе!

Сегодня я чувствую себя гораздо менее щедрым, чем раньше. Иногда я задаюсь вопросом, почему я дарю подарок, и большую часть времени, ради последовательности, мне приходится воздерживаться от трат. Но когда я хочу произвести впечатление, я способен сделать очень яркий жест, чтобы соблазнить человека, который мне интересен.

АНОНИМНО

С деньгами у меня сложные отношения. Я не внимателен к счетам и не умею капитализировать. Если есть возможность, мне нравится тратить деньги на книги, музыку, семинары и пожертвования НПО. Деньги кажутся мне водой: если они текут, то это жизнь; если его сдерживать, то это застой.

АНОНИМНО

Таким образом, сила, которую сексуальный Е2 наделяет деньгам, заключается в том, чтобы служить значимым отношениям и получать взамен привязанность и восхищение. Способы их получения варьируются от щедрого удовлетворения желаний детей до прекрасных подарков партнерам или друзьям, позволяя таким образом чувствовать себя прекрасно и заставляя другого человека чувствовать себя в центре их внимания. Они даже подвергают риску собственное выживание, следуя романтическому идеалу щедрости, который преобладает над любыми другими соображениями.

Когда мне было тридцать три, я безоговорочно уволился с работы в больнице и продал принадлежащий мне дом, чтобы пережить приключение любовного сосуществования втроем, работая вместе. Я чувствовал себя воодушевленным и очень страстным. Когда все развалилось, у меня остались без сбережений и очень маленькая дочь. Для меня это было глубоким падением.

Но с этого момента я поднялся с другим сознанием и снова получил работу врача в другом месте.

АЛЬБА ШАРТРУ

Работая с мужем, мы разорились. Когда я закончил свой брак, у меня не осталось ничего; Я вообще не предохранялся. Мне было очень трудно сталкиваться с потребностями детей. Осознание того, что они оказались в таких же лишенных условиях, как и я, дало мне силы восстановиться в финансовом отношении.

Тем не менее, я всегда нахожусь на грани и начинаю беспокоиться, когда приходится платить особые расходы; Я боюсь снова впасть в унижение из-за того, что не могу этого сделать. Я склонен тратить не по средствам.

АНОНИМНО

Из-за жажды любви сексуальный Е2 испытывает больше удовольствия от отдачи и траты, чем от сохранения или обладания. Для них гордость отдачи — это сверхкомпенсация недостатка, болезненное чувство своей никчемности. Это то, что заставляет их слишком остро реагировать. Под маской изобилия контрфигура несчастного нищего проявляется через призрак падения. Именно эта контрфигура приводит к

чрезмерному самоотречению: если они не чувствуют себя достойными любви к себе, то стараются хотя бы заслужить ее за оказанные услуги.

Боязнь провала

В своей динамике отношений, где они отдают, а не получают, сексуальным Е2 трудно представить, что кто-то может позаботиться о них в случае необходимости. Из-за своей гордости они могут требовать, но не просить, поскольку отказ глубоко их ранит. Это, наряду с потребностью в свободе и автономии, порождает призрак неудачи, поскольку они воображают, что, если они не способны давать, им не будет места в мире; они будут одни.

Рядом со мной всегда был противоположный образ себя полного неудачника: нищего, алкоголика, склонного к суициду или чего-то в этом роде.

АЛЬБА ШАРТРУ

Я тоже жил с воображаемой противоположной фигурой проститутки, нищей, наркоманки.

АНОНИМНО

В детстве я пережил отчаяние своих родителей из-за того, что у них семеро детей и они не могут поставить тарелку на стол. Меня не пугает идея оказаться под мостом. Настоящая проблема — видеть, как люди, которых ты любишь, падают на дно, терпят неудачу; бессилие ужасное. Это определило мое двойственное отношение к деньгам: я хочу их, потому что они служат, но они вызывают у меня отвращение, потому что из-за их отсутствия моя жизнь стала несчастной.

АНОНИМНО

V. Эмоциональность и фантазия

Будучи не по годам развитым ребенком, он предоставлял будущим сексуальным взрослым Е2 привилегии, за которые они цеплялись, считая их выражением тайного превосходства, подтвержденного предоставленной им дополнительной степенью свободы.

Двойки нередко питают фантазии о тайном благородстве в сочетании с ощущением пророческой миссии: сексуальный подтип будет пророком любви. Точно так же, как социальный подтип пророчит перемены в общественной сфере, или подтип самосохранения пророчит удовлетворение вечного ребенка. Таким образом, Е2 живет в разнообразном мире ликующих фантазий, компенсируя их интимный недостаток.

Столкнувшись с трудностями пребывания в настоящем моменте, в теле, с болью, усталостью или разочарованием, мои фантазии разрастаются. Этим параллельным творением я разбавляю своего рода скрытую боль.

Моя потребность в развитии творческих состояний возникла, когда я заболел полиомиелитом. Я находился перед двумя врачами, которые поочередно погружали меня в две ванны: одну с холодной водой, а другую с очень горячей водой, с намерением, чтобы мое тело отреагировало, поскольку я больше не мог ничего делать. В тот момент моим желанием было покинуть тело, бежать, потому что, стоя на месте, я чувствовал, что умираю. Итак, я начал представлять и увидел, как зову маму взять меня на руки.

ПАБЛО КАНЬО

Именно в своих навязчивых фантазиях сексуальный Е2 конструирует свой характер, который они затем воплощают в повседневной жизни с множеством нюансов, манипулируя собой и другими в своей жажде

признания и превосходства, которая скрывает их потребности в любви и, следовательно, невозможность выражая их достоверно.

Давайте посмотрим, как возникает навязчивое желание фантазировать:

Мой отец называл меня «глупым, витающим в облаках». Он был прав, ведь я жил в двух тайных убежищах: читал любой роман, попадавший мне в руки, и мечтал с открытыми глазами. Пока я выполняла свои обязанности старшей дочери все более автоматически, я жила в параллельном и тайном мире, единственном, где я могла чувствовать себя кем-то, составленным из грандиозных фантазий, отчасти враждебных и противоречивых, но компенсирующих восприятие себя как лишенного какой-либо ценности. Из не дочери своих родителей, а из подкидыша благородного происхождения, в ценную и могущественную девушку, которая спасет свою семью. На детские переживания бессилия я реагировал фантазиями о всемогуществе, основанными на двух важнейших темах: триумфе мужества и истины.

В моем сознании также присутствовала, смешанная с разочарованием и гневом, постоянная тревога за мою мать. Она, хоть и всегда была беременна, без перерыва работала на семью, и я постоянно за ней присматривал, опасаясь, что она оступится. Затем это трансформировалось в фантазии о спасении ее (меня, маминого тайного мушкетера) от воображаемых опасностей и вспышек гнева отца.

Но в основном я питался фантазиями о спасении своих братьев и сестер.

АЛЬБА ШАРТРУ

Детские фантазии о героизме распространены в E2, что подтверждается этим автобиографическим фрагментом:

У меня много детских сочинений на свободные темы о приключениях рыцарей, спасающих принцесс, плененных ужасными драконами, в которых я был главным героем.

Позже мои отношения с женщинами будут связаны с этими фантазиями.

ЛУИС ЭРНАНДЕС

Или эта сексуальная женщина E2:

Когда я писал историю своей жизни, моим главным героем была королева со скипетром, и она называлась «Между улыбкой и яростью» (живущая с одинаковой интенсивностью). На невротическом уровне мне кажется, что у меня есть эта черта, но я ее «камуфлирую»: нельзя всегда быть королевой, не следует хвастаться, следует быть благоразумной и не порождать лишних подозрений.

Я также воспринимаю себя феей (у которой есть волшебная палочка, и она оставляет за собой ореол света, оставляющий за собой великолепие, блеск и радость). Или богиня. Или супергероиня... Всегда кто-то с высшими силами, со способностью управлять большим количеством энергии, которую я использую, чтобы спасти, прикрыть другого и избавить его от эмоциональных трудностей или на более прагматическом уровне.

СОНЯ ГОМА

Этот эннеатип с раннего возраста ощущал, что им неоднократно отказывали в любви, возможно, даже тогда, когда они еще кормились грудью матери, глядя в глаза. Бесконечная и отрицаемая ностальгия по месту и времени, исключительно материнским, является причиной многих их решений. Неудовлетворенная потребность проецируется на великодушное представление о себе как о человеке, способном предложить ту любовь, которой, по их мнению, им не хватает.

Женщина сексуального подтипа вызывает:

Времена оправдания свободной любви полностью соответствовали той новой модели женщины, которую я сконструировал в своем воображении и с которой позже, манипулируя собой, я отождествлялся. Теперь, когда я чувствовал себя никем не принадлежащим, я мог принадлежать всем, кто мне нравился. Мне нравилось провоцировать мужчин сексуально и интеллектуально, мне нравилось теоретизировать и воплощать пьяное ползание любви без исключительных уз. Моим любимым мыслителем был Жорж Барай, теоретик Эроса и излишеств. Я видела себя жрицей секса, оргиастически-галлюциногенной женщиной, способной разжечь и укротить своими чарами чарующие и яростные эротические фантазии мужчин. Это был мой новый бунтарский образ, хаотично смешанный с попыткой возместить ущерб посредством предлагаемого удовольствия.

Параллельно с отношениями с партнером я открыто заводил романы, которые быстро бросил. Не то чтобы я оставил после себя трупы, но дальнейшие безрассудных удовольствий я не пошел.

Совершенно в другом регистре, чем дочь, которая мечтала защитить свою мать от отца, я продолжал предсказуемо приручать людей-людоедов. Согласно укоренившемуся во мне образу мужественности, я собирался очистить самые темные и самые животные инстинкты, спроецированные на них, управляя тонко кастрирующим Эросом, смешанным с материнским языком укрывательства. Мужчин берут за шиворот; это то, что я узнал.

Я создал гибрид, который сделал мужчин почти ребяческими, такими же безответственными, как и я, но они восхищались моей сексуальной и интеллектуальной свободой. Мой разум был наполнен фантазиями о том, чтобы быть космическим священным любовником, чья любовь имела место для всех, как на панической вечеринке, дарящей радость и искупление через секс. Не осознавая, что это была попытка залечить мою первоначальную рану (глубокую потребность в любящем теле моей матери) посредством сумеречного волшебства переплетенных тел.

Иногда фантазия трансформировалась, и я видела себя объектом, уничтоженным мужскими желаниями и властью. Но в этом хаосе я продолжала питать стремление к идеализированным любовным отношениям с столь же идеальной мужчиной. Это был фасад другой, еще более разрушительной фантазии: считать себя идеальной женщиной, гипотетически способной принимать все от другого и удовлетворять его желания, и в то же время автономной, свободной, оптимистичной и приятной.

Все эти всемогущие и великолепные фантазии сосуществуют с утомляющим фоновым ощущением неадекватности и неподлинности, коренной и фрагментарности. Спустя годы я осознаю, насколько близок был к тому, чтобы впасть в смертельную депрессию. Чтобы избежать этого, я раздувал себя, устанавливая отношения со смесью взаимного удовольствия, вызывающего восхищение и одаренной заботой, искажая мои истинные потребности.

АЛЬБА ШАРТРУ

Эти калейдоскопические эротически-аффективные отношения действительно сосуществуют с идеализацией уникальных и абсолютных любовных отношений, таких как отношения ребенка с матерью, и сексуальный Е2 способен перевернуть их жизнь с ног на голову, чтобы осуществить эту мечту.

Им несложно иметь партнера в течение длительного времени, проживая при этом множество побочных и изменчивых эротико-аффективных отношений. Их потворство своим желаниям делает это возможным. Однако партнер со временем может отказаться от них; тогда тоска и отчаяние становятся невыносимыми, и в отчаянном обращении к первичной силе, родственной инстинктивной агрессивности, они преодолевают боль, готовые к новым захватывающим приключениям.

VI. Детство

Прогрессивное построение личностной идентичности предполагает признание себя как человека, не спутанного с другим, и в то же время развитие чувства принадлежности, отличного от слияния, когда нет различия между собой и другим.

Этот путь начинается с рождения, понимаемого как отделение от слияния с матерью и конституирование индивидуальности. В психологическом развитии это взаимное разделение между матерью и ребенком

продолжается на протяжении последовательных эволюционных стадий, среди которых первые, неонатальные, являются особенно деликатными и являются основой для построения идентичности.

Судя по многочисленным биографическим рассказам, кажется, что те, у кого развился характер, соответствующий второму энеатипу, столкнулись с эмансипацией матери с типом трудности, которая не позволяла им развить способность к принадлежности или собственной идентичности. Поэтому они склонны постоянно воспроизводить в отношениях магию невозможного слияния, своего рода нарциссическое очарование, при котором они воспринимают другого не как другого человека, а как отражение самих себя. Особенно это заметно у сексуального подтипа с его нетерпеливым поиском идеального партнера.

Во многих историях людей с сексуальным характером Е2 эта слитая связь с матерью развивалась в рамках конкурентных отношений или конфликта между родителями. Итак, запрошенный ими ребенок столкнулся с дилеммой: принять сторону одного или другого, с вытекающим из этого страхом потерять одно из двух.

В случае с женщинами это привело к утрате райского места отношений с матерью вплоть до вступления с ней в конкуренцию. А для мужчин самым тяжелым последствием является сохранение якобы идиллических отношений с матерью при невозможности общения с отцом.

Нередко этот конфликт приобретал оттенок неуместного соблазнения со стороны одного из родителей, что усиливало у ребенка иллюзию возможности оказаться на месте пары. Место, полное гордости и в то же время подавленной печали из-за потери заботы и защиты, которую они должны были получить в детстве.

Этот стиль отношений, где нужно заслужить свое место, соревнуясь с тем, с кем у него есть эмоциональная связь, сексуальная Двойка будет повторять в своей жизни, как в отношениях, так и в дружбе.

Возвращаясь к эмансипации матери, Е2 скрывает глубокую тревогу разлуки, как описано в следующем автобиографическом повествовании:

Больше всего в жизни меня заставлял страдать страх, почти всегда неосознанный, чувствовать себя покинутым. Страх быть никем, существовать только в предпочтениях другого, особенно своего партнера.

Первоначальная рана возникла из-за чрезмерной привязанности к материнско-сексуальному пространству, вплоть до неспособности переносить разлуки, ужаса ощущения пустоты, парализующего небытия. Гордость быть любимицей, единственной в Ее глазах, кем бы она ни была, пришла позже. Раньше существовала чистая и простая потребность быть любимым.

АНОНИМНО

На инфантильных стадиях ребенка, у которого разовьется этот характер, просили «повзрослеть» преждевременно до такой степени, что показывать себя ребенком, которым он был, считалось унижительным и обесценивающим. На самом деле, сломленное раннее детство из-за проблем взрослых, задолго до того, как потребность ребенка чувствовать себя защищенным и желанным гостем, является обычным явлением. Это происходит из-за потребности семьи в том, чтобы они заботились о младших братьях и сестрах, или потому, что один из родителей кажется более слабым и зависимым, или даже из-за чрезмерного требования вести себя как взрослый со стороны соблазнительного родителя.

Этот энеатип должен был подавлять свои детские потребности, а также зависть и ревность (к братьям и сестрам или к одному из родителей), которые считались проявлениями малой личной ценности. Затем они проявили себя великодушными и понимающими, но в то же время они совершали различные нападки на связь посредством первых вспышек гордого превосходства.

Они оказались в затруднительном положении: им приходилось вести себя так, как если бы они были более зрелыми, чем на самом деле, чтобы обрести ценность в глазах эмоционально значимых людей с детства. И в то же время им нужно было развивать актерские навыки в рамках мощной гиперадаптации, которая усовершенствовала их способность воспринимать эмоции и потребности других, чтобы добиться восхищения и признания.

Таким образом, они рано обнаружили, что для привлечения внимания используется двойственная и льстивая злоба человека, который, не понимая хорошо, будут ли они больше нравиться, сказав «нет» или «да», смущенно остается в снисходительной позиции, которая может быть справедливой для обеих вещей. , добродушно улыбаясь. Таким образом, ассертивность в детстве была изменена ранними и постоянными усилиями выглядеть на должном уровне, быть приятным и желанным.

Но это «как бы» предполагает интуитивное осознание собственных подлых обманов с неизбежным последствием чувства вины и неискренности, столь же тяжёлого, сколь велика потребность в признании со стороны других.

Именно тогда эти неустойчивые чувства становятся спусковым крючком для дальнейшей и более интенсивной художественной литературы, образуя порочный круг, который неустанно возобновляется.

Очень скоро ребенок, у которого развился характер Е2, чувствует себя неадекватным из-за своего маленького роста и тормозит утверждение своих детских потребностей. Возможно, они чувствовали себя растерянными и покинутыми.

Таким образом, они не только чувствовали сильный стыд и унижение из-за того, что были маленькими и не на должном уровне, они не только реагировали, делая добродетель необходимостью и идентифицируя себя с требованиями родителей, принимая «как будто» они были старше, отвергая свои потребности в привязанности, но им пришлось заплатить за это цену своей чувствительности, научившись запираť свое мучительное чувство покинутости с помощью сверхкомпенсации гордого превосходства.

Таким образом, гордость за выдающиеся достижения в глазах родителей заглушила, но не стерла самовосприятие своей малости и неадекватности, которое, напротив, в Четвертом Эннеатипе находится скорее на поверхности.

Читаем отрывок из автобиографии:

Видно, что у меня большая зависимость. Это источник огромных страданий для меня и для тех, с кем я поддерживаю аффективные отношения. Но странно то, что в большинстве ситуаций я этого не осознавал. Более того, это превращается в «Я могу справиться сам», величайший самообман в моей жизни. Поддерживать такое раздутое эго — варварство; уязвимость всегда скрывается под видимостью самодостаточности, а страх быть брошенным превращается в отказ от других.

АНОНИМНО

Но не все люди с сексуальным характером Е2 испытывали в детстве дефицит любви. Некоторые, напротив, ощущали вокруг себя полноту любви и гордились тем, что выросли с мыслью, что для поддержания такого уровня одобрения им нужно оставаться очень активными.

Как в следующем свидетельстве:

Я родилась с даром любви, так как мои родители любили друг друга в момент моего зачатия. В детстве я получила много любви и была открыта для ее получения, как и безусловная любовь моей бабушки А. и сила и агрессивность моей бабушки С. Тогда я не могла поверить, что, ничего не делая, я смогу продолжать поддерживать этот подарок; Я понимал, что мне нужно сделать многое, чтобы заслужить это. Я стал гордым, чтобы не потерять любовь.

Жизнь своими ударами постепенно лишила меня этого чувства превосходства. Падение было важным, и падения всегда были связаны с переживаниями покинутости.

КОНСУЭЛО ТРУХИЛЬО

VII. Персона и тень: разрушительны для себя и других

С раннего детства человек чувствует себя обязанным строить, камень за камнем, свое лицо, представляемое другим, маску отношений, *личность*. Это попытка утвердить и придать реальности идеальный образ самого себя, почувствовать себя принятым или значимым. Но прогрессивная идентификация с личностью подразумевает своего рода искажение, принуждение к одному аспекту себя, что становится вынужденной, недостоверной идентичностью.

Теперь черты, характеризующие личность, не исключают свою противоположность, то, что скрывается под маской и мы либо не знаем, либо не хотим признавать о себе, те содержания самосознания, которые мы

отвергаем и, вытесняя их от себя, проецируем на других: тень. Темный и разрушительный аспект нашего существа: чем меньше мы знаем, тем больше он вырисовывается.

Осознание того, что личность — это лишь неполный аспект самого себя и что она не заслуживает того, чтобы ее раздували и наполняли часто нарциссическим содержанием, предполагает осознание аспектов тени, обратной стороны самого себя, собственных ограничений и недостатков. , а значит, и все, чем человек никогда не будет и о чем им болезненно напоминает каждое разочарование. Вот почему интеграция персоны и тени осуществляется через самопреобразующий процесс принятия собственных недостатков, собственной деструктивности, разочарования в том, кто разочаровался, прежде всего, в себе.

Е2 — один из эннеатипов, которые чаще всего идентифицируют себя с нарциссическим выражением себя и испытывают большие трудности с осознанием своей тени. С другой стороны, то, что проявляется в этом персонаже как непосредственность, яркость и оригинальность, является противоположностью неподвижной маски и разрушительности тени.

Нарциссические структуры личности характеризуются чувством всемогущества. Это тоже часть второго типа, но в этом подтипе его превосходит эксгибиционизм. По словам Кохута, «безграничный эксгибиционизм грандиозной личности... заключается в ее настойчивом желании, чтобы ею восхищались», тогда как ее всемогущество — это «ее настойчивость в осуществлении тотального контроля».

В сексуальном подтипе эксгибиционизм является особенно деструктивной чертой как для самого себя, так и для эмоционально значимых людей, поскольку он запятнает именно ту область, которая их больше всего интересует: эмоциональный обмен. Их жажда нравиться, чтобы быть любимыми, желание чувствовать себя сильно желанными, как правило, неутолимы, и вместе с этим сексуальный Е2, громко заявляющий о своей любви, рискует точно разрушить любовь и любовные отношения.

Давайте прочитаем свидетельство мужчины, относящегося к этому подтипу:

В фантазиях легко быть страстным, и так же легко становишься бесстрастным. Очевидно, что быть принятым другими с такой тенденцией показать, что с тобой все в порядке, и, видимо, предложить себя.

Обман, ставший настоящей экзистенциальной катастрофой, помог мне выжить. Позволил другим поверить, что со мной в их руках был драгоценный камень. Я потратил огромное количество энергии, даже экономической, на поддержание обмана. Я много раз переезжал, менял женщин и работу; Я понес невосполнимые потери и нанес вред своему здоровью, постоянно отрицая свою тень.

Я не осознавал большинства своих кризисов и не осознавал, что они совпадали с чувством покинутости. Кризисы, которые длились недолго, у меня была очень низкая толерантность к разочарованиям: я реагировал другими обманами, в форме «женского секса», чтобы соблазнить и, возможно, подчинить.

Когда я начал осознавать свои пределы, я обнаружил, что я страстный и жестокий. От «я могу все» до «я ничего не могу» существует очень тонкая мембрана. Раны тела и души проявились сразу.

Я не считаю себя навязчивым соблазнителем в том смысле, что я всегда во всем стремился к предосторазмерному тону; но я считаю себя жертвой самого себя.

АНОНИМНО

Слишком гордые, чтобы признать получение любви или чувствовать, что они получают достаточно для своих нужд, сексуальный Е2 тайно дисквалифицирует другого. Эта дисквалификация с позиции превосходства происходит из их табу на чувство зависти. Вместо этого им легко завидовать. Можно сказать, что они возлагают на других ответственность за чувство зависти и пытаются направить ее на себя, получая дополнительное преимущество в виде гордости от получаемого ими восхищения.

В парных отношениях они более или менее тонко склонны инфантилизировать их или делать безответственными. Возможно, потому, что они не могут освободиться от той инфантильной жажды блаженной близости с матерью, которую они склонны воспроизводить в инвертированном виде в парных отношениях. Или заткнуть подземное ощущение ненадежности и опасности, которое они смутно воспринимают по отношению к себе: «Если я люблю тебя, берегись!» Или выставить напоказ определенную силу в отношениях.

Если они почувствуют, что превосходство ускользает от них, они нападут на ту связь, в создании которой они страстно участвовали. И в конце концов, этот человек, который казался таким теплым, щедрым и страстным, становится холодным от истерического безразличия, когда он рискует почувствовать себя побежденным потерей или простым и человеческим ограничением необходимости сталкиваться с эмоционально угрожающими ситуациями.

Чем более стратегически они подходят к созданию близких отношений, тем меньше они проявляют себя в тех сферах жизни, которые требуют других ресурсов.

Таким образом, в полярности персона/тень этот персонаж, который кажется хвастливым, вместо этого скрывает застенчивость. Они кажутся вполне уверенными в себе, но втайне дрожат от страха перед достоверностью представлений, которые они реализуют, с тревогой, что в конечном итоге потерпят поражение из-за уязвимости и неуверенности.

Однако следует учитывать, что ложным является не только их чувство безопасности, но и их незащищенность. И здесь они не просто принимают свои пределы, а обесценивают себя в своего рода самообращении: «Я никчемный... Я ничего не знаю... Другие лучше меня». Затем случается, что они уже не знают, что думать или что чувствовать, или не знают, чего хотят. Упорствуя в этом чувстве бессилия, они могут стать откровенно зависимыми от других или найти убежище в меланхолии чувства одиночества, безнадежности, покинутости.

Продолжая оставаться в полярности персона/тень, они кажутся оригинальными и творческими, но это будет неестественным результатом постоянных усилий выделиться. Они кажутся независимыми, но при этом во многом зависят от впечатления, которое производят на других. Они кажутся страстными, но внутри заморожены или даже не понимают, что чувствуют. Они кажутся спонтанными и, напротив, очень сконструированными. Они кажутся щедрыми и заботливыми, но скрывают агрессивную уместность и неожиданную обиду, ощущая глубоко внутри себя огромную потребность в любви и одобрении, чтобы компенсировать трудности чувств, поскольку внутри себя они чувствуют себя холодными, опустошенными и неспособными дарить любовь, как рассказывается в следующем автобиографическом фрагменте:

Я не знаю, какой ангел приютил меня под своими крыльями, потому что жизнь, которую я вел, легко могла меня погубить. Я как будто жил странную смесь страсти и холодности, эмоциональное исступление сменялось какой-то холодной коркой вокруг сердца, которая по мере своего формирования не позволяла мне достучаться ни до других, ни до самого себя.

Когда я видел, как с моими братьями и сестрами плохо обращались или чувствовал себя униженным, я кипел от гнева, но затем эта ярость заключала себя в железную оболочку, и, за определенным пределом, я больше ничего не чувствовал. То же самое, когда я чувствовал, помимо боли, гнев покинутости. Я лишил себя эмоций, симулируя превосходство, фальшь которого я не воспринимал через «мне не нужно».

Когда я ощущал это состояние истерического безразличия, для которого в то время я не мог найти причину, я не чувствовал себя подлинным или правдоподобным, и это усугубляло мою сухость. Затем это ощущение исчезло, и я снова почувствовал боль и радость. Однако страх выразить свою потребность в любви и поддержке остался; Я боялся, что если начну, то не остановлюсь и буду захвачен вихрем смертельного бессилия.

Теперь, после последнего экзамена SAT, я чувствую большее осознание своих самых подлинных потребностей и способность просить о помощи.

АЛЬБА ШАРТРУ

VIII. Любовь

Любовь – это то, что придает смысл жизни сексуального человека Е2, который редко чувствует себя удовлетворенным без большой любви. Их мотивацией является непрерывный поиск романтической любви, переживаемый со страстной интенсивностью и преследуемый как осознание своей личной значимости посредством исключительной мечты о славе, которую они чувствуют способными достичь.

Их возможный набор романтических отношений оправдан поиском второй половинки - очень распространенный способ выражения этого персонажа, который не осознает, что это иллюзорная и явно нарциссическая цель.

Грандиозный образ себя соответствует не менее грандиозному образу романтического партнера. Как в этом примере:

Я жаждал встречи с особенной, красивой, необычной, оригинальной женщиной. Я влюблялся в женщин, которых тогда идеализировал до такой степени, что считал их совершенными, украшая их качествами, которые я для них придумал, ставя их таким образом на пьедестал, на котором, поскольку они были не богинями, а людьми, я не мог удержаться. их надолго. И рано или поздно пришло разочарование и стремление к новой, грандиозной и окончательной любви.

Но пока они оставались на пьедестале, я был их лучшим пропагандистом, «продавая» их как лучших в своей профессиональной области и как людей, ценность которых вскоре признает мир.

Однако моя приверженность не была полной, как будто в глубине души я чувствовал, что все это не безопасно и не навсегда. В каком-то смысле я оставил себе путь к отступлению, позволивший мне продолжать компульсивно соблазнять, иметь альтернативное решение в случае неудачи, уже посеяв семена для того, чтобы это произошло. Мне не нравилось демонстрировать вне отношений свою эмоциональную приверженность, оправдывая себя неконформистом, тогда как на самом деле это было сделано для того, чтобы не уменьшать число возможных кандидатов для игры в соблазнение. Даже моя защита сексуально открытой пары, несмотря на вред, который она мне причинила, основанная на предполагаемой потребности в свободе, я думаю, она была связана с этой неспособностью взять на себя обязательства по отношению к женщине. Одна женщина не смогла заполнить мою пустоту любви. Но и все женщины в мире не могли этого сделать, хотя я этого не понимала.

ЛУИС ЭРНАНДЕС

Учитывая, что основой защиты Е2 являются чувства и эмоции, этот персонаж движется по отношению к другим, он сильно реляционен. Такое отношение подчеркивается попыткой залечить первоначальную рану: заброшенность. В детстве у них не было возможности выразить свою потребность в привязанности и заботе, а также свою боль.

Отвержение для этого эннеатипа — худший риск депрессии. Поэтому они применяют превентивные стратегии посредством неистовой погони за любовью, которая представляется им как полное и вечное удовлетворение желания. Рвение таково, что делает их живыми и активными, но на самом деле они бегут по беговой дорожке, поскольку любовь, которую они ищут, ориентирована на самих себя: они не знают, как любить другого таким, какой он есть, но за потребности возлюбленного, которые, по их мнению, они могут удовлетворить, чтобы сохранить это самовосприятие величия. Таким образом они приобретают значение в глазах любимого, ставя себя в первом лице как необходимость для другого, да и вообще фантазируя о персонификации самой сущности любви, выставленной перед обожанием другого на пьедестале.

Однако случается, что они падают с пьедестала. И затем этот персонаж защищается от эмоционального падения с помощью набора стратегий. Какие? Давайте посмотрим на их положение в круге эннеаграммы. Чувство исключенности из любви и восхищения унижает их самооценку, и это вызывает у них гнев, но этот гнев заставляет их признать свою эмоциональную зависимость.

Признание, которое, в свою очередь, углубило бы пропасть утраты и сделало бы их гнев более разрушительным: «Этого не может случиться со мной, не со мной!» В результате этого сближения возникает гордость и кажущаяся автономия того, кто, не терпя нарциссической раны, вместо того, чтобы вступить в контакт со своим отчаянием, реагирует, выхватывая аффективную власть над собой у другого. Они превращают перенесенное отвержение в проявленное отторжение — «они могут уйти, они меня не заслуживают» — переходя от обожания к презрению. Гордость защищает их от уничтожения, и поэтому они склонны восставать из пепла, представляя себя сильным, жизнерадостным и позитивным персонажем.

Если они страдают, то скрывают это и скрывают от других, в том числе и от самых близких, так как их гордый образ не должен омрачаться впадением в боль или нужду. О своих трудностях они говорят тогда, когда их уже не испытывают, т. е. когда преодолели или отодвинули их на второй план, вызывая изумление

окружающих (ровно ничего не замечавших) и восхищение своей силой. Они переживают боль, изолируя или откладывая ее: то, что кажется радостью жизни, на самом деле является паникой перед психической смертью.

Жизнеспособность сексуального подтипа выражается через удовольствие, которое доставляется и которым мы наслаждаемся. Удовольствие в его самой архаичной форме: наслаждение едой, утоление голода другого или капающая любовью, словно полная грудь, которую сексуальный Е2 всегда жаждет и готов отдать. Им хотелось бы быть едиными с этим удовольствием, питаемым и лелеяемым, голодом и едой, водой и жаждой, чтобы никогда не чувствовать себя обделенными и никогда не лишать своих объектов желаний. Не случайно полярностью Е2 является присваивающая интенсивность Е8t, которая берет очень многое и не чувствует себя обязанной что-либо отдавать.

Именно склонность к этому типу абсолютного удовольствия, превосходящего всякую рациональность, делает сексуальную Е2 выразительной, страстной и романтической; готовы вечно ругаться и расстраивать свою жизнь, чтобы со временем продлить эту иллюзию полного удовлетворения. Тогда они могут стать чрезвычайно навязчивыми и подавляющими в своем намерении быть всем для другого.

Но это мощное влечение живет в структуре характера, подорванной тем, чего этот энеатип боится больше всего: этим источником может быть не полное удовлетворение, и каким бы разумным и реалистичным это ни было, сексуальный Е2 не прислушивается к разуму и атакует риск недостаточная любовная подпитка, с чувством ложного превосходства над их источником: «Я не тот, кому ты нужен». Они высокомерно дистанцируются от объекта желания, который мог бы заставить их страдать или от которого они испытали фрустрацию, превращая любимого человека в отвергнутый объект. Не в силах больше ни за что держаться, они становятся неуловимыми (роковая женщина). «Мне не нужно» заменяет их крайнюю потребность. Отсюда проистекают независимость, нонконформизм и энергичность, которую демонстрирует этот персонаж.

Карен Хорни описывает болезненную зависимость, возникшую в системе гордости:

Эротическая любовь завораживает этот тип как высшее удовлетворение. Любовь есть и кажется билетом в рай, где заканчивается все зло: больше нет одиночества; больше нет чувства потерянности, вины и недостойности; нет больше ответственности за себя; больше никакой борьбы с суровым миром, к которому человек чувствует себя неподготовленным.

Хорни вводит понятие из психиатрии: *паразитическая* или *орально-эротическая любовь*. Гордый человек посредством любви удовлетворяет не только потребность чувствовать себя любимым и особенным, но и видит в любви искупление. Они жаждут быть любимыми так же сильно, как и любить, чувствовать себя «едиными» и стать одним человеком, что позволило бы им достичь единства, которое они не могут найти внутри себя.

И поскольку они верят, что могут реализовать свое идеализированное «я» только через любовь, отдавая так много себя внешнему, они легко становятся жертвами неуверенности из-за страха быть отвергнутыми и не принятыми. Поэтому они такие ревнивые.

И мужчины, и женщины иногда проявляют утонченность и беззаботность, а иногда сдержанность и наивность, иногда отказываясь от эротической игры, когда дело становится серьезным. И они легко отдаются «самым важным отношениям в их жизни», которые отходят на второй план, когда они находят другое, более интересное, в поисках большой любви, которую они всегда завоевывают последней, в вечной игре «отдавая, чтобы получить».

Гордый человек может впасть в болезненно зависимые отношения, где его увлекают одни ценности другого, которых он в себе не хватает, и другие, которые, не имея их, заставляют его презирать себя:

Это может быть вопрос независимости, непобедимой безопасности или превосходства, или безрассудного проявления высокомерия или агрессивности. Только эти сильные и превосходящие существа, какими они их видят, могут удовлетворить их потребности и позаботиться о них.

В этих отношениях присутствует выраженный фрустрирующий характер, как будто они на самом деле ищут разочарования от того, что никто не может дать им то, чего они так желают: полную капитуляцию. В то же время это сцена, которую они боятся, поскольку, если бы произошла настоящая близость, это было бы сопряжено с риском того, что им придется показать себя такими, какие они есть на самом деле, с той частью себя, которую они отвергают. Так менее опасно искать новые отношения и начинать все сначала.

Проблема в том, что сексуальные Э2 не терпят фрустрации и им трудно принять ответ «нет» либо из-за страха смерти, либо потому, что они сами тоже не умеют откровенно говорить «нет» и чувствуют себя преданными, если другой отказывается. Поэтому у них развивается агрессия, замаскированная под принятие, добиваясь расположения другого своей, но некому их удовлетворить, заполнить их пустоту. Тогда они могут презирать человека, которого завоевали, и обратиться к новому завоеванию, говоря себе, что на этот раз они осуществляют настоящую любовь.

Они культивируют фантазию о том, что любить и быть любимым — это почти религиозный опыт, ведущий к мистическому экстазу. Они испытывают отвращение к обыденности и к небольшим ежедневным проявлениям любви. Они чувствуют себя живыми только в романтической и взрывной напряженности или в экспансивных жестах бунта, поскольку на самом деле они боятся ничего не чувствовать и обнаружить внутреннюю холодность, которая защищает их от боли.

В результате встречи, которую мы провели на *IV Международном симпозиуме по энеатипам* в ноябре 2015 года в Гроссето (Италия), мы получили возможность собрать двадцать два человека, имеющих общие черты и подтип. Все сексуальные E2 из разных стран, мы попытались вникнуть в предложение Клаудио Наранхо, чтобы найти, основываясь на нашем опыте *трех видов любви*, общий знаменатель, который можно было бы обобщить в формуле, устанавливающей иерархические отношения между *восхищенной любовью*, *сострадательной любовью* и *эротической любовью*.

Группа согласилась, что первым в списке в порядке важности стоит эротическая любовь; во-вторых, сострадательная любовь и, наконец, любовная любовь.

Любовь сексуального E2 имеет тенденцию к использованию другого как через эротизм, так и через сострадание. Они используют другого, чтобы получить то, что хотят для себя.

Даже в эротической любви можно наблюдать *покупку и продажу любви*. Это фальсификация истинной любви, которая есть «дай, чтобы получить», проституция любви, обмен любовью. Есть потребность быть любимым, нужным и видимым.

Человек этого персонажа путает чувство любви с чувством физической желанности. Одна из их худших катастрофических фантазий — отсутствие физического желания.

Они воспринимают эотику как оружие. Они используют его как инструмент власти. Они путают идеальную проекцию эротизма с реальной связью со своим глубоким эротическим дискомфортом. Эротизм иногда представляет собой скорее идеал, чем реальность, возникающую при встречах с другими людьми.

Стремление удовлетворить требования другого, чтобы его любили, подразумевает, что он их не видит. Они не способны увидеть ни желание другого, ни свое собственное глубокое желание.

Сексуальный E2 также манипулирует сострадательной любовью. Давайте посмотрим:

Безусловная любовь, которую я верил, превратилась внутри меня в своего рода сеть, в которую ловили тех, кто меня интересовал. Эта дающая любовь была «любовью в обмен на...» всю мою жизнь. Речь шла не о помощи другим; Я удовлетворял свое желание отдавать. Иногда инвазивно; в других случаях унижаю себя; и почти всегда манипулятивно и бессознательно.

Временами мне казалось, что я спасаюсь от внутренней боли, ища удовольствия, но это больше связано с манипулированием другими. Я не узнаю, с каких пор во мне появился этот внутренний радар знания того, что нужно другим; даже это загрязнено ложной уверенностью в том, что я знаю это; но каким-то образом мой инстинкт сосредоточился на этом на долгие годы. С его помощью мне удалось привлечь их внимание и привязанность.

АНХЕЛЬ СААВЕДРА

Трансформация наблюдается при работе с любовью, которая в этом подтипе находится дальше от сознания: любовной любовью.

Но чтобы достичь восхищенной любви, нужно сначала почувствовать сострадание: надо соединиться с собственным недостатком, то есть со своим недостатком любви. Когда они осознают свою дыру, свою неполноту, они могут ощутить свою потребность и с этого места увидеть другого и признать в нем то же самое. Если они позволят себе почувствовать свои страдания, они смогут увидеть страдания другого и таким образом открыться состраданию.

Там они могут почувствовать контакт «лицом к лицу» среди равных, а затем открыться преданной любви. Чтобы соединиться с восхищением любовью, нужно почувствовать боль от отсутствия любви и невозможности довериться какой-то достаточно стабильной авторитетной фигуре, которой можно восхищаться.

В детстве меня бросили отец и мать. Когда я впервые попробовала аяуаску, видение сказало мне: «Я твоя настоящая мать». Там я развил великую восхищенную любовь к Великой Божественной Матери, матери, которой я мог доверять. Она не предаст меня, не бросит меня, не будет мной манипулировать. Чего мне не хватает для преданной любви, так это уверенности в самоотдаче. Мне нужно довериться, чтобы по-настоящему сдаться, потому что я боюсь. Боюсь, что со мной что-то может случиться, потому что я чувствую себя немного наивным.

ЛЮСИАНА ВЬЕЙРА

Необходимо развивать это первое чувство истинной самооценки, сострадание к самому себе. Осознайте, где вы находитесь, каковы его место и ценность, какими бы они ни были, и оттуда уже можно ценить другого.

Для восхищения любовью и состраданием отправной точкой сексуального Е2 были болезнь из-за боли, которую она приносит, и неопределенность жизни.

Что касается меня, то восхищенная любовь пришла ко мне в контакте с болезнью, в ощущении такой большой нужды, страха, моей боли, моей нехватки, и оттуда я мог чувствовать других и соединяться с потребностью в том, чтобы Бог был таким крошечным, таким нуждающимся. , так боялся не знать, жив я или мертв. Именно тогда открылась связь с божественным, которое после непостоянства является единственным, что остается.

КОНСУЭЛО ТРУХИЛЬО

Опыт родительства также является вратами к сострадательной любви:

Я чувствовал, что, даже когда я больше не могу этого терпеть, у меня все равно есть что дать. Опыт видения нужд этого беспомощного, крошечного и чувствительного существа связал меня с моей собственной хрупкостью и миром моих потребностей. Мой ребенок показал мне эмоциональный путь сострадания, умение поставить себя на его место.

АНХЕЛЬ СААВЕДРА

В восхищении любовью есть еще одна отправная точка: сначала восхищайтесь божественным, а затем сможете восхищаться человеческим. Сексуальному Е2 трудно испытывать восхищенную любовь здесь, на Земле, среди окружающих людей. Чтобы ощущать восхищенную любовь к другому, им приходится ощущать ее недостаток, что приводит их к осознанию чувства зависти, которое они всегда скрывали. Это великое табу, которого они избегают всей своей высокомерной стратегией.

Поэтому признание собственной зависти — это еще один путь к трансформации: посмотрите, что у вас есть такого, чего нет у меня. Это позволяет им восхищаться другими рядом с ними и, ценя их, учиться всему, чему они могут их научить. Высокомерное отрицание зависти привело к тому, что этот персонаж упустил множество возможностей для обучения и питания.

В результате низкой самооценки сексуальный Е2 питает искаженную идею о том, что **«если я ценю тебя и восхищаюсь тобой, я не имею значения, меня не существует»**. Вот почему так важно найти внутри себя ценное место, ощущаемое силой бытия.

На Симпозиуме обсуждался опыт работы с растениями, направленный на то, чтобы преодолеть неспособность смотреть на других, смотреть на других такими, какие они есть, а также на себя такими, какие они есть.

Трансформирующий процесс сексуального Е2 меняет качество трех видов любви в сторону более подлинных и менее манипулятивных ценностей, и восхищенная любовь становится ближе, чем раньше.

Таким образом, этот персонаж развивается из эротизма и, благодаря его недостатку, может интегрировать сострадание и найти другого в соответствии со своими реальными потребностями, а не в фантазиях, которые они создают о себе и о себе. Только приняв себя в недостатке, они могут принять то, что они есть, и развить подлинное восхищение и преданность, что сложнее с человеком, чем с божеством.

КНИГА ТРЕТЬЯ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОДТИП

I. Страсть в сфере инстинктов: как гордость действует в обществе

Чувство принадлежности к семье, группе или племени является центральным и противоречивым аспектом во всех социальных подтипах. Социальный E2 не является исключением. Этот амбициозный человек — сирота, ищущий необходимое и законное место, которое ему не разрешили занять в детстве. Столкнувшись с трудностями в развитии позитивной связи и идентификации с надежной отцовской или материнской фигурой, они кристаллизуют свой страх и гнев во враждебность. Не имея фигуры, которой можно было бы восхищаться и ценить ее, они будут стремиться заменить ее. Таким образом, «ничье дитя» будет стремиться стать «отцом всех».

У них не будет положительного доступа ни к одному из *родителей*, потому что готовность признать хорошее в другом и, следовательно, восхищаться им неразрывно связана, в их случае, с чувством унижения со стороны того самого человека, которого, следовательно, они будут ненавидеть.

Социальный E2 будет доброжелательным и щедрым до тех пор, пока он не почувствует себя брошенным вызовом. Но у них тонкая кожа, и любой признак, который заставит их думать, что они не имеют абсолютного контроля над другими, сделает их неуверенными в себе и приведет к кризису авторитаризма, а также к реакции завоевания и вторжения.

Обладая сильным чувством мести, они на протяжении всей своей жизни будут пытаться завоевать то, что они считают своим законным местом лидерства на вершине общества. Их амбиции подпитываются духом соперничества и разрушения, направленным против источника их чувства неспособности и презрения к себе. Они проглотили разочарование авторитарного отца и неудовлетворенной матери, а сегодня извергают то же самое разочарование на других.

Когда мы обращаемся к слову, дающему название этому подтипу, «императрица» или «император», мы говорим о доминировании, территориальности, лидерстве и защите. А также тирании, злоупотреблений, абсолютизма и диспропорции. Короче говоря, различные аспекты рисуют сцену, в которой господствует подчеркнутое вертикальное видение социальных отношений.

Среди гордых выделяется социальный подтип, занимающий пространство своим телом, голосом, жестами и присутствием, которое передает безопасность и убежденность. Они представляют собой театральный симулянт, поэтому придают своему внешнему виду серьезное выражение, как будто обеспокоенное и заинтересованное; отношение человека очень зрелого, который знает, что делает и что нужно делать. Временами кажется, что они обладают способностями ясновидения, учитывая их пылкость, и кажется, что они несут тяжёлое бремя, хотя и ведут себя самоотверженно.

Социальный E2 фокусируется на воспроизведении роли и связей, которые они развили дома, в детстве, со своей семьей, в социальных отношениях, которые они устанавливают в мире. Они хотят, чтобы все, а не только члены их семьи или друзья, придавали им личную значимость, которая давала бы им роль опорного человека в их жизни.

Социальный E2 очень рано занял место рядом со старшими, и с этого момента на них смотрели как на кого-то важного в семейной жизни, а не как на ребенка. Им не хватает опыта детства. Поднятые на слишком больших для них каблуках, они завоевали восхищение мамы и папы тем, что они делали, а не тем, кем они были. Лишенные, в свою очередь, братского мира, они не умеют относиться к своим сверстникам иначе, как в соревновании или превосходстве, и будут продолжать игру в триангуляции, установленную с родительской

системой, с раннего детства, в остальном своих отношений, разделяя их на хороших и плохих, на меня или против меня.

Путаница, возникшая с ролями в семейной системе, пронизывает отношения взрослых, которые они рассматривают с иерархической точки зрения. Социальный Е2 распределяет людей по уровням влияния и власти, так что они не могут устанавливать аффективные связи, а скорее стратегические и практические. Они ценят людей в зависимости от того, насколько высоко они находятся в иерархии «института», реального или воображаемого. Кем бы в компании ни был президент, генеральный директор и т. д., они применяются к группе друзей, социальным группам или семье.

Они путают статус человека с его личной ценностью; они не видят ни другого, ни самих себя. Они путают действие и бытие, и только то, что они могут показать, придает им сущность и индивидуальность. Можно сказать, что они наименее чуткие из Двойок, поскольку часто используют стратегии и организацию. Им более доступны функции лобных и префронтальных долей: планирование, решение проблем, контроль ошибок, принятие решений, социальное познание и рабочая память.

Все равны, но некоторые больше, чем другие

Император гордится обществом, убежденным, что оно гораздо более способно, чем другие, руководить, планировать или развивать любой возникающий проект или деятельность. Социальный Е2, как и все гордые личности, нуждается в признании; конкретно из групп. Парадоксально, но внутри них присутствует сильное самоуничижение и глубокое чувство одиночества.

Они верят, что могут многое сказать и внести свой вклад, поэтому часто фантазируют о влиянии своего социального участия и своего места в мире, полагая, что оставляют глубокое впечатление на других своими действиями и мнениями. Им нравится думать о себе как о чрезвычайно важных и фундаментальных вещах. В своем нарциссизме им необходимо чувствовать себя в центре сцены: они не против того, чтобы их не любили; то, что важно, нельзя игнорировать.

Они могут напоминать Е1 тем, что, кажется, обладают истиной и очень пылкими людьми, которые легко убеждают благодаря своей безопасности и убежденности; хотя на самом деле они могут знать предмет поверхностно. Их гнев может возникнуть внезапно, если их аргументы или желания противоречат друг другу, и они кажутся *бесстыдными*, поскольку не связаны со страхом, недостатком или неуверенностью.

**Из всех чудес, о которых я еще слышал,
Мне кажется самым странным, что мужчины должны бояться.**
Юлий Цезарь (по пьесе У. Шекспира)

Таким образом, у них есть представление о себе, весьма близкое к реальности, как об авторитетном, компетентном, целеустремленном человеке с большой работоспособностью; но их трудности с границами не позволяют им знать, когда остановиться, поскольку они очень требовательны к себе; даже болезнь не сможет их остановить, если только они не окажутся в больнице. Им нужен кто-то, обладающий властью, чтобы навязать и полностью оправдать необходимость заботиться о себе, поскольку их безумная идея изобилия не позволяет им признать, что они достигли своего предела.

Параллельно они считают себя пригодными для командования, хотя цинично терпят неудачу, редко признаваемую. Опять же, смешение ролей вызывает у них двойственное отношение к своим подчиненным, к которым они относятся как к равным, присоединяясь к братской системе. Однако, когда им приходится проявлять власть, им приходится позиционировать себя как родитель, и никому не нравится, когда им командует «брат, притворяющийся отцом». Они стараются в своем ложном изобилии удовлетворить всех, и вместе с неумением делегировать некоторые дела и сдерживать все обещания вынуждены либо уйти, либо быть изгнанными.

Когда я занимал руководящую должность в медицинской компании, я делал упор на сильное, но снисходительное руководство, которое требовало от меня больших усилий, чтобы слушать и стараться угодить всем членам команды. Я изнурял себя, пытаясь достичь консенсуса, обещая больше, чем мог поддержать, придавая большее значение поступающим ко мне просьбам, чем я мог

выдержать. Я хотел быть самым любимым «боссом», несмотря на то, что находился в системе власти, где у меня было мало места для свободы. В то же время я хотел завоевать уважение тех, кто занимает самые высокие посты, и при этом не перегореть. Короче говоря, мне хотелось, чтобы меня все любили, всем нравилось, а в ответ я чувствовал себя очень одиноким.

АЛЬБА АРЕНА

Они принимают участие и берут на себя обязательства, проявляя себя очень добросовестно и эффективно во всех проектах, которые инициируют. Однако им сложно работать в команде: они деспотичны по отношению к другим и к себе.

Потакание своим слабостям, столь характерное для гордых, проявляется в социальном Е2 через поведение, которое может действовать как анксиолитик, например, секс, еда, средства массовой информации или спорт. Это их способ отключиться от требований к себе.

Я так много от себя требую: Делать много дел, делать их хорошо, во всем знать и быть, ничего не упускать... и с таким азартом, что когда что-то идет не так, как хотелось бы, вместо самокритики и анализа почему(кто много берется, тот мало делает, зачем мне так много делать...) Я потакаю своим желаниям и говорю себе, что все в порядке, и похлопываю себя по спине. Мне трудно увидеть свои ошибки, и прежде чем признать, что я могу их совершить, я оправдываю себя.

АНА ГОНСАЛЕС ТЕХЕРА

Социальный Е2 оправдывает это потакание своим слабостям предполагаемыми привилегиями, вытекающими из ценности всего, что они дают. Но также, мы настаиваем, именно здесь они позволяют себе отпустить себя, поскольку это единственный способ отдохнуть, вырваться из-под контроля и требований внутреннего отца.

Если мне нужно встать на встречу в пять утра, я делаю это, даже не задаваясь вопросом. Напротив, если мне придется вставать в восемь по какому-либо вопросу, связанному с моим личным уходом, я найду тысячу оправданий, чтобы отложить это.

ФРЕЗИЯ НОРА РОБЛЕДО ПОМА

Другая форма потворства своим слабостям, которую практикует социальный Е2, — это прокрастинация. Оно служит для того, чтобы избежать контакта с неприятным или болезненным. А также как демонстрация превосходства, поскольку именно они решают, когда что-то делать. Если задача социально невидима, рутинна или распространена, они либо избегают ее, либо переключают ее на кого-то другого. К другим причинам прокрастинации можно отнести страх успеха, а также стыд публичной демонстрации неудачи и даже страх быть обвиненными в невыполнении всего, что обещали. В этом смысле они часто плохо распоряжаются временем, поскольку берут на себя больше, чем могут справиться.

Их трудности с властью — еще одна веская причина для прокрастинации, например, если им приходится отвечать перед начальником, которого они не признают. Они могут отложить выполнение задачи, чтобы избежать ответственности перед кем-то, в чьих способностях они сомневаются. Даже когда они подтверждают полномочия, могут возникнуть задержки в выполнении, поскольку, по их мнению, задача не требует проверки, поскольку нет права на ошибку.

Социальные Е2 демонстрируют высокую нетерпимость к разочарованию и заставляют их чувствовать себя бессильными, если их проекты или амбиции не увенчаются успехом. В случае неудачи они чувствуют от раздражения до ярости и обвиняют в этом других или ситуацию, не в силах осознать свою долю ответственности или чрезмерность проекта. Они легко могут быть безжалостными по отношению к подчиненным, хотя считают себя сострадательным, справедливым и любимым начальником.

Я был координатором команды из семи человек. Атмосфера и отношения с остальными становились все сложнее, но я был убежден, что проблема в команде, и что меня неправильно поняли, несмотря на все усилия, которые я для них прилагал.

Однажды на собрании одна из педагогов, которую я считал ленивой, рассказала о вмешательстве, которое она не сделала, как я указал. Вдруг я очень сердито посмотрел на нее и сказал, повысив голос: «В следующий раз я тебе голову снесу». И я оставался спокоен. Лишь когда я отвернулся и увидел выражения лиц моих коллег, между ужасом и гневом, я до некоторой степени осознал, что сделал, но, конечно, не придавал этому никакого значения; Никаких излишеств или диспропорций я не увидел.

АНА БАЗА

Одна из их способностей — с помощью эмпатии перенимать внешний вид, жесты и речь человека, которого они пытаются привлечь в любой момент. Они могут оскорблять других, манипулируя ими, заставляя их выполнять задачи, которые их не интересуют. Для этого они окружают себя лучшими и продают им идеи, навязывая им полномочия и различные преимущества, которые они получают. Они считают, что взять на себя эту задачу — это привилегия, а тем временем социальная группа E2 строит сеть сотрудников, которые делают за них эту «неприятную» работу, и таким образом они могут посвятить себя самой творческой части, организации, социальным отношениям, или придумывать новые проекты.

Обычно они работают много часов и настолько увлекаются, что тиранят и поработают других, не заботясь о личных отношениях. Они делают вид, что другие придерживаются их как бесспорного лидера, требуя от своих подчиненных и сотрудников абсолютной преданности и преданности, а также доступности, равной их собственной. Обычно это приводит к бешеному темпу, который не многие люди хотят или могут себе представить. Они нетерпимы к ограничениям других, в которых видят неудобное препятствие, поэтому постоянно пытаются исправить и улучшить другого. Они склонны объективизировать людей, с которыми сотрудничают, сводя отношения к надоедливой необходимой процедуре, чтобы использовать другого для достижения своих планов. Они чувствуют, что другие, семья, партнер, подчиненные и т. д. являются продолжением их самих, поэтому они должны выглядеть такими же компетентными и блестящими, как и они сами.

Они очень умело оценивают важность и способности каждого человека в структуре, будь то в их социальном мире или на рабочем месте. Они не обращают внимания на тех, кого воспринимают на нижних уровнях пирамиды, если только не считают полезным установить с ними связи, представляющие интерес. Например, у них могут быть очень хорошие отношения с секретарем или ответственным персоналом компании.

С теми немногими, которых они признают авторитетами, они используют стратегию соблазнения, а когда их признают, они интерпретируют это как справедливое признание, как нечто, что им «причитается» за все, что они делают и насколько хорошо они это решают. Им легко визуализировать и представить себя архитектором успеха, даже если это была командная задача. Если этого признания не происходит, они его опопшляют, оправдывая признаком бездарности или завистью со стороны авторитета.

А со сверстниками, поскольку они никогда не были частью братской подсистемы, они устанавливают конкурентные отношения из самоназначенного превосходства, снисходительного и патерналистского, что в конечном итоге оставляет их очень одинокими.

В конце концов, следуя своему инфантильному образцу, E2 стремится быть ближе к авторитету, к старшим, что является их естественным ориентиром. Однако, хотя они невротически стремятся к власти и даже к замене лидера, реальность показывает, что это не то, что успокаивает их амбиции. Чего они действительно желают, так это найти семью, где их будут встречать с любовью и безоговорочным принятием. Ведь этот властный и контрзависимый персонаж ищет того, кто, наконец, защитит его и позаботится о нем.

Долги

Они доходят до того, что не проявляют никаких угрызений совести, чтобы получить желаемое, и с этой целью устанавливают отношения соучастия, которые включают подкуп, шантаж, взаимопомощь ради интереса или

временные союзы. Естественно, за исключением криминальных маневров, это можно рассматривать как логичное и разумное в попытке удовлетворить собственные желания, но в социальном Е2 мотивация будет эгоистичной и лишенной какого-либо сострадательного или поддерживающего оттенка, даже если они считают, что это эгоистично. для общего блага. Амбициозный человек должен только себе и служит себе. Их щедрость является частью их соблазнительного и заинтересованного фасада. И в итоге они получают гораздо больше, чем отдали. Кроме того, долги перед ними почти никогда не аннулируются, а за те «услуги», которые они могли оказать в свое время, они берут очень высокую цену.

С другой стороны, когда они получают пренебрежение, поражения или пренебрежение, они воспринимают это как унижение, посягающее на их достоинство, и сохраняются как неиссякаемая обида.

Будучи кредитором, социальный Е2 получает привилегированное положение, позволяющее влиять на других и использовать их в своих планах. И они очень заинтересованы в сохранении этого долга по двум причинам. Первое, потому что оно показывает, что они не нуждаются в том, что им должны, что усиливает их ложное изобилие. Второе, потому что это элемент контроля и доминирования.

Когда я кого-то простил, я делал это выше, как если бы я был папой, дающим отпущение грехов. Я делаю это, потому что не люблю, когда перед мной извиняются; объяснения достаточно, чтобы успокоить беспокойство из-за незнания, в чем заключалась ошибка. Однажды ко мне подошел старый друг, чтобы извиниться за что-то из прошлого; Я не позволил ей извиниться за все. Позже я понял, что таким образом смогу навсегда оставить ее в долгу.

АНА БАЗА

Скупой человек обладает исключительной чувствительностью, чтобы чувствовать, когда кто-то не ценит его так высоко, как он сам. Им недостаточно быть признанными в какой-то момент другим; они требуют постоянного подтверждения своего совершенства или превосходства. Естественно, это слой лака, скрывающий их глубокую неуверенность и чувство нехватки.

Бесконечное расширение власти, влияния и возможностей, которым они преданы душой и телом, можно рассматривать как попытку оторваться от тех уз, которые тревожно грозят утопить их, пока они не исчезнут.

Ощущение себя маленьким, меньшим, чем другой, бесконечно меньшим, слабым, зависимым, нуждающимся заставляет предвкушающую тоску парализовать их перед лицом только двух возможностей: либо они встали, и это дает им безопасность, или они падут, а это влечет за собой подчинение, насилие и, наконец, исчезновение. Социальный Е2 решает очень скоро выжить, и для этого ему необходимо занять позицию «верха» во всем, что его касается.

Они не могут получить; они не знают как. Прежде всего, подарок. Если они что-то получают, они думают, что это плата за какую-то услугу, которую они оказали, или что с них что-то попросят. И если они ничего не сделали раньше, они будут подозревать или думать, что это плата за выгоды, которые другой человек получает от их дружбы. Этот персонаж ведет подробный учет услуг, платежей, сборов и долгов в записной книжке, где отмечает добрые дела, даже те, о которых не просили.

Чувство нужды является синонимом слабости, опасности для социального Е2. Их пугает то, что они маленькие, потому что их никогда не любили в детстве, как маленькую девочку или мальчика, и их не признавали в слабости или уязвимости, кроме как для того, чтобы их использовали и оскорбляли.

Быть должником невыносимо, это противоречит самоощущению себя выше связей и обязанностей по отношению к другим. Это синоним рабства. И если есть что-то, что они обожают, так это верить в то, что они свободны и безграничны. Они подозревают и категорически отвергают любого, кого они воспринимают в любом аспекте, будь то эмоциональный, сексуальный, трудовой или духовный, как авторитетного или превосходящего. Они несут с собой на всю жизнь травму, полученную от того, что они почувствовали насилие со стороны «старших» до такой степени, что по разным причинам очень серьезно опасались за свою жизнь.

Для императора, императрицы просить — это публичное и явное признание своей недееспособности, а помочь — унижительно. А получить помощь, не попросив об этом, что-то очень маловероятное, уже оскорбительно. Когда они подавлены, побеждены, подавлены или отсутствуют, они укрываются в своем доме и не показывают никаких признаков того, что с ними происходит, пока не выздоровеют и не вернутся на место происшествия.

Я лежал на диване у себя дома в довольно серьезной депрессии; об этом знала только моя самая близкая семья. Я ни с кем не выходил и не разговаривал. Кому бы я позвонил? Я не думал, что кто-то может иметь хоть малейшее представление, как мне помочь.

АНА БАЗА

Они питают иррациональную мысль, что, если они кому-то вверят себя, их предадут и они могут эмоционально погибнуть. Это недоверие, зародившееся в отношениях с матерью и распространяющееся на всю жизнь; отсюда их скептицизм в отношении получения, не давая ничего взамен, и их постоянное высокомерие по отношению к собственной уязвимости и ограничениям. Чтобы сохранить эту самодостаточность, они исходят из того, что им никто не нужен. Социальный Е2 является экспертом в презрении к другим, если они бесполезны для достижения его целей. Из-за этого к ним мало кто подходит, что подтверждает их самодостаточность, но и сиротство. Парадоксально, но когда возникает проблема, к ним обычно обращаются, что нарциссически компенсирует их чувство одиночества.

II. Характерная невротическая потребность

Амбиции – последнее прибежище неудачников.
ОСКАР УАЙЛД

Честолюбие и любовь – крылья великих дел.
Й. В. ГЕТЕ

Быть авторитетным человеком на территории, которую они считают своей территорией, — это стремление, которое заставляет социальный Е2 дрожать. Чтобы достичь этого, они развили стратегический ум, способность влиять, а также всегда бдительный и оппортунистический интеллект. Но им также необходимо изгнать некоторые характеристики, присущие любому человеку, такие как сострадание, нежность, позволение себе совершать ошибки или то, чего этот подтип боится больше всего: любовь, которая сбивает их с толку и в то же время является единственной вещью, которая может их исцелить. Можно сказать, что социальный Е2 похоронил или, скорее, изгнал их сердце, их детство и их человечность после того, как им было предъявлено обвинение в том, что они стали взрослыми в раннем детстве.

Нежность, сострадание – это для других, для простых, ленивых, для тех, у кого нет священной миссии помогать или спасать других. Меня выбрали, чтобы я был сильным среди своих сверстников.

РОЗА УСЕЛЕНИ

Нежность – это то, что я чувствую внутри, но не материализуется снаружи. В отношениях с окружающими выражение жесткое, прямое и холодное. Хотя внутри я, возможно, и испытываю сострадание, я не выражаю нежности; Я чувствую, что оно у меня есть, но оно не доходит до другого человека. Я полагаю, это связано с самооценкой; когда кто-то говорит очень ласково или тихо, я очень нервничаю.

АНА ГОНСАЛЕС ТЕХЕРА

Можно сказать, что социальный подтип — самый гордый среди гордых. Они не мечтают вернуть себе тепло мамы или папы, хотя вместе с ними научились чувствовать себя «избранными»; и при этом они не довольствуются пленением нескольких мужчин или женщин. Социальная Е2 стремится завоевать территории, группы и весь мир, если представится такая возможность. Клеопатра, Наполеон, Ева Перон, Александр

Великий или Люцифер — примеры этого харизматичного, обманчивого и соблазнительного подтипа. Карен Хорни определяет экспансивных персонажей следующим образом: «Они посвящены самовосхвалению, гордым предприятиям, мстительным триумфам и доминированию в жизни посредством интеллекта и силы воли как средства воплощения своей идеализированной личности на практике».

Социальный ребенок E2 чувствовал себя достойным того, чтобы на него смотрели с любовью. Однако когда они переставали быть полезными матери или отцу или были для них неудобны по каким-либо причинам, их отталкивали жестами и языком тела, полными презрения, что заставляло их чувствовать себя униженными. Именно после этого движения вниз рождаются гордость и стремление вернуть утраченное достоинство через признание и снова быть в каждом сценарии тем эталонным человеком, которого любили «безоговорочно».

Я помню, как жила с комплиментами, чувствовала себя другой и избранной, а также презирала и унижала. Я должен был сделать все возможное, чтобы оставаться избранным и сохранить свое положение в семье. Слово «гордость» появилось буквально для того, чтобы забыть об унижениях и преодолеть их, черпая силы из слабости, чтобы снова покорить своих родителей. Меня словно унижение бросает в яму, из которой я вылезаю, отдавая все, благодаря гордыне.

РОЗА УСЕЛЕТИ

Клаудио Наранхо определяет социальную группу E2 как самую интеллектуальную из Двойок. Хотя, как и остальные подтипы, они используют *эмоциональность* в качестве основной защиты, в их случае они подавляют эмоции и могут быть более дисциплинированными, поскольку отдают приоритет стратегическим амбициям завоевания. Только болезнь или серьезная неудача на работе заставляют их осознать свои физические пределы и «легкое» чувство уязвимости.

Только если я окажусь в больнице, я считаю оправданным, чтобы другие заботились обо мне. [...]

Когда мне поставили диагноз «рак», это казалось небольшим неудобством, еще одним испытанием, которое нужно преодолеть. Только когда я увидел выражение лиц моих друзей, когда рассказал им, мне в голову пришла мимолетная мысль, что происходящее со мной кажется серьезным.

АНА БАЗА

Это необузданное действие, эта страсть к целям маскируется под амбиции и сосредотачивается на достижении целей, территорий или групп; все это как часть отчаянного поиска места в мире, где можно было бы компенсировать то, что им не было дано по праву в семье, и избежать ледяной пустоты, с которой они столкнулись бы, если бы остановились. Социальные E2 рассматривались не такими, какие они есть, а основанными на их полезности для поддержания и удовлетворения одного или обоих родителей.

Они играли роль доверенного лица, зная информацию, не подходящую для их стадии развития. Они взяли на себя роль партнера одного из двух своих родителей, в зависимости от пола, вступая в конкуренцию с отцом на раннем этапе. Что касается женщин, то в подростковом возрасте они лицом к лицу противостоят тому, кто мог бы быть их кумиром, чтобы узурпировать его роль «отца» семьи.

Они были безоговорочной поддержкой своей матери. Они были людьми, через которых один из их родителей хотел проявить себя, теми, кто собирался спасти семью, и их обычно использовали в качестве инструмента для нападения и шантажа среди взрослых. Однако есть роль, которую они не могли сыграть: роль ребенка. Этот опыт они разделяют с E1 и E8, двумя мощными эннеатипами триады действия в эннеаграмме личности. Детства после семи-восьми лет не было.

В отсутствие границ, защиты или эмоциональной поддержки со стороны одного или обоих родителей они выживают, преждевременно взрослея и занимая важное место и авторитет в родительской системе. Они обычно изолированы от братской подсистемы, поскольку им каким-то образом отказано во взаимоотношениях со сверстниками, или они сами это отрицают. Отсутствие собственного места, мандат на самодостаточность и липкое ощущение одиночества будут сопровождать их всю жизнь и побуждать стремиться к славе.

Мне семь лет, а моему брату два с половиной. В тот день, когда мой отец уходит из дома, последнее, что он говорит мне, это: «Позаботься о своей матери». [...]

Мы с мамой на кухне; Я плачу, потому что моего отца больше нет. Она вытирает слезы с моего лица: «Не плачь. Если ты это сделаешь, я тоже заплачу. Ты уже большой, ты умный, и ты сможешь позаботиться об этом. Будь сильным; нам нужно позаботиться о твоём брате, который очень маленький».

Я узнаю, что мои потребности не имеют значения. Моя боль должна быть скрыта. Кроме того, я со всем справлюсь; Я достаточно взрослый, чтобы позаботиться о боли моей матери и нуждах моего брата.

АНА БАЗА

Что больше всего огорчает социального Е2, так это те немногие случаи, когда они позволяют себе соприкоснуться с недостатком и депрессивными состояниями, которые лежат под ними. Мысль о том, что если они упадут, то могут умереть, периодически преследует их в кошмарах. Эта обеспокоенность проистекает из того факта, что в детстве их не защищали и не поддерживали во время их эмоциональных падений, и у них остается ощущение, что они могут погибнуть, если никто не вспомнит о них и не позаботится о них. Во взрослом возрасте они будут подозревать, если кто-то о них позаботится, и, дойдя до крайности, будут способны скорее поддаться, чем попросить о помощи. Чтобы избежать контакта с этой беспомощностью и успокоить страдания, они поставили свое тело и разум на службу стратегии и действиям, изгоняя свое беспокойное сердце, которое для них так же неудобно, как необходимость заботиться о своих самых основных потребностях и верить в любовь без выгоды.

Образ амбициозного

Видно, что амбициозные приходят, они хвастливы, даже когда молчат. Когда они это делают, их голос повышается, они жестикулируют, развлекая разных людей, которые всегда находятся вокруг них. Они много улыбаются, и хотя смеются мало, их слышно издалека.

Когда они идут по улице, им легко уступать дорогу решительным, естественным и грациозным шагом. Они имеют доминантное присутствие, поскольку знают, что владеют землей, по которой ступают, и производят впечатление, подобно павлину, кого-то «важного», независимо от контекста, в котором они действуют.

Я учился в университете и однажды зашёл в компьютерный класс. Был друг моего брата. Позже, когда я подошел к нему, чтобы поздороваться, он сказал с удивлением: «Я подумал, что ты учитель, судя по тому, как ты здесь передвигаешься».

АНА БАЗА

Оскар Уайльд — хороший пример этого подтипа, современный человек в стиле человека эпохи Возрождения в его любопытной и деревенской открытости и несколько барочный в своем выражении. Современник своего времени, он наслаждается искусством и красотой в любых ее формах. Интеллигент с хорошими связями, окруженный влиятельными людьми своего времени. Веселый, сообразительный, остроумный, с широкой сетью контактов, он обычно хорошо информирован и заботится о своем внешнем виде, который легко адаптирует в соответствии со своими целями.

Однако, как бы хамелеон ни был Е3, социальный Е2 использует свою внешность скорее как инструмент для достижения своих целей, чем как часть имиджа. Они используют свою стратегическую адаптивность и эмпатию, чтобы идентифицировать сигналы, определяющие различные группы, с которыми они взаимодействуют. Они тонко трансформируют свою внешность, не теряя при этом своей индивидуальности или желания выделиться, и интегрируются в интересующую их группу, умудряясь быть замеченными и вызывающими восхищение за ту ценность, которую они приносят в группу одним своим присутствием.

Они оппортунисты, которые умеют черпать из разных источников и создавать собственные идеи или проекты. Они не соглашаются копировать то, что делают другие: они берут то, что им нужно, и творчески комбинируют это с другими элементами, что приводит к инновациям. Они являются экспертами в

объединении различных стимулов и в то же время в освещении их, благодаря которому любое начинание кажется возможным.

Как Наполеон, последний великий завоеватель. Только такой «безрассудный» человек, как он, нарцисс, движимый навязчивой жадой «все большего и большего», мог завоевать почти невозможные территории: одиннадцать стран, включая половину России, в эпоху, когда средств было недостаточно для такого предприятия. .

Социальные Е2 — это люди, которые, несмотря на то, что внутренне считают себя мошенниками, полагаются на высокую самоуверенность, навязчиво ищут любую возможность завоевать толпу, как Элвис Пресли, Трумэн Капоте или Ева Перон, великолепный пример того, как социальный Е2 может сублимировать свои амбиции: «все для людей».

Большие амбиции. Завоевание

У Клеопатры, Юлия Цезаря, Наполеона или Александра Великого есть что-то общее: они великие завоеватели масс и территорий. Создатели империй, их наследие сохранилось, несмотря на расстояние во времени, в котором они жили.

Во всех их биографиях мы можем увидеть общие точки, а также черты характера, которые объединяют их в подтип:

Социальная группа Е2 верит, что они могут делать все, за что берутся, лучше, чем кто-либо другой. Они не принимают приказов, особенно по вопросам, которые, по их мнению, принадлежат им. Таким образом, они способны восстать против установленной власти, утверждая, что это делается для общего блага. И Наполеон, и Юлий Цезарь провозгласили себя императорами, думая, что только они знают, что нужно народу, но в итоге взяли на себя абсолютную власть, несмотря на то, что боролись с ней именно тогда, когда ею владел другой. Что-то напоминающее узурпацию места отца в детстве.

Когда правило становится неудобным или препятствием для достижения целей, социальный Е2 обходит его или подстраивает под свои нужды, даже создавая новые с желанием, чтобы они были универсальными. Они не считают это неправильным, но необходимым, поскольку цель оправдывает средства. Они, естественно, применяют поговорку «благими намерениями вымощена дорога в ад», оправдывая любое действие, преследующее цель общего блага.

Великий амбициозный человек всегда хочет изменить мир и сделать его лучше для обездоленных:

Я готов пойти на все, подчиниться всему ради государства. ~ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

Я ничего не хотел и не хочу для себя. Моя слава есть и всегда будет щитом Перона и флагом моего народа, и хотя я оставил на пути остатки своей жизни, я знаю, что ты подхватишь мое имя и понесешь его как знамя к победе. [...] Если бы эти люди попросили у меня мою жизнь, я бы отдал ее пеннием, потому что счастье одного человека без рубашки стоит больше, чем вся моя жизнь. ~ ЭВИТА

У меня сердце, сердце государя; Мне не жаль слез герцогини, но меня трогают горе народа. ~ НАПОЛЕОН

Они уверены, что способны достичь всего, что намереваются сделать в жизни, и планируют великие предприятия для себя и для мира. Эта уверенность в своих личных ресурсах и своем видении дает им уверенность в том, что они знают, как выразить свою страсть, когда они во что-то верят. Они рискуют и новаторы в своей области, будь то музыка, литература или война. С другой стороны, они отличные стратеги и обладают дисциплиной и упорством, позволяющими достичь невозможного, предпринимая действия, о которых другие даже не подумали бы.

Они прибегнут ко всему, чтобы достичь своих амбиций; их не волнует цена, которую придется заплатить, или последствия для себя или других. У них грандиозные планы на себя, и они знают, как воспользоваться любой возможностью, чтобы создать что-то новое или оправиться от возможной неудачи. Однако они завоеватели и нуждаются в группе, чтобы найти поддержку и признание своего предприятия в обществе.

Когда они хотят победить, они беспощадны. Но когда они побеждают, они великодушны. Как Юлий Цезарь, с верованиями и обычаями захваченных народов. Это демонстрация толерантности, а также стратегия контроля над побежденными. Социальному Е2 необходимо держать все под контролем, вплоть до того, чтобы стать тираном, способным настроить группу против себя.

Завоевание дает им адреналин, необходимый для того, чтобы чувствовать себя живыми. Они зависимы от эмоций, вызванных властью, влиянием и статусом, который с этим связан. Чего они не могут сделать, так это остаться, чтобы сохранить то, что они завоевали, поскольку это потребует защиты, внимания или вхождения в рутину, которую они не могут поддерживать долго. Социальному Е2 необходимо постепенно завоевывать одно за другим, оставляя другим заботиться о завоеванном.

Они ненасытны; они редко бывают удовлетворены достигнутым или удовлетворены надолго. Их амбиции неустанно заставляют их продолжать стремиться к невозможному. Их неспособность видеть и принимать ограничения, как свои, так и чужие, приводит их к неизбежному провалу. Подобно Юлию Цезарю или Наполеону, они притворяются, что зашли так далеко, что их собственное чрезмерное желание быть Богом приводит их, в том же падении, что и Люцифера, к неудаче.

Возвращение утраченного достоинства

Следовательно, слово, которое лучше всего определяет невротическую потребность социального Е2, — это *амбиции*. Этимологически интересно проследить за другими родственными словами, которые могли бы объяснить генезис этого подтипа: *достоинство* и *унижение*.

Слово «амбиции» имеет два значения [согласно испанским словарям]. В обоих присутствует страстное желание чего-то достичь, что позволяет нам напрямую соприкоснуться с интенсивностью и активностью этого персонажа и его жизненным движением «движения навстречу», как указывает Клаудио Наранхо вслед за Карен Хорни: «Так- под названием Е2 является удивительным обширным примером, то есть он фокусируется на конфликтных ситуациях посредством угождения и капитуляции [...] и мы бы сказали, что социальный подтип является самым мощным и антагонистическим».

Я выхожу из дома... Я не восприимчив, я не из тех, кто остается, чтобы получать, а из тех, кто «идет навстречу», что более мужественно. Главное — снаружи, в мире. Жизнь снаружи, домашняя отнимает у меня время на то, что действительно важно. Я не позволяю вещам, людям, возможностям прийти ко мне... Я иду искать их.

АНА ГОНСАЛЕС ТЕХЕРА

Продолжая этот термин, амбиции социального Е2 не ставят во главу угла богатство или имидж, как в социальном Е3, а, более конкретно, это страсть «быть больше, становиться больше, делать больше». Этот импульс к «самому-самому» дает им ощущение жизни. Если бы они остановили свое завоевание, им пришлось бы признать свою нехватку: отсутствие себя, пустоту, которую они не могут вынести. Они также потеряют надежду на то, что их будут любить и ценить. Быть одним среди многих — это все равно, что не существовать, не иметь места в мире.

Когда я был юристом, я мало зарабатывал, но то, что я юрист, давало мне статус, который не оплачивался деньгами.

МОНИКА АНГУЛО

В частности, это страсть быть кем-то важным, к кому обращаются, к кому можно обратиться. Если присмотреться, то, к чему они на самом деле стремятся, — это иметь достоинство, *быть достойными любви*, *быть достойными любви*. Однако они не направляют этот поиск на подлинную ценность, которую достоинство влечет за собой глубоко внутри человека, а, скорее, отвлекают его, полагая, что он заключается в подтверждении миром благодаря их великим делам.

Следуя этой теме, мы встречаемся с двумя значениями слова «унизить»: «задеть чью-то самооценку или достоинство» и «пережить ситуацию, в которой человек терпит потерю». Именно этот опыт положит начало формированию этого характера.

У меня были повторяющиеся сцены унижений с тремя разными группами друзей в школе, и я прекрасно помню тот день, когда я решил прекратить это, что я никогда больше не буду страдать или чувствовать боль от подобных событий. Я практиковал выражение твердости, непримиримости, чтобы вызвать уважение... И да, мне это удалось, и именно так мне удалось выжить.

МОНИКА АНГУЛО

Когда человек рождается, он осознает себя целостным и полностью способным любить и быть любимым. Среда социального Е2 вновь подтверждает ребенку, что он достоин того, чтобы на него смотрели с любовью, поскольку его считают особенным существом, сообщает ему, что он собирается сделать что-то важное, что, по его мнению, сохраняет его самость. -концепция и самооценка высокие.

Однако что-то прерывает эту нирвану; мать, главным образом, «отсутствует» или каким-либо образом отводит взгляд. Возможно, только потому, что, перестав быть ребенком, этот безусловный взгляд больше не является таковым, а то, что переживает социальный Е2, является началом извращенной игры, в которой он становится получателем высоких ожиданий и ответственности, превышающих его эволюционные возможности. Это придает им ошеломляющую уверенность в своих силах, но в то же время обесчеловечивает их и циклически приводит к состояниям стресса или депрессии. Взамен они получают то, к чему никогда не перестанут стремиться: место силы внутри системы.

Мама мне говорит: «Попроси об этом отца, он на тебя не кричит». Я иду его спросить, а он кричит на меня, как и все остальные, злится, говорит мне, кто я такой, чтобы спрашивать об этом, кем я себя считаю, грубый маленький засранец, и наказывает меня, запирая в своей комнате.

Со всей яростью мира я кричу матери, чтобы она выпустила меня из комнаты, потому что она попросила меня выполнить это поручение. Она не появляется и через некоторое время говорит мне, что я могу выйти из комнаты, что мне следует извиниться перед отцом, что это был просто припадок... Я ничего не понимаю. Никаких упоминаний о том, что она послала меня выполнить поручение, а также о криках и наказаниях, которые я получил; только указывая на мою гордость и гнев по отношению к отцу и снисходительность к его гневу.

В эти моменты я испытываю ненависть к ним обоим и большое презрение к своей матери, за то, что она слабая и лживая, за то, что она не осмеливается ограничить моего отца в его насилии. У меня создается ощущение, что я не могу им доверять, что я больше, чем они, что я один и что никто не может мне помочь.

РОЗА УСЕЛЕТИ

Параллельно другая семейная динамика подпитывает неуверенность ребенка в своем реальном месте, что будет мотивировать его в будущем самостоятельно завоевывать свое место в группе. С того места отсчета и равенства, которое было им предоставлено, когда с ними снова обращаются как с детьми, они чувствуют унижение от того, что их «понижали», обманули, предали. Это изгнание с места важности, эта двойственность по поводу того, куда их помещают значимые взрослые, переживается как изначальное унижение.

Моя мать призналась, что недовольна решением, которое они приняли, о переезде. Она искала союза со мной; именно она дала мне эту силу. Поскольку я всегда помогал и спасал ее, я взял на себя роль ее спасителя и вступил в борьбу с отцом, ставя себя выше него, но он не дал мне этой власти, потому что я был самым младшим в доме. Один дал мне власть, а другой пытался отобрать ее своими ограничениями и абсурдными правилами, которые они навязывали только для того, чтобы доминировать надо мной и утвердить надо мной свою власть. Вот такую двойственность я почувствовал.

Когда девушка гордо и уверенно приближается к нему на высоких каблуках, ее мать, которой она в этот момент не нужна, пренебрежительно отмахивается от нее, как будто она всего лишь помеха. Это первые переживания стыда, унижения и ощущения обмана.

Моя мать всегда была занята и озабочена домом. Если бы я подошел к ней в поисках внимания, выслушивания или поддержки, она бы даже не посмотрела на меня; она передвигалась, говоря мне, что у нее нет времени.

И хотя она полагалась на меня в различных домашних делах или в отношениях с братом, если бы я ошибался или делал что-то не так, она очень злилась, и я до сих пор помню ее лицо и то слово, которое до сих пор не могу вынести: «Отвратительно, отвратительно!» Это была смесь боли, бесполезности, отвержения и унижения; Я чувствовал, что мое тело разрывается пополам.

АНА БАЗА

Определенные различия между мальчиками и девочками можно оценить, но важно то, как ребенка используют, возвеличивают, а затем «свергают с престола».

В отношениях между мальчиком и матерью происходит аналогичная объективация, которую мы наблюдаем у девочек:

Для моей матери я был ее игрушкой. Она играла со мной, но ровно настолько. Когда ей становилось скучно или приходило время меня покормить, купать и т. д., она передавала меня воспитателю и исчезала. Это было похоже на маленькую девочку, которая, когда ей надоедает игрушка, выбрасывает ее и ищет другое развлечение; на самом деле, это продолжается и во взрослой жизни. Я всегда чувствовал, что она была скорее капризным ребенком со своими истериками, чем матерью, которая внезапно использовала деньги как способ получить власть или дать мне компенсацию.

МАРИО МЕДАЛЬОН СЕРРАНО

У обоих полов, хотя и не во всех случаях, один из двух родителей позиционирует себя как коллега или спутник жизни, в боях. Однако и здесь ребенка будут бросать, когда он станет обузой или помехой, не принимая во внимание страх, гнев или печаль, которые он вызывает.

Я помню, как был в Патайе (Таиланд) на отдыхе, чтобы отпраздновать Новый год, и мой отец решил, что нам следует пойти на гала-ужин в отель. Во время закуски появился один из его знакомых и что-то прошептал ему на ухо. Папа посмотрел на меня и сказал: «Я сейчас вернусь. Чай хочет познакомить меня с другом. В десять с половиной лет я уже знал, что «друг», скорее всего, проститутка. Там я остался один с десятью незнакомыми мне посетителями, которые праздновали Новый год в надежде, что мой отец скоро вернется.

Проходили минуты, и тревога переходила в гнев, и наоборот. Я огляделась, стараясь не показывать нервозности и нормализовать ситуацию, так как меня ужасала мысль о том, что моего отца кто-то отругает, когда он вернется, и я почувствую себя преданным мной.

За пять минут до полуночи, когда официанты наполняли бокалы с шампанским, мой отец выглядел так, как будто ничего не произошло. И мое беспокойство и гнев просто превратились в облегчение от того, что он вернулся.

МАРИО МЕДАЛЬОН СЕРРАНО

Столкнувшись со своей неадекватностью, будущий социальный ребенок Е2 противодействует этому, поднимая подбородок и ставя личные цели, чтобы продемонстрировать, что они самодостаточны и умелы во

всем, за что берутся. Став взрослыми, они будут стремиться воссоединиться с этой первичной «безусловной» любовью в группах, которые они пытаются завоевать, путая территорию и любовь.

Парадоксально, но когда любовь приходит в социальный Е2, они не доверяют и не могут сдаться или показать то, что считают слабостью: свою уязвимость и потребность в другом. Когда они чувствуют, что их не любят или что любовь, которую они получают, не пропорциональна тому, чего они ожидают, они чувствуют себя преданными и отсекают голову человеку, авторитету или всей группе; они также могут дистанцироваться, не уточняя и не спрашивая, что произошло.

Амбициозный выход

Как и все нарциссы, социальные Е2 тщательно и тайно скрывают, если даже осознают это, свои недостатки, свои неудачи и, прежде всего, пустоту, которая их сопровождает. Это приводит к круговому движению между успехом и неудачей, между тревогой и депрессией. Как будет описано в главе о детстве, социальные Е2 могли испытывать депрессии анаклитического типа в детстве и депрессии интроективного типа во взрослом возрасте.

Страшную сцену бросают, считают бесполезной... неспособной решить жизнь других. Я продаю себя надутым; Я создаю ожидания, которые позже отягощают меня, потому что я чувствую, что внутри меня мало чего. Больно видеть, как я презираю то, что имею, как обесцениваю себя за то, что не всегда бываю внимательным и умным. Я вижу цветной целлофан, который я создал; он изношен, как старая пластиковая бутылка; внизу почти ничего не видно: кусок мыла.

АНА БАЗА

Общество Е2 живет в постоянном напряжении разрыва между своими нарциссическими стремлениями и реальностью. Более того, они мало терпят разочарований, что приводит к краху их чувства всемогущества. Столкнувшись с этим дисбалансом, у них есть два возможных результата: либо ярость по отношению к другим, либо самоагрессия, оба основанные, как говорит Кохут, на опыте унижения, или депрессия.

По мнению Блатта, нарциссы подвергают себя постоянному контролю и проявляют постоянный страх перед критикой, поэтому их депрессия во взрослом возрасте будет интроективной: чувства никчемности, неполноценности, неудачи и стыда, смешанные с резкой самокритикой. Это депрессии, которые трудно обнаружить, потому что в их разговорах трудно увидеть, что они чувствуют себя такими побежденными. Они обычно не осознают, что пережили депрессивные эпизоды, или изолируют себя до тех пор, пока не выздоровеют.

Социальные группы Е2 отключаются от своих потребностей и заботы о себе, потому что они связывают контакт со своим внутренним ребенком с унижением и отсутствием чьей-либо поддержки.

Я чувствовал сильную печаль, хотя мне никогда не приходило в голову слово «депрессия». Среди прочего, потому что я не позволял себе чувствовать боль и печаль до тех пор, пока я не погрузился в личный процесс. Я мог чувствовать грусть и немедленно трансформировать ее в гнев или отстраненность, каким-то образом отключаясь.

МОНИКА АНГУЛО

Я заболел детским стрессом, будучи не в состоянии удовлетворить тот уровень требований к себе, который, как я считал, мне нужно было удовлетворить, чтобы быть лучшим в учебе, в спорте... чтобы вернуть любовь своих родителей, которая, как я считал, была потеряна из-за наказаний. и ситуации, которые я воспринимал как унижительные. Я думаю, что депрессия была бы более здоровым выходом: сдаться, отказаться от того, чтобы быть лучшим. Вместо этого я накопил стресс и гнев.

РОЗА УСЕЛЕТИ

Одной из осей нарциссизма является высокая резкость самокритики. И одним из драйверов этого амбициозного человека является именно внутренний, суровый и преследующий отец, мучающий их, нашептывая, что их недостаточно, что они справятся с большими целями, с большими обязательствами. Этот голос исходит от постоянного поиска признания, к которому они привыкли в детстве.

В детстве социальные группы E2 получали противоречивое сообщение, что держало их в тревожном состоянии, поскольку их могли хвалить или ругать за одно и то же поведение или отношение.

Хорни заявляет по этому поводу:

Слепое обожание может усилить их чувство значимости. Они могут чувствовать, что их любят и ценят не за то, кто они есть, а просто за удовлетворение потребности своих родителей в обожании, престиже или власти.

А жесткий режим перфекционистских принципов может пробудить в них чувство неполноценности за несоответствие таким требованиям. Плохое поведение и плохие оценки в школе могут подвергаться строгому выговору, тогда как хорошее поведение или хорошие оценки считаются естественными.

Другое противоречие, которому они подверглись и которое добавляет социальное содержание к переживаниям унижения, заключается в том, что в частной жизни мать демонстрирует разочарование, если ребенок не соответствует высоким идеалам, сформированным в отношении него, что является фундаментальным аспектом в формировании нарциссического характера. И наоборот, когда есть «свидетели» как дома, так и на улице, речь идет о непропорциональной похвале и слепой вере в их способности, что заставляет ребенка стыдиться того, как их выставляют напоказ или выставляют напоказ: унижение становится публичным.

Я чувствовал, что меня выставляют как предмет, продукт моих родителей. Думаю, именно поэтому мне так легко «проституировать себя» в соблазнении и, между прочим, вспоминать своих родителей, подражая тому, что они со мной сделали. Всегда ищут свою потерянную любовь. Я говорю «проституция» как нелояльность к себе, как нечестность. Я вступаю в союз с кем угодно только для того, чтобы мной восхищались, и если я чувствую агрессию, я лишаю силы свои чувства и становлюсь боксерской грушей, потому что я не чувствую и не страдаю, как другие...

МАРИО МЕДАЛЬОН СЕРРАНО

В зрелом возрасте представители общества E2 заплатят высокую цену за эту семейную модель, не доверяя никому, кто говорит о них хорошо. Любопытно, что, хотя больше всего они желают публичного признания, им трудно его сохранить, поскольку они интерпретируют его как нечто нереальное или ложное, как в детстве. К этому добавляется страх быть разоблаченными как мошенники или не оправдать ожидания, которые были созданы вокруг них. Это одна из причин их трудностей с интимными отношениями и низкого качества связей, которые они устанавливают.

Термин «признание», столь распространенный в социальном спектре E2, имеет двойственное, хотя и не исключающее друг друга, значение. С одной стороны, оно подразумевает «благодарность и признательность», и это связано с высокомерным поступком, в котором они думают, что заслуживают особого внимания, в погашение долга, взятого с ними в детстве.

С другой стороны, «признание» означает также «признание кого-либо легитимным», что связано с их страхом, что их сочтут мошенниками и что, лишив их своей территории, они снова почувствуют первоначальное унижение. Социальный E2 изо всех сил стремится выполнить «обещания», которые удержат его на этом месте или в этом статусе. Однако как их собственные ожидания, так и ожидания, которые они породили в других, настолько высоки, что они часто внутренне и тайно боятся, что обнаружится, что они на самом деле не могут этого сделать.

На самом деле они устали поддерживать созданный ими имидж и просто нуждаются в признании легитимными, чтобы полностью показать себя со своими недостатками, своими ограничениями, своей уязвимостью и своими страхами, как и все остальные.

III. Межличностная стратегия и связанные с ней иррациональные идеи

Фиксация представляет собой основное когнитивное искажение характера. Это последовательная интерпретация реальности, которую ребенок конструирует на протяжении всего детства и во взрослой жизни, адаптируясь к семейным предписаниям и социальным посланиям, и она становится «объективной» истиной, которая усиливает *страсть*. Таким образом, создается порочный круг, в котором убеждения и восприятие реальности усиливают стратегии поведения, соответствующие этим интерпретациям, так что человек становится все более и более увлеченным этим образом жизни, теряя из виду контекст.

Ложное изобилие социального Е2

Ложное изобилие — это когнитивная фиксация Е2. Это искаженное убеждение, что у одного есть больше, чем у других, что он переполнен, хотя на самом деле у него есть то же, что и у других.

Гордые подавляют свои потребности, считая, что им ничего не нужно. Отказ, от которого они пострадали, не является сознательным и обуславливает их образ действий. Они демонстрируют изобилие именно потому, что внутренне чувствуют себя меньше. Это состояние похоже на состояние Е4, с той разницей, что Е2 находит выход в подавлении нехватки и идентификации с идеальным и грандиозным образом себя.

Ложное изобилие амбициозных, конечно, ориентировано на социальный аспект. Это нарциссическая реакция, когда на них нужно смотреть, когда они идеализируют себя. Эта идеализация отделяет их от глубоко укоренившегося чувства себя мошенниками и реактивно интерпретирует все их действия и поведение в рамках великого предприятия и доброго отношения к другим. Они ищут появления, в которых, по их мнению, их будут видеть такими, какими они хотят быть признанными, избегая неудач и пустоты и входя в порочный круг характера.

Самооценка

Социальный Е2 видит себя человеком, который в будущем добьется своих целей, за что близкие ему люди будут хвалить его качества. Они проецируют на других взгляд, подтверждающий их идеальный образ, потому что их внутреннего взгляда недостаточно.

И они постоянно лгут себе, фантазируя о действиях, которые поставят их на то место, которого, по их мнению, они заслуживают. Короче говоря, они убеждены в том, что они превосходят других и что рано или поздно им придется это признать. Нарциссический слой — это сверхкомпенсирующая реакция их эгоической тени, в которой они обесценивают себя. То есть им нужно фантазировать, что они обладают превосходными способностями, потому что в глубине души они не ценят те, которыми уже обладают, поскольку не видят их и не признают их.

Иррациональные или *безумные* идеи, которые социальные Е2 имеют о себе, затрагивают темы грандиозности, всемогущества, мессии, а также заблуждения, что их любовь имеет другое качество. Они верят, что обладают универсальной любовью, которая отличает их от остального мира, и что они могут все изменить.

Они чувствуют себя глубоко одинокими, хотя, казалось бы, всегда общаются с самыми разными людьми и кажутся доступными, заботливыми и добрыми. Они изолируют себя, потому что им трудно терпеть недостатки, которые они видят в других, и потому что они разочарованы тем, что их идеализированный образ не признается. И эта изоляция, и крайняя эмоциональность того, что они чувствуют, являются их защитой на случай, если физические, психические или аффективные переживания, такие как болезни, эмоциональные или рабочие неудачи, могут поставить их в контакт со своими ограничениями и «недостатками». Это их способ спастись от депрессии.

Кроме того, это люди, которые прилагают много усилий, потому что их силы воли недостаточно для достижения целей, которые они постоянно преследуют. Вот почему они становятся трудоголиками в неустанном стремлении добиться признания.

Изображение других

Социальный E2 рассматривает других как средство достижения своих целей. Эти цели обычно стратегические: иметь друзей, чтобы чувствовать поддержку; наличие партнера для секса; наличие хороших контактов для продвижения по службе; иметь хорошие отношения с другими, чтобы избежать конфликтов. Для других очень мало места, потому что их амбиции заставляют их упускать из виду тот факт, что другие — люди. На самом деле, социальные E2, хотя и заявляют, что у них много друзей, пренебрегают ими, особенно когда считают, что им нечего получить от них.

В группах амбициозный человек отлично ищет внимания. С их эмоциональным дискурсом вряд ли заскучаешь; они знают, на чем сосредоточиться, чтобы удержать внешнее внимание. При случайных встречах это отличный способ увлечь, но в среднесрочной перспективе это недостаток, потому что кажется, что им всегда приходится добавлять последний штрих, и в итоге на них смотрят как на обузу и шарлатана.

Умение социального E2 знать, какова связь, помогает им дать другому то, что им нужно, чтобы отношения не создавали трудностей. Однако из-за собственной анестезии им сложно поддерживать эту связь связным образом. На самом деле они чрезмерно критичны по отношению к другому, и им не только трудно восхищаться (глагол, который они путают с завистью), но они также думают, что другой медленный, неспособный, неуклюжий или тупой.

В своих отношениях они проявляют поверхностную заботу, тонко унижая другого, чтобы постепенно снизить свое положение, где они чувствуют свое превосходство, тайно доминируя над ним.

Изображение мира

По отношению к миру социальный E2, очевидно, проявляет щедрость, принимая способ поведения, рассчитанный на выживание. По сути, это похоже на поиск бессмертия посредством добрых дел, имеющих отклик в обществе.

Для амбициозного человека мир — это огромная лестница, по которой нужно подняться, огромная территория, которую нужно покорить. Они считают, что всегда есть больше групп, к которым можно обратиться и о которых можно узнать, и им нравится чувствовать себя их частью, пока они могут занять в них выделенное место. Если они не занимают руководящую должность, то думают, что могли бы сделать это лучше, чем сам начальник, обесценивая его, хотя и не несут ответственности начальника. Они предпочитают позицию справа от начальника, место, где их можно узнать и утвердить. Однако, когда их сравнивают с их собственными возможностями в группах, в которых они участвуют, или когда их ставят на заслуженное место, они чувствуют это как оскорбление и унижение, и именно поэтому стараются убежать. Когда личное обаяние и обман уступают место реальному знанию своих истинных способностей, они чувствуют себя обманщиками и смущаются.

Амбициозный человек думает, что мир — это место, где должна восторжествовать любовь. Они часто имеют наивное и мессианское видение, полагая, что боль мира прекратится, если все будут любить так, как они верят. Это главная трудность, проистекающая из разобщенности собственной тени, на которую они не хотят смотреть. Говорят, что тень заставит замолчать то, что когда-нибудь они достигнут окончательного, главного признания, где все их усилия будут вознаграждены. Кроме того, чтобы заглушить собственное недовольство и чувство пустоты, они верят в прочность своих уз непропорционально своей силе и заботе, которую они вкладывают в них.

Невротические механизмы

Эмоционализация — типичный защитный механизм E2, с помощью которого они «производят» эмоцию или преувеличивают ее до драматизации. (Второй тип связан с *истерическим расстройством личности*, хотя социальный подтип больше связан с *нарциссическим расстройством личности*). Цель состоит в том, чтобы защитить себя от истинных эмоций, которые они испытывают, таких как боль, страх или разочарование.

Кроме того, они склонны отдавать предпочтение тем эмоциям, которые кажутся приятными, например, радости или энтузиазму. То есть вместо того, чтобы выразить эмоцию, которую им необходимо выразить, они трансформируют ее в, казалось бы, приятное чувство, забывая о том, что им действительно нужно выразить, благодаря интерпретации в свете ложного изобилия: чувство полноты приятного, прекрасного, радостного. и

жизненные эмоции, они делают вывод, что они обладают особыми качествами. Тогда они чувствуют себя Королем-Солнце, излучающим повсюду счастье.

Это усиливает забывчивость о себе и собственное незнание того, что с ними происходит и как это выразить. Для Э2 более важна, чем важность понимания того, что они переживают, эгоистическая потребность другого в подтверждении своего собственного поведения, поскольку они сами не уверены в том, что то, что они чувствуют, является правдой, поскольку они преувеличивают это или меняют его основное эмоциональное качество.

В этом заключается основа их зависимости от взглядов других, типичной для эмоциональных персонажей: им нужен другой, чтобы подтвердить ложь, в которой они живут, потому что они не могут поддерживать себя, поскольку основаны на скудном реальном понимании того, что они глубоко чувствуют.

То, что происходит с E2, очевидно, то же самое, что происходит с другими людьми. Однако их несовершенный глобальный взгляд и эгоистическая эгоцентричность заставляют их считать то, что они переживают, более актуальным и существенно отличающимся от того, что происходит с остальным миром. Перепросмотр, который был бы необходим для преодоления проблемы посредством соответствующего суждения, расстраивает их, эмоционализируя их мысли и делая их менее точными при мышлении. Чувствуя себя не просто еще одним, но исключая себя, и там, перед лицом этого отсутствия чувства паритета с другим, социальный E2 чувствует себя глубоко одиноким и опустошенным; как мошенничество.

Одна из важнейших идей, которыми вооружается этот бессовестный человек, — это *величие*.

Величие

Величие относится к основной когнитивной ошибке, заключающейся в том, что большое побеждает маленькое, побеждает его или лучше. Таким образом, идея состоит не в том, чтобы основываться на том, что у человека есть и что с ним происходит, а в том, чтобы видеть это пропорционально другим. Величием в каком-то смысле становится идея о том, что **«один должен быть больше другого, чтобы быть включенным»**, поскольку внутренне они принимают только то, что считают действительно превосходящим. Тогда нет места тому, что не является великим. Всё, чего нет, социальная E2 разбрасывает и отдаёт в тень; поэтому они проявляют высокомерие по отношению к тем, кто бессознательно напоминает им обо всем том, что они от себя скрывают.

Эта нарциссическая реакция включает в себя возведение грандиозной оболочки так, чтобы не казалось, что внутри они питают чувство несоответствия, что может поставить под угрозу грандиозную самооценку. Эти представления время от времени прорываются в эмоциональное состояние, иногда при критике, и в конечном итоге формируют циклический образ поведения, сочетающий эйфорические состояния с полудепрессивными.

Эта идея величия также говорит об их социальных концепциях. Амбициозный человек считает свою экосистему многослойной; каждый принадлежит к определенному социальному рангу, и **«поскольку большое важнее малого, лучше быть на верхних ступеньках социальной лестницы»**. Эта иррациональная идея, очевидно, выработана в детстве. Существует определенная тенденция относиться к «старшим» в малом и грандиозном. В зрелом возрасте старшими становятся не самые старшие, а те, кто занимает видное место в социальной иерархии; в конечном счете, авторитет.

С этой идеей величия трудно иметь то, что Клаудио Наранхо называет *восхищенной любовью*, которая соответствует тому, как мы относимся к тому, что больше нас, например к идее божественного, авторитетов или даже к тому, что мы считаем ценным в других. Социальный E2 испытывает серьезные трудности с восхищением, которое они испытывают двумя совершенно разными способами. Один из них — преувеличивать способности другого, отвечая его собственному идеальному «я». То есть они видят в другом те способности, которые, по их воображению, у них есть или могут быть. Другая форма восхищения, более темная, — это подавленная зависть. Они желают того, что есть у других, но не показывают этого. Таким образом, они на самом деле не способны восхищаться другим, так как относятся к тому, что ценят, двойственно, проявляя высокомерие по отношению к тому, чем восхищаются.

Этот подтип имеет вертикальное представление о социальной сфере, где есть верх и низ. А амбициозный хочет быть наверху и считает себя ниже того места, где, по его мнению, он должен быть. Именно это является их движущей силой достижения места, которое в действительности они не могут воплотить, даже если оно представляет собой их идеальное «я». Для этого очень важна чрезмерная работа. Очень трудно добиться

пространства, соответствующего их возможностям, разве что через ложь о них, через такое самотребование, которое может привести к *самопорабощению* .

Это перенапряжение завершается переоценкой территориального статуса в соответствии с величиим, которая исходит, как мы уже говорили, от родителей или эталонных фигур, которые стимулировали идею о том, что в этом ребенке есть что-то великое; вероятно, из-за родительского или материнского восхищения, вызванного их собственными неудовлетворенными притязаниями.

Когда я был маленьким, у меня была возможность учиться; Мне нравилось учиться. Я был увлечен медициной: мне нравились медицинские сериалы, медицинские документальные фильмы... Я смотрел операции в прямом эфире и всегда говорил, что хочу быть врачом. Родители меня все время поддерживали и начали говорить, что я буду отличным врачом, что открою лекарство от рака. Я был горд услышать их; они повсюду хвастались своей дочерью. Я всегда была девушкой, которая хотела стать врачом и найти лекарство от рака.

Прошли годы, и вся семья уже знала, что я собираюсь стать онкологом, и когда я поступил в СОУ и должен был определиться со своей специальностью в колледже, я никуда не отдал медицину, даже в качестве последнего варианта. Я чувствовал такое сильное давление со стороны семейных ожиданий, что не решился и выбрал совершенно другую специальность.

РОЗА УСЕЛЕТИ

Какую цену они платят за величие? Живут в параметрах, которые им не принадлежат. Они опережают свой век, поэтому упускают из виду ту, которой им предстоит жить; они уже хотят быть в следующем. И, став взрослыми, они продолжают просить большего: они должны быть в другой точке, они должны быть более осознанными, более полными... В конечном итоге, большего.

Несколько сумасшедших идей, связанных с величиим:

- «Я самый главный, без меня ты не сможешь».
- «Остальные всегда позади меня».
- «Я лучше всех остальных».
- «Я — образец дома, и моя задача — сделать всех счастливыми».
- «Только я могу поддержать своих родителей».
- «Я самая красивая, самая умная, самая хорошая дочь. Я все и даже больше...»
- «Я рассматриваю людей всего мира как своих подданных».
- «Я сделал так много, я настолько быстр и эффективен, что другие не могут угнаться за мной; Я думаю, что им лучше делать то, что я им прикажу...»
- «Остальные находятся на другом уровне, чем я».
- «Я самый особенный».
- «Если я не великий, я недействителен».
- «Если я не велик, я исчезаю, меня не видят, меня не любят, я никчемный».
- «Однажды мое величие станет известно, и тогда меня прославят».
- «Моя жажда величия необходима для выполнения моей миссии».

Всемогущество

Всемогущество — это вера, которая поддерживает почти маниакальное поведение социального Е2, в котором они могут делать что угодно. Это напоминает идеал социального Е3 в том смысле, что в этом конкурентном обществе человек может творить себя и карабкаться до тех пор, пока не разовьет весь свой потенциал, не принимая во внимание внешние препятствия, свои собственные пределы или цены, которые обязательно придется заплатить, , как для себя, так и для других. Разница между Двойкой и Тройкой заключается в том, что первый считает, что у них уже проявились все способности, и что просто другой должен их признать, а второй

знает, что для достижения цели им придется «потрудиться» и полагается более стратегически на способности и сильные стороны тех, кто их сопровождает.

Социальный Е2 думает, что, поскольку в какой-то момент они почувствовали себя умными, они действительно таковы. Что у них есть дар вездесущности. Они переоценивают себя: складывают или умножают, что касается их.

Вера в себя всемогуща — одна из самых безумных идей, которая наносит им наибольший вред. У них сильная привязанность к работе, благодаря которой они получают необходимые ресурсы, чтобы чувствовать себя богатыми и превосходящими. Это их мерило. Требование к себе в исполнении дает им определенные преимущества и способствует вере в свое всемогущество. Это самопорабощение амбициозных.

Всемогущество находит наибольшее удовлетворение в планировании действий по завоеванию людей, статуса или территорий. В тот момент, когда они представляют достижение цели, они как будто уже держат ее в руках: **«Если я этого хочу и думаю об этом, то у меня это уже есть»** (не забудем, что этот подтип из трех, самый интеллектуальный). Во многих случаях завоевание также не требует большой конкретной работы, поскольку социальный Е2 умеет присваивать завоевания других, которых они наверняка уже убедили своими невероятными навыками в том, насколько они им помогают или насколько они незаменимы.

В этом последнем случае они проявляют всю свою ложную щедрость в том, насколько полезными и полезными они могут быть или как могут избавить вас от стольких затруднений: «Я это сделаю, я это решу; Не волнуйтесь." А кроме того, им удастся заставить чувствовать себя зависимым и обязанным, то есть их подданным. Очень часто можно увидеть, как социальному Е2 в отношениях удается удерживать другого на уровне даже инфантильной зависимости, зацепившись за идеализацию авторитета, столь могущественного и любящего одновременно.

Все Е2 обладают радаром, с помощью которого они лучше, чем кто-либо другой, определяют потребности другого. В некоторых случаях это может иметь противоположный эффект. И то есть, когда амбициозный человек понимает, что он не соответствует чрезмерным требованиям, которые он предъявляет к себе, он вступает в свою депрессивную сторону, даже презирая те способности, которыми он обладает. Так или иначе, они избегают соприкосновения с тем, чем они являются.

Это попытка выделиться и быть признанным, чего бы это ни стоило, выше или ниже; главное не вызывать равнодушия. Как и в Е4, здесь сложно быть средним. Социальный Е2 избегает посредственности и, если он не может достичь всемогущего совершенства, он предпочитает заниматься преувеличением всего, в чем ему не хватает.

Мы были в группе и нам предложили выполнить упражнение «лодка» (пребывание в «лодке», из которой на каждом повороте надо выгонять одного человека). Шесть человек пришлось спасти, шестерых — выгнать из лодки. Кто-то спас меня, а пятеро хотели, чтобы я ушел. Когда я зашел в комнату, думая об этом, мне пришла в голову мысль, сопровождаемая улыбкой: «Ну, они меня не любят, но, по крайней мере, они ко мне не равнодушны».

АНА БАЗА

Один из способов сохранить идентичность всемогущего — это не ценить реальные способности, а увлекаться собственной фантазией не только о себе, но и о способностях равных. Социальный Е2 представляет себе возможности других, но не совсем осознает их; существует определенное пренебрежение к интеллектуальной работе, которая позволила бы им узнать, кто они такие. И, прежде всего, они не могут принять, конкретно и интеллектуально, что другой может обладать чем-то, чего нет у них.

Другая идея, которой придерживаются социальные Е2, верящие в свое всемогущество, заключается в том, чтобы просто принижать то, что делают другие. Амбициозный сосредотачивается на том, чтобы увидеть неумелую часть другого, что они прекрасно делают в своем районе, идеального социального Е1 и очень эффективного социального Е3. Когда человек презирает других, он прокладывает путь единственному, кто выделяется на фоне других, и это не что иное, как форма подавленной зависти. Их напыщенный язык, полный абсолютов и с такой горячностью, что заставляет других сомневаться в себе, в конечном итоге принимает критерий социального Е2. Дискуссия не обязательно должна быть очень рефлексивной; иногда они слишком полагаются на свои собственные способности к импровизации, поэтому часто их слова страстны, но в конечном итоге не имеют под собой никакой основы.

Скорость и анестезия — способы отключения от эмоций. Ментальный из самых эмоциональных, социальный E2 не известен своей плаксивостью. Только когда они видят провал или ложь, скрывающуюся за их кажущейся непобедимостью, они позволяют себе выйти на более близкую и теплую территорию.

Одним из способов, которым они защищают себя от контакта со своими собственными ограничениями, является промедление, когда они оказывают на себя давление, чтобы соответствовать требуемым стандартам. Таким образом, амбициозный человек оставляет задачу на тот момент, когда у него не останется иного выбора, кроме как сделать ее поспешно, заставляя свою собственную строгость быть более расслабленной. Это помогает им поддерживать идею, что *они могут все*, поскольку делают это за меньшее время, чем другие; хотя они и забывают об этом, они сохраняют высокий уровень стресса и не получают удовольствия от выполнения задания.

Работа соцсети E2 часто идет урывками. За очень большим усилием следует период отдыха или, скорее, необходимая дистанция, во время которой социальный E2 отключается от задачи, потому что интенсивность, с которой он выполнял работу, утомляла его. Затем, когда они снова зарядятся энергией, что совпадет со сроком, они снова предпримут титаническое усилие, преследующее двойную цель: закончить вовремя и поддержать идею о том, что они могут чем-то заниматься и достичь этого, укрепляя идею всемогущества.

Сумасшедшие идеи, связанные со всемогуществом:

- «Другой мне не нужен; Я все могу сделать сам».
- «Я достигаю всего, что намеревался сделать».
- «Я знаю, что нужно миру».
- «Я могу преуспеть во всем, что задумаю».
- «Ничто не сможет устоять передо мной, если я буду обращать на это внимание. Я не знаю ничего, чего я не мог бы сделать».
- «Я все знаю, могу решить все проблемы».
- «Никто никогда не будет так удовлетворен, как я».
- «Я могу сделать все без усилий».

Ложная хорошая любовь

Хотя социальные E2, кажется, очень любят себя, это всего лишь фасад. Им необходимо вернуть безусловную любовь, которую они когда-то чувствовали, и они верят, что могут достичь этого, установив обмен, при котором они будут добрыми, а *другой будет нуждаться в них навсегда*, тем самым поставив их на важное место. Требуя так многого для того, чтобы оказаться в позиции дающего, чтобы не чувствовать собственных недостатков, Двойки перестают дарить любовь себе и ищут ее вовне.

Они жаждут не только романтической любви, которую они недооценивают, но главным образом того, чтобы хорошо выглядеть со стороны группы, что служит эмоциональной поддержкой и подтверждением их иррациональной идеи о своей *незаменимости*. Они регулярно обходятся без отношений, поскольку рассматривают их как усилие, в котором не видят социального вознаграждения, и обращаются к ним, когда чувствуют себя побежденными. Именно в социальном аспекте, в обожании масс, этот персонаж находит свое топливо, и их грудь наполняется изобилием.

Социальная E2 — победитель масс. Для этого они территорию за территорией соблазняют группы, где могут получить общий любящий взгляд. Это способствует формированию отношения, которое мы могли бы назвать контрзависимым, поскольку, чтобы не чувствовать собственной зависимости от любви другого, они тайно стремятся сделать другого зависимым. Они инфантилизируют друг друга, снабжая их всем, что, по их мнению, им нужно во время завоевания. Как если бы это была денежная система, в которой они оставили другого в долгу и могли играть с кредитом. Когда они должны деньги или, в данном случае, когда они должны любить, как может должник быть злым или нелюбящим к кредитору?

Любовь, таким образом, становится валютой обмена. Как только амбициозный оставил другого в долгах и, следовательно, манипулировал им, чтобы они зависели от него, они посвящают себя следующему завоеванию, пренебрегая отношениями, над которыми так усердно работали и которые уже успели склониться в свою пользу. С этого момента амбициозный человек будет возвращаться к этим отношениям только тогда,

когда ему что-то понадобится, либо в своих интересах, либо для увеличения долга, но вряд ли будут здоровые отношения, в которых они обнажат свою уязвимость и признаются в своих манипуляциях; они всегда будут оправдываться, думая, что *они нужны другому человеку*. И они также будут верить, что таким образом их любовь к другому огромна и что их следует ценить за то, что они якобы вложили в отношения.

Любовь родителей воспринималась как меркантилистская. Они проецируют на ребенка образ величия и всемогущества и не ставят для них границ, поэтому ребенок верит, что может стать неограниченным, развивая безумную идею о том, что «**если другой устанавливает мне ограничения, то это потому, что они не любят меня или не понимают меня**». Когда их любят за их действия, будь то хорошие, плохие, любящие или нет, они манипулируют ими. Затем ребенок начинает разрабатывать концепцию, согласно которой он получает любовь, когда ранее делал определенные вещи, как акт покупки и продажи.

Социальный Е2 также считает, что «**моя любовь имеет качество, превосходящее**» другие виды любви остальных людей. Высказанная ранее идея грандиозности поддерживает эту концепцию *хорошей любви*, то есть: «**Меня любят, потому что я велик**». Или еще: «**Если я не всемогущ, меня никто не полюбит**». И еще один шаг: амбициозный человек полюбит вас, если вы будете служить идее, что он великий, если вы будете его хвалить.

Дальнейший перевод был сделан тг-каналом [@tpdatabaza](#)

Некоторые безумные идеи о ложной любви:

- «Я спасу тебя».
- «Если я не получу одобрения окружающих, я провалился».
- «Если на меня не смотрит тот, кого я хочу, меня не существует или я недостаточно хорош».
- «Если я завоюю тебя, ты всегда будешь высоко меня ценить».
- «Меня любят, потому что я велик».
- «Если я не всемогущ, ты меня не полюбишь».
- «Если ты влюбишься в меня, ты будешь любить меня вечно».
- «Как только ты познаешь мою любовь, ты никогда не захочешь испытать другую».

Особую форму ложной любви можно назвать «добризмом». Чтобы подняться в социальной иерархии, помимо уже описанного всемогущества, необходимо обладать благими намерениями. Добризм — это способ маскировки скрытых эгоистических интересов и вытеснения их в тень. На сознательном уровне это способ, с помощью которого Социальная 2 одухотворяет себя. Они представляют себя достигшими такого уровня могущества и щедрости, преподнося доброту как способ сублимировать амбиции и придать им трансцендентный характер.

Некоторые безумные идеи о добризме:

- «Я — лучшая опора для любого через свою помощь».
- «Я один из лучших людей, которых вы встретите».
- «Я спасу тебя».
- «Мой дар — спонтанность, и благодаря ей люди будут любить меня».
- «Я так много для тебя делаю...»
- «Никто не выслушает тебя так, как я».
- «Я жертвую собой ради других».

Избранный

Чтобы вести за собой группы или чувствовать себя способным на это, Социальные 2 лелеют мессианскую безумную идею о том, что обладают некими способностями, намного превосходящими способности других, что делает их совершенно иными. Эта идея быть «Избранным», дитем Божьим, преемником или находиться по правую руку от отца — почти бредовая. Настолько нарциссическая, что по большей части вызывает неловкость, поскольку лишена каких-либо реальных оснований.

В начале курса «Вводная психология Эннеатипов», который я проводил в Бургосе, я сказал в качестве вступления, что хочу, чтобы все преклонили колени и восхваляли меня как спасителя, возлюбленного. У меня для этого не было реальных причин; это было скорее чувственное переживание, почти бредовый, психотический юмор. Я не был психотиком; я знал, что эта идея — моя собственная бесстыдная выдумка, но я чувствовал её глубоко внутри.

Спустя годы, когда я впервые смог поговорить с Клаудио наедине, я признался ему в этой идее, сказав, что понял: мне не нужно чувствовать себя его возлюбленным сыном, я просто хочу учиться у него и его учеников и готов быть полезным. Он, по-видимому, не придавал этому особого значения, и после разговора с ним я почувствовал, что повёл себя так же, как мой отец со мной — не уделив моим словам должного внимания, почти как если бы он считал меня ребёнком.

На следующий день я услышал, что Клаудио пригласил меня на курс в качестве помощника. Меня выбрали — не как возлюбленного ученика, а как избранного. И это произошло потому, что я сказал ему, что не хочу быть избранным. Мне было очень трудно участвовать в том, к чему я так стремился, не веря при этом, что я Избранный. Каждый раз, когда я добиваюсь чего-то желанного, происходит то же самое: мне очень сложно понять, что это результат моего естественного развития, а не того, что я отличаюсь от всех остальных.

АЛЕХАНДРО РОДРИГЕС

Резюмируя: тот, кто верит, что мир — это социальная лестница, и что он способен на всё, кто считает себя по-настоящему добрым и обладающим уникальной любовью, скорее всего, думает, что может вести за собой других или даже стать новым Иисусом Христом или Спасителем масс. Наполеон, Юлий Цезарь, Александр Македонский, Эвита Перон или Клеопатра — хорошие примеры. Они верили, что должны вести свой народ к победе, потому что под их защитой империя станет лучше и мудрее.

Иррациональная мессианская идея быть Избранным глубоко укоренена в том, что они действительно были Избранными в детстве. Социальная 2 обладает очень древней инстинктивной способностью утверждать себя перед авторитетом, даже если это вступает в конфликт с ним. Эта способность основана на том, что они были эмоциональной опорой для своих родителей.

Некоторые безумные идеи:

- «Мне предначертана великая судьба, предсказанная родителями».
- «Только я способен давать».
- «Когда они узнают мою ценность, все преклонят передо мной колени».
- «Я необычный человек. Каким-то образом отмеченный божьей рукой».

IX. Другие характерные черты и психодинамические соображения

Холодность

Внутри типа личности Е2, который является самым эмоциональным из всех Эннеатипов, подтип Социальная 2 — наименее эмоциональный из трёх. Если защитный механизм Е2 — это вытеснение, которое делает неприемлемые мысли, желания или потребности бессознательными, то у Социальной 2 эта стратегия проявляется как общая эмоциональная холодность. Бывают моменты, когда в ответ на значительно болезненное событие они «застывают» и теряют контакт с частью своего эмоционального мира.

Я была на похоронах бабушки. Она сыграла большую роль в моём воспитании, и она была мне очень дорога; меня называли в её честь. Мои двоюродные братья и сёстры переживали каждый по-своему. Я же ходила туда-сюда, критикуя священника и всё, что связано с похоронами, но не проявляя ни следа боли или

печали; кажется, я не проронила ни одной слезы.

Меньше чем за год я потеряла троих из четырёх дедушек и бабушек. Пятнадцать лет спустя я поняла, что с тех пор так и не плакала. Как я могла быть настолько отрешённой от самой себя?

АНА БАСА

Социальная 2 может оставаться бесстрастной, и ничто и никто не ставит под сомнение их самовозвеличивание. Если кто-то увидит, что они не могут, не знают или недостаточно хороши, это будет катастрофой, потому что образец для подражания не может позволить себе ошибаться. В то же время эта холодность и жёсткость защищают их и помогают скрыть страх снова оказаться преданным, когда некому будет подхватить их при падении без страховки.

«Чтобы защитить себя, они иногда высмеивают свои эмоции, иронизируют над ними; они пытаются уйти от них, приуменьшить их значение или избежать ответственности за них».

КАРЕН ХОРНИ

Эгоцентризм

Их желание быть в центре внимания — через то, что они дают, организуют, делают или говорят, — это ещё один способ облегчить чувство одиночества и неполноценности, одновременно укрепляя веру в то, что они — центр вселенной. Они думают, что с этой позиции они нужны, и никто не может подвергнуть их сомнению или унизить, сбросив с пьедестала, где они получают мимолётное восхищение, которое путают с любовью.

В конечном счёте они влюблены в себя; они сами — своё самое интересное завоевание. С этой точки зрения они интерпретируют поведение других всегда по отношению к себе, либо в позитивном, либо в негативном ключе. И демонстрируют большой талант запутывать другого человека, чтобы удовлетворить свои потребности.

Требовательность и гиперкритичность

Внутри Социальной 2 существует внутренняя, свирепая и ненасытная родительская фигура — требовательная, холодная и безжалостная, как по отношению к другим, так и к себе, в виде двух сосуществующих внутренних течений. Одно не терпит отклонений от намеченных целей и идеалов, которые они перед собой поставили. Они будут положительно оценивать себя только тогда, когда достигнут их, но ненадолго, поскольку вскоре появится новая цель или территория для завоевания. Другое течение, протекающее параллельно, — это агрессивное намерение, погребённая, не всегда осознаваемая ярость, обычно направленная внутрь, пренебрегающая заботой о себе, здоровьем, отдыхом или возможностью принять привязанность и заботу.

Это может прозвучать скандально или болезненно, но иногда единственный способ вырваться из головокружительной, требовательной, удушающей, полной «должен» жизни — это подумать о возможности умереть.

АНА БАСА

Социальная 2 следует усвоенному от родителей посланию: «Что бы ты ни делал, этого всегда недостаточно». Вот почему они иногда прибегают к снисходительности к себе, чтобы уменьшить тревогу от преследующих мыслей или негативных суждений, которые они выносят о себе и которые видят во взгляде человека, признанного ими авторитетом.

Пренебрежение

Как и Социальная 2, заботящаяся о самосохранении, Социальная 2 так или иначе обесценила своих родителей и выработала, хотя это и остаётся в тени, глубокое презрение к ошибке, несовершенству, медлительности, глупости, пессимизму или хрупкости — как в себе, так и в других.

Обесценивание начинает формироваться на эдиповой стадии, с поляризацией отцовской и материнской фигур, когда одна идеализируется, а другая презирается, а позже обесцениваются обе. Это неизбежно оставляет их в позиции, которая им не соответствует и находится на одном уровне или выше родителей. Обесценивая обе фигуры, им не хватает родительских образцов для идеализации и идентификации. Позже это станет зародышем для непризнания во взрослом возрасте авторитетных фигур и самоопределения в качестве единственного заслуживающего доверия авторитета.

«Мой отец был для меня образцом силы и мощи, в отличие от матери, которая оставалась в тени. Но я, будучи ребёнком и особенно подростком, ненавидел его за то, как он с нами обращался. Я воспринимал это как злоупотребление властью».

РОЗА УЗЕЛЕТИ

Бунтарство и деспотизм

В детстве они понимают, что близость к авторитету даёт им привилегированное положение и определённые преимущества перед сверстниками. Они усвоили, что обладание конфиденциальной информацией или участие в принятии решений по важным вопросам несёт в себе власть.

Социальные 2 отличаются тем, что считают, будто знают больше других или что они эффективнее, и презирают, как свойственно завистливым людям, чужие достоинства. Им действительно трудно признать чей-либо авторитет, кроме собственного и своих убеждений.

Во многих биографиях Социальных 2 встречаются насыщенные и нестабильные жизненные истории. Эти переживания в сочетании с идеями величия и собственной значимости заставляют их верить, что они обладают определёнными привилегиями перед другими. В этом они могут напоминать Сохраняющую себя 2; однако амбициозные делают это с явной злостью и горделивым, деспотичным требованием.

У них есть собственный этический кодекс, который определяет, какие нормы следует уважать, а какие — отвергать. Этот кодекс может меняться со временем, по их прихоти, демонстрируя полное безразличие к этическим последствиям или к другим людям. Они используют и злоупотребляют избирательной памятью, когда дело касается их ответственности в собственных делах.

Некоторые идеи Социальных 2:

- *«Правила созданы обычными людьми для обычных людей. Эти люди всего лишь законодательствуют. У меня есть жизненный опыт, который позволяет мне знать о жизни больше и лучше, чем те, кто пишет законы, поэтому их правила ко мне не относятся».*

РОСА УСЕЛЕТИ

Нетерпимость к ограничениям

Социальная 2 не может представить себе внешних ограничений для достижения желаемого или даже в отношении собственных возможностей. Как ни странно, несмотря на их агрессивные и конфронтационные манеры, они не умеют устанавливать границы для других (хотя умеют унижать их). Обычно они не воспринимают оскорбления или агрессию как таковые и могут даже унижать себя, чтобы не потерять отношения. Однако боль от потенциальной потери связана не столько с самой связью, которая под угрозой, сколько со страхом столкнуться с мыслью, что они ничего не стоят, и с последующим оставлением, которое

стало бы ещё большим унижением.

Нетерпимость к критике

Не имея дела с собственными фрустрациями, эго разрастается в геометрической прогрессии, что делает для людей этого подтипа крайне трудным перенести возможность неудачи, ошибок или быть замеченными в несовершенстве в глазах других. Критика кажется им невыносимой.

Некоторые идеи, связанные с нетерпимостью к критике:

- *«Если меня кто-то критикует, значит, я потерпел неудачу. У меня больше нет всеобщего признания. Я больше не лучший и не самый особенный для всех в группе. Если это происходит в группе, где обратная связь публична, я чувствую себя униженным».*

МОНИКА АНГУЛО

Соревновательность

Исходя из этого возвышенного самовосприятия, никакая конкуренция невозможна. Если спросить Социальную 2, соревновательны ли они, они твёрдо ответят «нет».

«Я компетентен, а не соревнователен. Мне не нужно соревноваться. Это было бы... вульгарно».

АНА БАСА

Они «знают», что они лучшие, и хотят, чтобы им отдали то место, которого они заслуживают. И хотя они стараются сохранять выдержку, уверенность и самообладание, не всегда всё идёт по плану. Вступить в соревнование означает хотеть того, чего у них нет, что связало бы их с чувством неполноценности или зависти, заложенным в их характере, или, что ещё страшнее, с пустотой от ощущения собственного бессилия.

«Я никогда не назвала бы себя соревновательной, потому что, честно говоря, в детстве я считала всех остальных девочек настолько ниже себя, что никакое соревнование было невозможно. Пока я не начала болеть, потому что в моём классе появилась блестящая девочка, и я не могла этого вынести. Я подвергла себя такому стрессу и напряжению, что болела целый год — сильные головные боли и головокружения. Я никогда этого не признавала; помню только, что когда меня оставили на второй год из-за пропусков — я ходила по врачам, — первой моей мыслью было: "Если раньше у меня всё шло хорошо, то теперь у меня вообще не будет соперников"».

РОСА УСЕЛЕТИ

На работе я тоже страдала от этой скрытой соревновательности, когда рядом появлялся возможный соперник. Я очень страдала, когда видела рядом со своим значимым другим, будь то мужчина или женщина, кого-то более способного, чем я, в каком-то аспекте. Тогда я видела свои недостатки и рассыпалась, потому что не была на том же уровне.

РОСА УСЕЛЕТИ

Их эго не может допустить мысли, что существует достойный соперник, которого стоит принимать в расчёт. Они уже победили самого сложного и могущественного соперника в детстве — маму или папу. Отсюда и их удовольствие от завоевания великана, чтобы потом презирать или бросать его. Основной страх заключается в том, что если они потерпят неудачу, то станут тем, чего боятся больше всего: бесполезными. Тогда приходит презрение и изгнание, быть брошенными, как в детстве, в хаотичный эмоциональный мир и одиночество.

«Обычно выбирают меня, но когда выбирают не меня, то потому, что меня не увидели или потому, что они дураки, а не потому, что кто-то лучше».

АНА ГОНСАЛЕС ТЕХЕРА

Голод по успеху и слепота к неудачам

Этот персонаж с ранних лет интернализовал высокие ожидания, возложенные на него, что заставляет его добиваться успеха во всём, за что бы он ни взялся. Однако они совершенно не готовы к неудачам. Благодаря своим фантазиям, защитным механизмам, таким как вытеснение и сублимация, и своему самовосприятию как величественной личности, они так хорошо это скрывают, что даже не замечают.

С детства они красноречиво говорят о себе как о том, кто делает много дел, — и это правда; и что «все» они делают хорошо — а это уже не совсем правда. Ключ в том, что взрослые верят им и поощряют их продолжать в том же духе, что заставляет их чувствовать восхищение и огромную силу. Они видят себя способными убедить других даже в своей лжи. Со временем они принимают образ себя, от которого ожидают важных или новаторских дел и успеха в любом начинании.

Взрослея, Социальная 2 пытается воспроизвести ту же ситуацию, задумывая множество проектов и говоря о них так же, как в детстве. Таким образом, они сосредотачивают почти всю свою энергию на профессиональной сфере, путая завоевание территорий с получением любви. Они постоянно взаимодействуют с вызовами и целями, которые могут укрепить их образ себя как компетентных и достойных восхищения. Они эксперты в сублимации любых неудач и умеют показать другим, что даже под давлением их усилия ничего им не стоят. Они собирают успехи в своих личных и профессиональных кампаниях, что помогает им поддерживать чувство, что они достигают всего, за что берутся. Однако, даже добиваясь важных вех, они в итоге продают больше, чем на самом деле достигают. В этой продаже они не видят потерь, оставленных на пути, и не делятся этим, подтверждая тем самым свой собственный невроз.

Неудача на работе — один из немногих шансов для Социальной 2 осознать масштабы своего саморазрушения и той боли, которую они причиняют другим.

«Когда я была руководителем среднего звена в консалтинговой компании по управлению персоналом, я требовала от команды таких результатов, что в итоге выгорала сама и меняла компанию. Я балансировала между авторитарным авторитетом и лучшим коллегой, самым весёлым. Я твёрдо верила, что все могут выдержать мой темп, мою высокую вовлечённость в плане энергии и времени. И всегда утверждала, что это на благо компании, что это необходимо и должно быть именно так. Я пришла к тому, что считала себя настолько компетентной, что справлюсь с чем угодно или с любым проектом лучше любого другого. И дело не в том, что я не признавала чужих заслуг или вклада; я их просто даже не замечала. Амбиции настолько слепы, что я не видела человека и временами во мне не было ни капли эмпатии».

МОНИКА АНГУЛО

Голод по успеху и слепота к неудачам

Энергию, творческий подход, усилия и страсть, которые они вкладывают в работу, они оплачивают своей личной жизнью. Они отправляют всё, что связано с любовью, семьёй, братскими чувствами или их собственным физическим и психическим здоровьем, на бесплодную землю, которую почти не навещают. Они даже забыли, как играть, как наслаждаться миром любви и привязанности — всё это, чтобы не соприкасаться со своей уязвимостью.

В крайних проявлениях Социальная 2 не заботится о своём питании, здоровье и даже о самых насущных потребностях, считая их неудобными по сравнению с другими, более важными задачами, заслуживающими их внимания.

«Я работала за компьютером, не останавливаясь даже чтобы поесть, пока иногда не проходило пять или шесть часов. Если я чувствовала, что мне нужно в туалет — ну, когда я замечала, что уже некоторое время терплю, — я смотрела вниз и ругала себя: "Хочешь перестать меня отвлекать? Не будь такой неудобной, я сейчас делаю важное дело"».

АНА БАСА

Неудача и успех

Их эго не может вынести мысли, что они могут быть недостойны. Им с ранних лет внушали, что неудача неприемлема. Если кто-то их критикует, это воспринимается как унижение. Для Социальной 2 неудача невыносима.

«В детстве мне всё давалось легко, но позже, если я это не заслуживала, я не могла этого получить. И даже тогда для моей матери этого всегда было недостаточно. Хочу пояснить, что "недостаточно" касается не только того, как ты себя ведёшь, но и того, кто ты есть: ты должна быть умной, хорошей, интересной, уметь поддерживать разговор, быть динамичной, быть атеисткой и левой, не знать стыда, не бояться, понимать и осознавать мир и то, что в нём происходит. Ты должна разбираться в политике, религии, экономике, философии... и стать современной, образованной, инициативной, смелой женщиной. Ты должна быть весёлой... душой компании».

АНА БАСА

Завистливость

Зависть — это монстр Социальной 2. Осознать, что они чувствуют зависть, значило бы столкнуться со своей недостаточностью, с тем, что чего-то не хватает, а это привело бы их к чувству неполноценности и эмоциональной пустоте. В отличие от Четвёрок, они используют зависть как движущую силу, чтобы превзойти других, как трамплин для завоевания того, что есть у другого. Но правда в том, что их взгляд всегда устремлён на другого человека — какой у него властью обладает? Какими талантами, какими дарами он обладает, которых нет у них?

Конечно, в отличие от Четвёрок, чувствовать зависть для них непрактично, если это будет видно. Чтобы вызывать восхищение, они должны быть полезными.

Х. Эмоциональность и фантазия

Социальная 2 прибегает к фантазии с двойной целью: во-первых, как к защитному механизму, чтобы избежать установления реального контакта со своими самыми депрессивными эмоциями и глубинными чувствами недостаточности; а во-вторых, чтобы избежать скуки, возникающей от обыденности или собственной реальности.

Их сильная эмоциональность функциональна, когда она предвосхищает цель, которую они хотят достичь, — ту, что удовлетворяет их амбиции, — и они фантазируют о чувстве удовлетворения, которое получают, когда достигнут её. Это также служит способом вызвать энтузиазм и воодушевление у других.

Они получили от семьи предписание сдерживать свои эмоции. Многие люди этого подтипа переживали в детстве анаклитические депрессии, но научились их маскировать. Поскольку скрытые депрессии циклически возникают во взрослом возрасте, фантазия становится лёгким способом уйти от них.

Их воображение подпитывается чтением, которое часто было убежищем в детстве, чтобы отключиться от собственных переживаний и от того обширного эмоционального мира, который никто не помог им понять или

отрегулировать. Желание активно исследовать мир не находило места в семье, особенно для нас, дочерей. Отдушиной, которую я нашла, было исследование воображаемых миров через чтение — больше, чем мне разрешали. Я притворялась, что занимаюсь, или читала, запершись в ванной. Я проживала то, что читала, скрывая или пряча эмоции, которые чувствовала. Я держалась на большом расстоянии от риска быть сброшенной с пьедестала образцовой дочери, какой меня хотели видеть родители и какой я гордилась быть, потому что для меня это был единственный способ существования.

«Суицидальные фантазии были постоянны в моей жизни, пока я не забеременела дочерью».

АЛЬБА АРЕНА

Несмотря на то что это эмоциональный характер, эмоции находятся под строгим контролем, и доступных остаётся очень мало: отвращение и гнев. Остальные не так реальны, как кажутся, потому что эмоциональность не течёт в единстве с мыслью и действием. Скорее, именно фантазия порождает разные эмоции и регулирует их интенсивность в соответствии с интересом момента. Проверка реальности характеризуется переоценкой и переосмыслением, которые поддерживают фантазию.

Через очевидные стереотипы Социальная 2 видоизменяет реальность, ориентируясь на обобщающее, чрезмерно абстрактное мышление, полное абсолютизма. Эти обобщения направлены на поддержание иллюзии понимания реальности при её полном искажении. Цель — не ставить под сомнение чувство всемогущества. Реальность, которую видит Социальная 2, частично построена из «кирпичиков», взятых из фактических событий, а также из весьма специфической фантазии. В этой грёзе они живут в мире, где они особенны, удачливы и важны, а люди в этом мире живут для них. Так они поддерживают высокий идеал самих себя.

Истрионизм также можно понимать как живое воображение, где они заменяют проживание в здесь-и-сейчас сознательным воображением возвышенных ситуаций, которые могли бы произойти. Это похоже на идеальное конструирование жизни. Социальная 2 создаёт и пересоздаёт без остановки, погружаясь в самопоглощённость, свойственную Семёрке, или в «молочницу» из басни. Будучи оптимистичным характером, им трудно видеть негативные стороны или цену, которую придётся заплатить за достижение целей.

«Однажды на САТе на утреннюю медитацию должны были показать видео Клаудио. Я не знаю почему, но я осталась без пары для медитации (что случилось со мной часто, потому что я была такой "избирательной"). Я села на свою скамейку, и когда открыла глаза, конечно, никого не было, но кто был передо мной? Сам КЛАУДИО НАРАНХО, смотрящий на меня, обращающийся только ко мне. Короче, я медитировала с Маэстро лично; я почувствовала себя очень удачливой. (Потом я не могла перестать смеяться над тем, как я сублимировала тот факт, что снова осталась без пары для медитации)».

АНА БАСА

В целом Социальная 2 мыслит образами, видит то, что воображает, и, исходя из убеждения, что способна справиться с любым делом, за которое берётся, начинает в это верить. Фактически они создают в уме идеальную ситуацию и пытаются сделать так, чтобы всё шло так, как они вообразили, даже навязывая свою волю реальности, людям и себе. Однако они не увидят неудачи и того, как легко давят на других. Они особенно искусны в «раздувании» реальности, словно павлин, распускающий хвост. Они — портной, который кроит реальность по себе и всегда в свою пользу. Как сказал Наполеон после первых побед в Египте: «Я уже вижу себя идущим по стопам Александра Македонского. Я воображаю, что основываю новую религию, маршируя в Азию на слоне с новым Кораном в руке».

Убегая в фантазию, они чувствуют себя Солнцем: они согревают всех, и все их любят, но никто не может подойти слишком близко. Это как «маленькие костры» Галеано: *«Одни костры, глупые костры, ни не светят, ни греют; но другие сжигают жизнь с такой страстью, что на них нельзя смотреть не моргая, и кто подходит слишком близко — загорается».*

Я была старшей из нескольких детей и была заточена ответственностью, которую возложили на меня родители; поэтому мне пришлось приспособиться быть «взрослой». Когда я поняла, что это неправда, меня охватила невыносимая тоска, я была в ужасе от мысли, что меня раскроют и унижат. Тогда я укрылась во всемогущих фантазиях, которые потихоньку начали формировать мой характер. Один пример: долгое время я отождествляла себя с Мальчиком-с-пальчик — предприимчивым малышом, величиной с палец, который спасает своих семерых братьев от оставления родителями, неспособными их прокормить, а позже — от Людоеда, поедавшего детей. После множества приключений, которые он преодолевает умом, Мальчик-с-пальчик возвращается домой с семьёй братьями и героически добытым сокровищем, которое позволяет родителям оставить их. Я отождествляла себя с превосходством Мальчика-с-пальчик над родителями, и в моей фантазии я тоже получала их признание, триумф, как в басне.

АЛЬБА АРЕНА

Амбициозный человек получает удовольствие, мысленно предвосхищая будущие успехи, чтобы лучше структурировать цели, которые необходимо достичь. Эта позитивная визуализация своих проектов приводит их к компульсивным действиям, которые закрывают глубокое чувство пустоты. Более того, как и Семёрка, они путают фантазирование с деланием. Они переполняют себя фантастическими проектами, награждая себя медалью ещё до того, как битва началась. Социальная 2 использует фантазию, чтобы дать крылья своим эмоциям, становясь вихрем, служащим амбициям момента. Обратная сторона в том, что они не заботятся об отношениях и не удовлетворяют свои базовые потребности, ожидая того же от других. Если они не видят этого соответствия, они приходят в ярость.

Они воображают шокирующие и неожиданные события, которые разрешат проблемы и благодаря которым они получают всеобщее признание. Они выстраивают мысли, которые не следуют фиксированным правилам или логическим связям, и этот ментальный модус укрепляет их представление о себе как об особенно интуитивных и изобретательных, близких к гению. Их интеллектуальная жизнь интенсивна, но не всегда разумна, и они ищут данные, подтверждающие их интуицию, не оставляя места для сомнений или смятения.

Поверхностность, которую им приписывают, отчасти связана с отсутствием связи с их реальными эмоциями. Не касаться боли или не «осознавать», что происходит на самом деле, — это результат эмоционального замораживания, характерного для Е2 и, конкретнее, для Социальной 2, что приводит к ситуациям, в которых эта отстранённость очевидна.

Когда мне было около двадцати семи лет, я была в доме родителей, и бабушка жила с ними. Мы с мамой заметили, что что-то не так, у неё началась дыхательная недостаточность, и она умерла, пока я держала её за руку. Когда прибыла бригада реанимации, им потребовалось не больше нескольких минут, чтобы подтвердить её смерть. Когда врач подошёл, чтобы сказать мне, первое, что я сделала, — улыбнулась ему, указывая на его имя на халате, и сказала: «Ого! У вас такое же имя, как у моего брата...» Мужчина побледнел и уставился на меня, как будто я была бестолковой. Можно ли быть более поверхностной?

АНА БАСА

Мы можем считать Социальную 2 потребителем проектов; обжорой амбиций. Но они не остаются, чтобы получить любовь или даже собственное удовлетворение, которое на самом деле мимолётно. Как только цель достигнута, она теряет эмоциональную ценность, освобождая место для новых желаний, которые материализуются в новые цели, служащие лишь для стимуляции и подпитки слепых и переполняющих личных амбиций. Достигнутая цель никогда не достигает уровня ценности, который можно было бы считать финальной точкой, устойчивым и полным удовлетворением. Они даже не останавливаются, чтобы насладиться достигнутым. Они разрушают это и переходят к чему-то другому. И именно этот переход от фантазии обладания к реальности отношений с объектом заставляет их терять интерес к объекту.

Другими словами, гипер-желание с потребностями. Социальная 2, оторванная от своих первичных потребностей (быть любимой, ценной, признанной как человек), смещает органическое удовлетворение на завоевание публики. Эта динамика всегда оставляет их глубоко неудовлетворёнными, запертыми в этом магическом мышлении о собственной значимости.

Иногда моя потребность в компенсации или контрасте с этой болезненной сухостью проявляется в поиске немедленного удовольствия, возбуждения, которое потребляется мгновенно, оставляя меня с той же внутренней пустотой, той же неудовлетворённостью, что и раньше. Тогда я ищу что-то внешнее и в потребительском порыве покупаю одежду, которая мне не нужна. Тщетное вложение во внешность увеличивает разрыв между моим социальным образом и моей внутренней реальностью эмоциональной обделённости.

АЛЬБА АРЕНА

Чтобы выстроить эмоциональную динамику, необходимую для соблазнения группы и получения её признания, они воссоздают в своей фантазии трюки и фейерверки, чтобы «стимулировать» самые скрытые струны тех, кого хотят убедить. Там они находят силу, которая позволяет им предстать перед другими как человеку твёрдому и уверенному в себе, достойному быть услышанным и способному интерпретировать и озвучивать идеалы и заботы других.

Их способность фантазировать ошеломляет.

У меня было два способа утешения. Один — дожидаться, когда все уснут, пойти на кухню с нашим щенком и плакать, обнимая его, чтобы никто не видел. Другой, помимо плача и чтения, — фантазировать. Я забиралась под одеяло и начинала воссоздавать мучительный мир, где выжили лишь немногие. Мы укрывались тряпками от радиоактивного дождя или заразной болезни, которой у меня, конечно, никогда не было, и вдруг кто-то, заглянув в мои глаза сквозь тряпки, понимал, что я могу их исцелить. У меня были разные способности, но все они вращались вокруг исцеления: я исцеляла, я слушала, я просветляла сердце, заставляя видеть мир в более обнадеживающем свете. И так я засыпала многие ночи.

АНА БАСА

Социальная 2 использует фантазию в стратегиях, которые применяет, чтобы убедить людей и группы включиться в проект, отражающий их текущие желания. Они часто мечтают о коллективных проектах, основанных как на личных, так и на групповых потребностях и идеалах.

Люди, на которых они нацелены, начинают видеть в них того, кто наконец даст голос их мыслям и желаниям. Участвуя в типичном энтузиазме этого характера, они признают свою личную значимость и подпитывают свою убеждённость в осуществлении дела большой социальной важности.

Предчувствующие фантазии, связанные с успехом, позволяют этому подтипу жить в будущем и отвлекаться от контакта с внутренним опытом, который их тревожит. Прошлое не представляет большого интереса; настоящее ценно лишь как подготовка к будущему. Проекты, которые они хотят осуществить, кажутся конечной целью, к которой нужно стремиться, но цель всегда откладывается и никогда не достигается.

Фантазия активируется в основном, чтобы проецировать себя в будущее, где их наконец признают на их законном месте — в семье, в группе, в обществе, — где никто не сможет их забыть, изгнать или лишить любви, которую они заслуживают. Они воображают действия, которые представляют собой осуществление необходимой справедливости для мира, и только благодаря их личной вовлечённости.

Выражение «негативных» эмоций, таких как гнев и печаль, связано с убеждением, что другой (и они сами) обнаружат в них часть, не столь величественную, — нуждающуюся часть. Это противоречит их

идеализированному образу сильного и «превосходного» человека, с фантазиями о том, что их отвергнут или уничтожат. Кроме того, эти эмоции поставили бы их на один уровень с любым человеком: в нужде в поддержке, в то время как их самовосприятие требует, чтобы они всегда были теми, кто даёт сверху.

Столкновение с неудачей — это тот самый случай, которого они боятся, чтобы почувствовать свою фрустрацию или недостаточность и, прежде всего, унижение. В этом случае они либо прячутся, чтобы дать себе время восстановить свой образ, либо, манипулятивно, погружаются в пучину жертвенности, с внутренним переживанием и истрионным выражением своей «глубокой боли» — самой глубокой боли, какую только может чувствовать человек. Такой тип манипуляции также служит мести тому, кто стал причиной их неудачи, вместо того чтобы стать возможностью увидеть себя такими, какие они есть, и интегрировать отчуждённые части, которые могли бы угрожать их нарциссизму.

В их представлении мир состоит из агрессоров или жертв, и Социальная 2 клянётся, что никогда больше не будет жертвой. Хотя они неизбежно будут играть эту роль на протяжении всей жизни. Но они не могут этого признать благодаря вытеснению боли и потерь, которые будут продолжать случаться. Любая форма насилия отрицается и вытесняется в тень, диссоциируясь от страдания, но также и от возможности защитить себя уверенно. Важно не чувствовать зависимости, страха или собственной ничтожности. Так они становятся пренебрежительными, снисходительными, авторитарными, верящими, что у них нет границ, что позволяет им чувствовать себя могущественными и стоящими выше других.

XI. Детство

Название этой главы парадоксально, если учесть, что Социальная 2 не имела типичного детского опыта и, вероятно, никогда не чувствовала себя ребёнком. Они очень рано развились в плане психомоторики, речи и контроля над мочевым пузырём. Рано проявились их интуитивные способности и умение воспринимать эмоции других и понимать мир взрослых. Это отчасти объясняется ранним развитием эмпатии, которую они упражняли с родителем, полагавшимся на них и предлагавшим им внимание и заботу.

Отсутствие границ

Социальная 2 понимает, что ни один из родителей по-настоящему им не доступен, поэтому они устанавливают собственную власть. В их королевстве нет внутренних или внешних границ; всё возможно. Нет сдерживания — ни эмоционального, ни поведенческого — со стороны какой-либо фигуры. Образ всемогущества, который они начинают выстраивать с ранних лет, подтверждает эту способность к самоуправлению.

«Я всегда чувствовала, что я старше, что у меня есть место среди взрослых. Мои остроумные замечания, моё чувство юмора, моё абсолютное пренебрежение к границам и определённые дозы наглости с моей стороны всегда гарантировали мне место среди них. Мой отец, и особенно моя мать и моя бабушка по материнской линии, постоянно говорили мне, что я особенная. Мать относилась ко мне как к своей сестре (на самом деле она часто путает и называет меня своим именем), как к мужу, как к своей наперснице. Но я никогда не чувствовала, вероятно, из-за моего неуважения к ней, что она вела себя как мать. Я была и матерью, и отцом для себя. Она не умела, и я не думаю, что хотела устанавливать для меня границы. Каким-то образом она пыталась сделать меня свободной и могущественной — тем, чем сама хотела быть».

АНА БАСА

Социальный подтип E2 не был особенно трудным для матери. Они быстро научились быть ответственными, преждевременно взрослеть и становиться правой рукой одного из родителей, или, как говорит Паоло Байокки, левой рукой, заменяя отца, когда это было возможно. Это был самостоятельный ребёнок, на которого в основном полагалась мать, и ни она, ни отец не должны были заботиться о ребёнке.

Привилегированные отношения между матерью и её отпрыском не оставляют места для отца, который на эдипальной фазе изгоняется из отношений или покидает семью, становясь периферийной отцовской фигурой, которую нужно забыть или обожествить, лишь бы они оставались на расстоянии и не вмешивались в их желания. Если ребёнок позволяет себе какую-либо форму бунта против отца, то всегда для защиты матери или братьев и сестёр, к которым могут относиться несправедливо, притеснительно или жестоко.

«Я всегда чувствовала себя более зрелой, чем мой отец, больше него. Он всегда так гордился мной, тем, какая я умная и какие социальные вопросы меня волнуют. В детстве я была светом его очей. Когда он ушёл из дома, я вообразила, что он бросает не меня, а мою мать. Что он не со мной — просто сопутствующий ущерб. Я помню ночь его ухода, я сказала ему: "Я понимаю, папа, не волнуйся". Всё изменилось, когда он вернулся, когда я была подростком. Тогда кумир рухнул драматически».

АНА БАСА

С очень раннего возраста Социальная 2 проявляет автономию в своих действиях и мыслях, развивая очень суровое самосознание и критический настрой по отношению к себе и другим. К ним относятся как к ребёнку старше своих лет, способному быть опорой для взрослых, что означает, что они не учатся тому, что могут нуждаться в других, что они тоже могут быть источником поддержки.

В какой-то момент они начинают проявлять инициативу в своих действиях, беря на себя обязанности, которые, как правило, одобряются хотя бы одним из родителей. Взрослея, они любят предлагать себя в качестве ориентира или наставника для других, даже вторгаясь в своё желание помочь, когда их об этом не просят.

«Со временем я также взяла на себя задачу успокаивать отца или хотя бы пытаться, чтобы его гнев не обрушивался на моих братьев и сестёр. Позже я научилась противостоять ему, или хотя бы пытаться, хотя чувствовала, что умираю от страха и любви. Я безумно любила отца, а также мать, но всегда казалось, что я должна идти к ним, а не наоборот».

АЛЬБА АРЕНА

В подростковом возрасте они стараются не разочаровывать, принимая роль хорошего ребёнка, с головой на плечах; человека надёжного, на которого другие могут положиться. Это заставляло их чувствовать себя важными.

Они были ближе к ожиданиям взрослых и родительской системы, чем к братско-сестринской, не испытывая беззаботности своих сиблингов и не чувствуя себя их сообщниками. Это оставило их с глубоким чувством одиночества и ощущением, что они находятся в ничейной земле.

Социальная 2 усвоит, что у них нет места в семье по праву, а лишь как результат их действий. Их утешение — цепляться за двойную фантазию: величие, которое они начинают выстраивать благодаря такой близости к взрослым, и фантазию о том, что в будущем их ждут фантастические сюрпризы, где они обретут справедливость и эмоциональную награду в виде любви за то, что они сделают для других.

«Я всегда была в плену ответственности за свои поступки. Как старшая сестра, я должна была подавать хороший пример, как неоднократно говорила мне мать, сжимая моё сердце. Это положение вызывало некоторую зависть у моих братьев и сестёр; поэтому я отстранилась, я не соревновалась и не искала внимания, а вместо этого ограничивалась помощью матери по дому, заботой о младших и отсутствием капризов».

АЛЬБА АРЕНА

«С пяти лет я внимательна к ожиданиям родителей, стараясь удовлетворить их во всём, полностью подчиняясь их воле. К семи годам я заботилась о брате, пока мать работала. Я готовила ему еду и следила,

чтобы с ним ничего не случилось, чтобы она не волновалась и не ругала меня».

МАУРИЦИО МАНТЕЛЛИ

Восприятие себя как человека, наделённого магической и исцеляющей любовью, очевидно, зарождается в детском сценарии Социальной 2 и может быть приписано двум очень важным феноменам: травме привязанности, становящейся прежде всего амбивалентной, и иллюзии собственного превосходства над родителями.

Социальный подтип Е2 — хороший ребёнок в раннем детстве. Они — радость в доме, они хорошо едят и спят, рано начинают говорить, остроумны, охотно слушаются и всегда готовы угодить окружающим.

«Мои родители зачали меня в поезде в ночь полнолуния. Я — результат любви, первый ребёнок и первая внучка в семье. Я желанный младенец, любимый всеми. Два года никого больше не рождалось, и каждый по-своему обращался со мной как с королевой, пока я развлекала своих подданных».

АНА БАСА

В это время начинает формироваться триангуляция, которая не оставит их и во взрослом возрасте, поскольку они воспроизводят её в отношениях с партнёром. Если это девочка, она чувствует себя любимицей отца, даже больше, чем мать, которую она вскоре начинает воспринимать как равную и соперницу в борьбе за отцовскую любовь.

«Мой отец говорит, что обожал меня в детстве, что я была его маленькой принцессой. Он почти никогда не выражается ласково, но когда вспоминает те годы, его голос смягчается: "Ты была такой красивой... такой хорошей..." Я чувствую, что он всегда смотрел на меня добрыми глазами. Большую часть жизни я чувствовала, что я для отца важнее, чем мать, и она это подпитывала. Например, демонстрируя ревность к тому, как он ко мне относится: "Почему он так много говорит с тобой о том, чего никогда не рассказывает мне?" Или когда мы ездили в поездки, мать уступала мне переднее пассажирское место рядом с отцом, даже не спрашивая. Если между ними возникала проблема, она спрашивала меня, что, по моему мнению, нужно сделать, или пыталась манипулировать мной, чтобы я убедила отца в чём-то».

АНА БАСА

Тем или иным способом один или оба родителя возлагают на них большие надежды и верят, что они станут кем-то важным в жизни и превзойдут их по статусу. Это не обязательно должен быть экономический триумф — скорее культурный, социальный и интеллектуальный. Однако они не получают эмоциональной поддержки на этом пути, вымощенном жёлтым кирпичом. Некоторые Социальные 2 говорят о родителях, которые были слишком рассеянными, подавленными или раздражёнными эмоциональными потребностями ребёнка. Другие говорят о родителях, которые были очень заняты или неспособны настроиться на глубокие эмоциональные переживания ребёнка. Родители не развили необходимую функцию, чтобы помочь ребёнку переработать и метафорически осмыслить интенсивные и болезненные эмоциональные фазы. Поэтому ребёнок преждевременно учится отвлекаться от чувств страдания, привлекая внимание к своему ложному благополучию, ощущению удовлетворённости или ложному чувству полноты, демонстрируя лёгкий энтузиазм.

«В избытке доверия, которое моя мать питала ко мне, я помню, как меня отвергали школьные друзья. Я думала, что умираю от боли. Она, пытаясь мне помочь и не умея сопровождать мою боль, сказала мне, что я должна быть равнодушна к этим "ударам кинжала", потому что я особенная и они не могут меня понять. Она не слушала мою боль; она принижала её, говоря, что я должна быть выше этого: "Это они теряют". Но нет, это я теряла, вдобавок не научившись принимать ту часть себя, которая могла быть не столь замечательной, как я думала».

АНА БАСА

Оставление и депрессия

Исходная рана Социальной 2, которую они разделяют с Четвёркой, хотя выход из неё различен, — это переживание эмоционального оставления матерью. И это, хотя нет объективных причин для зависимости от отца, подчиняет их ему, придерживаясь патриархальных ценностей подчинения женского мужскому. В целом мать из-за отсутствия отца берёт на себя большую часть семейных обязанностей, не позволяя себе наслаждаться удовольствием заботы о детях или о себе.

«Я помню, что чувствовала, что мать — это та, на кого я могу положиться в своих практических и эмоциональных потребностях и при принятии важных решений — моих или семейных. Она работала и была финансово независима, зарабатывая больше отца. Она также была точкой опоры для своей семьи. Она была доступна для всех. Часто я страдала от сердечной боли из-за её отсутствия, хотя принимала это, чувствуя одновременно глубокое чувство обделённости и гордости. Я научилась преодолевать эту обделённость, перенимая её модель поведения как сильной женщины».

ЛУАНА СЕВИРИО

Иногда мать болеет, много работает или должна отсутствовать из-за семейных обязательств. В любом случае эмоциональный контакт с ребёнком в первые годы жизни недостаточен.

«До семи лет циклически происходила серия оставлений, которые, хотя и не были преднамеренными, оставили очень глубокую рану во мне и в типе привязанности, который я формирую с другими. Когда мне было всего шесть месяцев, у матери случился аппендицит, и она внезапно перестала кормить меня грудью. До двух лет мы переехали из дома, где я родилась, и я потеряла много контактов с бабушкой и тётей, которые меня очень баловали. Младший брат моей матери внезапно погиб в автокатастрофе, когда мне было три года, и все члены семьи погрузились в водоворот боли, в котором почти не осталось места для меня. В четыре с половиной года родился мой брат, которого я видела только как туберкулёз, который писал, какал и "забирал" внимание матери. А в семь лет отец ушёл из дома, чтобы "спасти" мир. Я не помню, чтобы кто-то заботился обо мне или сопровождал меня в этих ранах».

АНА БАСА

Детская рана

Детская рана проявляется как разновидность детской депрессии, похожей на ту, что Рене А. Шпиц (1946) описал как анаклитическую депрессию. Речь идёт о потере непрерывности эмоционального развития. Отключение в фазе слияния, нормальное после первого года жизни, происходит негладко, и это первое отделение переживается как болезненная утрата. Следовательно, во взрослом возрасте этот характер испытывает трудности с разлуками; более того, они будут прилагать большие усилия к поиску личного подтверждения в отношениях.

Боль, пережитая ребёнком при формировании привязанности, затрудняет создание и укрепление глубоких связей во взрослом возрасте, включая дружеские. Это приводит к тому, что они становятся довольно одинокими, несмотря на то что знают много людей и участвуют в разных группах. Эта трудность превращает Социальную 2 в индивидуалиста, который ищет отношений, которые не хочет разрывать; в этом их экзистенциальный парадокс.

«Я всегда знала много людей, но у меня было мало друзей, и мне было очень трудно поддерживать дружбу. Либо я отстранялась, либо они исчезали. Я не связывала это с оставлением, это просто случалось, как с отцом. Когда я теряю кого-то, возникает амбивалентное чувство. С одной стороны, я цепенею и не понимаю, где я ошиблась, что побеспокоило другого, как будто, оставаясь немой, у меня есть оправдание. Некоторые причины были: вторжение, бестактность, капризное или рискованное поведение, эгоизм и высокомерие».

Искомый эмоциональный контакт — это повторное предложение типичных слитных отношений в диаде мать-ребёнок в ранние годы жизни, сильная скрытая эмоциональная зависимость. Отсюда их постоянная потребность чувствовать подтверждение и, хотя они это скрывают, глубокое требование чувствовать себя любимыми.

«После очень болезненного разрыва с партнёром я пережила свою ошеломляющую потребность в любви. Всплыл и тот старый глубинный страх, связанный с выживанием; я коснулась своей самой базовой потребности и связи с тем древним страхом не суметь обеспечить необходимое для выживания — ни для себя, ни для моего ребёнка».

ИЛАРИЯ ФАЧЧОЛИ

«Я думаю, внутри меня всегда был приглушённый крик, который мне даже стыдно выразить: "Кто-нибудь, позаботьтесь обо мне"».

АНА БАСА

Грандиозность

В детстве Социальной 2 родители обеспечивают мало эмоционального сдерживания. Они быстро научились быть на виду, но также рано отказались от фундаментальной потребности разделять и понимать свои эмоции, а также получать поддержку в своих проблемах.

«Я помню, как иногда очень боялась остаться одна, потому что моя мать часто падала в обморок из-за анемии. Было несколько случаев, когда она падала на пол, и я не знала, что делать. Я всегда в итоге решала это, но это оставляло во мне чувство, что я должна решать всё сама и заботиться о себе».

АНА БАСА

Часто этот ребёнок становился сообщником одного из родителей, чтобы получить некоторую эмоциональную поддержку. Именно мать просит их конкретной помощи в практическом и эмоциональном управлении семьёй или даже парой. Иногда в семейных решениях к ним относятся иначе, чем к другим детям. Эта ответственность и иллюзия собственной важности, которые ребёнок принимает, интерпретируются им как любовь, которая, хотя и не согревает, всё же даёт ощущение тепла в сердце. Вскоре это превращается в гордость, потому что это ложное представление. Этой парадоксальной ситуацией ребёнок может управлять, прибегая к фантазиям величия, выстраивая иллюзию обладания воображаемыми силами, необходимой силы, чтобы вынести тяжесть ответственности, и будучи незаменимым человеком в семье. Эти иллюзии и убеждения подтверждаются манипулятивными посланиями родителей, которые вступают в сговор с этой фантазией.

«Моя мать всегда давала мне много доверия; я бы сказала, чрезмерно. Когда мой отец ушёл из дома, мне было семь лет. С того момента моя жизнь изменилась. Мать рассказывала мне об их отношениях с отцом, включая сексуальность; мы вместе вели семейный бюджет; она просила у меня "совета", как обращаться с младшим братом: я учила его английскому... Она полностью полагалась на меня, и я чувствовала себя очень важной и гордой оттого, что была для неё так ценна».

АНА БАСА

Одновременно один из родителей помещает на ребёнка свою собственную мечту о личном величии, которая может иметь или не иметь конкретного направления. Требование появляется имплицитно в повседневной жизни или может быть сформулировано в такой двусмысленной форме, как: «Ты должен

стать... кем-то великим в каком-то смысле». В любом случае ребёнок чувствует, что должен выполнить этот наказ, проистекающий из потребности родителя удовлетворить свой собственный идеал. За этой просьбой стоит нарциссическое желание похвастаться ребёнком или страх не суметь реализовать свой собственный идеал как родителя.

«Когда я сдавал выпускной экзамен в средней школе, я был вторым, кто закончил. Когда я закончил и встал, к большому изумлению всех профессоров, весь класс встал. "Но ты же лидер!" — воскликнул один из учителей. Этот эпизод удивил меня и в то же время наполнил удовольствием от победы».

ПАОЛО БНОККЕ

«Если я чего-то боялась или стеснялась, мать расстраивалась, говоря, что я должна быть храброй. Если что-то удивляло или поражало меня, она злилась, говоря, что такой человек, как я, должен стоять выше таких вещей. Я часто чувствовала, что меня выставляют напоказ перед её друзьями. Она, Е.Д., постоянно принижала себя, хотя была очень способной, сильной, преданной и волевой женщиной, за исключением тех случаев, когда гордилась тем, какая я есть».

АНА БАСА

Король в поисках территории

Условная любовь, которой Социальная 2 научилась питаться, вместе с последующей эмоциональной дистанцией от братьев и сестёр и скрытой конкуренцией с отцом или матерью, приводит их к ощущению глубокого одиночества. Они не испытывают чувства принадлежности; у них нет истинного места в семье.

Потребность занять место, которое им не принадлежит, место взрослого, становится импульсом для этого подтипа продолжать поиск места в мире, которое соответствовало бы их ожиданиям, с тайным намерением заполнить пустоту от того, что их не видят и не любят за то, что они глубоко чувствуют. Они были детьми, способными интуитивно угадывать потребности родителей и действовать соответственно. Иногда они даже чувствуют, что обладают магическими способностями и могут понимать потребности других прежде, чем свои собственные.

Среди болезненных переживаний, которые этот ребёнок скрывает от других, есть также глубокое чувство стыда за поведение одного из родителей, которое каким-то образом представляет опасность для их социального имиджа.

«Я помню, что стеснялась поведения матери в некоторых социальных ситуациях. Я чувствовала, что она была замечательной женщиной, но также немного странной, эксцентричной. Теперь я понимаю, почему мне не нравились её истрионные проявления (она тоже была Социальной 2). Мне было невыносимо видеть, как она так театрально ведёт себя, чтобы вновь подтвердить себе и другим, как она достойна восхищения. Я чувствовала глубокую печаль и стыд перед друзьями. Тогда я пыталась привлечь внимание чем-то другим: я придумывала оригинальную игру или смешную шутку, стараясь заставить их забыть ситуацию, которая меня смущала. Я боялась, что они поймут, что я чувствую в тот момент».

ЛУАНА СЕВИРИО

Стыд за что-то, связанное с ними, и самообесценивание переживаются ребёнком Социальной 2 травматично, и эти переживания будут сопровождать их всю жизнь. Эти скрытые переживания, не признанные взрослыми, потому что они были скрыты, приведут их к нарциссической компенсации. В детстве они будут вести себя как ребёнок старше своих лет, а во взрослом возрасте их отношения всегда будут стратегическими, и они будут сохранять интенсивную интеллектуальную деятельность.

Большинство из них были физически крупнее своих сверстников и братьев и сестёр, с большим аппетитом. По отношению к сиблингам они предстают как «лучшие», те, кто наиболее соответствует

ожиданиям родителей, что также публично признаётся, поэтому они чувствуют себя обязанными поддерживать очень высокую результативность.

«Мой брат был проблемным ребёнком в любом возрасте. Моя мать всегда защищала его, даже когда он был неспособен к защите. Я же была тем ребёнком, который должен был быть тем, кого ожидали родители. Они видели меня сильной, я чувствовала себя сильной и демонстрировала это, даже ценой саморазрушения. Я пила чрезмерно, не чтобы напиться или повеселиться, а чтобы продемонстрировать свою выносливость».

МАУРИЦИО МАРТЕЛЛИ

XII. Персона и тень: что разрушительно для них самих и для других

Социальная 2 хочет быть героем. Они верят, что у них есть всё, чтобы им стать. Они создали персонажа, целиком состоящего из света, изгнав в тень всё, что воспринимается как недостойное, неподобающее, недостаточное или тёмное. Ни один нюанс, умаляющий их ценность, не остался выставленным напоказ, а если это происходит, они проецируют это на других, отрицают или оправдывают с невыносимой страстностью.

Поддержание такого высокорангового персонажа требует сокрытия за фасадом решительного господства таких аспектов, как зависть, соперничество, обида, страх неудачи и глубокое чувство непринадлежности, оставляющее их в большом одиночестве.

Как герой, они не только предполагают, что обладают властью, но и что могут злоупотребить ею для достижения цели, которую замаскируют под благородную общую цель. Социальная 2 превращает всё в борьбу за власть, в которой они явно нацелены на победу, независимо от того, вредит ли это другим или стоит им отношений (чего они не понимают, когда это происходит). Они очень искусны в умалчивании или отрицании своих неудач, поскольку не могут вынести даже себе, что неспособны выполнить всё, за что берутся.

Перипетии жизни этого подтипа напоминают интенсивную волну, за которой следует не менее мощное похмелье: от возбуждённого самовозвеличивания до последующего истощения. Их действия лихорадочны и компульсивны, без оценки рисков. Их цель всегда — идти дальше.

Спонтанность в выражении также используется манипулятивно, чтобы впечатлить других и заручиться их согласием и вниманием. Реальность такова, что этот характер не любит раскрываться: желание быть совершенным мешает им показывать себя такими, какими они боятся быть на самом деле. Они показывают бабочку и прячут червяка.

Им трудно быть замеченными в эмоциональной вовлечённости в конкуренцию. Они хотят доминировать, но без того, чтобы «пачкать руки». Им не нравится чувствовать эмоции, которые могут возникнуть при открытой конкуренции, поскольку это связало бы их с завистью или страхом.

«Когда Социальная 2 чувствует угрозу своей самооценке, они фальсифицируют реальность и выпускают свою агрессивность наружу, с целью прикрыть печаль и восстановить чувство благополучия».

АЛЬБА АРЕНА

Социальная 2 даёт логическое оправдание тому, что глубоко чувствует как болезненное и, прежде всего, что считает несправедливым по отношению к себе. Делая это, они переходят от того, что чувствуют, к тому, что было бы справедливо делать и чувствовать, запуская сверхкомпенсацию переживания неполноценности и чувства неадекватности.

«Я бросалась в ситуации с большой самоотдачей и бескорыстием, убеждённая, что не могла поступить иначе и что моё поведение необходимо для блага сообщества. Когда позже я вышла, не по своей воле, я соприкоснулась с очень сильным самообесцениванием и мыслями о дисквалификации, которую другие могут высказать обо мне. Вместо энтузиазма и величия проступила депрессия. Вместо щедрости — чувство, что я воровка».

ЛУАНА СЕВИРИО

Этому характеру не хватает сдержанности, скрупулёзности и чувства экономии. Они не любят хранить секреты, поскольку потребность быть в отношениях важнее любой оценки уместности или значимости. Раскрывая конфиденциальную информацию, которую другие доверяют им, соблазнённые манипулятивной близостью, они демонстрируют отсутствие интимности и не осознают предательства. Они не знают отношений доверия; они не верят в них. В результате они вредят себе, подпитывая свой опыт одиночества и недоверия к другим, притворяясь при этом, что предлагают «щедрую и дружескую любовь».

Потребность соблазнять людей и группы ближе к пожиранию объекта соблазнения, чем к простому желанию нравиться. Это орально-рецептивный характер. Хотя этому подтипу трудно развить ожирение, они обычно крупные люди с саморазрушительным отношением к еде, используя её не для удовольствия, а чтобы покрыть чувство пустоты в моменты, когда соприкасаются с ним. Также возможно, что они отрицают еду как способ отрицания своих базовых потребностей или, парадоксальным образом, как форму мести, отказывая себе в том, что представляет еда: контакт с жизнью.

Когда они не в центре внимания, легко возникает глубокое чувство одиночества. Вот почему они окружают себя множеством людей, хотя внутри всё равно чувствуют себя одинокими. Одобрение других — их единственная спасательная нить против этого интенсивного чувства одиночества и опустошённости, которое они испытывают.

Они гиперчувствительны к критике и не любят, когда их судят. Желание восхищения и неприятие критики — их способ пытаться поддерживать самооценку, которая, несмотря на видимость, очень шаткая.

Они не осознают эксплуатации других, потому что оправдывают её высшей необходимостью выполнить общую миссию. Также они не замечают эмоциональной эксплуатации, когда вовлекают других в свои проекты или соблазняют их своей способностью помогать, только чтобы подпитать свой образ доброго человека и чувствовать, что другие в них нуждаются.

Они позиционируют себя как выразителей невысказанных желаний других, с энтузиазмом, который порождает тепло и в них самих, и в других.

«С детства я никогда не чувствовал себя увиденным или любимым. Я был младшим из троих детей, поэтому всегда искал эмоционального признания через помощь и становление незаменимым, альтруистом до предела. Я отказался от своей детской жизни: я был помощником матери, дочерью, которую она хотела бы иметь».

АНТОНИО МЕССИА

Социальная 2 удерживает привязанность вне своего осознания, что делает их неспособными переживать одновременно когнитивные и эмоциональные компоненты опыта (они изолированы друг от друга).

«Когда я взялась за проект духовного роста, я посвятила ему огромное количество времени. В тот период я не осознавала, как мало времени уделяю детям и семье. Я осознала это гораздо позже, в долгий период бездействия».

ЛУАНА СЕВИРИО

Один из любимых способов саморазрушения Социальной 2 — любовь к зависимостям: телевизор, социальные сети, еда, секс или наркотики. Однако зависимость, которую они практикуют наиболее ревностно, — это зависимость от работы, которая позволяет им изгонять в тень свою эмоциональную жизнь, заботу о себе или возможности для удовольствия, вызывая перерывы в потоке сознания. Соккрытие своих потребностей позволяет им продолжать их игнорировать. И когда они осознают, что пренебрегали собственным благополучием и благополучием окружающих, они наказывают себя, чувствуя себя недостойными и презренными. Они продали душу своей профессии. Их жизнь — это вечная гонка со временем, без удовлетворения, длящегося дольше чем мимолётный миг, достаточный лишь для того, чтобы перевести дыхание и начать новый проект. Эта зависимость помогает им отрицать страдание, которое они испытывают при столкновении с пустотой или глубинными депрессивными чувствами своего характера.

Люди вокруг них в профессиональной или эмоциональной сфере попадают в их карусель, где нет реального обмена, нет места для голоса, который не служит поддержке их потребности в главенстве. Социальная 2 вторгается в жизнь других, как неукротимый ветер. Работа в команде означает иметь команду в своём распоряжении. Результат для окружающих — чувство неадекватности, уничтожения и тревоги. Их «внутренняя и внешняя спешка» служит для того, чтобы никто по-настоящему не узнал их или не препятствовал их плану расширения.

Как и два других подтипа, Социальная 2 кажется свободной и раскованной, но только внешне. В реальности их свобода иллюзорна, как и их предполагаемая смелость. Действия с социальным воздействием и смелое поведение основаны на их неосознании того, как они движутся в мире. Их поведением диктует главным образом раздражение, которое они испытывают к правилам. Можно сказать, что они конструируют личную мораль “ad hoc”, состоящую из их собственных правил и ценностей, которые могут меняться каждый раз. Это не самоугождение, как у Семёрки. Это даже не оправдание в ответ на возможное чувство вины, как у Шестёрки. Это логические оправдания, где Социальная 2 сталкивается только с собой, а другие не существуют как автономные личности. Самореферентная мораль, построенная для оптимизации функциональности их невротического проекта. Следствие этого интеллектуального процесса заканчивается подтверждением их собственной логики вместо исследования реальности. Это приводит к тому, что они не культивируют сомнение и впадают в бред всемогущества.

Формирование и поддержание этих манёвров зависят от примитивных защитных механизмов. То есть расщепления негативных представлений о себе и позитивных представлений об объекте, проецирования негативных аспектов себя на других и, как следствие, обесценивания объектов и отношений, которые не служат их проекту самовозвеличивания. Другой — это объект, инструмент, используемый в соответствии с тем, что им нужно для их проекта.

Их высокие ожидания и созданный ими образ не позволяют им свободно демонстрировать публично свои ограничения, уязвимость или потребности; включая поиск поддержки, заботы и защиты, что привело бы к умалению социального имиджа и обеднению их идеализированного образа себя — что они находят слишком болезненным. За грандиозностью скрывается ребёнок, который никогда не мог быть ребёнком и который вырос, скрывая своё унижительное ничтожество.

«Я боялся, что люди увидят мою недостаточность. Поэтому я должен был всегда быть в лучшей форме, скрывая боль, истощение. Я думал: "Другие сканируют ранние меня". Это служило мне для создания токсичной формы эмоциональной зависимости».

АНТОНИО МЕССИА

Отрицание уязвимости — это патриархальный аспект амбициозного человека, который хочет всегда быть на высоте и никогда не попросит о помощи. Тем самым они уничтожают чувства недостаточности, которые омрачили бы их самовозвеличивание. Это ловушка ложного изобилия, которая в долгосрочной перспективе оборачивается против них на внутриспсихическом уровне с чувством болезненной обделённости.

«Когда изменение обстоятельств больше не требует усилий по поддержанию всей этой конструкции, я

падаю в психофизический коллапс, который честно можно назвать депрессивным, и я боюсь его и скрываю как могу».

АЛЬБА АРЕНА

Непереносимость посредственности, их страсть связана с чувством триумфа самости. Для такого особенного, каким они себя чувствуют, нет жизни без превосходства, что приводит их к саморазрушительным ситуациям. Игра жизни — это ставка на победоносную лошадь.

«Много лет у меня было две главные мысли. Первая: "Я добьюсь чего угодно; я буду независима и ни в ком не буду нуждаться". И другая: "Хочу умереть, чтобы они за это заплатили". Эти два противоположных аспекта сопровождали меня всю жизнь: с одной стороны, успех; с другой — потеря всего, выбросить всё за борт».

ТЕРЕЗА МОСКА

Ещё один способ, которым Социальная 2 проявляет свою разрушительную способность, — это импульсивность.

«Много раз я думала, что могла бы стать бродягой. Пойти по жизни, в которой ничего не имеет ценности, или выбросить всё, что считалось ценным ещё недавно. Часто я испытываю чувство сожаления о том, что могла сказать или сделать, когда меня захватывают волны эмоций».

ЛУАНА СЕВИРИО

Первичный опыт одиночества обновляется циклическим переживанием его на протяжении жизни. Человек заменяет горечь и боль всегда новыми целями, которые дают, по крайней мере как идеализированная фантазия, иллюзию исполнения и силы. Упорство установок из младенчества, таких как сосание и кусание, характеризует разрушительную форму Социальной 2.

Как очевидно, мир отношений и любви у Социальной 2 серьёзно повреждён и обеднён; они используют его для агрессии и самоагрессии. Они боятся отделиться, потерять контроль и свой внутренний хаос, поэтому, если испытывают эти эмоции, отталкивают их. Они позиционируют себя как непреклонные, ригидные и перфекционистские, особенно с семьёй и самыми близкими людьми.

Их ярко выраженный элитизм делает их очень избирательными в том, кого они считают частью своего ближнего круга. В своём высокомерии они считают нормальным, что другие хотят быть их друзьями, но не могут понять, что те могут им дать.

Это территориальный, собственнический и крайне утилитарный человек — черты, диаметрально противоположные любви, — поэтому лишь немногие остаются в их кругу друзей. Трудовая нагрузка, которую они на себя возлагают, оставляет мало времени для культивирования и поддержания дружбы, поэтому они могут поддерживать некоторые отношения на расстоянии, но в повседневной жизни это становится почти невозможным. Как метафора, они обращаются с любовью с сыновней привязанностью так же, как с растениями: Социальная 2 обычно не держит их, потому что либо заливают, либо даёт им засохнуть.

Этому человеку трудно, и внутренне он воспринимает это как очень опасное, устанавливать прочные и стабильные связи. Они забыли любую потребность любить; среди прочего, потому что им стыдно проявлять зависимость, нежность или уязвимость, и им трудно подчиниться чужой привязанности.

В их «ложной» потребности в независимости им крайне трудно устанавливать горизонтальные отношения. Попытки позиционировать себя как незаменимых, как тех, кто контролирует ситуацию, независимых или самых способных, неизбежно заставляют другого человека хотеть дистанцироваться, устав жить под тиранией императора. Это увековечивает их чувство непринадлежности и подтверждает их

внутреннее восприятие одиночества.

Вред, который они с трудом признают, — это то, как они ставят другого в подчинённое положение, делая своё величие недостижимым. В то же время, передавая другому свою эмоциональную потребность, ослабленную и зависимую, они загоняют его в двойное послание: «Я помогаю тебе, чтобы ты был удовлетворён, совершенен и счастлив, как я знаю, при условии, что ты всегда будешь нуждаться во мне и признавать меня выше тебя».

Тема любви будет рассмотрена в следующей главе, но стоит кратко упомянуть отношение Социальной 2 к сексуальности. Их трудность с доверием и капитуляцией делает эту область для них крайне опасной, если не ненужной, поскольку они считают, что есть более важные дела. Могут возникать казалось бы противоположные ситуации для Е2, но они не таковы. Либо их страх перед сексуальностью мешает им иметь интимные отношения, либо страх перед интимностью порождает компульсивное сексуальное поведение. Другими словами, они либо отрицают это, либо используют секс как инструмент манипуляции. Суть в том, чтобы избежать любовных и интимных отношений, которые оставили бы их беззащитными, лишив контроля над ситуацией и над собой эмоционально.

Социальная 2 — это, в конечном счёте, незащищённый ребёнок, замаскированный под ворчливого великана, который эмоционально и поведенчески сеет хаос везде, где появляется, уничтожая любую возможность бескорыстно любить и быть любимым. Их окончательная месть принимает форму агрессии и самоагрессии, безжалостно отказывая себе в любой форме любви, чтобы никогда больше не чувствовать себя использованными, преданными, исключёнными или брошенными; сердце не страдает, если ему никогда не позволяют чувствовать.

Краткие клинические иллюстрации

Для Социальной 2 крайне важно выявить нарушение регуляции самооценки. Их грандиозное «я» сохраняется через нарциссические инвестиции, которые препятствуют формированию нормального супер-эго, интегрированного с идеалами самости. Как мы видели на протяжении всей книги, выражение гордости в Е2 — это попытка компенсировать нестабильность в основании самооценки. Гордые люди разделяют общую черту: они устраняют и гиперкомпенсируют чувства неполноценности и недостаточности, которые, напротив, преобладают у Четвёрки.

Как делится Маурицио Мартелли: «Просить мне трудно; я чувствую это как форму слабости. Я склонен переносить свои потребности на других, и это заставляет меня чувствовать себя лучше; я их не замечаю. С тех пор как я участвую в САТе, я начал их распознавать».

Гнев, восприятие и выражение которого не составляют для этого характера трудности, может быть паразитарной эмоцией, которая покрывает и мистифицирует печаль. Поэтому полезно использовать моменты, когда он возникает, для более глубокого исследования.

Что касается чувства возбуждённой радости, оно может быть защитным механизмом в сочетании с интеллектуализацией и стратегической проработкой, чтобы с помощью воображаемой активности преодолеть трудность, с которой не хотят сталкиваться.

Этому подтипу полезно находиться в контакте с глубинным опытом, с телом, которое говорит и говорит правду: пребывание в здесь-и-сейчас — единственное противоядие от интеллектуализаций и самоутешений, которые они используют, чтобы утешить себя.

ХIII. Любовь

Двойки любят прикасаться, смеяться, шутить, смотреть в глаза, создавать атмосферу, в которой чувствуешь, что происходит магия. Контакт с Социальной 2 становится обещанием чего-то глубокого, что

произойдёт в этих отношениях. И это действительно происходит, потому что для этого характера каждый контакт — это возможность воссоздать состояние слияния с матерью, с иллюзией исцеления древней раны одиночества в их сердце. Эта форма контакта представляет собой значительную трудность, поскольку она не может сохраняться во времени из-за своей чрезмерной интенсивности; это скорее возбуждение, чем зрелое чувство.

Социальная 2 даёт обещания, которые не выполняет. Интенсивность прервётся. Как правило, Двойки дают больше, чем обещают, и обещают больше, чем дают. Они вкладывают много сил в отношения, но они непоследовательны и поверхностны. Вместо восходящей спирали, где значимые отношения постепенно культивируются, углубляются и питаются, отношения, устанавливаемые Социальной 2, состоят из крутых подъёмов и падений в равной пропорции.

Социальный подтип E2, как торговец родительской любовью, которую они не знают напрямую, воображает её, идеализируя. Они манипулируют отношениями, позиционируя себя как наставника, стремясь «купить» сыновнюю любовь и восхищение. Они хотят, чтобы ими восхищались и любили, как может желать любой ребёнок. Чтобы достичь этого, они продают свой энтузиазм через проекты и цели, позиционируя себя как отца, который знает, куда идти и как туда добраться. Они щедро делятся этим со своими «детьми», ожидая благодарности и признания через послушание и служение продвижению их образа.

Один или оба родителя возложили на них свои неудовлетворённые потребности, предлагая манипулятивную, утилитарную и условную любовь. Вот почему все их отношения содержат эти три компонента, отчаянно ища то, что, как они верят, когда-то существовало и интерпретировалось как безусловная любовь, которую они идеализируют и никогда не смогут восстановить. Это приводит их к постоянной фрустрации, которая выливается в месть через наказание и отстранение. Так они обрекают себя на жизнь, лишённую любви.

Три любви

Согласно взгляду Клаудио Наранхо, E2 как эмоциональный характер представляет сострадательную любовь, мать. Однако у Социальной 2, похоже, более развита любовь-восхищение, как и у большинства социальных подтипов, при этом сострадательная и эротическая любовь у них развиты слабо.

Эта любовь-восхищение, однако, не является, как говорит Наранхо, любовью к Богу или абстрактным аспектам, таким как красота, музыка или искусство. Скорее, они стремятся впечатлять и быть обожаемыми через свой преувеличенный образ, как патриарх. Социальная 2 представляет две искажённые формы восхищающей любви. Будучи неспособными предаться чему-то большему, они превращают её в самопоклонение. В то же время они приписывают непропорциональную ценность тем, кого хотят завоевать, чтобы затем почувствовать себя восхищаемыми.

Отсутствие подлинной модели материнской любви к ребёнку — это то, чего не хватает Социальной 2. Поскольку они маскируются под взрослого и отца, они не умеют восхищаться, но любят, когда восхищаются ими. Они ребёнок, замаскированный под взрослого и отца.

Эта тоска по восхищающей любви ведёт их к культивированию образа себя как харизматичных, интенсивных и одновременно хороших. Их великое желание — быть любимым людьми, светлым лидером, за которым следуют из любви, а не из страха.

Что касается Эроса, он принадлежит миру инстинктивного — аспекту себя, который им очень трудно принять. Сексуальность приводит их в контакт с чем-то, что вызывает у них большой дискомфорт: их животной природой. Они потеряли связь со своей сущностной природой и тайно страдают от сексуального стыда. Они не выносят аспектов себя, которые приближают их к потребности в другом и к их собственной человечности.

Несмотря на врождённую соблазнительность, они бегут от предания удовольствию и, тем более,

интимности, поскольку чувствуют себя преданными именно тогда, когда пережили это экстатическое единство в детстве. Любить на таком уровне — запретная территория. Страх перед таким обнажением ошеломляет, и Социальная 2 становится избегающей, чтобы не пережить заново глубокое чувство обделённости и предательства, пережитое в детстве, которое в некотором смысле означало смерть существенной части себя: способности предаваться и доверия к тому, что они достойны любви.

Социальной 2 полезно обратить внимание на свою сексуальность, открыть её как игру и как форму любви к себе. Оттуда они могут начать ослаблять свои доспехи и предаваться состоянию покоя и капитуляции, которое позволяет им обнаруживать свои самые сокровенные потребности.

Сострадательная любовь глубоко искажена в этом характере и всегда утилитарна и преувеличена. Хотя у них есть большая способность к эмпатии, щедрости и поддержке, они делают это из манипулятивного движения. Жест идёт от сердца, но это быстро превращает его в возможность, в форму личной выгоды, которая перестаёт быть искренней или бескорыстной.

Хотя у них есть истинная способность видеть свет в других, они используют её как форму чрезмерной лести, чтобы создать связь лояльности и долга, как способ создать подданных, которые следуют за ними. Они не могут проявлять сострадание, потому что их само-требование затрудняет для них видеть хрупкость или возможность ошибки как в себе, так и в других. Сделать это означало бы опасное открытие сердца, которое их пугает. Чтобы избежать этого, они сохраняют устойчивый гнев, который загоняет их в пренебрежительное суждение обо всём и обо всех. Это презрение является защитной реакцией, и обесценивание других приводит к дистанцированию как от божественного, так и от человеческого.

Они страдают от боли других, но искажают её через театрализацию, рождённую их гиперэмоциональностью. Единственный доступный путь — войти в тёмную ночь души и пройти через неё с болью и обделённостью в руках, открываясь своей собственной конечности и уязвимости.

«Я была в больнице, полностью обколотая морфином. Боль стала настолько невыносимой, что даже дышать было всё равно что разрывать себя на части. Мне удалили половину лёгкого, а когда убрали трубки, случился пневмоторакс, так что пришлось оперировать снова. Меня спустили в операционную, положили на холодную каталку и оставили там. Я чувствовала себя одинокой, казалось, прошло много времени. Страх поселился во мне. Боль была такой острой, что впервые в жизни возможность предаться смерти показалась мне не только приятной, но и желанной. Как будто моя рука была не моей, я начала гладить себя по лицу и укачивать, как младенца: "Бедняжка, бедная Ана". Что-то невероятно мягкое и тёплое открылось внутри меня. Свет окутал меня. Наверное, морфин плюс анестезия, даже местная, сыграли свою роль, но я почувствовала, как моё тело теряет вес, голова опустела, не было контакта ни с какой эмоцией, только неподвижность внутри и снаружи и огромная, благостная любовь, которая наполняла и опустошала всё одновременно. Всё перестало иметь значение, кроме безмолвного покрова, называемого состраданием, который окружал меня. Я никогда не чувствовала ничего подобного».

АНА БАЛЬСА

Социальная 2 способна устанавливать поддерживающие отношения и формы любви, связанные с обменом, хотя всегда в связке с поиском личной выгоды. Их собственный невроз мешает им позволить себе свободу получать заботу и внимание и устанавливать отношения, в которых преобладает материнская любовь, проецируя на другого свою глубочайшую потребность в привязанности.

Пара

В романтических отношениях Социальная 2 кажется наименее зависимой из Двоек, хотя на самом деле они контрзависимы. Больше, чем интимности, они ищут признания своих особых качеств, и так или иначе в итоге делают себя незаменимыми.

Социальная 2 продаёт отношения равенства, но на самом деле им нужны подчинённые. Они не умеют

выстраивать горизонтальные отношения, и их партнёрство не будет исключением. Они чувствуют себя сильнее, умнее, быстрее, решительнее и способнее. Чтобы доказать это другому, они тонко вступают в соревнование, которое заканчивается только тогда, когда партнёр подчиняется, и они оказываются наверху.

Это достигается через их контроль и способность предвидеть, организовывать и использовать любую возможность, оставляя другого с чувством бесполезности, неуклюжести, медлительности и отсутствия реакции. Это неизбежно установит внутреннюю дистанцию и неравные отношения. Власть уже установлена.

Когда они состоят в паре, Социальная 2 рано или поздно начинает пытаться шлифовать недостатки другого, не соответствующие их идеалу. Всегда через тонкую манипуляцию они начинают формировать эти мелкие неудобства. Если партнёр ошибается или проявляет хоть какое-то несогласие, они ведут себя снисходительно, как мать, которой нужно воспитывать ребёнка, или вступают в яростную диалектическую битву, полную эмоциональных манипуляций, пока другой не уступает — либо по убеждению, либо от усталости.

«Я exert тихую власть, которая при малейшем оспаривании развязывает гнев, презрение и обиду; что-то вроде: "Как ты смеешь?" или "После всего, что я для тебя сделал..." Затем я пытаюсь заставить другого чувствовать вину: я ни в чём не нуждаюсь, и я делаю их бесполезными. Я подпитываю себя тем, что показываю, что то, что они мне дают, не имеет ценности. С моим партнёром я прошла целый процесс лишения его мужественности, его силы, чтобы потом насмешливо посмотреть на него и сказать: "Ты мне не подходишь", заставляя его чувствовать себя недостойным и презирая его».

АНА БАЛЬСА

Дома наиболее ярко проявляется ленивый император, чувствующий себя вправу. У них есть гораздо более важные дела, чем «хаос» домашнего хозяйства. Они дают отцовскую любовь, но не тепло и нежность материнской любви. Социальная 2 любит организовывать, планировать, украшать и, прежде всего, диктовать, что нужно делать и как. Может казаться, что они несут бремя, но на самом деле именно другие заботятся о более бытовых и повседневных делах.

Если кто-то приходит в гости, всё иначе: Социальная 2 умудряется творчески ослепить и впечатлить гостей, даже если это требует многих часов подготовки или подвергает самых близких людей многочисленным перфекционистским требованиям — всё ради их публичного имиджа.

Они очень собственнические и территориальные, поэтому если чувствуют хоть какую-то угрозу, используют всё своё обаяние, различные уловки и даже соблазнительные навыки, чтобы вернуть другого. Это относится и к дружеским отношениям. Если они не могут коснуться боли, вызванной страхом потери, они переживают её сначала с неверием, а затем как нечто разрушительное.

Детская обида и недоверие к возможному предательству, понимаемому как любая форма инакомыслия, проявляются в виде мести, которая материализуется как молчание, презрение, дистанция, цинизм и холодность. Императрица и император нуждаются в циклических подтверждениях своей ценности и привилегированного положения. Следовательно, они ожидают, что партнёр будет приносить жертвы, чтобы подтвердить свою любовь. Для этого они могут попросить партнёра прекратить занятия личного интереса или любые дела, имеющие для него относительную важность.

Социальная 2 одновременно присутствует и отсутствует в романтических отношениях. Что-то внутренне мешает им полностью предаться или обязаться глубоко и искренне, потому что это влечёт за собой архетипическую дилемму: дихотомию между верностью отцу или матери (в зависимости от того, мужчина он или женщина) и верностью партнёру. С другой стороны, хотя они стремятся к слиянию с другим и идеализируют любовь, они убеждены, что она всегда условна и утилитарна, как они пережили это в раннем детстве.

В целом у них много романов, но редко они оседают в партнёрстве, а когда оседают, отношения обычно

долгие. В случае женщин они довольно верны, и когда расстаются, оставляют пространство до следующих отношений. Бывают и другие случаи, когда у них на протяжении жизни много любовников, но они так и не могут создать стабильную пару. Некоторые причины этого — высокие требования, потребность в независимости и свободе или приоритет профессиональных вопросов над личными. Часто Социальная 2 — инициатор разрыва из-за фрустрации от своих высоких ожиданий, скуки, неспособности поддерживать обязательства и интимность или страха быть оставленными.

Иногда они используют секс компульсивно, как форму завоевания и доминирования, но также как средство контакта, для снятия накопившегося напряжения и, прежде всего неосознанно, для избегания страха перед интимностью. Нет истинной любовной капитуляции, и они не могут легко отпустить контроль.

«Я не задерживаюсь на прелюдиях, и когда заканчиваю быстро, прерываю контакт, не оставляя места для нежности. Я никогда не позволяла мужчине завоевать меня; я всегда та, кто выбирает, идёт и берёт. У меня есть большая страсть к завоеванию гигантов и оставлению их с мёдом на губах; к удовольствию оставлять их желающими, но также и к моей собственной явной неспособности довершить завоевание. Я предпочитаю несколько поцелуев и игру в секс. Меня глубоко оскорбляет, когда кто-то, кого я не считаю равным, пытается меня соблазнить».

АНА БАЛЬСА

Семья, как и группа, может быть местом, где разыгрывается желание признания через занятие референтной позиции: той, кто даёт хорошие советы, ведёт, когда необходимо, и обеспечивает защиту. Каким-то образом обязанные быть эмоциональной опорой системы, они не могут казаться слабыми или нуждающимися. Они стараются избегать проявлений привязанности, потому что это приводит их в контакт с их уязвимостью, и они чувствуют, что могут рухнуть.

К Социальной 2 часто обращаются для разрешения межличностных семейных конфликтов, что даёт им определённую власть, помещая их на подконтрольную территорию, но которой они не могут ни с кем поделиться, поскольку исключают себя из семейной системы, чтобы возвыситься над сиблингами и родителями. Они проявляют готовность только к получению восхищения.

Они чувствуют сильное желание подняться над толпой и посредственностью, занять привилегированное положение видимости и личной значимости. Они удовлетворяют эту потребность, помогая партнёру достичь социальной видимости, полезной для их личного проекта.

Путаница между любовью и территорией

Социальная 2 путает любовь, которую получает от групп, с безусловной любовью. Они переживают это как аккламацию со стороны тех, кто теперь принадлежит их территории. А если речь идёт о обладании, то это не может быть любовью. В своём возбуждении от аплодисментов группы человек с этим характером путает восхищение с любовью, сопровождением, заботой, включённостью.

«Я не очень хорошо управляюсь со временем, но с пространством — по-другому. Я чувствую себя в своей тарелке в позиции авторитета. Это как будто моё естественное место, особенно если есть группы: я быстр, эффективен, очень креативен, и мне не составляет труда подготовить презентацию или выступление. Я пускаю в ход всё своё обаяние очень тонко. Мой тон голоса, моя улыбка, мой взгляд... всё внутренне просчитано».

В индивидуальной терапии возникают страхи быть разоблачённым, что другие поймут, что в глубине души они мошенник, потому что продают больше, чем имеют. Иногда они уходят с терапии с чувством, что не дали достаточно, но последующие оценки противоречат этому и возвращают их на место могущества.

«Мне нравится иметь власть и чтобы авторитет смотрел на меня, ценил меня и давал признание за мои способности, компетентность, вовлечённость и усилия. Я проявляю послушание, но только когда я наделил

авторитетом кого-то и этот человек помещает меня рядом с собой. Иначе я впадаю в презрение и обесценивание — иногда себя, иногда других. Я чувствую себя комфортно на этой территории, превосходно и очень способно».

АНА БАЛЬСА

Реальность даёт обратную связь, что они обладают особым блеском. Их часто ставят лидером или референтом в группах. Однако они поняли, что это порождает зависть или конкуренцию, которые в итоге оставляют их в изоляции. Иногда их это не волнует, потому что они считают это ценой, которую нужно заплатить, хотя внутри это ранит, и они даже не до конца это понимают. Они пытаются властью и своим предполагаемым авторитетом, но это их не насыщает.

Материнство и воспитание детей

Женщина Социальная 2 обычно не играла в куклы. Когда она наблюдает, как другие это делают, она презирует это как нечто поверхностное, абсурдное и ненужное. Она не чувствует импульса быть матерью, как будто у неё отсутствует этот инстинкт. Миссия, которую нужно выполнить в мире, навязывается и заполняет всё.

«Я не тратила столько времени на обучение, чтобы в итоге заниматься стиркой и ходить в парк терять время с другими матерями, болтая о глупостях. Был целый мир, который нужно исследовать и развивать».

АНА БАЛЬСА

Жизненный проект изначально не включает материнство. Есть много профессиональных целей, которые нужно достичь, поэтому партнёр часто отодвигается на второй план. Она вкладывает много времени в широкий социальный круг, так как может быть погружена в разные проекты одновременно.

Существуют разные причины, которые могут пробудить мотивацию иметь детей, но ни одна из них, кажется, не возникает исключительно из любви или материнского инстинкта. Возраст или видение того, как люди вокруг неё становятся матерями, пробуждает скрытую зависть.

«Первый раз, когда я услышала тиканье своих биологических часов, был в ресторане, где сидело несколько пар. Там были партнёры моего мужа и их жёны, и одна из них упомянула, что беременна. В тот момент во мне что-то щёлкнуло. Теперь я вижу зависть и конкуренцию. И когда мы вернулись домой, я потребовала, чтобы мы с мужем завели ребёнка, немедленно!»

АНОНИМНО

Другой причиной может быть то, что в зависимости от её профессии или социального положения материнство даёт ей статус, который она воспринимает как добавленную ценность: улучшение социального имиджа, соответствие тому, что она говорит в определённых кругах, или демонстрация того, что она может справиться со всем. Именно тогда она рассматривает это как ещё один проект для завоевания: стать матерью.

С момента, как она узнаёт о беременности, она принимается за работу, как за новый проект. Она информируется, читает и посещает все курсы, чтобы продемонстрировать, какой прекрасной матерью она будет. Она становится контролирующей по отношению к себе и к окружению ребёнка, но в ней не просыпается инстинкт защиты или питающей любви.

«Когда я узнала, что беременна, я начала исследовать все виды курсов подготовки к естественным родам, естественное родительство и т. д. Я знала все организации, учреждения и лучших специалистов по родовому уходу, родам и воспитанию благодаря моему участию в семинарах, конференциях и группах. Затем я позаботилась о том, чтобы соединять людей и организации, продвигая лучшее для беременности и

воспитания. Я даже предложила педиатру проводить частные консультации с нами. Мы были её первыми пациентами, а позже она стала самым признанным холстическим педиатром в Мадриде. Я превратила всё в бизнес-вопрос, где я была истоком. У меня были роды с эпидуральной анестезией, и я не кормила грудью».

АНОНИМНО

Когда что-то идёт не так в воспитании ребёнка, её высокомерие и магическое мышление приведут её к мысли, что она единственная ответственная. Под этим лежит глубокое чувство сиротства, сопровождающее её с детства, когда она поставила себя выше и отца, и матери, и настоящее желание иметь семью, к которой можно принадлежать, хотя опять же — с позиции важности.

Как только новый «бизнес» начинается, она будет видеть всё, связанное с беременностью и воспитанием ребёнка, как продолжение своего имиджа. Мать Социальная 2 хвастается тем, что остаётся активной до последнего момента, подчёркивая свою способность выдерживать всё с достоинством и спокойствием. В реальности это предполагает очень мало контакта с её собственной потребностью в заботе и отдыхе, так как её болевой порог довольно высок, и она не осознаёт стресс, накапливающийся как у неё, так и у плода. Она не хочет отказываться от других проектов и остановится только если кто-то извне заставит её. Может быть возбуждение, но на самом деле это отражение того, что она видит у других, и у неё, кажется, нет большого осознания изменений, которые рождение ребёнка принесёт в её жизнь, или жертв, необходимых для присутствия в воспитании.

«Первый раз, когда я осознала что-то вроде того, что значит быть матерью, случился, когда мой муж попал в аварию. Он не мог почти ничего делать для себя; это было почти как иметь младенца. Всю заботу и внимание, которое он уделял детям, плюс домашние дела, пришлось делать мне. Для этого мне пришлось отказаться от рабочих поездок и оставаться дома, заботясь о них. Это было драматическим осознанием для меня — понять, что я построила жизнь, которую не могу поддерживать, и я начала свой личный процесс».

АНОНИМНО

Момент родов

В момент родов она может казаться несколько настороженной, оценивающей происходящее. Она может даже пытаться руководить медицинской бригадой. Как будто это происходит не с ней, она лишь наблюдатель события. Она может начать планировать и координировать других, вместо того чтобы сосредоточиться на ребёнке или своих чувствах с единственной позиции матери. Момент родов может стать просто ещё одной сценой.

«Для рождения моего первого ребёнка я в итоге выбрала публичную университетскую больницу. Внезапно в родильную палату вошли четырнадцать человек, чтобы наблюдать за родами. В тот момент я не посчитала это вторжением в мою частную жизнь, а служением для будущих врачей, свидетелями того, как хорошо у меня всё получится».

АНОНИМНО

Возвращение к работе и уход за ребёнком

Мать Социальная 2 намеревается быстро вернуться к работе и делегировать повседневный уход, как будто эта «человеческая» часть не принадлежит ей. На самом деле, не осознавая этого, она носит в себе внутреннее, несколько сбивающее с толку ощущение, что она не знает, и что это слишком для неё.

Что касается воспитания, существует дисбаланс между пренебрежением такими аспектами, как физический контакт с ребёнком, походы в парк или повседневный уход, и чрезмерной стимуляцией других, таких как интеллектуальные или творческие аспекты. Она может относиться к ребёнку так же, как к другим

аспектам своей жизни: из неокортекса, пренебрегая млекопитающим мозгом.

«Иногда, когда я обнимаю своих детей, я чувствую желание отстраниться. Длительный физический контакт заставляет меня чувствовать себя в ловушке, как будто моя свобода под угрозой».

АНОНИМНО

Родительская отстранённость и непоследовательность

Ей может быть очень трудно видеть в ребёнке существо, которое нуждается в заботе, внимании и присутствии, со своим собственным темпом. Кажется, что почти всегда есть другие приоритеты, срочные дела и отвлечения, прежде чем заняться ребёнком.

«Я приехала в отделение неотложной помощи больницы, потому что у моего сына была температура и трудности с дыханием. По совпадению мы встретили педиатра, который принимал его роды. Он спросил меня, проводили ли мы наблюдение по диагнозу крипторхизма, который он поставил после рождения. Это было разрушительно, когда я поняла, что до того момента я не "видела" своего сына, а ему уже было три года».

АНОНИМНО

Происходит оставление ребёнка в том смысле, что она намеревается продолжать направлять большую часть своей энергии на профессиональные или личные проекты. Во многих аспектах воспитания она непоследовательна и хаотична. Что касается кормления, она амбивалентная мать: может вести себя очень деликатно и жёстко или небрежно, как продолжение пренебрежения к самой себе.

Матери этого подтипа не играют активно. Они предпочитают использовать чувство юмора, читать истории или стимулировать игрушками с педагогическим признанием. Они очень креативны и позиционируют себя как поставщики ресурсов для своих детей. Они могут организовать лучшие дни рождения — возможность выделиться социально. В целом они уделяют больше внимания тому, что влияет на их социальный имидж, чем более интимным аспектам материнства.

Им практически невозможно поддерживать границы во всех смыслах. Они редко применяют наказания, а когда применяют, почти никогда не доводят до конца. Их диалогический и разрешительный стиль гарантирует, что их дети соблюдают минимальные правила, которые больше подразумеваются, чем формулируются явно, но с которыми они чувствуют себя уважаемыми. Они двусмысленны и очень снисходительны в вопросах домашних правил, хотя если выражают свой гнев, он будет сильным, кратким и без последствий.

Либо они становятся жёсткими и требовательными и просят всё одновременно.

Обмен репликами с моим старшим ребёнком: «Я сказала тебе почистить зубы!» И когда он чистит: «И прими душ, и убери в комнате, и убери со стола на кухне!» «Хорошо, мама! С чего мне начать?»

АНОНИМНО

XIV. Исторические фигуры: Наполеон Бонапарт и Юлий Цезарь

Наполеон Бонапарт

«От великого до смешного один шаг».

Одна из исторических фигур, наиболее ярко воплощающая характер Социальной 2, — Наполеон Бонапарт.

Молодой Наполеон родился на Корсике, всего через несколько дней после поражения своего народа французами. В детстве он ненавидел Францию, и хотя позже в жизни он глубоко полюбил её, возможно, как форму искупления за унижение корсиканцев, в итоге он завоевал Францию и стал её императором.

Семья Наполеона принадлежала к корсиканской аристократии, хотя они не были богаты. Его отец был адвокатом и изначально сражался против Франции. Однако после поражения его отец быстро адаптировался к французским обычаям. Наполеон никогда не простил отцу этого предательства; он редко говорил о нём и считал, что отец слишком наслаждался мирскими удовольствиями. Это быстро сделало его несостоятельным как отцовскую фигуру.

Его отец умер, когда Наполеон был ещё подростком, и в тот момент Наполеон кристаллизовал свою идентификацию с отцовской фигурой, преждевременно взяв на себя роль главы семьи, видя себя спасителем семейной группы.

Его мать, Летиция, была очень своеобразной женщиной, и Наполеон обожал её больше всех. Она была жёсткой, холодной, амбициозной и аскетичной. Она воспитала его, и хотя они ни в чём не нуждались, она научила его ценности лишений и усилий. На протяжении всей жизни она оставалась строгой матерью, всегда требующей большего, и он никогда не слышал от неё признания. Это в точности соответствует паттерну отношений Социальной 2 с матерью: быть объектом высоких ожиданий, но никогда ничего не бывает достаточно, поэтому одобрение или признание не получается, а если и приходит, то никогда не является достаточным.

Когда её сына короновали, она не присутствовала из-за соперничества с Жозефиной Богарне, несмотря на то что Наполеон пытался успокоить её, когда женился на Жозефине: «Успокойся, мама. Она ничего у тебя не отнимает. В день твоей смерти для меня останутся только низшие». Это показывает Социальную 2, которая преждевременно заменяет отца и получает от матери амбивалентное послание: «Ты замечательный, но этого недостаточно», вместе с эмоциональной обделённостью с её стороны.

Из-за обнищания острова амбициозные родители Наполеона переехали со всеми детьми во Францию в поисках новых возможностей. С девяти до четырнадцати лет Наполеон жил в пансионе, ни разу не навещая домой, на стипендии, которую устроил его отец. Он чувствовал себя одиноким и униженным, едва говорил по-французски, полный обиды на Францию, слишком гордый, чтобы общаться с французскими учениками, которые были детьми аристократов. Тёмный, замкнутый и непопулярный, он стойчески выносил насмешки других, что указывает на то, как он отомстит французам. Однако как социальная Тройка он не будет долго придерживаться этих убеждений.

В пятнадцать лет он поступил в военную академию и начал развивать глубокое презрение к роскоши и привилегиям французской знати. Профессор описал его как одинокого, задумчивого, эгоистичного, гордого, амбициозного и того, кто далеко пойдёт в жизни. Естественно любознательный, он интересовался историей, законами и некоторыми науками. Философы, такие как Руссо, глубоко впечатлили его. Знания были крайне важны для Социальной 2, и интеллектуальные упражнения были одним из его любимых занятий.

Он знал, что предназначен для величия, хотя ещё не знал, как его достигнет. Меланхоличный, с большим чувством одиночества и непринадлежности, у него были суицидальные мысли, которые появлялись в моменты кризиса на протяжении всей жизни. Революция освободила Наполеона. Его очаровала идея конца привилегий и иерархий. Он был человеком своего времени, идеалистом, который, как любая Социальная 2, участвовал в преобразовательных процессах (культурных, образовательных, политических или социальных) своей эпохи, а также страстным защитником свободы.

Покинув армию в двадцать три года, он вернулся на Корсику и вошёл в политику острова. Он хотел учиться у Паскуале Паоли, губернатора и героя Наполеона в детстве. Однако он был разочарован, потому что Паоли не доверял ему, называя его амбициозным, неопытным и эгоцентричным. К тому времени Наполеон был больше на стороне Франции, чем Корсики, и присоединился к партии, противостоящей Паоли. В конце

концов Паоли приговорил семью Бонапартов к смерти за измену, вынудив их бежать.

Наполеон вернулся во Францию, униженный и разочарованный, но теперь более осторожный, хитрый и, прежде всего, желающий быть французом. В двадцать четыре года он искал убежища во Франции со своей теперь уже овдовевшей матерью и братьями и сёстрами. Хотя Социальной 2 трудно признавать авторитет, у них есть скрытая тоска найти того, кому можно доверять и предаться, ища защиты, руководства и убежища, как они хотели бы в детстве.

Во Франции короли уже были казнены на гильотине, Робеспьер был у власти, и это были самые страшные годы Революции. Вскоре, из-за некомпетентности окружающих, Наполеон зарекомендовал себя как стратег. За несколько месяцев его дерзость, самопожертвование и энергия привлекли внимание командиров, и он начал получать признание. Он написал политический трактат в поддержку радикальных идей Робеспьера, поскольку, хотя Робеспьер был слишком жесток для его вкуса, Франция была в хаосе, и это беспокоило Наполеона, которому нужен был порядок вокруг. Как любая Социальная 2, он умел окружать себя влиятельными людьми.

В 1795 году во Франции было конституционное правительство, и недавние ужасы были забыты. Вернулась роскошь, и все хотели наслаждаться миром. В то время у Наполеона было очень мало ресурсов, и его внешность выдавала его. Он зашёл в тупик и снова начал проявлять суицидальные мысли.

Но в конце того же года ему улыбнулась удача. Часть населения готовила восстание, чтобы восстановить монархию. По совпадению в Париже не было генерала, который мог бы их сдержать, и Наполеон, считавшийся настойчивым человеком с страстными убеждениями, казался лучшей альтернативой. Ответ Наполеона был жестоким, и он использовал всё оружие, чтобы достичь своей цели. В результате попытка закончилась резнёй сотен людей. Это сделало его знаменитым в Париже, и его повысили до генерала.

Когда у Социальной 2 есть цель, и особенно когда они ищут прямого признания, они становятся самыми холодными, манипулятивными и стратегичными.

Наполеон был экспертом в видении и использовании возможностей по мере их появления, и война облегчала это. В этом смысле Наполеон превратился в провиденциального человека, спасителя Франции, до такой степени, что отождествил себя с нацией. Это подчёркивает существенный аспект этого характера: псевдощедрость. То есть огромные жертвы, требуемые от французского народа, требовались не для удовлетворения эго того, кто будет держать власть, а потому что «Франция требует этого», удовлетворяя потребность в идеалистических миссиях, которые якобы выходят за рамки личной выгоды.

О патриархальном эго: вклад Наполеона Бонапарта в беды мира

Вклад Наполеона в беды мира можно резюмировать как процесс псевдосвободы. Наполеон практикует неаутентичный бунт, позволяющий ему быть сообщником иерархической власти, чувствуя себя невиновным. Сообщником, потому что все революционные инстанции сосредоточены вокруг его фигуры, и в результате его эго скрывает вертикальное лидерство под эмоциональной видимостью горизонтального стиля управления. Невиновным, потому что подрыв сына по отношению к отцовской власти позволяет ему чувствовать себя освобождённым от ответственности за эту же власть. Отец показывает путь, берёт на себя ответственность и сталкивается с ней без страха быть нелюбимым. Сын, который хочет стать Отцом, без аутентичного процесса трансформации, в конечном счёте слишком слаб, чтобы принять, что его не любят.

С новой осанкой он встречается и влюбляется в Жозефину, вдову и мать двоих детей, которая, обременённая долгами, пытается выжить в Париже. Её описывают как томную, очаровательную и грациозную, говорят, что она хорошая любовница. Она женщина своего времени, которая завоёвывает доверие Наполеона. Но что-то другое пробуждает его интерес к ней: она влиятельна и известна в парижских кругах, поэтому Наполеон считает, что она может быть ему очень полезна. Она учит его всему, что знает о любви, оставляя неопытного Наполеона очарованным.

Жозефина не любит его по-настоящему, но нуждается в защите, поэтому соглашается выйти за него замуж. Для Наполеона она будет важным источником поддержки, даже когда они разлучены из-за военных кампаний.

Как он и предполагал, женитьба на Жозефине помогает ему подняться. Поль Баррас, самый влиятельный человек в Республике в то время и бывший любовник Жозефины, помогает Наполеону получить должность верховного главнокомандующего французской армией в Италии. Он никогда не командовал армией, и никто не ожидал от него многого... пока они не встретили его. Один генерал сказал, увидев его: «Не знаю почему, но этот маленький ублюдок меня пугает». Армия была недоедающей, выживала только за счёт грабежа. Наполеон воодушевил их стремиться к славе и богатству вместе с ним, увлекая своим пылом. Говорили, что он великолепный актёр, способный улыбаться или внушать страх или ярость, что является отличным портретом Социальной 2.

Естественно, пылкие лояльности часто формировались в контексте войны и власти, но редко в истории была такая интенсивная эмоциональная вовлечённость с человеком, не обладавшим организованным принудительным аппаратом, как у великих тоталитарных систем XX века. Поэтому можно утверждать, что величайший вклад эпохи Наполеона в беды мира — это манипулятивное измерение власти, основанное на псевдореляционных аспектах, таких как соблазнение, лесть, обещания будущего или его тон фамильярности с любым человеком, независимо от его статуса или положения.

Его первая кампания была против пьемонтцев с гораздо меньшей армией. Он мало знал о войне, но знал, чего хочет: побеждать. Благодаря стратегическим способностям, инновациям и большой безрассудности он одержал несколько побед за несколько недель и разгромил пьемонтскую армию. Один вражеский генерал сказал о нём: «Они прислали нам безумца, который атаковал нас со всех сторон; это невыносимый способ ведения войны».

Его армия впервые за многие годы получила жалованье, и он лично выразил благодарность солдатам. Социальная 2 всегда там, где нужно, и идёт вместе со своими людьми в бой, подвергая себя такой же опасности. Вскоре он завоевал их доверие и уважение благодаря своему присутствию, способности мотивировать и дерзости; они чувствовали, что он один из них.

Это распространённый способ для Социальной 2 создавать горизонтальные отношения с подчинёнными. Они представляют себя равными, чтобы другие чувствовали себя равными, и это одна из самых значительных проблем для людей с этим характером, поскольку они редко сохраняют такое отношение надолго, особенно когда просыпается тиран внутри них, что легко происходит в моменты стресса.

Другая его невротическая черта — способ использования информации. Он профессионал маркетинга, знающий, что недостаточно выигрывать сражения; нужно контролировать то, что о них скажут и что останется в истории. Наполеон был прирождённым пропагандистом. Владелец нескольких газет, он писал историю по-своему. Однажды Жозефина заметила, как хорошо о нём пишут газеты. «Конечно, — ответил он, — после закрытия тридцати...» Наполеон закрывал все газеты, которые его не поддерживали. Он любил свободу, но не когда другие пользовались ею, особенно без его согласия или если она была направлена против него.

Следующая кампания была против австрийцев. Наполеон не следовал известным до того правилам войны. Вероятно, не потому что был великим военным стратегом, а из-за смеси безрассудства, страсти, упрямства и той энергии, которую Социальная 2 может мобилизовать, когда хочет чего-то. Он постоянно удивлял врага, потому что не следовал никакой конкретной тактике, но ему также нужно было слепое доверие своих людей, чтобы победить австрийцев.

Его лидерские способности проявились в битве при Маренго, в бою за мост, когда он попросил своих солдат о доказательстве веры в него. Парадокс, как иллюстрирует Лефевр, в том, что начало его головокружительного восхождения к славе, завоеваниям и господству произошло благодаря чрезвычайно удачному совпадению. Переход к абсолютной власти подтвердился благодаря этой победе, которая позволила

ему изменить казавшуюся окончательной судьбу и превратить поражение в победу. Для других характеров риски, на которые он шёл, потребовали бы более осторожного и благоразумного поведения, но внушительный процесс самоидеализации у Социальной 2 способен превращать ошибки в успешные планы, случайные события в личные заслуги, а принятые риски в подтверждение исключительных качеств.

С того момента Наполеон «чувствовал» невротически, как своего рода ложный инстинкт, что ему всё возможно и что никакое препятствие не может ограничить его энергии, которые он считал бесконечными. Он убедил себя в своей удачливости и что предназначен для великих дел. Как он сказал другу: «Ты ещё ничего не видел. В эту эпоху никто не имеет ни малейшего представления о том, что такое величие. Мой долг — показать им пример».

Харизматическая власть: вопрос трансформации или господства?

Является ли харизматическая власть результатом внутреннего процесса трансформации, развития своего потенциала? Или же это способность влиять с целью господства? Навязчивая склонность к успеху у Социальной 2 может проявляться по формуле: «Никогда не достаточно», в соответствии с посланием, полученным от матери: «Никогда не достаточно, и ты недостаточен». Каждая достигнутая цель становится не более чем хрупким подтверждением величия, победы, незаменимости. Но пустота ненасытна и требует высокой доли успехов, завоеваний и поразительных достижений. Это становится высокомерной, гипертребовательной и безжалостной динамикой, которую никогда нельзя успокоить, если с ней не столкнуться.

С этой точки зрения полное отсутствие у Наполеона чувства границ совершенно понятно. Согласно стратегическому анализу современного эксперта по Русской кампании: «Наполеон должен был вести свою армию благоразумно, методично и рассудительно. Но тогда он не был бы Наполеоном». Этот комментарий раскрывает очень важную ловушку для Социальной 2: тот факт, что такой невроз часто социально вознаграждается, так как можно отказаться от того, что, казалось бы, даёт так много?

Наполеон обладал аналитическим умом, мог жонглировать множеством задач одновременно, работал семь дней в неделю более двенадцати часов в день, наслаждался почти фотографической памятью, любил быть информированным обо всём и вмешивался даже в мельчайшие административные вопросы, редко делегируя. С другой стороны, он уделял гигиене больше внимания, чем было принято в то время, и тщательно заботился о своей внешности. Эротика власти в сочетании с его навыками соблазнения через слова делала его очень привлекательным мужчиной, несмотря на отсутствие физической красоты.

Жозефина была его спутницей во всех смыслах и его большой эмоциональной и моральной опорой. Однако любовь и секс были для него совершенно второстепенными. Однажды, после спора с Жозефиной о её любовнике, он сказал другу: «Моя любовница не занимает моих чувств; это просто вопрос власти». Он не понимал, почему Жозефина расстраивается. «Она слишком серьёзно относится к вещам, всегда думая, что я перестану её любить; она не может понять, что любовь не для меня». Здесь мы видим эмоциональную холодность Социальной 2 и то, как мало они могут ценить чувства других. Его страстное и отстранённое заявление «любовь не для меня» глубоко резонирует с этим характером.

За три года ему удалось завоевать почти всю Европу и править более чем семьюдесятью миллионами человек. Со времён Цезарей ни один человек не имел такой власти.

Высшей точкой жизненной параболы Наполеона стала его само-коронация как императора французов в Париже в декабре 1804 года в возрасте тридцати пяти лет. Хотя он пригласил Папу на церемонию, он отказался позволить Церкви короновать его. По его словам, «религия превосходна, чтобы держать простых людей в тишине и чтобы бедные не убивали богатых». Но помимо его знания силы религии подчинять людей, он не признавал никакого божества, кроме своего собственного: «Сделать всё, на что способен, — значит быть человеком; сделать всё, что хотел бы сделать, — значит быть Богом». И он сделал это.

Коронация как император представляет, с одной стороны, вершину славы, которую должен достичь

любой стремящийся к власти, а с другой — максимальное выражение его собственного невроза (как консервативный подтип — принцесса, сексуальный — королева, а социальный — императрица). Это невероятный акт высокомерия, поскольку именно он сам возлагает корону на свою голову, устраняя подчинение чему-то или кому-то, подразумеваемое при коронации. Таким образом, остаётся только его собственный невроз.

Другой важный аспект само-коронации Наполеона — присутствие членов его семьи (кроме матери, которая отказалась присутствовать, хотя Наполеон заставил Давида включить её в commemorative painting). Они присутствуют не как часть внутреннего круга суверена, а как прямые эмиссары его власти. Фактически все они получают политические должности, что отражает его невротическую потребность в групповой принадлежности через отношения, основанные на власти, а не на общих связях. Он снова позволяет своему эго утверждаться через ложную щедрость.

Хотя были и другие сигналы, такие как попытка завоевания Испании, первое падение Наполеона, несомненно, связано с Русской кампанией, где Наполеон становится «слишком Наполеоном», пытаясь завоевать такую обширную и пустую территорию, что она становится неуправляемой — хорошая метафора невроза Социальной 2. И в случае Испании, и в случае России он совершает ошибку, типичную для этого Эннеатипа: упускает из виду, что другие любят свою страну так же сильно, как он любит свою, Францию.

Титанический подвиг, который Наполеон предпринимает, вторгаясь в Россию, можно совершить только с мессианским самосознанием. Его рациональная проработка, то есть анализ благоприятных и неблагоприятных условий, возможностей и угроз, не имеет значения. Как слепота влюблённого, который видит любимого только через свои позитивные проекции, Наполеон, безумно влюблённый в себя, не видит ничего, кроме грандиозных образов своих действий. Как пишет Толстой, «ему не казалось новостью, что его присутствие в каждом уголке мира, от Африки до степей Москвы, опьяняет людей, погружая их в безумное самозабвение».

Когда он осознаёт, что сделал так много зря — вместе с огромной и ужасающей ценой в человеческих жизнях — он решает отступить. В итоге лишь несколько тысяч человек возвращаются из шестисот тысяч. Наполеон тем не менее не проявляет этических сомнений; он только задаётся вопросом, как могло случиться, что он потерпел неудачу. Его неспособность принимать пределы становится очевидной, как и последующий импульс снова изменить то, что он воспринимает как неприемлемый порядок вещей.

После многих лет брака с Жозефиной у него нет наследников, что угрожает стабильности его положения. Несмотря на то что он всё ещё любит её по-своему, и после долгих раздумий, он разводится с ней. В рамках своей склонности использовать людей, и хотя в то время это могло быть не так уж необычно, в случае Наполеона это черта характера. Кто-то слышит, как он восклицает: «Я хочу жениться на матке» — пример объективации людей у Социальной 2.

Наполеону сорок пять лет, и он сослан на остров Эльба, недалеко от Корсики. Падение, потеря всего, не является необычным в жизни Социальной 2, но, как он сам сказал: «Моё величие не в том, что я никогда не падал, а в том, что я всегда поднимался». Поэтому он быстро устанавливает миниатюрный двор на Эльбе, пока, почти умирая от скуки, не решает бежать. Людовик XVIII взойдёт на трон, и его некомпетентность помогла Наполеону быть встреченным в Париже как герой. На самом деле у него было мало шансов, потому что Европа объединилась, охваченная паникой: «Дьявол вернулся». Чтобы сразиться с ним, Ватерлоо будет решающим.

Согласно некоторым источникам, когда в Венский конгресс приходит новость о побеге Наполеона с Эльбы, они смеются; новость кажется им настолько невероятной. Правда, как считает Лефевр, в том, что Наполеон не смиряется со своим положением изгнанника и пытается рискнуть всем в кажущейся безнадёжной авантюре. Как в греческой трагедии, появляется немезида. Если битва при Маренго была решающим толчком к почти безграничному взлёту, но определялась случайными факторами, не имевшими отношения к личным заслугам тогдашнего Первого консула, то битва при Ватерлоо представляет собой серию несчастных совпадений, которые, кажется, подтверждают интерпретацию Толстого о решающем присутствии провидения, совершенно оторванного от личного таланта.

Снова он сослан, но теперь на Святую Елену, отдалённый и зловещий остров далеко от всего. Проживая свои последние годы в деревянном доме, который когда-то был конюшней, он жалуется: «Умереть — ничего не значит, но умереть без славы — значит умирать понемногу каждый день». И с помощью слова, которое было единственным оставшимся у него оружием, он писал мемуары, чтобы оправдать свои действия и утверждать, что всё, чего он хотел, — это создать новый мир.

Говорили, он сказал, что если бы Христос не был распят, он не был бы Богом. Он видел Святую Елену как последнюю остановку своего собственного Крестного пути. Через пять лет скука убила его. И, возможно, глубокая печаль, когда он остался наедине с собой.

Наполеон был, прежде всего, человеком с большой харизмой и ошеломляющей интенсивностью, который считал себя непобедимым. Амбициозный человек в действии, доверявший только себе. Тираничный и манипулятивный, будучи самым могущественным человеком во Франции, он мечтал доминировать над всей Европой под французскими законами. Он лишил короны нескольких королей и верил, что образование сделает людей свободными. Как Первый консул, он преобразовал страну: создал лицеи, центральный банк, дороги и мосты, издал законы, отменившие феодальные права и гарантировавшие равенство граждан. Благодаря его безумству была найдена Розеттская плита, позволившая расшифровать иероглифы.

Цитаты Наполеона, отражающие характер Социальной 2:

- «Нет такой дистанции, которую нельзя преодолеть, и нет такой цели, которую нельзя достичь».
- «Амбиции никогда не останавливаются, даже на пике величия».
- «Историю пишут победители».
- «Мужество — это не сила идти дальше; это умение идти, когда у тебя нет сил».
- «Лидер — это распространитель надежды».
- «Истинная мудрость — это решительная твёрдость».
- «"Невозможно" — это слово, которое встречается только в словаре дураков».
- «Никогда не прерывай врага, когда он совершает ошибку».
- «Великая амбиция — это страсть великого характера. Те, кто ею наделён, могут совершать очень хорошие или очень плохие поступки. Всё зависит от принципов, которые ими руководят».
- «Истинный характер всегда проявляется в великих обстоятельствах».
- «Мы никогда бы ничего не предприняли, если бы хотели заранее обеспечить успех нашего предприятия».
- «Я больше не могу тебе подчиняться. Я вкусил командования и не могу от него отказаться».
- «Успех — самый красноречивый оратор в мире».
- «Величие — ничто, если оно не длительно».
- «Если бы мне пришлось выбирать религию, Солнце, как всеобщий даритель жизни, было бы моим Богом».
- «Генерал должен быть говорливым».
- «Одна картина стоит тысячи слов».
- «Франция нуждается во мне больше, чем я во Франции».
- «Общественное мнение — это термометр, который монарх должен постоянно консультировать».
- «Зависть — это декларация неполноценности».

Юлий Цезарь

Он один из величайших завоевателей в мире, а также один из самых известных геноцидов всех времён. Он пришёл к власти с такой тщательно продуманной стратегией, что она стала справочным руководством по тому, как этого достичь. Он улучшил жизнь своего народа, и его любили так же сильно, как враги боялись. Его наследие огромно. Юлий Цезарь изменил границы, и его влияние до сих пор сохраняется в мире. Его никогда не называли императором Рима, но он вёл себя как император, до такой степени, что его помнят до сих пор. Мы обязаны ему календарём из 365 дней, в который включено его имя, так что в некотором смысле

он даже изменил время. Один из его друзей однажды сказал, что ему не хватало только изменить звёзды.

Он был великим завоевателем, убедительным, расчётливым, бесстрашным, а также беспощадным тираном, эгоцентричным и неумеренным. Он был популистским лидером и централизатором власти, который продолжает влиять на политику и войну. Он превратил римскую демократию в диктатуру, и хотя его правление на вершине длилось недолго, именно он был архитектором превращения республики в империю, которая была больше его эго.

Гай Юлий Цезарь родился в Риме около 100 года до н. э., в бедном районе Субура. Рим, в котором он вырос, был не тем, что мы видим в фильмах, полным культуры, богатства и территорий; таким он оставит его в наследство. Он был единственным сыном в браке своих родителей, и его детство прошло в преимущественно женской среде, между матерью и двумя сёстрами. Как и всех молодых аристократов и патрициев того времени, его учили бояться богов, уважать законы, следовать правилам приличия, скромности и бережливости. Его тётя по отцу, Юлия, также сыграла значительную роль в его воспитании и наставничестве. В биографиях Социальной 2 часто встречается присутствие «заменяющей» матери.

Взросление в таком бедном районе города означало потерю престижа, что глубоко задело юного Юлия. Он знал славное прошлое своей семьи, и их нынешнее положение глубоко его затронуло. Это могло привести его к тому, чтобы стать депрессивным и замкнутым человеком. Однако он решил подняться в политике и обществе, чтобы вернуть себе законное место. Социальная 2 — это преобразователь своей среды. Как и тип Е, они верят, что знают, как должны быть устроены вещи, и обладают реформистским духом. Столкнувшись с катастрофой падения своей семьи, вместо того чтобы впасть в отчаяние, он использовал свою гордость как движущую силу, чтобы подняться и отомстить за унижения, которые перенёс.

Потомок знаменитой семьи Юлиев, скромного экономического положения, но аристократического происхождения, он был связан с некоторыми из самых влиятельных людей своего времени. Историк Тацит сравнивал его мать с Корнелией, матерью Гракхов, основываясь на её уме, чистоте нравов и благородном характере. Проблема была в том, что его отец участвовал в гражданской войне на стороне проигравших, и семья была лишена большей части своей власти и влияния.

Как и Наполеон, Юлий Цезарь происходил из семьи с некоторым престижем, но потерявшей статус. Он пережил это как позор или унижение, и в то же время это стало движущей силой для преодоления неудачи. Подобным образом он рано потерял отца, и его мать сыграла большую роль как в его воспитании, так и в его высоких амбициях, которые вскоре стали очевидны.

В шестнадцать лет он стал главой семьи. Однако без денег и обесчещенный, единственным способом вернуть честь было вступление в армию. Чтобы достичь славы в римском обществе, ему нужно было отличиться на поле боя. Поэтому в возрасте девятнадцати лет он участвовал в различных кампаниях, где столкнулся со смертью. Он начал как простой солдат и за десятилетие начал подниматься по служебной лестнице. Что делало его особенным, так это готовность бросаться в бой без колебаний, принимая на себя большой личный риск. Социальная 2 не учитывает возможные последствия или негативные аспекты реальности, когда ослеплена целью. Присутствует даже соревновательность с самим собой, и стремление бросить вызов смерти огромно — будь то на войне, через излишества или пренебрежение.

Рим стал ведущей державой Средиземноморья, радикально расширив свою территорию, отчасти благодаря двум миллионам рабов, строивших дороги к новым территориям, пока не появился Спартак, намеревавшийся освободить рабов и отомстить Риму. Когда мятежник был у ворот Рима, Красс возглавил армию, и Юлий Цезарь воспользовался возможностью продемонстрировать свои стратегические и решительные способности, предложив, как перейти в наступление и свергнуть Спартака. Он знал, что если его план провалится, Рим будет разрушен, но он доверял себе. Он пошёл на этот риск не только ради власти, но и чтобы защитить всё, что любил. После последней резни им удалось победить рабов, и Красс решил распять шесть тысяч выживших. Цезарь критиковал это, считая более эффективным использовать их как рабочую силу в городах и пушечное мясо в битвах.

Параллель с Наполеоном интересна: он также воспользовался решающим моментом во время восстания в Париже, чтобы предложить стратегию, которая достигла цели и способствовала его возвышению и признанию со стороны начальства. Мы также видим, как в сознании Цезаря быстро возникла возможность использовать рабов — не как акт щедрости или доброжелательности, а из чистой практичности.

Цезарь отправился в Азию, чтобы сражаться в Милете. Некоторое время он работал адвокатом, прославившись своим тщательным красноречием — общей чертой Социальной 2, которая способна сплотить и взволновать толпу, соблазняя её тщательно продуманной речью, богатой образами и адаптированной к каждой аудитории. В 73 году до н. э. он сменил своего дядю Гая Аврелия Котту на посту понтифика. Три года спустя, в 70 году до н. э., Цезарь был назначен квестором в Испании и эдилом в Риме. В последующие годы он продолжал подниматься. Он был избран городским претором и верховным понтификом после смерти Суллы, получив доступ к значительной религиозной должности в благочестивой жизни Рима.

Несмотря на этот успех, Цезарь решил отправиться на Родос для дальнейшего образования, изучая философию и риторику у Молона, считавшегося лучшим грамматиком своего времени. Социальная 2 любит консультироваться с признанными фигурами в своей области, будучи элитарной и искушённой во всём, что потребляет.

Однако он не достиг своей цели, так как был похищен пиратами в Фармакусе. Когда они потребовали выкуп в двадцать талантов, он рассмеялся и предложил им попросить пятьдесят. В этом эпизоде Цезарь продемонстрировал свою способность сохранять спокойствие, свою дерзость и умение быть невыносимым. Ожидая, он сочинял речи, которые заставлял слушать пиратов, называя их невеждами и варварами, когда они не аплодировали, угрожая им в ответ. Здесь очевидны бравада и чрезмерная самоуверенность: Социальная 2 настолько убеждена в возвышенности того, что говорит, что не понимает, почему кто-то может этого не ценить. Через тридцать восемь дней выкуп прибыл, и первым делом Цезарь организовал флот, чтобы захватить пиратов, которых приказал распять. В жесте «сострадания» он позволил сначала обезглавить их. Социальная 2 называет месть «справедливостью», когда это необходимо, явно или неявно, когда они чувствуют себя уязвлёнными, униженными или оскорблёнными. В его жесте по отношению к пиратам мы видим великодушие, которое он проявляет к своим врагам.

В Риме не было императора или царя; им управляли Сенат и консул, который командовал вооружёнными силами и обладал наибольшей властью. Красс и Помпей боролись за эту должность, каждый приписывая себе заслуги за поражение Спартака. Цезарь упустил возможность славы, но был рад вернуться домой к своей жене Корнелии и единственной дочери Юлии.

Ещё одной причиной разногласий было то, что Помпей намеревался распределить землю среди солдат в награду за их усилия и верность, но Красс был против, и Сенат встал на его сторону. Цезарь видит, что эта ситуация неблагоприятна для него, и он оказывается в центре бесконечного спора, что усложняет жизнь в Риме и мешает его развитию. Он не хочет закончить как его отец, поэтому начинает планировать, как избежать оказаться на проигравшей стороне. Социальная 2 склонна отдавать предпочтение переговорам перед прямым противостоянием, предпочитая трансформацию разрыву. Для этого он будет манипулировать, соблазнять и находить способы разрешить конфликт всегда в пользу своих интересов.

Ему тридцать лет, когда его жена Корнелия умирает. Вскоре после этого Цезарь теряет свою тётю Юлию, к которой был очень близок. Вопреки обычаям того времени, он организует похороны обеих публично и, чтобы бросить вызов своему врагу Сулле, выставляет на похоронах изображения своих родственников, которые считались вне закона. Этот вызов был высоко оценён плебеями. Здесь мы видим бунтарство и нарушение границ, которое Социальная 2 совершает с невинной дерзостью, несмотря на традиции или правовые императивы, привлекая симпатию обездоленных и принимая на себя защиту справедливых дел, когда их никто не просит.

Красс и Помпей остаются на своих позициях, и Цезарю нужна их поддержка и деньги, поскольку у него ещё нет богатства. Поэтому он придумывает план, который, хотя кажется невозможным, окажется блестящим. Если он провалится, он потеряет всё, но если преуспеет, это будет его шансом на возвышение в Республике.

Он собирает их обоих и льстит им, предлагая им решение: если они поддержат его в избрании консулом, они будут держать власть в тени. Коррупция и отсутствие принципов становятся очевидными. Чтобы завоевать доверие Помпея, Цезарь предлагает ему руку своей дочери Юлии. Хотя это могло быть обычаем того времени, Цезарь не проявляет колебаний, когда дело касается достижения его целей. Наконец, в 59 году до н. э. он избран консулом, образуя так называемый Первый триумвират с Крассом и Помпеем.

Ему удаётся провести несколько законов. Один из них восстанавливает верность армии Цезарю: его аграрный закон регулирует распределение земли среди ветеранов. Однако утверждение этих законов было нелёгким; Сенат не поддерживал многие из них. Столкнувшись с этой оппозицией, Цезарь решает проблему, используя головорезов для запугивания сенаторов, выступающих против его предложений, утверждая, что те, кто не поддерживает его инициативы, не служат Риму. Он навязывает себя, но его образ меняется, и его начинают видеть как человека настолько амбициозного, что он не откажется ни от какого метода, чтобы получить желаемое.

Социальная 2 может прибегать к лжи, уловкам, маскам и даже неэтичному поведению для достижения своих целей — хотя внутренне они сотрут или переинтерпретируют это так, чтобы казаться оправданными. Фраза «цель оправдывает средства» применима к нему. С другой стороны, хотя может казаться, что он делает это для защиты группы, и, вероятно, часть этого правда, также верно и то, что его конечный интерес — иметь контроль, осуществлять власть и обрести славу.

Цезарь увеличивает своё состояние; он становится могущественным и экстравагантным человеком, знаменитым своими праздниками; его девиз: «Carpe diem». На одном из таких празднеств он встречается Сервилию, которая станет его любовницей на долгие годы. Она умна, так же амбициозна, как и он, и поддерживает множество разнообразных контактов с влиятельными людьми того времени, чем Цезарь воспользуется. На протяжении жизни она будет его союзницей, но всегда в пользу своих собственных интересов и интересов своего сына Брута. Даже в отношениях у Социальной 2 часто есть дополнительный интерес, и они используют другого, хотя в данном случае это взаимно.

Помимо завоевателя территорий, Цезарь ненасытен в сексе. У него даже было четыре жены, и, будучи молодым, в то время было не необычно иметь отношения с людьми обоих полов, и Цезарь так и делает. Он также не исключает женщин из числа своих коллег-сенаторов и аристократов, что приносит ему множество врагов и обид.

Цезарь начинает терять популярность в Сенате, поэтому его два союзника решают сместить его с поста консула. Он в отчаянии, думая, что пост консула был первым шагом, а не последним. Он придумывает новую кампанию: он отправится в провинции, чтобы завоевать новые территории и одержать новую победу, тем самым спасая свою политическую карьеру. Он решает отправиться в Галлию, которая считается угрозой Риму; если ему удастся её завоевать, его будут считать героем.

Однако этот манёвр не одобряется Сенатом, поэтому если он провалится, его сочтут предателем и приговорят к смерти. Но одного лишь представления об образе, который он создаст в глазах народа в случае успеха, достаточно, чтобы мотивировать Социальную 2 начать любой проект.

В истории Социальной 2 часто можно увидеть одну или несколько неудач, но также и возрождение, подпитываемое их решимостью и высокой самоуверенностью. Многие из проектов, которые они начинают, могут казаться просто фантазиями величия, но для Социальной 2 не редкость воплощать их в реальность, что подтверждает их чувство всемогущества. В то же время мы снова видим бунтарство и дерзость Цезаря, нарушающего установленную норму, подчёркивая его амбиции. Ни Сенат, ни законы, ни возможная собственная смерть не остановят его.

Он назначен проконсулом Галлии, где ведёт себя настолько агрессивно, что подвергает кельтские племена почти полному истреблению. Цезарь — прежде всего стратег и умеет использовать свои достижения как одну из первых форм пропаганды. Когда он начинает завоёвывать территории, он отправляет письма в Рим, написанные в третьем лице, чтобы казаться более объективными и нейтральными. Они предназначены

для того, чтобы народ читал их и чтобы его слава росла, представляя его героем, завоёвывающим новые земли. Вдохновлённые его подвигами, другие солдаты просятся в его войска. Одним из них будет Марк Антоний, который начинает свою военную карьеру и вскоре получит признание Цезаря.

Социальный имидж имеет фундаментальное значение для Социальной 2, и в этом случае Цезарь удивительным образом становится собственным военным корреспондентом. Это позволяет ему психологически влиять на народ и представлять себя героем, любимым и восхищаемым, оставаясь на виду у публики с рассказами о своих подвигах, даже находясь за тысячи миль. Наполеон делал то же самое; удивительно, что Юлий Цезарь жил почти на две тысячи лет раньше, что делает это абсолютно инновационным и творческим.

Его владения расширяются на Францию, Бельгию, Голландию и части Германии. Он был первым римским полководцем, проникшим на неизведанные территории Британии и Германии. Снова мы видим тип лидерства, который опирается не только на достижение общих целей, но и на то, как заручиться поддержкой других. В случае Цезаря верность его людей не вызывает сомнений, и они последуют за ним на край света.

В Риме Красс и Помпей начинают беспокоиться о славе и богатстве, которое он накапливает, и сожалеют, что отправили его туда. Теперь он стал могущественнее и влиятельнее их. Красс отправляется на Ближний Восток в поисках славы, но находит там смерть из-за своей алчности. Помпей пользуется ситуацией и назначает себя консулом Рима, что приводит к концу триумvirата.

В войне против галлов можно увидеть жестокость Цезаря, когда в один из моментов Верцингеторикс позволяет двадцати тысячам женщин и детей покинуть крепость. Цезарь не проявляет пощады и позволяет им умереть от голода. Он находится в Галлии уже шесть лет и теперь сталкивается с Верцингеториксом при Алезии, которому удалось объединить почти все галльские племена. В этом решающем сражении Цезарь ставит на карту всё. Если он преуспеет, он станет величайшим завоевателем в глазах римлян.

Верцингеторикс сдаётся, просит пощады для своих людей и вручает свой меч. Цезарь держит его в плену пять лет, в конце концов задушив его во время триумфального шествия по улицам Рима. Цезарь одержал больше чем победу; он завоевал всю Галлию. Эта победа расширяет границы Рима до Атлантического океана, делая их правителями того, что мы сейчас знаем как Европу. Цезарь хочет только одного: вернуться в Рим, чтобы его приветствовали и он взял власть без сопротивления. В кажущемся акте щедрости он отправляет золото и сокровища, чтобы римский народ праздновал его триумф: банкеты, гладиаторские бои и празднества пленяют римлян, делая Цезаря самым популярным и могущественным человеком в Риме.

До нас дошли только скульптуры Юлия Цезаря, сделанные при его жизни, вероятно потому, что после его падения они были уничтожены. Однако, учитывая его характер, какой образ он хотел передать о себе? В свете одного из немногих сохранившихся бюстов, он не стремился показаться красивым или молодым. Он демонстрирует зрелость, озабоченность и нахмуренный лоб, как будто хочет передать, как много он работает для Рима и народа и насколько важны стоящие перед ним задачи.

Его лицо на монетах должно было производить впечатление, так как раньше так делали только с некоторыми умершими царями. Цезарь как Социальная 2 был первопроходцем, и это также было верно в этом отношении: он был первым на Западе, кто поместил своё лицо на деньги, так что в любой экономической сделке он присутствовал. Для сильных мира сего это должно было казаться высокомерием; но народ любил эти жесты Цезаря, потому что они заставляли думать, что он был чужд римской элите.

Зрелища Цезаря были самыми грандиозными. Однажды он устроил банкет на двадцать две тысячи столов с изысканной и дорогой рыбой, что делало его особенно щедрым в глазах народа. Цезарь умел использовать эти зрелища, чтобы завоевать любовь народа (или приручить зверей).

Кажется, он был тщеславен в отношении своего образа. Например, в то время лысина не приветствовалась, и Цезарь делал всё возможное, чтобы скрыть её, включая ношение лаврового венка, который, помимо того что был символом власти, также скрывал его редующие волосы.

Помпей видел всю эту популярность как угрозу, поскольку Цезарь был влиятельнее самого Сената. Он решил избавиться от него, очерняя его. Он потребовал, чтобы его схватили и привлекли к суду. Другие сенаторы, также опасавшиеся, что Цезарь становится слишком могущественным, поддержали его. Среди них был Брут. Сын Сервилии, он вырос, восхищаясь Цезарем, но его мать, заботившаяся только о своей выгоде, подтолкнула его противостоять своему любовнику, считая, что сторона Помпея — выигрышная.

Юлия, единственная дочь и наследница Цезаря, умерла при родах. Это оставило его одиноким в мире и перед выбором: либо принять оскорбления и осуждение Сената, либо войти в Рим со своими войсками. Он решил снова рискнуть всем и в январе 49 года до н. э. пересёк Рубикон — границу между Галлией и Италией, начав гражданскую войну. Он не собирался позволять кому-либо приказывать ему или отнимать всё, что он считал своим. Пересечение Рубикона стало решающим моментом карьеры Цезаря; пути назад не было.

Социальная 2 либо оставляет семью в стороне, либо у неё её нет. Это одиночество позволило ему погрузиться в свою навязчивую амбицию без помех или эмоциональных связей, которые нужно было поддерживать. Цезарь позаботится о семье только позже, с целью оставить своё наследие преемнику.

Это был решающий момент для него, поскольку он противостоял политическому классу, чтобы окончательно взять власть. Социальная 2 узурпирует роль отца в семье происхождения, и это переносится на другие отношения с авторитетом и властью. Этот факт настолько решителен, что породил популярную поговорку: «Перейти Рубикон» означает пойти на высокий риск и пройти точку невозврата. Эти дерзости характерны для этого характера, который рискует границами, что может привести к тяжёлым и болезненным неудачам. «*Alca iacta est*» — воскликнул Цезарь в тот решающий момент («Жребий брошен»). Ещё один узнаваемый аспект Социальной 2 — это вера в свою удачу; чего они достигают, переставая думать и позволяя себе быть увлечёнными эмоцией момента.

Сенат приходит в страх и готов уступить, но Помпей предлагает оставить Рим, оставив город без правительства, чтобы собрать свои армии в Греции. План состоит в том, чтобы собрать войска, разбросанные по Азии, для борьбы с верными Цезарю силами. Город погружается в хаос. Помпей хочет, чтобы Цезарь пришёл туда, но Цезарь опережает его и идёт за ним, чтобы помешать ему объединить армии. Для этого он заставляет свои войска, которые находятся на 300 километров впереди, с его неиссякаемой энергией.

Помпей бежит, но Цезарь не сдаётся и заставляет своих солдат строить флот. Несмотря на численное превосходство, у Цезаря больше опыта и мастерства, так как он годами водил свои войска. Бывшие друзья встречаются, чтобы попытаться достичь соглашения, которое предполагает, что Цезарь сдастся и предстанет перед судом. В этот момент Марк Антоний сумел достичь греческого побережья и увеличить войска Цезаря, что меняет ситуацию. Победитель будет считаться величайшим полководцем Рима и поведёт то, чему суждено стать самой могущественной империей в мире.

Мы ясно видим одну из характеристик лидерства, которое Социальная 2 осуществляет в отношениях Цезаря с его армией, похожую на отношения Наполеона со своей: абсолютную верность его людей. Они чувствовали, что он один из них. Он ел, спал, насиловал и убивал так же, как они. Он шёл на те же риски; он заставлял их чувствовать себя важными. Обычно находясь рядом с победителем, они были счастливы быть частью его побед. Их доверие и преданность Цезарю были, следовательно, бесспорными. Социальная 2 сосредотачивается на человеке и передаёт инклюзивное видение, чтобы его последователи чувствовали себя частью чего-то большего. Взамен он просит абсолютной верности и слепого доверия к его целям.

После поражения Помпей бежит в Александрию, а Брут попадает в плен. Цезарь приказывает своим людям не причинять ему вреда, считая его как сына и желая видеть его на своей стороне. Более того, так он защищает как интересы Сервилии, так и свои собственные, поскольку для него важно, чтобы Брут, член римской знати, поддерживал его.

Цезарь отправляет Марка Антония в Рим, чтобы контролировать город. Он прежде всего солдат и никому больше не доверяет. Он направляется вслед за Помпеем в Египет, один из богатейших регионов всего

Средиземноморья, верный Риму.

Птолемей — молодой фараон, правящий раздробленным и мятежным Египтом. Он должен был править совместно со своей сестрой Клеопатрой, но они находятся в состоянии войны. Помпей призывает Птолемея поддержать его, но царь не до конца убеждён. Когда прибывает Цезарь, египетский царь преподносит ему отрубленную голову Помпея в качестве подарка. Цезарь возмущён этим поступком и отвергает его, видя в этом недостойную и унижительную участь. Когда Птолемей пытается получить свой долг, Цезарь отказывается и его задерживают, пока он не передумает.

Для Социальной 2 победа должна быть ясной, признанной и выглядеть максимально альтруистичной. Он не только горд, но и хочет сталкиваться с людьми, достойными его, что возвышает его подвиг. Поступок Птолемея кажется унижительным не только для Помпея, которым он восхищается как враг, но и для самого Цезаря, поскольку это мешает его победе быть увиденной с честью.

Рим остаётся без правительства, и ощущается нехватка продовольствия. С населением более миллиона человек поставки не поступают, и нет администрации, способной регулировать жизнь города. Марк Антоний — хороший солдат, но ужасный регент. Ему не хватает амбиций и способностей управлять столицей. Он не может сдерживать народ и способен думать только о нападении на гражданских, чтобы контролировать их. Рим охвачен беспрецедентным хаосом.

Когда он возвращается, Цезарь упрекает Марка Антония за обращение с народом и его некомпетентность в своё отсутствие. Это должно было стать большим разочарованием, поскольку Социальная 2 видит своих соратников как продолжение себя, хотя они умеют прощать ошибки и возвращать доверие тех, кто проявляет верность и послушание.

В Египте Цезарь остаётся в заточении и не может бежать, пока на сцену не выходит женщина, которая перевернёт его жизнь всякий раз, когда появляется: Клеопатра. Другая Социальная 2. Хотя это может казаться сексуальным, всё, что она делает, отвечает её жажде власти. Она интеллектуальна, очень амбициозна и крайне мотивирована обладанием властью. Союз с Цезарем, как она считает, укрепляет её позицию в войне против брата Птолемея. Таким образом, они используют друг друга; это отношения интереса, где оба думают, что другой — надёжная ставка.

В 47 году до н. э. Цезарь с Клеопатрой у своих ног берёт город Александрию, и она получает власть. Римлянин, впечатлённый её амбициями и харизмой, хочет остаться в Египте. Она также пытается убедить его, что именно рядом с ней он может стать настоящим царём. Однако в Риме конфликты продолжаются из-за некомпетентности Марка Антония, поэтому ему в итоге приходится уехать, чтобы самому разрешить беспорядок. Социальная 2 делегирует только если не видит другого выхода, и в большинстве случаев разочаровывается, что только укрепляет их убеждение, что только они могут делать всё правильно.

Юлию Цезарю около пятидесяти лет, почти старик по тем временам. Его здоровье ухудшается, и его беспорядочные сексуальные связи вызывают у него болезни. Он часто страдает от головных болей, обмороков, и хотя никто не знает, кроме Марка Антония и, возможно, некоторых его генералов, он страдает эпилепсией, которую в то время называли «болезнью богов» или «падучей болезнью». Это заставляет его осознать, что он не может контролировать всё и что он не непобедим.

Несмотря на усиливающееся присутствие болезни, из-за стресса, с которым он сталкивается, беспрецедентная власть, которой он теперь обладает, побуждает его сделать Рим сильнее и более единым. Он восстановил порядок в Сенате и городе, и его следующим шагом будет превращение республики в то, о чём он всегда мечтал, — империю.

Соккрытие своей болезни характерно для этого подтипа, который терпит её до тех пор, пока она не ухудшается до такой степени, что ему не остаётся выбора, кроме как обратиться за медицинской помощью или принять какие-то меры заботы. Символично, что болезнь Цезаря называют «падучей болезнью», как будто ничто не может сломить этого персонажа, кроме его собственного тела. Что касается «болезни богов», она

только укрепляет образ Цезаря.

Прошло двенадцать лет с тех пор, как он покинул Рим, и теперь он возвращается, чтобы попытаться вернуть расположение народа, несмотря на то как Марк Антоний обращался с ним. Теперь ему нужно реорганизовать правительство, которое обратилось против него. Сенаторы ожидают, что он отомстит им, казнив их. К всеобщему удивлению, Цезарь запускает новую стратегию, проявляя великодушие, возможно, даже наивно. Но это всего лишь стратегия, поддерживаемая его собственным нарциссизмом: он дарует амнистию всем и прощает их, несмотря на их предательство.

Для социального типа типично показывать в ответ на ошибку другого спектр от снисходительности до великодушия. Это милосердие, которое может предложить только тот, кто чувствует себя могущественным. Прощая им жизнь, он укрепляет свои союзы и своё дело, но прощение имеет свою цену. Цезарь провозглашает себя диктатором на десять лет. Это должность абсолютной власти, которая была приемлема для римлян только в чрезвычайных ситуациях и на шесть месяцев. Теперь он неприкасаем и обладает всей властью, что само по себе противоречит тому, что представляют собой Республика и её Конституция.

Это не первый раз, когда мы видим в биографии Цезаря, а также у людей его характера, что они испытывают и удачу, и границы установленного или терпимого другими, чтобы увидеть, как далеко они могут зайти. Под этим скрывается желание, даже скрытое от него самого, чтобы кто-то остановил его бесконечную карьеру.

Цезарь знает, что нужно делать, и социальный тип всегда знает, и теперь ничто не мешает ему. Первым делом он завоёвывает народ, который умирает от голода. Он даёт им зерно и организует игры, каких никто никогда не видел, используя их как средство влияния на общественное мнение. «Хлеба и зрелищ» — так рождается способ успокоить недовольство. Цезарь наконец достигает того, к чему всегда стремился: любви римского народа, который теперь видит в нём великодушного лидера.

Как хороший социальный тип, его действия направлены как на подтверждение его собственного раздутого образа, так и на удовлетворение потребностей группы, представляя себя единственным, кто понимает их, любит и может решить их проблемы. Он первый, кто использует навыки, которые кажутся врождёнными для этого характера; он умеет использовать маркетинг в своих интересах. Он интуитивно угадывает потребности группы и в то же время понимает, как достучаться до их сердец через эмоциональную речь, полную фантастических идей и ярких образов, произнесённую с пылом и интенсивностью, результатом его жизненной силы, которая соблазняет и окутывает аудиторию.

Сенат принимает его условия, но ему нужно больше союзников, поэтому он пытается завоевать молодых, среди которых Брут. Цезарь пытается привлечь его и оказывает ему привилегированное отношение не только из-за отношений с его матерью и с ним в прошлом, но, что более важно, потому что может использовать его в своих интересах. Брут — человек, которого уважает Сенат, и он представляет самые традиционные ценности Республики; в то же время молодой человек чувствует себя обязанным Цезарю за его предательство. Цезарь льстит ему своим доверием и назначает его губернатором; мало-помалу он видит в нём замену сына. У социального типа всегда есть скрытый мотив в их отношениях.

Затем Цезарь начинает серию реформ, которые изменяют город и правительство. Многие жители Рима не имели работы. Чтобы решить эту ситуацию, Цезарь приказывает строить храмы, библиотеки и гавань; он хочет принести пользу как народу, так и знати. Из-за хаоса, вызванного неточным календарём, который приносил им циклические проблемы, он вводит новый календарь, основанный на солнечном году, который будет применяться по всей империи и сохранился до наших дней. Другое неожиданное и радикальное нововведение — предоставление римского гражданства народу Галлии. Это попытка предотвратить восстание, но также признак более широкого взгляда на завоёванные территории.

Сенат воспринимает это предложение как посягательство на Рим, но на самом деле это очень хитрая стратегия держать галлов под контролем. Он провидец, смесь идеалиста и хвастуна, который иногда достигает невозможного. Всё в нём — чистая стратегия, направленная на контроль и управление нитями, обогащение и

увеличение его славы. Но в то же время он революционер, патриарх, который наслаждается угождением своему народу и увеличением их общего благосостояния. Тирана в образе ягнёнка, который хочет доминировать над другими народами, будучи также принятым и любимым ими.

Нечто внезапное снова изменит судьбу Цезаря: неожиданное прибытие в Рим Клеопатры с Цезарионом, их ребёнком. Это укрепит мечты Цезаря о создании династии, разрушит надежду Брута стать его преемником и станет его смертным приговором.

Социальный тип идеализирует себя также и в своих целях. Они неутомимы и не знают, когда остановиться, превышая предел своих сил и того, что приемлемо в системе. Это страстное стремление неизбежно перерастает в всё более бредовые амбиции.

В 45 году до н. э. Юлий Цезарь начинает фантазировать о возможности того, что Римом будет править одна семья — его. Его бред величия теперь необуздан и неостановим. Он начинает устанавливать статуи в свою честь, размещая их рядом со статуями богов, строит здания от имени своей семьи, начинает носить пурпурную тогу, которая когда-то была зарезервирована для царей, и объявляет свой день рождения официальным праздником. Всё, что он делает, отмечено высокомерием и мегаломанией. Сенат возмущён, когда он пытается провозгласить себя пожизненным диктатором.

Именно тогда некоторые сенаторы начинают заговор, как покончить с ним. Цезарь в отчаянном и в то же время дерзком шаге решает завоевать Парфию. Новая победа не только принесла бы дань римскому народу, но и удовлетворила бы его потребность в завоеваниях. Его военный проект вызывает быструю и решительную реакцию. Опасаясь, что он восторжествует и коронует себя царём Рима, они замышляют убить его.

За несколько дней до его отъезда его вызывают на собрание. Они ждут, пока Цезарь войдёт в Сенат, где внезапно несколько друзей и коллег окружают его, нанося двадцать три удара кинжалом. Среди его убийц — Брут. Ему приписывают знаменитую фразу Шекспира, которую Цезарь произносит, увидев его: «И ты, Брут?»

Рим потрясён. Народ оплакивает его и мстит его убийцам. Ситуация в городе выходит из-под контроля, и возникают две фракции: одна под руководством Марка Антония и другая под руководством Брута. Последний терпит поражение и кончает жизнь самоубийством на поле боя. Марк Антоний бежит в Египет и женится на Клеопатре, вместе с которой вскоре совершит самоубийство. Цезарион будет убит в семнадцать лет. Со смертью Цезаря и после лет насилия Октавиан, его племянник, становится первым императором Рима, правящим сорок лет.

Цезарь в итоге достиг своей цели — свергнуть Республику и установить династию Цезарей. Этот архитектор современного мира, одержимый властью и господством, не учёл, что, возможно, его мечта разделялась не всеми. Его изменения произошли слишком быстро для некоторых, и его благие намерения были скорее результатом его личных амбиций, чем идеала, который он продавал себе. Но после него ничто уже не было прежним.

Цитаты Юлия Цезаря, отражающие характер Социальной 2:

- «Я бы предпочёл быть первым в деревне, чем вторым в Риме».
- «Это высокомерие только если я терплю неудачу».
- «Позвольте мне бежать, и я буду сражаться с вещами, которые все считают невозможными».
- «Если я терплю неудачу, это просто потому, что у меня слишком много гордости и амбиций».
- «Как правило, люди верят в то, во что хотят верить».
- «Пришёл, увидел, победил».
- «Если ты должен нарушить закон, сделай это, чтобы захватить власть. Если нет — соблюдай его».
- «Люди склонны верить в то, что им удобно».
- «Таков закон войны: победители обращаются с побеждёнными по своему усмотрению».
- «Труссы умирают много раз до своей смерти... храбрые даже не испытывают смерти».
- «Нет ничего настолько трудного, что я не мог бы достичь этого силой».

XV. Кинематографические и литературные примеры

Литературный пример: Люсьен Рюбампре из романа «Утраченные иллюзии» Оноре де Бальзака

«Утраченные иллюзии» — роман Оноре де Бальзака, опубликованный в трёх частях между 1837 и 1843 годами. Бальзак затрагивает тему, глубоко связанную с его собственным жизненным опытом: его сложные отношения с буржуазным обществом своего времени. Смешивая автобиографию и социологическое исследование, баланс между философией и анализом страстей, реализм и провидческое воображение, он рассказывает историю Люсьена — провинциального поэта с большими литературными амбициями.

Описание

«Утраченные иллюзии» относятся к иллюзиям Люсьена, молодого человека, сталкивающегося с трудностями самоутверждения на пути в литературный мир в поисках будущего. Это также утраченные иллюзии его семьи относительно него. Люсьен известен своей красотой и талантом, но он молодой человек без силы воли, праздный, слабый, эгоистичный и бессознательный. Продукт своего времени, ему не хватает воли противостоять всепоглощающему и безжалостному парижскому обществу видимости и удовольствий.

Подающий надежды писатель, постоянно ищущий любви и счастья, является романтиком, неспособным видеть тень в людях и обществе, бессознательно участвуя как жертвенное животное в искусстве угнетения. Роман повествует о его экзистенциальной неудаче, иллюзиях, которым суждено разбиться, слабостях провинциала, становящегося антигероем. Разочарования Люсьена усугубляются двумя зеркалами, двумя добродетельными ловушками: семьёй и кругом истинно великих людей, интеллектуалов той эпохи, к которому Люсьен принадлежит, по крайней мере на ранних этапах своей жизни.

Сюжет романа

Представленный в высшем обществе Ангулема, Люсьен быстро завоёвывает всех своей грацией и обходительностью. Мужчины и женщины очарованы его красотой и талантом. Ещё молодым, он отправляется в Париж со своей наставницей, пожилой замужней женщиной, чтобы завоевать успех. Эта платоническая любовь становится началом многих иллюзий, которые в итоге приведут к падению Люсьена. Прибыв в столицу, он пытается опубликовать свои стихи без успеха и уходит в журналистику.

Молодой герцог замечает признаки глубокого лекарственного воздействия на Люсьена и не ошибается, полагая, что может угадать причину. Люсьену, амбициозному, но не обладающему постоянной волей, показывают политический горизонт так же, как журналисты показали его, с высоты Храма, как дьявол показывал Иисусу литературный мир и его богатства.

Люсьен встречается Д'Артеза, либерального философа, который знакомит его с кругом, состоящим из молодых людей с разными политическими взглядами, занятиями и социальным происхождением, но разделяющих хорошую дружбу и посвятивших себя аскетической жизни в служении искусству или науке. Люсьен некоторое время посещает круг, но слишком нетерпелив, чтобы создать великое литературное произведение. Он стремится к деньгам, чтобы искупить себя в глазах семьи. Прежде всего он жаждет лёгкого успеха. Он хочет славы, чувствовать себя героем, и, захваченный водоворотом роскошной жизни, забывает все этические принципы и попадает в ловушки соревновательности.

Отмечается, что определённые темпераменты, действительно поэтические, но со слабой волей, сосредоточенные на чувствовании, чтобы выражать свои ощущения в образах, по существу лишены нравственного чувства, которое должно сопровождать всякое наблюдение. Поэты предпочитают сами получать впечатления, а не проникать в других, чтобы изучать механизм чувств.

Его душа, сердце и ум также претерпели трансформацию: он больше не думал ставить под сомнение средства ввиду таких превосходных результатов. Он понимает, что «пресса и интеллект были, следовательно, средствами современного общества». Он входит в журналистику и убеждается, что может ориентироваться в этом интересном и доходном мире, следуя гораздо более лёгкому пути, чем путь поэта. Он привыкает к этому маленькому миру, к соревновательным процедурам, которые его характеризуют, и к стратегическим способам плетения отношений. Он видит во всём этом возможность выделиться своим умом и предполагаемой хитростью.

Его грандиозные амбиции — заработать деньги и войти в историю — приведут его к краху.

Разговор с его редактором

— «Да, — ответил Дориа, — я прочитал вашу статью. И, разумеется, в ваших же интересах я отвергаю "Маргаритки"!»

— «Да, сударь, — сказал Люсьен, — я смогу предоставить вам через полгода больше денег за статьи, которые у меня попросят, чем за ваши непродаваемые стихи!»

— «А слава?» — воскликнул Люсьен.

Он чувствует себя художником и главным героем, хотя он всего лишь пешка в системе. Люсьен начинает подписывать свои статьи псевдонимом Рюампре (аристократическая фамилия его матери), питая глубокое желание приобрести дворянский титул.

Осознание своей силы и мощи превосходило его внешность, освещённую любовью и опытом. Наконец он мог смотреть в лицо литературному миру и высшему обществу, веря, что может двигаться в них с видом завоевателя.

Он влюбляется в молодую актрису Корали и начинает вести роскошную жизнь. Его амбиции побуждают его заинтересоваться политикой, перейдя из либеральной газеты, где он писал, в роялистскую.

Люсьен отказывается думать о завтрашнем дне. Он видит, с другой стороны, что его предполагаемые друзья ведут себя так же, живут за счёт прибыльных памфлетов от издателей и платежей за определённые статьи, необходимые для поддержки рискованных операций, пожирая всё и не беспокоясь о будущем. Оказавшись в равной мере допущенным в мир журналистики и литературы, Люсьен осознаёт огромные трудности, которые ему придётся преодолеть, чтобы подняться: в то время как все согласны быть ему равными, никто не хочет видеть его выше себя. Постепенно он отказывается от литературной славы, полагая, что политический успех будет достигнут легче.

Чувствительный к лести, Люсьен меняет политическую партию и начинает писать статьи в защиту правительства. Его цель — вернуть дворянский титул Рюампре, который когда-то принадлежал его матери.

Графиня де Монкорне льстит ему, одновременно обучая правилам игры: «Говорят, вы так же красивы, как и умны, и они не могут дождаться встречи с вами...» «...Но вы найдёте только одного человека из тысячи, сочетающего такой талант с такой удивительной способностью адаптироваться...»

Луиза хотела получить королевский указ, позволяющий ему носить фамилию и титул Рюампре. Она хотела похоронить Шардона. «Вы можете считать эти идеи просто видениями и фантазиями, но мы немного знаем жизнь и знаем, чего стоит титул графа, носимый элегантным и обаятельным молодым человеком. Попробуйте просто объявить здесь, перед молодой английской миллионершей или богатой наследницей: "Месье Шардон" или "Граф де Рюампре", и вы увидите разницу. Реакции будут совсем разными. Даже будь он в долгах, граф нашёл бы открытые сердца, и его красота сияла бы как бриллиант на богатой бархатной подушке».

Соревновательный и льстивый мир журналистики быстро понимает, как Люсьен чувствителен к комплиментам, и ложно восхваляет его за стратегические таланты, сравнивая его завоевания с

Наполеоновскими, чтобы инструментализировать его экономически и политически.

«Наш друг, — продолжал Фино, похлопывая Люсьена по руке, — сделал блестящую карьеру в этом отношении. По правде говоря, Люсьен более талантлив, обладает большим умом и более интеллигентен, чем все те, кто ему завидует, а кроме того, он необыкновенно красив; его бывшие друзья не могут простить ему его успехов и утверждают, что они были просто удачей».

«Разве удача — это не то же самое, что судьба Бонапарта?» — сказал Де Люпо. «Было двадцать генералов, опережавших его, чтобы командовать армиями Италии, точно так же, как сейчас есть сто молодых людей, которые хотели бы войти в дом мадемуазель де Туш».

Люсьен попадает в ловушку, расставленную его коллегами-журналистами, и вскоре проявляет все черты наивного амбициозного человека, включая ложную скромность.

«Ты свободен?» — спросил Мишель.

«Настолько свободен, насколько может быть свободен незаменимый», — ответил Люсьен с ложной скромностью. Убеждённый в своей незаменимости как журналист, он роет себе могилу.

Поэт был убеждён, и не без оснований, что его красота и ум будут переоценены именем и титулом графа де Рюампре. Госпожа д'Эспар, госпожа де Баржтон и госпожа де Монкорне держали его так, как ребёнок держит жука за крылья. Люсьен летал только в определённом кругу.

Падение Люсьена и его иллюзий

Падение Люсьена и ускорение его разочарований проистекают из его наивности в сочетании с фаталистическим взглядом на жизнь. Его смена политической позиции очень плохо воспринимается журналистским миром, к которому он принадлежит. Его старые друзья и знакомые не колеблясь яростно нападают на него, а его новые коллеги не выносят его.

Вскоре Люсьен оказывается полностью дискредитированным в этой сфере, без гроша и в позоре своей семьи.

Люсьен верил в своё будущее, доверяя этим глубоким аксиомам Блонде:

«В конце концов всё уладится». «Ничего не потеряно для тех, у кого ничего нет».

«Нам нечего терять, кроме той удачи, которую мы ждём». «Тот, кто плывёт по течению, всегда куда-то приходит».

«Умный человек, входящий в большой мир, делает своё состояние, когда захочет».

Люсьен опускается: его спутница умирает, он теряет деньги и теряет уважение коллег из круга, либеральных журналистов и правительственных. Он проходит через несколько сожалений, чередующихся с новыми иллюзиями, созданными в попытке оправиться от разочарований. Он возвращается в Ангулем, где встречает свою семью, жалеет снова и снова и обдумывает самоубийство.

Когда его друг Д'Артез пишет Еве, сестре Люсьена, чтобы спросить о нём, она говорит ему:

«Ему не хватает силы воли, и у него нет сил сопротивляться искушениям удовольствия и удовлетворению даже самых маленьких амбиций. Ленивый, как все поэты, он считает себя умелым, потому что избегает трудностей вместо того чтобы преодолевать их. Сегодня у него может быть мужество, завтра он может быть негодяем. Поэтому невозможно хвалить его за смелость или упрекать за трусость. Люсьен — это арфа, струны которой натягиваются и ослабевают в зависимости от атмосферных изменений. Он способен написать хорошую книгу в порыве гнева или счастья и стать равнодушным к успеху после того, как так сильно желал его».

Д'Артез признаёт мир Люсьена как конструкцию его ума: иллюзии, разочарования и сожаления.

«Я считаю периодическое раскаяние большим лицемерием, — торжественно сказал Д'Артез. — Раскаяние в таких случаях — это просто награда, данная за плохие поступки. Раскаяние — это девственность, которую наша душа должна предложить Богу: человек, кающийся дважды, следовательно, является презренным лицемером».

Кинематографический пример

Трумен Капоте

«Капоте»

Режиссёр: Беннетт Миллер Год: 2005

Как типичный представитель Социальной 2, мы видим человека с ухоженной внешностью, элегантного, современного и несколько беззаботного. Он смотрит прямо перед собой и окидывает взглядом тех, кто его слушает. Мы встречаем его на вечеринке в окружении свиты, в открытой, интеллектуальной и авангардной атмосфере. Неизбежно видно сходство с Оскаром Уайльдом, хотя и в другую эпоху. Благодаря своей разнообразной беседе, острому уму и быстрому юмору он находится в центре внимания.

Искренне честный в том, что говорит, он одновременно настолько доступен и игрив, что кто-то чувствует себя привилегированным, находясь в кругу его друзей. Вот его кредо: «Я честен, когда дело касается того, что я пишу. Если это автобиографично или связано со мной — нет. На этом этапе моей жизни я нахожу автобиографические романы действительно скучными».

Он внезапно переключается на другую тему, и его комментарии прямолинейны:

«На днях я обедал с Дж. Б., и он рассказал мне сюжет своей новой книги. Он сказал: "Я просто хочу убедиться, что это не проблемный роман". И я сказал: "Твой роман о чёрном гомосексуалисте, который влюбляется в еврея. Тебе не кажется, что это проблематично?"»

Однажды, читая газету, он натывается на новость о том, что целая семья была жестоко и безжалостно убита в маленьком городке в Канзасе. Трумен, оппортунистичный и проникательный, осознаёт потенциал этой истории. В тот момент, хотя он ещё не знает этого, он создаёт новый литературный жанр: документальный роман.

Капоте поспешно отправляется освещать новость в сопровождении Нелл Харпер, своей лучшей подруги и будущей автора «Убить пересмешника». Он постепенно вступает в эпический проект, который займёт пять лет и завершится его шедевром «Хладнокровное убийство», который сделает Капоте самым известным писателем в США.

Трумен встречается Нелл в поезде в Канзас. Входит молодой чёрный кондуктор и поздравляет его с последним романом. Его друг понимает, из-за слишком приторного комплимента, что Капоте, должно быть, заплатил ему за это. Вместо того чтобы защищаться, он улыбается проникательности подруги. Эта сцена иллюстрирует неустанный поиск признания, для которого чрезмерный социальный тип не колеблясь прибегает к уловкам.

Когда он прибывает в маленький городок, где произошло убийство, Капоте идёт к инспектору по делу в надежде на благосклонное отношение. Однако он быстро понимает, что ни его слава, ни его ухоженная внешность не помогут ему завоевать симпатию или получить информацию, оставляя его без ресурсов. Именно его подруга Нелл завоёвывает доверие местных жителей.

Трумен без колебаний входит в морг и тайно открывает гробы семьи, чтобы увидеть тела. Благодаря своей подруге он разговаривает с девушкой, которая нашла семью мёртвой. С этого момента Трумен начинает формировать союзы, используя свою близость, фамильярность и эмоциональность, создавая доверие к своей

персоне, чтобы то, что кажется случайной беседой, превратилось в поток информации, который он позже запишет. Девушка даже передаёт ему дневник дочери убитой семьи.

С тех пор как он отправляется раскрыть эту историю, Трумен как социальный тип диссоциируется от эмоций, как своих, так и чужих, манипулируя теми, с кем взаимодействует, чтобы выполнить свою цель.

Однажды ночью, вернувшись в отель, он говорит Нелл, что может запоминать 94 процента того, что слышит. Это черта контроля, очень типичная для социального типа (наряду с типичным хвастовством).

В ту же ночь у Трумена происходит телефонный разговор с его партнёром Джеком, и, чувствуя уныние, он говорит ему, что не достигает цели:

«Знаешь, обычная жизнь угасает. Ну, обычная жизнь никогда не была моим коньком. Люди здесь не хотят со мной разговаривать. Им нравятся такие люди, как ты. Они считают меня ужасным».

Его стратегии соблазнения здесь не работают. Он не может понять жителей городка и, следовательно, не может сопереживать им. Его тщательно продуманная внешность неадаптивна в этой среде. Он чувствует себя не на месте и без ресурсов. Он осознаёт, что в некотором смысле терпит неудачу, но перенаправляет свою неспособность, презирая жителей за их чрезмерную нормальность.

Однажды вечером они с Нелл идут на ужин к инспектору, пользуясь тем, что жена инспектора восхищается им как писателем. Капоте демонстрирует своё обаяние, рассказывая голливудские сплетни, а затем переходит к трогательной личной истории о смерти матери и о том, как его отец говорил: «Говори. Расскажи мне что-нибудь. Ты говоришь, чтобы я не развалился». Такие выражения часто слышат Социальные 2, когда их родители отрицают эмоции ребёнка, прося их заботиться о своих собственных.

Закончив рассказ, он холодно и механически переходит к событиям в городке, делая ещё один шаг в своём расследовании: инспектор показывает ему фотографии с места преступления.

Мы видим Трумена в разных сценах, где его характер социального типа снова очевиден. Его поза элегантна и кажется расслабленной. В его жестах и манере рассказывать есть театральность, он знает, как вводить эмоциональные элементы, не будучи подавляющим, чтобы создать эмоциональное воздействие на других. Он знает, что сказать, чтобы заставить другого открыться и довериться ему, создавая ложную интимность. Это один из способов, которым социальный тип предаёт других, так же как был предан сам.

В одной сцене Капоте разговаривает со своим партнёром, который жалуется, что давно его не видел. Трумен обещает совместную поездку на Коста-Брава. Очень типично для этого характера оставлять партнёра в стороне, отдавая приоритет профессиональному миру и ложным, грандиозным обещаниям, которые вряд ли будут выполнены.

Двух убийц арестовали. К тому времени, как их доставляют в окружной суд, Трумен уже завоевал с помощью подарков и лести доверие жены шерифа, что даёт ему доступ в камеру Перри Смита, одного из убийц. Он понимает, что эта история заслуживает большего, чем просто статья, и звонит директору New York Times, убеждая его разрешить ему остаться дольше.

Перри и его сообщник признаны виновными и приговорены к смертной казни, поэтому их переведут в Канзас. К тому времени Трумен уже подружился с Перри и просит его включить его в список посетителей, в то время как он найдёт адвоката для их апелляции. Таким образом, он создаёт долг перед этим человеком, который он рано или поздно взыщет.

В Нью-Йорке Трумен рассказывает журналисту о своей новой книге:

«В этой стране есть два мира: один — тихой, консервативной жизни, а другой — мира преступности и насилия. И эти два мира пересеклись той кровавой ночью». Это как будто он описывает две полярности,

существующие внутри него. Постепенно Трумен осознаёт, что его многое связывает с убийцей, и что иногда просто удача решает, на какой стороне ты окажешься.

На вечеринке Нелл и Джек смеются над своим другом: «Трумен, влюблённый в Трумена», наблюдая, как он рассказывает, разговаривая со всеми. В какой-то момент его грандиозность и хрупкая самооценка снова всплывают:

«Я предназначен для того, чтобы написать эту книгу... Ну, я также хотел бы оставить их в живых, потому что они нужны мне, чтобы рассказать мне, что произошло той ночью...» Джек произносит очень показательную фразу: «Будь осторожен с тем, что ты делаешь, чтобы получить желаемое», предупреждая его о границах, которые он часто пересекает, чтобы удовлетворить свои амбиции.

Трумен подкупает начальника тюрьмы за неограниченный доступ к Смиту и его сообщнику Хикоку. Когда он узнаёт, что Перри объявил голодовку, он, кажется, испытывает жалость, хотя, вероятно, хочет продолжать использовать свою ложную щедрость, создавая долг перед Перри, чтобы получить его историю. Для этого он с любовью кормит его детским питанием.

В этих отношениях он начинает открывать человека, стоящего за убийцей. Трумен продолжает использовать ложную интимность, рассказывая Перри трудную историю из своего детства, чтобы продолжать завоёвывать его доверие. Он даже говорит ему, что в глубине души они не так уж и разные, пытаясь создать горизонтальные и «братские» отношения, повторяющийся аспект в Социальной 2.

Перед уходом из камеры он манипулирует им и устанавливает первую цену за свою «дружбу». Он хочет забрать записные книжки Перри, говоря ему: «Если я уйду отсюда, не поняв, что произошло, остальной мир увидит в тебе монстра, а я этого не хочу». Он сублимирует свои намерения и представляет себя единственным, кому Перри может доверять, чтобы спасти себя от смерти.

У Трумена происходит разговор с Нелл, которая выражает беспокойство по поводу того, как он использует Перри. Она говорит ему, что он не уважает его как личность, и Трумен не только игнорирует это замечание, но и не может видеть ничего за пределами своей цели и того признания, которое она ему даст: «Каждый раз, когда я думаю о том, насколько хорошей будет моя книга, у меня перехватывает дыхание».

Трумен возвращается в камеру, чтобы сказать Перри, что уезжает на некоторое время. Перри говорит ему, что надеется, что книга поможет сократить его срок. Пользуясь его надеждой, Капоте снова пытается заставить его рассказать, что произошло в ночь убийства. Он давит на него с позиции превосходства, аргументируя «услугой», которую он ему оказывает своим присутствием: «У меня есть приглашения в Марокко, Грецию... а я предпочитаю быть здесь с тобой». Он лжёт без малейшего раскаяния и, уходя, снова соблазняет его, показывая ложную и пустую близость: «Я уже скучаю по тебе. Пиши мне каждые пять минут».

Трумен едет на Коста-Брава, где они с Джеком сняли дом. Шон, директор New York Times, звонит ему, в восторге от черновиков «Хладнокровного убийства», которые он прислал. Трумен сожалеет, что не может закончить книгу, пока Перри не расскажет ему точно, что произошло в ночь убийства.

Нелл приезжает к ним, привозя письмо от Перри. Она и Джек молча наблюдают за холодностью, которую Трумен проявляет к жалобам и просьбам Перри. Из одного из его комментариев следует, что убийца и он — две стороны одной медали:

«Это как будто мы с Перри выросли в одном доме, и однажды он вышел через чёрный ход, а я — через парадный».

Вернувшись в Канзас, Трумен продолжает лгать Перри, когда тот просит показать ему книгу, говоря, что он ещё ничего не написал, хотя на самом деле ему нужна только концовка. Это постоянный спектакль одной из специальностей Социальной 2 в предательстве других: ложь.

Трумен возвращается в Нью-Йорк для презентации «Хладнокровного убийства». Поражённый зал слушает, как Трумен рассказывает две главы истории, полной ужасающих образов из-за своего реализма. Когда он заканчивает, он получает тёплые овации. Шон говорит Трумену, что книга не только изменит то, как люди смотрят на его работу, но и то, как другие пишут.

Для социального типа характерно идти на риск, быть новаторским и трансгрессивным, что делает их уникальными и творческими в том, что они делают.

Перри говорит Трумену, что благодаря ему им предоставлена отсрочка казни. В ответ на его нежелание говорить о преступлении Капоте проявляет свою жестокость и раскрывает свои истинные намерения: «Нет ни слова, ни фразы, ни понятия, которое ты мог бы мне объяснить. Единственная причина, по которой я продолжаю сюда приходить, — это ночь убийства; это единственное, что я хочу, чтобы ты мне рассказал. Когда решишь рассказать, дай мне знать. До тех пор я не вернусь».

Перри просит вернуть Трумена. Он зол, потому что видел новости о презентации «Хладнокровного убийства» в Нью-Йорке. Трумен нагло лжёт ему, без малейших угрызений совести, говоря, что то, что пишет Times, — ложь. Затем он снова взывает к их дружбе, и мы не знаем, реальна ли она или он просто снова использует свою стратегию лести:

«Я не мог притворяться твоим другом, потому что правда в том, что я не мог не быть им».

Трумен даёт ему фотографии Перри в детстве, которые его сестра дала ему, когда он навещал её, снова лжёт ему о её чувствах к нему. Перри наконец смягчается и рассказывает ему, что произошло в ту роковую ночь. Изначально они не намеревались никого убивать, но так получилось, и именно он единственный стрелял, убив всех членов семьи. Перри признаётся, что ему глубоко стыдно, но также что он действовал без малейшей пощады, как и Трумен.

Наконец роман закончен, но Трумену нужна казнь, которая всё продолжает откладываться. Мы видим его по телефону в совершенно трагической и эгоистичной манере: «Это мучительно. Всё, что мне нужно, — это закончить роман».

Перри продолжает просить помощи у того, кого считает своим другом. Трумен лжёт ему в письменной форме, полностью дистанцируясь от него. Нелл отдалилась от Капоте из-за его холодности в этом вопросе. Она, со своей стороны, опубликовала свою книгу, которая была очень хорошо принята, и выходит экранизация «Убить пересмешника». На премьере она видит его сидящим в одиночестве, сгорбленным, с бокалом вина. Трумен не поздравляет подругу с успехом, бормоча себе под нос с презрением, что это не такое уж большое дело, сосредотачиваясь на своих жалобах. Он — своя собственная вселенная, и ничто другое не имеет значения. «Я, возможно, никогда не оправлюсь от этого... Они мучают меня».

Трумен всё больше впадает в депрессию, пока Перри не звонит ему, чтобы сказать, что апелляция отклонена. Капоте не может вымолвить ни слова. С этого момента он, кажется, в шоке, отказывается видеть Перри, чтобы попрощаться, разговаривать с кем-либо или вставать с постели. Пока Нелл не приносит ему письмо от Перри, и писатель решает на последний визит. Становится очевидно, насколько он дестабилизирован контактом со страданием и пустотой, которую чувствует. Как хороший социальный тип, он прячется от взглядов других, отступая, пока ситуация не изменится или не пройдет.

Он входит туда, где его ждут двое приговорённых, уже одетых для виселицы, с опущенной головой и в защитной позе. Двое мужчин смеются, говоря, что понимают, почему он не хотел их навещать. Трумен выглядит искренне тронутым и пытается оправдать свои действия: «Может быть, я сделал недостаточно».

Перри просит его прийти на казнь, чтобы увидеть дружеское лицо, и Трумен соглашается. Затем он возвращается к своим жалобам, не упоминая о роковой судьбе своего «друга»: «Это было ужасное переживание, я думаю, я никогда не оправлюсь».

Когда он пытается снять с себя вину: «Никто не мог бы ничего для них сделать», Нелл отвечает: «Дело в том, что ты не хотел».

Трумен Капоте больше никогда не написал ни одной книги.

XVI. Шутки и зарисовки

Перевод: «Такое крепкое объятие? Боишься, что я вырвусь?» — «Нет, я пытаюсь сдуть твоё эго».

A CONTINUACIÓN, EL
MAESTRO, INTENTARÁ
ROMPER UN OBJETO
CON EL PODER DE SU
INDIFERENCIA.

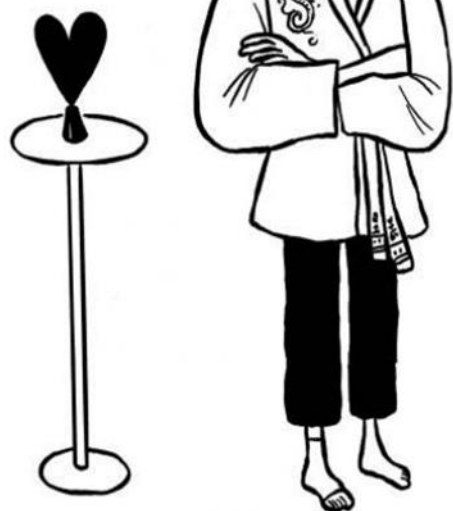

Ilustración de Francisco J. Olea

Перевод: «Далее учитель попытается разбить предмет силой своего безразличия».

XVII. Процесс трансформации и терапевтические рекомендации

Терапевтическая трансформация Социальной 2 включает в себя путь гуманизации, который можно определить как ощущение себя «всего лишь одним из многих».

Осознание компенсаторного характера моей работы и той вредной части, которая лежит в основе моего импульса предлагать поддержку, началось на САТах. Клаудио Наранхо часто проводит встречи по типам эннеграммы. Я помню то глубокое воздействие, которое оказало на меня узнавание себя похожим на других моего типа.

С одной стороны, я почувствовала огромный эмоциональный покой, сравнимый с обретением потерянного стада. С другой стороны, лёгкое чувство тревоги, окутанное тайной математической точности в описании характера, предлагаемого эннеграммой, и подтверждением этой точности в высказываниях людей в группах.

Когда я наконец встретила других Социальных 2 и поделилась в группе, я осознала, что черты, которыми я хвасталась и считала доказательством моей уникальности, на самом деле были запрограммированными чертами характера, присутствующими у всех моих собратьев-невротиков. Я поняла, что до того момента мне удавалось чувствовать себя превосходящей всех остальных Двоек, что позволяло мне сохранять иллюзию уникальности и особенности. Именно тогда в моём характере начался разлом из-за восприятия его обусловленной и автоматической природы, что больше не позволяло мне идентифицироваться с ним так же, как раньше.

Самым большим препятствием для Социальной 2 в терапевтическом процессе будет просьба о помощи, поскольку их идентичность строится на убеждении, что они не нуждаются в помощи и не могут проявлять никаких ограничений или «недостатков». Если они приходят на терапию, их величайшим усилием будет заявить о своих проблемах. Они могут просить о помощи, одновременно отрицая, что просили, и

демонстрировать с позиции превосходства, что уже понимают свою динамику и знают выход. Тем самым они мешают терапевту войти в те области, которых боятся, и постоянно контролируют ситуацию.

Пренебрежение к авторитету и сильное желание самим быть авторитетом мешают признанию терапевта как того, кто может вести их. Напротив, они будут неустанно пытаться проявлять большое понимание по отношению к профессионалу, демонстрируя эмпатию к его работе, усталости или возможным проблемам, которые Социальная 2, несомненно, учует, и, прежде всего, будут чрезвычайно соблазнительны.

Это повторяет ту роль, которую они играли в семье: занимая место отцовской фигуры, они теряют своё место ребёнка. Недоверие к авторитету и конкуренция за демонстрацию своей грандиозности станут динамикой терапевтических отношений. Кроме того, их невротическая потребность в принятии через демонстрацию собственного величия вновь всплывёт, и им будет трудно поверить, что терапевт понимает или ценит их, если они раскроют свои недостатки.

Ещё одна характеристика Социальной 2 — попытка поставить себя на один уровень, пытаясь подружиться с терапевтом, обсуждая социальные, бытовые или профессиональные темы. Для профессионала будет крайне важно пресекать такую рациональность, чтобы перейти к более интимным темам.

Ключевым терапевтическим навыком, особенно на ранних этапах, будет принятие человека с этим характером без атак на его потребность в превосходстве и, с терпением, создание связи, где они смогут пережить, что просьба о помощи или ощущение потребности не связаны с отсутствием ценности. И ждать, пока они смогут оценить питающее и направляющее присутствие, которое уважает их и даёт им место.

Крайне важно, чтобы терапевт был осторожен со своей собственной нарциссической потребностью быть незаменимым и создавать зависимость, так как это стало бы дверью к конкуренции с пациентом Социальной 2.

Другая область, требующая основательной работы, — это их страсть к территориальным завоеваниям. Удовлетворение, которое ищет этот характер, — быть увиденным и питать свой грандиозный образ.

Нарциссические игры, в которых они считают себя лучшими, самыми опытными и лидерами, маскируют недостаток опыта материнской любви. Они не встретили взгляда, проникающего в их глубинное существо, безопасной связи, позволяющей им доверять тому, что любовь существует.

Именно эти же нарциссические игры мешают им соприкоснуться с глубоким одиночеством, которое они пережили в детстве. Они также не осознают, что высокие ожидания семьи — быть трофеем, великим победителем — подвергали их социальным средам, неподходящим для их возраста; они не осознают, что имела место детская эксплуатация.

Люди с этим характером часто обманывают себя, рассказывая счастливую семейную историю, где их любили. Конечно, их любили, но в очень стрессовых для ребёнка условиях.

Социальная 2 не осознаёт, что собственный отец или мать конкурировали с ними, втягивая их в битву за превосходство, где они потеряли эмоциональное сдерживание и защиту. Любой, кто теперь приближается к ним с намерением защитить, встретит недоверие и вызов. Это также может повториться с терапевтом, которому потребуются терпение, чтобы сохранять принимающее отношение к избалованному ребёнку во взрослых ботинках.

Кроме того, в отношениях с авторитетом они могут испытывать ту же амбивалентность, что и с родителями: с одной стороны, их хвалили и поощряли быть великими, а с другой — унижали в их самых естественных потребностях или при выражении эмоций. Пустота от истинных заботливых и интимных отношений заполняется их грандиозным «я». Дать голос ребёнку, который рано потерял своё детство, переживается как унижительное. Просьба о помощи или ласковое принятие связывает их с позицией неполноценности. Их ответом было охлаждение эмоций, создание дистанции, а также презрение к тем, кого

они не могут завоевать, или к тем, кто устанавливает границы.

Крайне важно, чтобы на терапевтическом этапе они осознали ложность своей грандиозности. Социальная 2 не выносит конфронтации, потому что нет никого, кто мог бы установить для них границы. Существует риск, что они быстро сбегают из процесса роста и самопознания, если почувствуют угрозу своей безумной уверенности в том, что они лучшие. Поэтому эта атака на нарциссизм должна идти рука об руку с осознанием их раненого и невидимого внутреннего ребёнка. Существа, чьё здоровое чувство гордости было уязвлено и которому пришлось построить раздутый образ себя, чтобы избежать ощущения критики и унижения за то, что они ребёнок.

Важно будет различать унижение и смирение, как Клаудио Наранхо часто объяснял, говоря о добродетели Социальной 2, которой является смирение. Быть маленьким было унижительно для Социальной 2; иметь эмоции или болеть тоже было унижительно. Для них также может быть унижительно встретить кого-то более великого, чем они сами. Не касаясь унижения, они не признают ценности других; они не признают, что кто-то другой может обладать даром или талантом, достойным восхищения.

Существует возможность, что «пациент» Социальная 2 останется в терапевтическом процессе, если терапевт сможет с состраданием принять этого ребёнка-императора, ценя его способность продвигаться в жизни, пока они не смогут придать ценность своему эмоциональному внутреннему миру и не увидят нелепость своих мирских успехов. И самое главное — увидят, как их грандиозный нарциссизм является их тюрьмой, их приговором к одиночеству и холодности, и осознают — и это очень важно — свою нехватку любви.

Другая область для работы — восстановление их природного инстинкта. Социальная 2 — соблазнитель и притворяется, что обладает сексуальной свободой, но их соблазнение, особенно в социальном подтипе, направлено на установление контроля над другим. Они умеют изобретать привязанность и любовь, но не знают интимной любви; в конечном счёте они не умеют любить. Это также влияет на их детей, как мы описывали в разделе о любви. Мы видим, какую большую трудность этот характер испытывает с тёплым, физическим контактом. Прежде всего, они не умеют играть.

Игра — это пустая трата времени, и более того, это означало бы быть на равных и отпустить контроль великого наполеоновского генерала.

Свободная игра, с естественной радостью внутреннего ребёнка, могла бы также помочь им иметь более полноценную сексуальную жизнь и глубокое удовольствие, вместо того чтобы полагаться на демонстрацию сексуальности, развязывая сексуальный каннибализм или продавая секс для получения восхищения.

Чтобы достичь этой более свободной и естественной инстинктивности, телесные практики, такие как массаж или танец, могут помочь им расслабиться и более тонко слушать своё тело.

Поиск сексуального подтверждения характеризовал часть моей жизни. Я активно искала любые формы обучения, которые могли бы повысить эффективность моей силы соблазнения и сексуального очарования. Чтобы преуспеть в своих романах, я также подвергала себя бесчисленным маленьким испытаниям, заставляя себя преодолевать любые формы стыда, дискомфорта, страха отвержения, унижения и боли от потерь...

Со временем я таким образом преодолела многие границы и стала достаточно опытной в отношениях, чтобы иметь очень богатую и разнообразную сексуальную жизнь. Однако постепенно поверхностность такого типа отношений приводила меня в контакт с чувством пустоты и тревожной дезориентации.

Дезориентации, когда рушилась наивная вера в то, что удовлетворение может совпасть с полным освобождением Эроса и либидо.

Из-за их трудности поставить себя на место другого и испытывать подлинную эмпатию, важным шагом будет осознание ими поведения, которое причиняет вред. Осознание того, что они относятся к другим как к

инструментам для собственного успеха, откроет дверь к изучению дружбы — будь то как любящего товарищества или как восхищающей любви к другому.

Этот характер должен развивать искреннюю братскую эмпатию, восстанавливать чувство человечности и учиться проживать одиночество.

Для них будет важно увидеть эгоизм за их ложной щедростью и отсутствие этики в погоне за славой.

Я пришла на терапию в поисках причин страданий и пытаюсь увеличить своё благополучие и силу. Когда я обнаружила вред, который причиняю своим характером, я изменила направление, начав больше беспокоиться о том, что делаю с другими.

Тогда я поставила цель увеличивать благополучие и силу других больше, чем свои собственные, и развивать эмпатию больше, чем самосознание. Самоанализ перестал быть поиском точек, где я чувствовала себя слабой, и стал поиском тех, где я видела себя нечистой и бессознательно действующей как исследователь.

Самое важное — чтобы они осознали последствия, которые оказывают на других, когда используют их для утоления своей жажды обожания, эксплуатируют их в завоевании успеха и манипулируют ими, чтобы присвоить их качества. В терапевтическом процессе очень эффективной техникой является «горячий стул», где пациента направляют поставить себя на место другого, чтобы почувствовать его эмоции. Это также учит их слушать и получать обратную связь без оправданий и без того, чтобы быстро надевать маску безразличия.

В процессе самопознания очень эффективна групповая работа, где сверстники могут вернуть ощущение того, как они воспринимают Социальную 2 — как отстранённую, труднодостижимую и холодную, и как трудно найти её в интимности и товариществе среди равных.

Для них важно культивировать подлинную принадлежность к группе, не убегая, когда они не чувствуют себя самыми важными или особенными, не сбегаая от своего уязвлённого самолюбия.

В своём рисунке я изобразила свою склонность побеждать слабых кажущимся тёплым цветом, цветом альтруистической любви. Я обманывала себя, используя родительскую манию, чтобы оправдывать в своём внутреннем сознании преступный акт эгоистичной эксплуатации хрупкости людей для нарциссического подтверждения.

В процессе осознания этот человек понимает, как успех является заменителем бытия, как он покрывает чувство пустоты и низкую самооценку.

Это очень трудная динамика для проработки, потому что для «изобильного» человека, можно сказать, нет смысла спускаться с трона полноты. Как мы знаем, тому, кто чувствует себя неполноценным и обделённым, легче захотеть покинуть этот ад. Для Социальной 2 это как если бы им пришлось покинуть рай.

Это самая медленная трансформация, которая достигается с осознанием тюрьмы, в которой они живут, того, как они разрушают себя, и того, насколько они на самом деле одиноки и лишены любви.

Если они откроются своей боли, они смогут научиться любить. Если они почувствуют своё одиночество, они смогут осознать, что не бессмертны, и начать придавать смысл и священность маленьким жестам, повседневным действиям своей жизни. Если они узнают, что они всего лишь один из многих, возможно, они смогут больше ценить жизнь и сделать её священной.

Отношения с практикой медитации амбивалентны. Социальная 2 может использовать медитацию и духовный путь как инструменты для улучшения своего нарциссического самосовершенствования. Их грандиозное «я» может использовать достижения, полученные через медитацию, чтобы чувствовать себя более потенциально способным превосходить других. С этим характером мы действительно сталкиваемся с

риском духовного материализма, как описал его Тругпа Ринпоче. Им очень легко шарлатански выдавать себя за гуру, обещающего спасение мира (их главная бредовая идея).

С другой стороны, им может быть очень трудно медитировать, потому что остановка ума и действия для этого характера означает контакт с пустотой, которую они интерпретируют как недостаток. Аналогично, им трудно взаимодействовать с учителем, что требует глубокой преданной любви и приверженности учениям с отношением послушания и уважения к высоким духовным ценностям.

Искупительный жест Социальной 2 — встать на колени с опущенной головой. Научиться падать и снова вставать, смиренно и не прячась.

XVIII. Автобиография

Дар простой жизни
Фресия Нора Робледо Пома

Однажды на терапевтической сессии меня спросили, откуда у меня берётся сила. Сначала я не знала, что ответить, пока не начала говорить о моих прославленных предках, которые вдохновляли меня с детства, когда мои дяди рассказывали истории, частью которых я хотела быть. В глубине души я хотела, чтобы они говорили обо мне с той же страстью, энтузиазмом и восхищением, с какими они вспоминали наших предков.

Когда я вспоминаю своё детство, меня не удивляют эти замашки превосходства, потому что среди моих славных предков были генерал Пома, сопровождавший Наполеона Бонапарта в его египетском походе, и прапрадед по имени Наполькон, который вместе со своим отцом приехал в Меран (Сальта, Аргентина), чтобы колонизировать Новый Свет в конце XIX века. Также можно перечислить великих художников, членов швейцарской гвардии Ватикана, президента швейцарского кантона Тичино и кардинала из Венеции, считавшегося папским.

Слушая снова и снова истории этих героев в интеллектуальных и культурных кругах семьи, я верю, что во мне мало-помалу вырезалась важность наличия миссии, чтобы быть признанным, иметь славу и обладать властью.

У нашей семьи, Пома (что в переводе с итальянского означает «яблоко»), есть собственный герб: два льва и яблоня в поле щита. Мой прадед, Наполеон Пома, был архитектором и происходил из богатой семьи профессионалов, что в конце XIX века представляло не только высокий экономический уровень, но и культурное и политическое влияние, а значит, и социальную власть. Он прибыл в Аргентину со своим отцом, Паоло Пома, который финансировал и строил часть Транссибирской магистрали.

Более близкий предок, часто упоминаемый на наших семейных собраниях, — дед моей матери, Карлос Пома Фантони, который вместе со своими братьями занимал стратегические позиции в обществе Метана. Он мотивировал другие состоятельные семьи принести в город водопровод, электричество, первую телефонную линию, создание больницы, основание публичной библиотеки, строительство дорог, создание районов и больше школ. Благодаря различным предприятиям ему удалось умножить семейное состояние.

Как мог мой детский ум оставаться равнодушным к такому богатству, экспансии, самоотдаче и щедрости? Я всегда хотела слышать больше. Я помню, что оставалась за столом со взрослыми, внимательная и ожидающая, пока мои кузены уходили играть.

Мои отец и мать представляли союз двух культур — аргентинской и чилийской — и двух социальных классов: знати и народа; двух экономик: богатства и бедности; и двух уровней образования: почти неграмотного и университетского с отличием... Похоже на сюжет южноамериканской мыльной оперы (а я в детстве была заядлой читательницей любовных романов Корин Тельядо)... но без счастливого конца. Я чувствую, что моя жизнь тоже такова: всё в крайностях. Либо всё, либо ничего, чёрное или белое; с большими

трудностями в поиске золотой середины. Я либо идеализирую людей, либо игнорирую их.

Дар простой жизни

Моя мать посвятила всю свою жизнь учёбе и заботе о других. Она получила степень юриста и в очень молодом возрасте стала защитником детей в судах. Возможно, её опыт полиомиелита с детства подтолкнул её к учёбе, и у неё была очень признанная профессиональная жизнь — сначала в Метане, затем в Сальте, в эпоху 1950-х годов, когда большинство женщин были домохозяйками или, в лучшем случае, учительницами. Возможно, из-за её ограниченного опыта с мужчинами, она очаровалась обаятельным и кокетливым мужчиной, который публично ухаживал за ней без стеснения — это был мой отец. Будучи практически неграмотным, она помогала ему учиться и завершать образование. Моя мать много зарабатывала и копила; у неё была недвижимость и дома. Она унаследовала очень востребованную собственность от незамужних тёт, о которых заботилась во время учёбы на юриста, расположенную напротив мэрии Кордовы. Она была женщиной, опередившей своё время, так как, будучи одинокой и тридцатилетней, она удочерила мою сестру Наталию.

Мой отец, благодаря положению моей матери, попал в совершенно незнакомую для него среду, окружённую богатыми личностями, профессионалами и людьми с политической и экономической властью. Он был чилийцем, индейского происхождения, единственным внебрачным сыном, которому пришлось заменить отца более чем в одном смысле. Он был шахтёром без образования и приехал в Сальту в поисках новой жизни. В то время он был женат — чего моя мать не знала, когда они поженились — и имел двоих детей, о существовании которых я узнала только на Facebook, когда мой отец умер в 2012 году.

Моё детство: ад для меня и тем более для других

С ранних лет я подавала надежды. Моя тётя С. говорит, что в два года у меня был словарный запас и речевые навыки, привлекавшие внимание везде, где я бывала. Один врач сказал моим родителям, что никогда не видел таких коммуникативных способностей в моём возрасте. Это имело много последствий в моей жизни, например, когда в шесть лет директор школы позвонил моим тётушкам, чтобы пожаловаться, что учительница не может вести урок, потому что я не перестаю свистеть и петь. Без сомнения, я была предназначена привлекать внимание.

Но, кажется, не всё было так нормально, счастливо и радостно. В моей семье было и есть много секретов, некоторые хорошо хранимые, другие невозможно скрыть. Моя мать проводила много времени вне дома, а отец оставался с нами, злоупотребляя молодыми девушками, которые, как няни, заботились обо мне. Недавно моя семья рассказала мне, что мой отец также плохо обращался и злоупотреблял несовершеннолетними, которых моя мать легально приютила дома, пока они ждали определения в приёмную семью.

Наконец, когда мне было два года, мой отец был заключён в тюрьму за злоупотребление другой несовершеннолетней в семье (моей двоюродной сестрой), и моя мать вызволила его из тюрьмы, убедив мать и бабушку ребёнка отозвать обвинение. Тогда у моей матери открылись глаза, и это также стало началом её собственного падения.

В ноябре 1973 года ей сделали операцию на желчном пузыре, и в сорок один год у неё развилась послеоперационная инфекция, которую мои дяди, оба врача, до сих пор не могут объяснить. Мои тётки всегда говорили, что она не могла вынести ситуации, в которой жила с моим отцом. Я потеряла её, когда мне было три года, и вскоре после этого я потеряла отца, который исчез из семейной жизни. Я не увижу его снова до многих лет спустя.

Таким образом, ещё совсем маленькой, я покинула свой дом, своих дядей и кузенов, свой город и знакомую среду, и меня перевезли на девятьсот километров, чтобы жить с другими родственниками, которые будут заботиться обо мне: семидесятилетней овдовевшей бабушкой и сорокапятилетней незамужней тёткой, старшей сестрой моей матери. В соседнем доме жила другая сестра матери, замужняя с двумя детьми. Теперь я принадлежала семье, состоящей из четырёх взрослых и четверых детей.

К пяти годам я уже гуляла по улице одна; я ходила к соседям и звонила в дверь, чтобы встретиться с подружкой Л., которой было три года. Окрестности были моим домом; продавцы были моими друзьями: мясник, пекарь, флорист, парикмахер, овощевод, швея, владелец киоска, работники супермаркета, сапожник, дантист, фармацевт... Это была моя территория, и я бродила по ней как по дому, болтая со всеми. Я помню, что в десять лет я управляла цветочным магазином! Я любила готовить букеты, пока владелица дремала и оставляла магазин.

На самом деле такое количество взаимодействий с таким количеством людей, перемещение по такому широкому пространству давали мне чувство принадлежности, но мешали касаться того, что было внутри меня и что происходило дома. Я искала снаружи то, чего не могла найти внутри. Потому что там, дома, я чувствовала, что у меня нет места. Сначала я спала в комнате бабушки с сестрой. Моя бабушка была молчаливой женщиной с печальным взглядом. Она потеряла мужа, когда была очень молода, и ей нужно было заботиться о пятерых детях. Она также недавно потеряла одну из своих дочерей.

С трёх до двенадцати лет я жила с марта по ноябрь в Кордове с сестрой, тётёй и бабушкой. А с декабря по февраль я жила в доме другой тётёй с их четырьмя детьми или в доме дяди С. и тётёй Л. с другими четырьмя детьми. В эти три месяца было обычным делом собираться за обедом, ужином или чаем двадцати двум человекам. Я считаю, что это сделало моё понятие семьи довольно широким.

Я выросла с кузенами как с братьями и сёстрами, а с дядями как с родителями. Но никто не брал на себя родительские роли. Я делала всё, что хотела, облаивала и кусала любого, кто вставал на моём пути. Не было авторитетной фигуры, взрослого с мужеством или терпением устанавливать границы. В итоге я чувствовала, что наша собака Пегги была единственным членом семьи, кто давал мне безусловную любовь. Она была единственным существом, которого я обнимала и целовала. Я не хотела, чтобы кто-то знал, как сильно я нуждаюсь в физическом контакте. Иногда я притворялась спящей, когда бабушка подходила, потому что знала, что она укрывает меня.

Лидерство и завоевания с детства

Я должна была быть центром любой ситуации; неважно, к добру или к худу, важно было не быть безразличной ни для кого. Моей специальностью было лидерство в уличной банде. Я говорила всем, что они должны делать, во что играть, какие роли у каждого...

Они всегда спрашивали меня: «А теперь что мы делаем?» Даже С., который был старше всех. Для меня было важно иметь контроль над сверстниками, но ещё большее удовольствие я получала от вызова старшим, которых было труднее подчинить.

Мне полностью не хватало малейшей рутины, такой как чистка зубов, душ или уборка комнаты. Не было никого, кто бы научил меня каким-либо привычкам. Мне не нужно было заботиться о домашних делах, потому что всё было чисто, моя комната убрана, а еда подана. Я никогда не занималась этими вещами. Моя тётя С. пыталась, по крайней мере, привить мне привычку еженедельной уборки, и я всегда бунтовала, когда могла.

Моя личная гигиена была запущена. И я налегала на сладости; меня называли «Киоск». Сначала бабушка давала мне деньги на конфеты; позже, когда они заканчивались, я воровала у неё. Это полное отсутствие границ, наряду с пренебрежением, в котором я жила, привело к тому, что все мои молочные зубы сгнили. Меня тащили к стоматологу напротив нашего дома, который вырывал остатки сгнивших зубов без анестезии, пока два взрослых держали мои руки и ноги в кресле, потому что моя сила и бунтарство затрудняли удержание.

Я поняла с очень раннего возраста, что трудно выделиться. Я была шестой из двенадцати кузенов. Я чувствовала вокруг себя крайне конкурентную среду, которая с самого начала формировала все мои отношения. Мы конкурировали за признание, внимание и любовь взрослых. Но быть племянницей не имело

того же веса, что быть дочерью, поэтому я чувствовала, что должна прилагать дополнительные усилия, когда приходилось делить время с каждой из семей, в которых я жила, в зависимости от сезона.

Затем моя бабушка заболела раком толстой кишки, и мой дядя купил дом в нашем районе, рядом с нашим. Моя тётя С. переехала туда с мужем и двумя детьми, чтобы заботиться о бабушке, и я, конечно, присоединилась к стае. Моя сестра и тётя Н., незамужняя, остались в доме, где мы все жили раньше. Разделение улучшило отношения с сестрой в плане наших ежедневных стычек, но я думаю, мы стали чужими друг другу; мы могли не видеться днями или неделями. У неё была очень тесная связь с нашей кухней С., которая была того же возраста, и я чувствовала довольно большую зависть к их доверительным отношениям, когда они были вместе.

Я, мой собственный закон и публичный имидж

Между свободой потакать моим прихотям, которую позволяла бабушка, и постоянным преследованием, которое навязывала мне тётя Н., я пришла к выводу, что я должна быть своим собственным законом, своим авторитетом, своим образцом для подражания. Я начала воображаемую игру: у меня были отец и мать. И когда я шла на день рождения к подруге, или когда её родители забирали меня на машине, я говорила им, что должна скоро вернуться домой, потому что моя семья ждёт меня. (На самом деле иногда мои тёти даже не знали, что я на дне рождения.) Эта ложь друзьям помогала мне избежать унижения от того, что у меня нет «нормальной» семьи, с отцом и матерью, которые заботились бы обо мне. Публичный имидж начинал казаться мне важным.

В шесть лет я начала ходить к самому известному парикмахеру в районе. К нему ходили все состоятельные соседи; даже люди из центра города приезжали. Сначала мои тёти сопровождали меня и говорили парикмахеру, как стричь мои волосы. Это вызывало у меня обиду на чёлку, которую они настаивали оставить. Когда я смотрелась в зеркало, я видела старый мотоциклетный шлем, который всегда был там, постоянный. Пока однажды, когда мне было около девяти лет, я не начала ходить к парикмахеру одна и не отрезала чёлку, которая закрывала пол-лица и заставляла наклонять голову. Это был акт самоутверждения.

Каждый год в школе проводили полное медицинское обследование, включая проверку зрения, которая выявила у меня близорукость и астигматизм. Однако отчёты никогда не доходили до моей семьи: я не собиралась носить очки! Невозможно. Я не хотела быть «очкариком» в школе совместного обучения, где были мальчики, которые мне нравились! Было очень важно не казаться жалкой, не быть униженной, не выглядеть бедной маленькой девочкой. И в этом смысле внешняя эстетическая забота всегда была для меня приоритетом. Но мне никогда не было дела до моды; я учитывала только то, что мне шло.

Другой важной темой было моё правовое положение. Мой отец потерял мою опеку, когда умерла моя мать, вероятно, из-за его истории педофилии и растраты наследства матери. До восемнадцати лет моя тётя была моим законным опекуном, и у меня также был защитник несовершеннолетних, к которому я ходила в суд; это заставляло меня чувствовать себя важной в моём социальном кругу, так как я была единственной с таким выдающимся опекуном. Теперь я понимаю жалостливые и испуганные взгляды одноклассников, которые были в ужасе от того, что я гордилась тем, что у меня есть защитник несовершеннолетних вместо отца и матери, как у всех. С очень ранних лет я уже решила рассказывать любые детали моей жизни как фантастическую историю, и этот опекун отлично мне подходил.

Мне нужно было регулярно его посещать; к счастью, он был хорошим человеком. Он принимал меня в самом высоком здании города, в очень роскошном месте. Стены его кабинета, отделанные деревом, были уставлены полками с золотыми книгами. Он встречал меня в своём обычном костюме с жилетом, очень элегантно, и шёл, надушенный, чтобы сесть за большой письменный стол. Всё это заставляло меня чувствовать себя взрослой. Я была единственной из моих друзей, кто ездил на автобусе одна на такие большие расстояния, и вдобавок я ехала в суд! Так я заставляла друзей верить, что моя жизнь очень интересна и гламурна — привычка, которой я продолжаю спекулировать до сих пор.

Похищение под прикрытием

С трёх до девяти лет я видела отца только несколько дней во время моих летних каникул в Метане, и каждый год он приезжал с новой женщиной. Я садилась к нему на колени в машине, и он позволял мне вести по грунтовым дорогам; в его жесте было что-то, что заставляло меня чувствовать дискомфорт, хотя он вёл себя так, как будто я главная, как будто я решаю, куда мы едем, потому что я за рулём.

Но летом, когда мне исполнилось десять, всё было по-другому. Мой отец приехал забрать меня, как каждый год, но на этот раз он не отвёз меня обратно к бабушке. Он спланировал моё похищение, и через несколько часов никто не знал, где мы. Я думаю, правильное было бы назвать это похищением под прикрытием, как я теперь это понимаю — как попытку моего отца дать мне семью, очевидно, исходя из очень своеобразного и спорного понятия семьи.

Время, проведённое с отцом и его партнёршей, было для меня интенсивным и продолжительным сосуществованием с ним, которого я видела лишь несколько случайных дней летом. Это был единственный раз, с тех пор как умерла моя мать, когда я провела с ним так много дней подряд. Он взял меня жить к женщине и её дочери, моего возраста, которая, к счастью, мне понравилась с первого момента.

Сначала всё казалось нормальным, но постепенно всё начало усложняться. Начало лета, а значит, начало каникул: впереди было ещё три месяца. Если я спрашивала его, когда я вернусь домой, он говорил мне: «Это твой дом. Мы будем семьёй, и я устрою свою жизнь. Теперь у меня есть бизнес...» Он арендовал магазин, где продавал сладости и подарки. Название магазина было «Фреси-Нор» — по совпадению, начальные слоги двух моих имён. Это меня удивило. Внезапно у меня появилось чувство, что я важна для отца, возможно, на этот раз у него были благие намерения, и эта идея быть семьёй могла быть правдой. Иногда я чувствую, что унаследовала ту же профессию — продавать сладости и подарки в обмен на любовь.

Вскоре я узнала о трудности моего отца выполнять обещания и о разрыве между его фантазиями и реальностью. Постоянные ссоры и крики с его партнёршей. Она, к счастью, имела силу защищать себя и защищать нас — свою дочь и меня. Б. была юристом, как и моя мать. Она работала утром и днём. Мы видели её почти перед ужином, и с того момента сцены криков и насилия следовали день за днём без передышки. Всегда был повод для криков и драк.

Я жила в постоянном состоянии тревоги днём и со смесью гнева, страха и возбуждения ночью, не зная, что будет дальше. Я хотела, чтобы Б. наказала моего отца за аморальность, за ложь, и чтобы на следующий день мой отец вёл себя иначе. Но в итоге этого никогда не происходило, и всё повторялось день за днём. Я привыкла управлять собой в агрессивной среде, будучи настороже, чтобы знать, какую стратегию применить. И на этот раз я чувствовала себя защитницей С., дочери Б. Хотя нам обоим было по десять лет, наши личности были почти противоположны, и я взяла на себя ответственность.

Ради видимости: образ счастливой семьи

Мой отец каждый день выводил нас с утра до прихода Б. домой. Мы ходили в банки, на реки или в бассейны его друзей. Мы всегда уходили с множеством разных людей, особенно женщин, чьи мужья в это время работали, и у которых были дети примерно нашего возраста. Идея была в том, что пока взрослые вместе, дети тоже вместе. Но не я. Я следила за тем, что делал мой отец. Он никогда не упускал возможности быть физически близким к этим женщинам. Случайно он клал голову кому-то на колени или был в бассейне, прижавшись к другой. Всё делалось среди бела дня, и он делал это как само собой разумеющееся.

Конечно, я никогда не упускала возможности рассказать об этом Б. в тот же вечер, и поднимался скандал. Теперь я думаю о том, насколько рискованным было моё поведение: я была с незнакомцами, включая моего отца, и некому было меня защитить. Но я не осознавала этого. Как будто я чувствовала, что могу справиться с любой ситуацией... и по сей день я так и делаю.

Тем временем семья моей матери наняла частного детектива, чтобы найти меня. Это заняло около месяца.

Когда я вернулась домой, у меня остались смутные воспоминания, но я не могу забыть радость снова увидеть бабушку. Конечно, с того момента она отказалась позволять отцу навещать меня. Однако ему удалось найти меня без ведома моей семьи по материнской линии ещё дважды.

Моя бабушка, человек, который, как я чувствую, любил меня больше всех, умерла 7 октября 1985 года, за день до моего пятнадцатилетия, очень ожидаемого праздника в южноамериканской культуре, потому что это представление обществу. Как мини-свадьба, но без партнёра, хотя с платьем, танцами, ужином, сладостями, гирляндами, блёстками и т. д.

Естественно, праздника не было; было слишком много боли. Я возвращалась из школы, когда мне сказали. В моих глазах не было слёз, мне не разрешили увидеть её, и я не могла попрощаться или коснуться её в последний раз. Я оцепенела; я думаю, что в тот момент я решила больше не плакать.

Я не знаю, узнал ли мой отец о её смерти, но на следующий день, в мой день рождения, меня отправили в школу, как будто ничего не случилось. И там был мой отец. Он появился в школе монахинь, где я училась. Монахини не знали, что бабушка ограничила его визиты, я ничего не сказала, и теперь, когда она умерла, они предположили, что я хочу видеть отца. Мы встретились в комнате для посетителей и разговаривали во время перемены. Затем он ушёл, и я не слышала о нём до следующей перемены. Я только помню, что он сказал: «С днём рождения».

Грустный и молчаливый подросток

В одиннадцать лет меня перевели в новую школу, и я помню это как довольно травматичный опыт. Я ходила в совместную государственную школу с трёх лет, в одном классе с кузенами, а также с друзьями из района. Поэтому я перешла из хулиганки и драматичной девочки в начальной школе в почти немую в старшей школе.

Меня записали в католическую школу, управляемую сёстрами Мерседарианского ордена Младенца Иисуса, где моя сестра заканчивала последний год школы. Переход в частную религиозную женскую школу был полной сменой среды. В начальной школе я испытывала радость, разнообразие, хаос и мужественность в пространстве, где мне было легко общаться с мальчиками и проявлять собственную мужественность. В новой школе всё было ограниченным, строгим, серьёзным, упорядоченным, дисциплинированным и единообразным. Я также обнаружила свою трудность в общении с таким количеством женщин, потому что там были только девочки. Не было выхода: я находила их инфантильными, медленными, глупыми, хрупкими, завистливыми, снобами, подхалимками, послушными... Всё это представляло в моём сознании женственность. Я чувствовала себя бессильной, как будто в этой среде я не могла выражать себя такой, какая я есть.

Я помню чувство холода каждое утро, потому что в 7:00 мы начинали с поднятия флага и молитвы Ангелуса, стоя неподвижно. Первый шок случился в мой первый день занятий. Моя репутация хулиганки опережала меня, и во время перемены моя сестра подошла ко мне и сказала: «Я не хочу, чтобы ни директор, ни монахиня, ни учительница обращали моё внимание на твоё поведение, потому что я откажусь от тебя как от сестры, я не признаю тебя. Так что ты должна вести себя безупречно хорошо, не позорь меня». И так я погрузилась в глубокую печаль. Я пряталась, не говорила и не выражала себя так, как в начальной школе; моя юность характеризовалась тем, что я делала себя невидимой. Это длилось с одиннадцати до пятнадцати лет.

В пятнадцать лет мне стало так плохо, что однажды, придя домой во время дневной сиесты, когда все спали, я пошла на кухню, взяла нож и приставила его к сердцу. Хотя я не вонзила его, я всё ещё помню ту глубокую темноту в теле, ощущение, что жизнь не имеет смысла, если меня не любит важный для меня человек.

Как только я поступила в школу, директор и преподаватели быстро направили меня к школьному психологу, молодой женщине, которая только что стала матерью и занималась трудными случаями. Я отчётливо помню, что на каждой сессии, которая, как я думаю, длилась год, я сидела перед ней и смотрела на неё, не произнося ни слова. Я никогда не говорила в её присутствии, и она устала спрашивать. С тех пор на

каждом занятии я приходила в её кабинет, садилась, а она продолжала заниматься своими бумагами. Звенел звонок, я вставала и уходила. Я никогда не понимала, почему психолог не рассказала монахиням о происходящем. Я представляю, что она хотела сохранить свою работу, или, возможно, думала, что однажды я заговорю, или, возможно, она не знала, что делать со мной, и не хотела признаваться.

Интересно, что сегодня я по профессии школьный психолог. И иногда я думаю, что выбрала эту профессию, чтобы компенсировать тот момент в моей жизни и помогать другим девочкам так, как мне хотелось бы, чтобы помогли мне. Мне хотелось бы, чтобы она видела дальше моего бунтарского и гордого поведения.

Смущение, религия и женственность

Вскоре в мою жизнь вошли стыд, религия и женственность. Вскоре я стала чрезвычайно печальной, молчаливой и замкнутой девочкой, полностью изолированной. Я садилась на заднюю парту или переднюю и ни с кем не говорила; некоторые одноклассницы подходили, пытались заговорить со мной или сесть рядом, но я не позволяла им.

Мне потребовалось много времени, чтобы вписаться в новую среду. Мне нужно было понять, как всё работает, структуру, систему, персонажей и кто «правит». Я определила все подгруппы в классе, кто с кем дружит, кто ладит или нет, к кому стоит подходить, а к кому нет.

Самый тяжёлый период в школе, который я помню, был с двенадцати до четырнадцати лет. Мои одноклассницы видели меня такой печальной, что устроили мне сюрприз-вечеринку в доме Н., одной из них, и я чувствовала себя такой смущённой, неловкой и подавленной, что не могла выразить благодарность. Я злилась на них за их щедрость; я чувствовала себя в долгу. В глубине души я чувствовала себя недостойной. До того момента никто в нашем классе не организовывал сюрприз-вечеринок ни для кого, и я восприняла эту привилегию как наказание, ставящее меня в центр жалости. Я помню, как они все кричали от удивления, а я, с испуганным лицом, не могла ответить на все эти ожидания. Такое бескорыстное внимание, выраженное только через привязанность, было для меня совершенно новым. В тот момент я почувствовала своё сиротство, свою глубокую недостаточность. Жест доброты достиг самой сердцевины моей раны, глубокой пустоты, впадины. Это чёрная дыра без дна, которую невозможно заполнить, и каждый раз, когда в неё попадает немного привязанности, это напоминает мне, как она пуста.

К счастью, в тот сухой период появилась М., восемнадцатилетняя послушница, добрая, ласковая и весёлая. Без разрешения она полностью вошла в мою жизнь, села на пустую скамью, которая сопровождала меня до того момента, и её присутствие полностью изменило моё поведение в классе: с одноклассницами, с предметами, с учителями, с директором (которая была её наставницей). Это было возрождение. После бабушки она была первым человеком, кого я почувствовала как безусловную любовь. Её радость жизни была заразительна, и я не знаю точно почему, но она приняла отношение защиты и заботы ко мне.

Я помню маленькую комнату в монастыре, где мы собирались, — серое, аскетичное место без украшений. Но когда она входила в комнату, я чувствовала, что она освещается. Её компания стала местом эмоционального отдыха от гнева, насилия и агрессии. Наконец, я почувствовала, что кто-то заботится обо мне, предлагая мне постоянную рутину, привязанность, границы, порядок и радость жизни. Каждый день я проводила время в монастыре, занимаясь с ней, и когда я оглядываюсь назад, я вижу, что наши отношения позволили мне начать путь эмоциональной стабильности, по которому я иду до сих пор.

М. была всего на три года старше меня, но я чувствовала её как старшую сестру, почти как мать. С тех пор как я встретила её, она помогала мне смотреть на одноклассниц с состраданием; и поскольку я очень любила поделки, я создавала миниатюрные поздравительные открытки с крошечными деталями и цитатами из журнала Reader's Digest, который регулярно приходил в наш дом. В зависимости от того, что я могла интуитивно угадать о состоянии одноклассницы, я писала фразу и оставляла её на парте во время перемены.

Сначала никто не знал, кто отправляет маленькие открытки. Мне нравилось создавать эту тайну, быть

анонимным спасителем. Позже они раскрыли меня и начали просить открытки для других. В конце концов, я не успевала выполнять заказы. К тому времени я уже общалась почти со всеми одноклассниками, потому что М. была правой рукой директора, а я была её правой рукой. Я также обнаружила, что эта способность писать мелко позволяла мне создавать шпаргалки для экзаменов. Я стала настоящим профессионалом; я делала мини-шпаргалки в обмен на сладости.

Когда М. обнаружила мои проделки, она предложила вместо того, чтобы писать так мелко (что было довольно трудоёмко), писать в тетради, и так я начала учиться с записями. Как ни странно, у меня был очень хороший почерк, и я была очень организована в своих схемах; мне нравилось, чтобы моя тетрадь выглядела эстетично, ясно и визуально. Так я могла запоминать написанное и составленное через зрительную память, и мне было гораздо легче воспроизводить ответы на экзаменационные вопросы.

Близость с М. открыла мне прямой путь к монастырю, монахиням и священникам в нескольких аспектах. Один из них — организация моего первого крупного мероприятия в пятнадцать лет: Первой встречи молодёжи во Христе в рамках подготовки к будущему визиту Папы. Мы получили множество поздравлений; это был ключевой момент признания для меня. Это было как будто из тёмной пещеры я вышла на свет, засияла; я почувствовала себя открытым сокровищем.

Сексуальность: сложный вопрос

Мальчики начали интересоваться мной с десяти лет. Мне всегда нравились несколько одновременно; по крайней мере один из каждой группы, в которой я вращалась. К счастью, в том возрасте мне не было обязательно, чтобы они отвечали взаимностью; важнее было иметь объект желания, который можно было бы привнести в мои фантазии, а не воплощать их в реальность.

Было одно, что их всех объединяло: они выглядели как хорошие мальчики. Если они были привлекательны — ещё лучше, но самое важное было то, что они были добрыми. Затем, по мере углубления в подростковый возраст, я начинала смотреть на них иначе, кошачьим взглядом: я хотела приручать зверей, превращать плохого мальчика в служку через его любовь ко мне.

Совпав с моей менструацией, в четырнадцать лет я встретила двух почти противоположных мальчиков, которые показали мне другое измерение моей юности. Оба были на три года старше меня. А. был студентом-медиком, а П. ходил в вечернюю школу для взрослых. Я видела А. таким зрелым, таким ответственным, что я чувствовала честь, что я ему нравлюсь, что он заметил меня — очень худую, неловкую девочку-подростка, по отражению в зеркале. Хотя он заставлял меня чувствовать мои изгибы, когда его руки касались меня в импортной машине его отца, я всё ещё помню тесные розовые вельветовые брюки, которые он так любил. Моя невинность и его благоразумие не позволяли нам зайти дальше поцелуев и ласк, но для меня это было очень смело. Когда я вернулась домой в полночь и мой дядя Р. открыл дверь, я получила самую сильную пощёчину в своей жизни.

Затем я встретила П., который был почти полной противоположностью А. — с его сигаретой, кошачьим взглядом, немногословностью и страстью. Он обращался со мной как с маленькой девочкой, и я чувствовала себя любимой и защищённой кем-то намного больше меня. Когда он обнимал меня, он окружал меня руками, укачивая, и я чувствовала, что со мной ничего плохого не случится, что он защитит меня от кого угодно.

Грустный и молчаливый подросток

Каждый день мы встречались. Он приезжал издалека, на нескольких автобусах, и мы пользовались тёмными уголками, чтобы целоваться. Поцелуи были нежными, что было необычно для парня с большим сексуальным опытом: он экспериментировал в обоих направлениях — с лучшим другом и с несколькими женщинами старше него. Однако со мной он ограничивался поцелуями и вытиранием моих слёз, которых было немало. Снова я чувствовала, что нахожусь с кем-то, с кем могу отдохнуть от своей агрессивности, борьбы, гнева. В каждый день, проведённый с ним, было место и время, чтобы позволить себе упасть и плакать; я чувствовала себя такой влюблённой... Он был загадочным человеком, и у него была репутация

хулигана. Его личная ситуация была очень сложной, и эта сложность, возможно, привлекала меня в нём больше всего, наряду с его мужественностью и защитой, которые позволяли мне проявлять себя хрупкой и уязвимой, возможно, впервые с противоположным полом, без того, чтобы я контролировала или говорила, что нужно делать.

Однако со временем это превратилось в бурные отношения. Я была эмоционально нестабильна, а он хотел «осесть» со мной. До этого момента он не очень интересовался учёбой, но с тех пор как встретил меня, решил поступить в университет и хотел стать ветеринаром. Ему пришлось переехать в отдалённый город, Рио-Куарто. Расстояние усложнило отношения. Я была очень общительной и тусовалась со своей группой друзей, и начались проблемы: он был очень ревнив, а я не была осторожна с его чувствами.

Я осознала интенсивность наших отношений в одну ночь, когда мы пошли танцевать в клуб. Я призналась ему, что позволила другому парню поцеловать меня, пока он был в другом городе. Тогда он решил отомстить. Он начал танцевать со своей бывшей девушкой, очень привлекательной и сексуальной, и поцеловал её прямо на моих глазах. Я ушла, и он последовал за мной, сказав садиться в машину, что отвезёт меня домой. Когда мы сели в машину, он начал врезаться в другие машины, не заботясь о причиняемом ущербе. Он оставил меня в глуши, одну и без денег. Хотя позже он вернулся и отвёз меня домой, я вышла из машины, не оглядываясь, сохраняя достоинство и отрицая страх, который пережила. Это был конец наших отношений.

Самое романтическое лето моей юности

Следующее лето было самым романтическим в моей юности. Парень моей сестры, Х., пригласил нас с сестрой в дом своего дяди. Они оба хотели жить самостоятельно, поэтому, даже не спрашивая, я оказалась интегрированной в эту семью. Все остальные знали, что происходит, кроме меня, так как я узнала об этом у двери. Он представил меня своим дядям, троим кузенам и одной кузине. Самому младшему кузену было восемнадцать: Х. Он был привлекательным, высоким и широкоплечим, и его опыт с женщинами был очевиден.

Несмотря на то что это было неожиданностью, мне очень понравилась эта семья с первого момента. Они были очень ласковыми, общительными и весёлыми. Они отвели меня в то, что должно было стать моей комнатой с тех пор, — комнату Х., самую крутую и уединённую. Он переехал в гостевую комнату и имел прекрасный предлог часто навещать меня в моей комнате, забирать свои вещи и украсть поцелуй или объятие, так как мы не могли показывать наши отношения в его доме. Это был секрет, хотя такой очевидный!

Внезапно у меня появилась новая замечательная семья, и я почувствовала, что мы усыновили друг друга. Мы с Х. стали неразлучны. Мы завтракали вместе, он сопровождал меня в магазин, где я начала работать, мы ездили за город, к бассейну и летали на самолёте его брата... Он никогда не переставал удивлять меня. Казалось, он прочитал все любовные романы Корин Тельядо и хотел воплотить их в жизнь.

Несмотря на его сексуальный опыт, и, возможно, потому что мы жили под одной крышей, Х. был очень осторожен со мной. Мы никогда не целовались на публике, только в машине или в тёмных углах клуба, куда ходили танцевать. Я любила, когда он обнимал меня, и танцевать вплотную. Я чувствую, что это модель, которую я повторяла на протяжении всей жизни в отношениях: я ищу мужчину-защитника-доброты-отца, чтобы отдать ему всё, кроме моей сексуальности. Я соблазняю и постоянно привлекаю его внимание и провоцирую его желание, только чтобы сказать ему нет. Я люблю видеть и чувствовать его желание, но не отдаю себя.

Религиозная часть моей жизни

Когда я вернулась с каникул, я вошла в контакт с религиозной социально-исследовательской группой. Главный дом конгрегации (некоторые могли бы увидеть в этом культ) находился в самом дорогом районе центра Кордовы. Когда я подошла к большим недавно установленным резным деревянным воротам, я позвонила в звонок, и открывшая мне женщина оказалась той, кого я позже определила как координатора. Она

была настолько доброй и вежливой, что я просто позволила себя вести из впечатляющего вестибюля, вверх по красивой резной деревянной лестнице, в пространство, где уже собралась вся группа. Конечно, все мы были женщинами и очень молодыми.

Так, без лишних слов, я начала сотрудничать с группой. С первого момента я почувствовала себя частью этой среды. Они объяснили, что цель группы — исследование социальной ситуации беспризорных детей, и мы должны создать проект с реалистичными, но творческими решениями. Мотивированная своими амбициями, поскольку выбранный проект будет представлен Папе в Риме, я работала не покладая рук. С первого дня мне назначили духовного наставника и дали тетрадь для исповеди, где был бесконечный список грехов. Когда я прочитала его в первый раз, я увидела, что есть грехи, о существовании которых я даже не знала. Каждую неделю я встречалась с духовным наставником и исповедовалась во всём, что сделала, предварительно просмотрев список грехов.

И каждую неделю я причащалась на двух мессах — одной в школе и другой в Ордене, так называлась группа... Оказалось, что это был *Opus Dei*. Большая часть моего академического развития, моих учебных привычек, моих навыков исследователя и моей приверженности обучению на протяжении всей жизни — благодаря людям, которые сопровождали меня в то время.

Но в двадцать лет, когда я начала встречаться с Х., моим первым серьёзным парнем, я покинула *Opus*. Еженедельные исповеди стали невыносимыми. Я всё время проваливала акт сокрушения! Идея была в том, чтобы больше никогда не грешить. И я не могла отказать себе в возможности иметь парня и чувствовать себя виноватой из-за этого.

Однако мне всё ещё нужно было принадлежать к религиозной группе, и я начала участвовать в Гностическом христианском универсальном движении, или культе без секса. Они вербовали нас через свои лекции и курсы по греческой мифологии, Атлантиде, Древнему Египту, астрологии, психологии, самопознанию, майя, кельтам и дальневосточным традициям... Гнозис, как знание, должен был собрать всю мудрость древних школ. По этой причине он стал доктриной синтеза, раскрывающей все тайны, скрытые от человечества. Секта считала, что люди должны пробуждать своё сознание и стремиться к гармонизации, которая может быть достигнута через устранение эго, самоанализ, медитацию и использование сексуальной энергии, считающейся величайшей человеческой энергией.

Они считали, что совершенный брак происходит, когда пары вступают в половую связь без достижения оргазма, чтобы не проливать семя. Они продвигали девственность и полное воздержание от мастурбации. Они говорили, что мы должны иметь моногамные отношения с одним человеком на всю жизнь, потому что в половом акте мы впитываем карму другого человека, включая его прошлые жизни. Это соответствовало идее вступления в брак девственницами — прямо как в любовных романах моего детства.

Эта идея казалась такой привлекательной моему молодому уму... Наконец, я, казалось, нашла религию, которая оправдывала моё отношение к сексуальности. Так я стала частью нового религиозного движения, полного людей, которые также могли дать этому академическое обоснование. Мне потребовалось двадцать лет, чтобы понять, что моя духовная потребность не обязательно связана с религией или светским движением, а что я на самом деле искатель. Но я обнаружила это гораздо позже, когда встретила своего учителя, Клаудио Наранхо.

Соревноваться, прежде всего, соревноваться

То, что всегда присутствовало в моей жизни, — это моя страсть к соревнованию. В детстве у меня не было ни порядка, ни дисциплины, поэтому послание было ясным: я должна быть умнее всего остального. Умной и стратегической, чтобы выжить, найти своё место в семье. И на протяжении всей жизни это постоянно подтверждалось — в каждом действии, каждой мысли, каждых отношениях, каждом контакте.

Моей специальностью всегда были эмоции, дела сердечные. Меня интересовали романтика, любовная жизнь других и искусство риторики. Мне также нравилось слушать конфликты, высказывать своё мнение или

решение, и я была довольно хороша в том, чтобы заставить кого-то увидеть свою ответственность в том, что с ними происходит. Я называла это «вершить правосудие», хотя на самом деле это было больше о том, как я наслаждалась тем, как слышу себя, оставляя собеседника без слов, и, конечно, оставляя за собой последнее слово.

Продолжая конкурентную среду, в которой я выросла, где нужно было выделяться, нужно было сиять каким-то образом. Деньги были важны, но ещё важнее были университетские степени, награды и социальное признание. С., старший из всех моих кузенов, имеет пять университетских степеней: он врач (как его отец, дед и прадед...); выпускник политологии; выпускник международных отношений; учитель английского (и французского, итальянского, португальского) и публичный аукционист. Он пример.

Что касается меня, я поступила в университет в семнадцать лет; мои тётки перевели меня на год вперёд из детского сада: у них была такая возможность, потому что моя тётка С. была одной из учительниц в школе. И хотя было трудно получить это разрешение, мои устные навыки не оставляли сомнений. Позже я потеряла этот год с моим первым выбором университета: я явно не была зрелой.

Итак, я начала изучать фармацию в Католическом университете, частном, который в то время был одним из самых престижных в стране. Там было более ста студентов, и я думала только о том, как привлечь всеобщее внимание, поэтому я начала чихать снова и снова. Все оборачивались, чтобы посмотреть на меня, и тогда я останавливалась: цель достигнута. По крайней мере, я буду «той, кто чихнула».

Но я бросила учёбу после первого года; мои интересы не совпадали с химией. К счастью, перед уходом с этого факультета я встретила одного из моих лучших друзей, М. Я происходила из религиозной среды, где мы даже не смели упоминать такие слова, как «бисексуальность» или «гомосексуальность». Однако я начала сопровождать М. в гей-бары. Она довольно часто оставалась у меня и любила говорить, когда мы были вместе.

И однажды ночью, когда она искала моих признаний

Однажды ночью, когда она пыталась вытянуть из меня мои интимные тайны, она призналась мне, что ей нравятся женщины и что она собирается уйти от своего давнего парня, потому что влюблена в меня. Я была ошеломлена; я не могла в это поверить. В тот момент мы обе заканчивали наши соответствующие степени, и я всё ещё встречалась с Х. Я не помню, нужно ли мне было сказать ей, что я не чувствую того же, но с того момента между нами что-то изменилось. Я больше не чувствовала, что её потребность приближаться ко мне была чрезмерной; теперь, когда я понимала, что происходит, я смогла расслабиться и чувствовать себя ближе к ней, потому что мы разделяли её секрет, и это заставляло меня чувствовать себя особенной. Она полностью освободилась, и мы начали делиться всем в глубину. Она сказала мне, что надеялась на нас, потому что знала, что моя сексуальная жизнь с Х. была катастрофической. Она была убеждена, что я найду свою истинную идентичность с женщинами...

Я нашла своё призвание: психопедагогика

Мой особый процесс профессиональной ориентации начался с вырезки из газеты, которую принесла мне кузина, объявляющей о наборе на программу психопедагогики. Она предложила мне пойти и посмотреть, что это такое. Я и не подозревала, что нашла начало профессионального пути, который приведёт меня по многим разным дорогам.

С восемнадцати до двадцати четырёх лет я пережила относительно удовлетворяющий этап в своей жизни. Я нашла своё место в мире: любовь и призвание. В университете я снова оказалась в преимущественно женской среде, как среди преподавателей, так и среди студентов; однако атмосфера была совершенно другой: мы были там, потому что сами выбрали быть. Я любила занятия, и поскольку у меня были базовые знания философии и других предметов, я могла позволить себе задавать вопросы преподавателям и ставить вопросы, которые вызывали дискуссии в классе. Я начала практиковать свою склонность создавать спорные или даже конфликтные движения в группе. Выделяться и становиться любимицей преподавателя по интересующим

меня предметам стало постоянством на этом этапе моей жизни, и я продолжаю так вести себя в некоторых средах.

Снова мой паттерн проявился перед групповой и институциональной жизнью: сначала я должна определить все роли; во-вторых, я думаю о том, как разработать стратегию, чтобы завоевать тех, кто меня интересует, и таким образом удовлетворить свои потребности. Что касается преподавателей, меня интересовали только лучшие, и, к счастью, большинство из них были исключительными, за некоторыми исключениями.

Вскоре я стала ассистентом преподавателя по двум моим любимым предметам, у двух преподавателей, которые мне нравились больше всего: по философии и этике, и по профессиональной и трудовой ориентации. Там я обнаружила свою склонность быть за знающей фигурой. Я питалась их опытом и решала их потребности в управлении и планировании. Возможно, поэтому я позже выбрала эту область как свою специализацию; в конце концов, это был баланс между программой направляемого человека и разработкой персонализированных предложений, чтобы помочь им.

Интересно теперь, оглядываясь назад, видеть, как каждый путь открывал новый. После лета я узнала, что была запущена новая программа: преподаватель образования для детей в трудной жизненной ситуации и социальных конфликтах (да, очень аргентинское название). В то же время я записалась на эту новую профессию. Сосредоточение на работе с детьми глубоко связало меня с моим собственным детством. Истории детей, которых я начала сопровождать, были похожи на мои собственные, но им не хватало той относительно защищающей семьи, которая была у меня. Это заставило меня осознать, как много я обязана всем своим дядям, тётям, кузенам и родственникам: благодаря им я не оказалась под опекой учреждений по защите детей или на улице.

Мной двигала острая необходимость спасти этих детей, дать им что-то из того, что было дано мне. Поэтому я участвовала во всех возможных стажировках с первого года, запрашивая специальные разрешения, так как студентам первого курса не разрешали стажировки. Но я утверждала, что я на втором курсе психопедагогики, и мне удавалось попасть в учреждения. Это позволило мне работать с несовершеннолетними в центрах ухода и учреждениях для трудных подростков в течение пяти лет.

Я убедила нескольких преподавателей разрешить экзамены с открытыми книгами, потому что единственное, на что у меня хватало времени, совмещая несколько профессий, — это чтение; у меня не было времени делать записи. На последнем курсе я получила отличные оценки почти по всем предметам и, как ожидала моя семья, закончила со средним баллом 8,5 — хотя и не таким высоким, как средний балл 9,9 у моих кузенов, но всё же близким.

Когда я начала программу образования несовершеннолетних, я влюбилась в преподавателей E2

Когда я начала программу образования несовершеннолетних, у меня возникла платоническая влюблённость в двух преподавателей. Координатор программы, вдовец с шестью детьми, был очень религиозным и имел всё: он был серьёзным, умным, привлекательным и морально безупречным. Другой был известным психоаналитиком, работавшим в судах: сексуальный, тоже умный, тёплый, гибкий, дружелюбный и улыбчивый.

В моих фантазиях с первым я представляла себя матерью его детей. Второй нравился всему классу, и, конечно, он позволял себя обожать, поэтому он не вписывался в мои брачные фантазии: только тот, кто был исключительно моим, был достоин того, чтобы о нём фантазировать. Но, как ни странно, от первого я получала только похвалы. Вместо этого я обнаружила, что второй умеет слушать, и к концу программы я начала с ним терапевтический процесс, который помог мне закончить отношения с X., моим первым настоящим и официальным парнем, после пяти лет вместе.

Последний раз, когда я видела отца

В то время, в двадцать четыре года, мой отец снова появился в моей жизни. Он позвонил мне в дом тётки С. и сказал, что хочет увидеть меня. Мы договорились встретиться в баре. Он узнал, что я уже профессионал, и хотел поздравить меня с этим. Я едва помню разговор, но помню, что он сказал, что у меня миндалевидные глаза, как у моей матери. Этот человек был для меня совершенно незнакомым; его сладкий и соблазнительный голос отталкивал меня. Я не помню, сколько мы пробыли вместе, может быть, час. Но я не знала, откуда он пришёл и куда направляется. Разговор вращался вокруг моей учёбы и моего будущего, и он казался заинтересованным, но всё было странно; последний раз, когда я слышала о нём, мне было пятнадцать. Случайные, поверхностные появления оставляли меня холодной и равнодушной. Я не воссоединюсь с ним до шестнадцати лет спустя, когда я была в совершенно другой точке своей жизни.

Новое начало

Как будто всего, что я уже делала, было недостаточно, я записалась на юридический факультет с предложением помогать Х. учиться. Между нами возникла смесь товарищества и конкуренции, хотя я не могу сказать в какой пропорции; но я помню, что после моих хороших результатов экзаменов он стал мотивированным и начал прогрессировать в учёбе. Мы провели так три года, но благодаря моей работе с терапевтом я поняла, что, с одной стороны, я конкурировала с ним, чтобы доказать, что я ярче, умнее и прилежнее; а с другой — я превратила юридический факультет в сцену для демонстрации спорными речами, которые ставили некоторых преподавателей, которыми я не восхищалась, в трудное положение — в основном я спрашивала себя, почему они там преподают, если они не лучшие. Позже, можно сказать, «карма» вернула меня в похожие ситуации в моей собственной профессии университетского преподавателя, со студентами, которые ведут себя так, как когда-то вела я.

Но главная причина, по которой я изучала право, была в том, что я хотела стать достойной преемницей своей матери и как таковая защищать несовершеннолетних. Поняв это в терапии, я бросила право и сосредоточилась на окончании психопедагогики и образования несовершеннолетних. Хорошо, что так получилось, потому что это сняло напряжение в моих отношениях с Х., поместив нас в разные профессиональные сферы.

Я считала себя завидной партией

В тот момент я считала себя завидной партией: я была красивой, умной, профессионалкой, финансово стабильной и имела пенсию по потере кормильца, которую я сохраняла бы на всю жизнь, если останусь одинокой — то есть я потеряла бы её, если бы вышла замуж. Поэтому в первые годы наших отношений я оплачивала все удовольствия — будь то для него, для меня или для нас обоих. Я жила в доме моего дяди А., который был большим и со всеми удобствами, а Х. жил в центре, в маленькой квартире со своим братом, только с самым необходимым: две кровати, стол, пара стульев и ванная, в которую нужно было входить боком. Я предоставила ему всё, включая машину и мотоцикл, которые я купила. Я повторяла некоторые паттерны моих родителей: поддержку, которую моя мать оказывала отцу в учёбе, и финансовую поддержку. Единственная разница была в том, что Х. был сильно улучшенной версией моего отца — с добротой, верностью, преданностью и щедростью... а я была немного менее замечательной, чем моя мать, поскольку то, что у меня было, было не результатом моих усилий, а тем, что я унаследовала от неё.

Х. закончил учёбу за год до того, как я закончила, и это физически разлучило нас, потому что он вернулся в город своей семьи, а я осталась в Кордове, где была моя семья. Я стремилась путешествовать по миру, учиться за границей, изучать языки и получать последипломное образование. Он хотел жениться, иметь дом, собаку и по воскресеньям мыть машину и устраивать барбекю с семьёй в деревне.

Снова новое начало

Х. предложил мне переехать к нему в Метан, чтобы наладить наши отношения, но одна мысль о том, чтобы остаться там навсегда, вызывала у меня головокружение. Однако я согласилась переехать в Сальту, которая находилась в 150 километрах от Мерана. Я поселилась в квартире, принадлежащей моему дяде, и Х. приезжал ко мне каждые выходные. На первом этаже здания был очень шикарный магазин, где собирались

адвокаты из судов и некоторые представители высшего общества Сальты. Мы говорили о совместной жизни, и меня охватывала тревога: в двадцать пять лет одно лишь представление о совместной жизни заставляло меня хотеть убежать.

Вскоре после этого я сказала ему, что сожалею, но мы должны расстаться. Он не мог в это поверить; он даже сделал мне предложение, но к тому моменту для меня стало ясно, что я не хочу замуж, детей или быть привязанной к чему-либо или кому-либо; я сбежала. Теперь, наконец, одна, свободная и независимая, я начинала новую главу в своей жизни. Вскоре я начала частную практику с одарёнными детьми и подростками, нуждающимися в профессиональной и трудовой ориентации. Я чувствовала себя комфортно и защищённо, живя и работая в одном пространстве, выходя только за покупками и возвращаясь домой. Я ещё никого не знала в Сальте, у меня не было друзей и семейных связей. Я предполагала, что семья моего отца живёт где-то в Чили, которого я не знала; часть семьи моей матери находилась в 150 километрах в городе Метан, а другая часть — в 900 километрах в Кордове.

Помощь детям и подросткам стала довольно сложной задачей. Теперь я понимаю, что мои недостатки в те периоды и моё незнание были препятствиями, когда я пыталась выйти за рамки известных мне техник. Моим единственным преимуществом и причиной, по которой мне удавалось удерживать некоторых пациентов, были мои хорошие отношения с их родителями и учителями в учреждениях. Я поняла, что моя связь была больше с миром взрослых, чем с детьми, и я начала искать другую альтернативу в рамках психопедагогики.

Через несколько месяцев я нашла работу преподавателя в Институте Жана Пиаже, который был единственным учреждением, предлагавшим эту профессию в то время. Тёплый, ласковый приём владельца института — матери и её двух дочерей — в сочетании с моим энтузиазмом по поводу преподавания привели меня в ещё одну семейную среду, с которой я разделяла больше, чем просто профессиональные отношения. Я чувствовала себя ценной и поддерживаемой.

Но жук амбиций всегда был в игре: как только я чувствовала, что чего-то достигла, внутренний голос говорил мне, что мне нужно больше. Я могла бы остаться с частной практикой и преподаванием, но нет — возможность войти в историю, быть великой, трансцендировать и быть запомненной за великое дело, которое затрагивает весь мир, всегда маячила на горизонте. Профессиональная деятельность, где социальный мир был так ограничен, не казалась мне интересной жизнью.

Наконец, обретение друзей

Через некоторое время я встретила Л., обаятельного архитектора, с которым я до сих пор дружу. С самого начала между нами возникла прекрасная связь; он был таким забавным, умным и остроумным, что я не переставала смеяться с ним. Он познакомил меня со своими друзьями и привёл в бар своего брата А., на год старше его, тоже забавного и умного, но с аурой человека, который многое пережил, как будто он уже всё видел, хотя был всего на три года старше меня.

Их отец был немного сбит с толку, когда встретил меня, потому что, когда он увидел меня впервые, я была с младшим сыном, а через несколько дней — со старшим. К счастью, отношения между двумя братьями всегда были наполнены любовью и пониманием, и ни от А., ни от меня не последовало упреков со стороны Л., когда мы начали встречаться. Я говорю «отношения», а не «свидания», потому что для меня это была нетипичная ситуация: я знала всю его семью, но он никогда не приближался к моей. Кроме того, ни один из нас не был заинтересован в сексуальной жизни — ни между собой, ни с другими. Мы попробовали пару раз, но это была катастрофа, и ни один из нас не настаивал снова. Мы были любопытной парой, которую видели вместе только в его баре, куда я ходила каждый день, чтобы составить ему компанию. Это были скорее отношения отца и ребёнка, чем романтические. Мы были вместе два года.

Первый уровень амбиций: лидерство

В двадцать шесть лет я подала заявку на должность директора частной школы Сан-Игнасио де Лойола, школы с дисциплинарными проблемами, к чему я чувствовала себя готовой, учитывая мой опыт работы с

несовершеннолетними в учреждениях. Сегодня мне кажется невероятным, что я ни на секунду не чувствовала неуверенности, выдвигая свою кандидатуру, конкурируя с профессионалами, имевшими опыт директорства. Реальность учеников была довольно сложной, и они больше напоминали воспитанников учреждений, чем школьников, и это был главный аргумент моей кандидатуры: я считаю, что мой опыт в молодёжных центрах убедил их.

Моим первоначальным предложением было оценить ситуацию, проведя собеседования с каждым учителем, что привело к моему предложению заменить весь персонал. Большинство из них хотели уйти из школы, потому что годами терпели сложную ситуацию и хотели перейти в другой центр, поэтому я договорилась о выходных пособиях, и владельцы школы согласились. Все выиграли; с моей стороны у меня будет новая команда, сформированная мной, и мне не придётся иметь дело с наследием предыдущей администрации. Так начался долгий процесс отбора персонала, где я создала письменный опросник, модель собеседования и представила итоговые отчёты по отбору.

Оглядываясь назад, я вижу, как мне не хватало страха в ситуации, где у меня не было опыта, и где другие думали, что я знаю, что делаю. Выбранная мной команда была очень хорошей, но это было скорее результатом интуиции, чем разума. Единственным недостатком было то, что все были старше меня, и это означало, что мне нужно было работать над установлением своего авторитета. Переломный момент наступил на первой неделе занятий, когда я исключила пять учеников, ограбивших школьный киоск.

Тогда я установила свой авторитет как перед учителями, так и перед учениками — исключив самых проблемных.

Средний возраст учителей был сорок лет. Таким образом, разница в возрасте между мной и трудными учениками была меньше, чем между мной и учителями. Учитывая мой опыт в молодёжных центрах, учителя отправляли непослушных учеников в мой кабинет, что привело к двум последствиям: у меня не было времени управлять педагогическим проектом, а учителя по удобству или неспособности полностью делегировали мне власть над учениками. Из-за моей неопытности я взяла на себя эту ответственность исключительно, так как это было единственное, что я умела делать. Вскоре мы приобрели репутацию способных справляться со сложными случаями и исключёнными из других школ учениками.

Ещё одним моим качеством была способность управлять трудными родителями, включая родителей учеников, которых я исключила на первой неделе, и которых мне удалось устроить в другие школы. Это принесло мне репутацию справедливого человека, но на самом деле я делала это, потому что хотела угодить всем и, прежде всего, представить себя спасительницей. Чем больше я сосредотачивалась на учениках и их семьях, тем хуже становилось: я не действовала как директор, и правда в том, что я не была подходящим человеком для этой работы. Это был не первый раз, когда я убеждала себя и других, что я способна, только чтобы в итоге оказаться разоблачённой.

Второй уровень амбиций: поиск работы, нет ничего невозможного

Я решила, что пришло время написать письмо губернатору провинции Сальта, объясняя недостатки его молодёжной политики. В результате ситуации, которую я пережила в школе, я связалась с профессионалами и учреждениями и смогла предложить некоторые улучшения этой политики. До сих пор остаётся загадкой, какая часть содержания того письма помогла секретарю губернатора пригласить меня на собеседование.

Я помню, что она задавала мне сложные вопросы о моём письме, и я становилась конкурентной. Но, к счастью, она увидела за моим высокомерием и демонстрацией знаний и мудро сделала мне предупреждение: «Я думаю, вы можете привнести свежий взгляд в Управление по делам семьи и молодёжи, но если вы будете разговаривать с секретарём губернатора так, как говорили со мной, забудьте о работе в этой Администрации».

Действительно, секретарь действовал как премьер-министр: он был стратегом из Буэнос-Айреса, и все его боялись, потому что ничто из того, что делал губернатор, не обходилось без его согласия; всё проходило через его руки. Итак, я собиралась встретиться с высшим авторитетом. К счастью, я уже получила предупреждение

и вела себя очень осмотрительно и сдержанно. Тогда он сказал мне, что я буду советником директора по делам семьи и молодёжи провинции. Это означало, что я буду советовать директору, гинекологу, по всем молодёжным программам и учреждениям. Я не могла в это поверить — от неудавшегося школьного директора до высших эшелонов власти.

Я вошла в контакт с очень большой технической командой, и там были всякие люди. Некоторые были очень подготовлены, но другие были выгоревшими, потому что не хотели, чтобы ими руководил гинеколог, который ничего не понимал, и тем более 27-летняя новичка, которая одевалась так, будто каждый день идёт на вечеринку, никогда не повторяя нарядов, и чьи мини-юбки и декольте были довольно провокационными для пожилых женщин, которые были матерями и составляли большинство команды Отдела по делам молодёжи.

Позже я поняла важность моей внешности и отношения в глубоком неприятии, которое я вызывала, но сначала я никого и ничего не видела — я занималась своим делом. Я не осознавала своего интенсивного соблазнения всего, что движется, особенно авторитетов; и поскольку они были мужчинами, я преуспевала. Я осознавала своё желание привлекать внимание, но не видела в этом соблазнения, потому что это поставило бы меня в позицию зависимости от чужого взгляда, чего я никогда бы не признала.

Третий уровень амбиций: трансформация управления

Я начала работать со стратегическим планированием, в котором проходила обучение. Конечно, я делала это наугад; те, кто действительно знали, были С. и К., два техника, обученных в Буэнос-Айресе, с большими знаниями и опытом в этом инструменте. Я думаю, это была интересная встреча для обеих сторон: через них я смогла бы эффективно вносить изменения, а они — связующее звено, имеющее прямой доступ и доверие директора. Таким образом, мы начали период преобразований в секретариате.

Это было нелегко; было сопротивление от всех видов людей, особенно от самых опытных техников в этой области. Я не видела их и не слушала; я работала на полной скорости. Всё, что я хотела, — это трансформировать управление сверху донизу, применяя модель обучения, которую я получала от ООН и МВФ. Я координировала тех, кто контролировал методологию, распределяя задачи, которые другие должны были выполнять. Я нашла своё идеальное место: координировать других, переходить от встречи к встрече и служить мостом между политикой и техничностью. Я многому научилась, что в сочетании с моими амбициями вскоре привело меня к новым сферам.

Четвёртый уровень амбиций: Grupo Ferro

Вскоре моё имя дошло до ушей губернатора через речь о молодёжи, которую я произнесла по запросу секретаря по социальному развитию. Мой текст произвёл огромное впечатление, и спросили, кто его написал. Так меня пригласили взять на себя методологический аспект того, что позже будет названо Grupo Ferro, сформированной новым поколением политиков, которых губернатор набирал для своей предвыборной кампании. Так я начала знакомиться со многими юристами, экономистами, инженерами, врачами, архитекторами, детьми влиятельных политиков и техниками, специализирующимися в различных областях правительства. Я снова была одной из самых молодых в группе, но, поскольку 80% группы составляли мужчины, я имела преимущество их внимания.

Сначала внимание было, несомненно, сосредоточено на моей внешности, но вскоре я завоевала уважение своим профессионализмом. Моим преимуществом было то, что у меня были инструменты стратегического планирования, и я могла направлять их знания и навыки к общему проекту: пересмотру политики правительства и выявлению необходимых улучшений по регионам и секторам.

Губернатор предоставил нам штаб-квартиру, отреставрированное пространство в железнодорожном районе; оттуда Grupo Ferro и получила своё название. Мы собирались там каждую ночь с разными группами, и я координировала всё. Молодые политики, которые появлялись и теперь являются министрами, судьями, мэрами, сенаторами и депутатами, были там. Это был опыт, который сделал меня очень популярной среди министров, судей Верховного суда, мэров, сенаторов и депутатов... Что больше всего выделялось, так это то,

что у меня не было крёстного отца. Однако это позволило мне говорить с судьями, депутатами и министрами на равных. На самом деле, я даже не чувствовала себя скованной перед губернатором, и теперь я понимаю, что это было потому, что я никого не признавала авторитетом. Все они казались мне в чём-то недостойными или аморальными; я знала их слабые места и принижала их в своих глазах.

Я вела себя как человек, у которого есть могущественный покровитель, как будто я неприкасаема; я высказывала своё мнение свободно, без страха и без чувства неполноценности перед кем-либо. Кто-то однажды сказал мне, что я веду себя как советник Бога. Я вела себя так, как будто отвечала только перед ним... но не для того, чтобы он говорил мне, что делать, а чтобы я могла давать указания Богу.

Нечто подобное происходило в моей личной жизни: несмотря на то что я почти ежедневно получала мужские ухаживания, я игнорировала их всех. Я оставалась на неприкасаемом месте, безупречной. Я чувствовала себя равной мужчинам и некоторым женщинам, которые были профессионалками и маскулинизированными, как я. Это снова приводило меня к одиночеству в неформальных отношениях, поскольку в конечном счёте мои отношения с мужчинами и женщинами, которых я считала достойными, всегда были конкурентными; я не могла расслабиться ни с кем и не могла показывать слабость или уязвимость. Мне было меньше тридцати, а я вела себя как ветеран.

В тот период я встретила нескольких одиноких, состоящих в отношениях и женатых мужчин. Моим главным интересом было чувствовать себя желанной: я доводила ситуацию до предела, где они неизбежно предлагали секс, и это был знак для меня уйти. Теперь я признаю это как попытку сохранить некоторую «девственность», связанную с отключением от моего либидо, а также с моей неспособностью представить секс без любви. На самом деле, только если я чувствую себя любимой, есть возможность сексуального доступа.

Я убедила себя в то время, что не создана для партнёра и уж точно не для детей. Помогало думать, что традиционный аргентинский прототип не для меня, особенно сальтенская версия, которая была по сути мачистской, где место женщины всегда позади мужчины. Женщина могла быть профессионалкой, работать и занимать ответственные должности, но у мужчины были свободы, которых у неё не было. Так что моя жизнь будет сосредоточена на учёбе и профессии.

Расширяя оазис

Со всеми разными работами, которые у меня были до этого момента, и моей сверхъестественной способностью начинать разговор с любым человеком, в любом месте и в любое время, моя записная книжка была полна разнообразия. Я жила на седьмом этаже с прекрасным видом на предгорья Анд, который я превратила в идеальное место для организации эпических ужинов, смешивая всевозможных людей: гадалок, ведьм, трансвеститов, яппи, терапевтов, журналистов и т. д. Это стала идеальная среда для возможности покупки бара вместе с моими друзьями В. и Т. Там мы могли собирать друзей всех мастей, централизовать ночную жизнь и заниматься собой по выходным.

Бар был красивым. Он назывался El Caldero. Мы стали первым баром, который привозил живые группы с четверга по субботу, играющие джаз, блюз и рок. Учитывая, что Сальта — провинция, где преобладает народная музыка, это было действительно новаторское предложение. Поскольку я всё ещё работала в правительстве, у нас были некоторые знаменитые посетители, такие как министр финансов и глава правительства, которые приходили со всей своей командой, и, конечно, мы закрывали бар для них.

В то время у меня также было такси, просто как инвестиция, которое я делила с А., моим партнёром без романтических прав, который, как я упоминала ранее, тоже владел баром и тоже начал организовывать концерты. Появление конкуренции ослабило бизнес, и на некоторое время мы стали баром, куда музыканты приходили после концертов в других барах. Они говорили, что это их любимый бар. Затем начались «джем-сейшны»: музыканты из разных групп приходили со своими инструментами, и импровизировались новые мелодии. Это были уникальные моменты, как будто у меня был личный саундтрек; я думаю, это было лучшее время в El Caldero, так как он наполнился богемной, художественной атмосферой — домом музыкантов.

Мало-помалу я замечала, что политическая ситуация накаляется, и кризис приближается. Начало конца уже было видно, хотя не все это осознавали. Я поняла, что мне нужно изучить другие варианты, и Испания вошла в мои планы. Это был также ключевой момент в моей профессиональной жизни. Я достигла вершины, и выше меня не было ничего, что меня интересовало, потому что подняться выше означало бы уровень приверженности правящей партии, на который я не была готова, так как коррупция была повсюду. Затем поступило прямое предложение вступить в партию. Теперь я вижу это как способ проверить мою лояльность делу. Это был момент, когда я поняла, что не хочу никаких постоянных связей или обязательств; также у меня была информация, в которую я не хотела ввязываться. Поэтому я сказала, что собираюсь взять год творческого отпуска в Испании, чтобы продолжить образование и привезти новые инструменты. Это было правдоподобно; в то время я даже не знала, что не вернусь.

У меня была семья, дом, имя, место в обществе и политике, и, несомненно, сегодня я была бы на какой-то должности с высокой ответственностью. Но чего-то не хватало, и я не знала чего. Пока я не встретила Клаудио Наранхо.

Мои начинания в Мадриде

Я приехала в Мадрид в сентябре 2000 года. Я записалась в докторантуру на факультете методов исследования в образовании в Университете Комплутенсе. В тридцать лет это было как снова стать восемнадцатилетней. Я нашла квартиру с двумя девушками в 200 метрах от университета. Финансово я была обеспечена — все мои сбережения плюс пенсия моей матери; мне не нужно было работать. Я могла полностью посвятить себя учёбе, снова став вечным студентом.

В конце 2001 года в Аргентине произошёл «корралито». Все мои деньги застряли там. В одночасье у меня не осталось ни цента, и это заставило меня начать всё заново. Я попыталась работать в мексиканском ресторане, но продержалась только одну ночь.

Поскольку одной докторской программы было недостаточно, я также записалась на магистерскую программу в Университете Франсиско де Витория и на специализацию в UCM. Это было как в мои университетские годы, когда я училась на трёх специальностях одновременно. Теперь я вижу свою потребность в интенсивности: одной степени было недостаточно. К счастью, через магистратуру мне предложили возможность подать заявку на одну из доступных стажировок. Это дало бы мне вид на жительство и некоторый доход для продолжения последиplomного образования.

Меня пригласили на собеседование в одну из компаний Union Fenosa, Soluziona. Я начала как стажёр, и через шесть месяцев меня повысили до менеджера по обучению и развитию. Это вызвало некоторые неудобства у других коллег, которым потребовались годы, чтобы перейти от стажёра к младшему консультанту, старшему консультанту, менеджеру проектов, а затем к менеджеру. Как будто в глубине души я чувствовала глубокую недостаточность, которая подпитывала мою ложную изобильность, и я должна была заполнять её достижениями, доминированием, самомнением и величием... У меня много путаницы с тем, где проходит граница между правдой и ложью, которую я говорю себе, между тем, что я действительно знаю и на что способна, и тем, на что я не способна. Бывают моменты, когда я верю в истории, которые рассказываю, а другие разы — когда я осознаю, что обманывала других относительно своих способностей.

Встреча с моим мужем

Также в 2001 году я встретила своего будущего мужа. В первый раз я увидела его в его доме. Я позвонила в дверь, и он открыл. Когда я посмотрела в его глаза, я услышала небесный хор ангелов и подумала, что увидела свет, исходящий из его спины. Воздействие было настолько сильным, что в течение нескольких часов я не могла сосредоточиться ни на чём другом.

Он был таким красивым, с самым нежным взглядом, который я когда-либо видела в своей жизни, и его доброта отражалась на лице. Со временем, узнавая его лучше, его добродетели росли: щедрый, добрый,

благоразумный, трудолюбивый, организованный, хороший сын, хороший брат, хороший друг... Спустя годы он также стал лучшим отцом. Короче говоря, идеальный мужчина. С точки зрения моей идеализации, он представлял собой комбинацию, обогащённую всеми качествами, которыми я восхищалась в людях, встреченных на протяжении моей жизни. Я также осознавала долгий путь, который мне предстоит пройти, чтобы соответствовать этому идеалу.

Прошло восемнадцать лет, и мы пережили и преодолели бесчисленные кризисы, некоторые очень глубокие, но сегодня я могу сказать, что выбрала бы его снова. Благодаря учениям, полученным позже, я поняла, что этот выбор партнёра — духовное путешествие.

Мои яппи-годы

Работа в транснациональной компании открыла измерение, которое я уже знала, но теперь в европейской версии. Это был маленький политический мир, поддерживаемый патриархатом, основанный на иерархиях, мачизме, играх власти, фракциях и закулисных слухах. Снова я была в своей стихии, я точно знала, как всё работает. Чтобы соответствовать среде, я купила костюмы, сумки, туфли и очки, которые прекрасно сочетались с моим красным кабриолетом модели «ветер в волосах».

Я идеально вписалась в свою новую работу и полностью вошла в мир бизнес-консалтинга. Я начала путешествовать по Испании, продавая и разрабатывая проекты по качеству, окружающей среде и профилактике профессиональных рисков. В этой новой и высококонкурентной среде мне нужно было многому научиться за короткое время; никто не спрашивал меня, сколько я знаю о качестве; меня просто отправляли оценивать организации. Я специализировалась на качестве. Официальное обучение от CEG Excellence Club позволило мне стать лицензиатом модели EFQM, что позволило мне заниматься тем, что я любила больше всего: слушать проблемы и предлагать творческие решения, говорить организациям, что они делают неправильно и как это исправить. Они слушались меня и благодарили. О, это было идеально!

Моё эго танцевало от радости...

Моё имя начало циркулировать в университетской среде, затем в учебных группах, а позже в государственных администрациях. Я начала становиться известной технически и политически, связывая профессионалов и организации. Одним из моих главных навыков было быть мостом.

Но я продержалась в Soluziona всего два года. Почему? Конкурентная среда, где я не могла завоевывать восхищение всех, трудность в общении с женским началом и, следовательно, в построении отношений с коллегами-женщинами, и полное отсутствие восхищения моими начальниками. Также отсутствие мотивации, потому что системы качества на самом деле не создавали никакой реальной трансформации в людях, которые их поддерживали, а только улучшали формальность и язык, который они использовали для самопрезентации.

Мой уход из компании произошёл после разговора с одним из моих непосредственных начальников, который дал мне понять, что я слишком быстро поднялась и снова достигла потолка. За шесть месяцев я прошла путь от стажёра до менеджера, но я хотела большего, и мне дали понять, что это невозможно. Мой собеседник сказал мне: «Вы видите каких-либо женщин на должностях, которые вас интересуют? Ну, это не случайность. Единственное, что вам остаётся, — продолжать специализироваться в работе с большим количеством продуктов, но я бы не советовал вам стремиться к большему». Это был хороший предел.

Затем я снова начала с нуля как фрилансер. Используя связи, которые я построила в различных группах, где состояла, я быстро стала тренером, консультантом, оценщиком и организатором мероприятий в различных образовательных конфедерациях, работая с более чем 200 образовательными центрами — от дошкольных до университетских — по всей Испании. Мой доход был выше, чем у моего мужа, что давало мне свободу передвигаться и отсутствовать столько, сколько я хотела. Снова в своей эгоистической стихии.

Я много путешествовала, давая тренинги и участвуя в координации конференций по дошкольному образованию. Мне удалось развить свои политические, стратегические и коммуникативные навыки, что

сделало меня известной среди коллег. Я расцветала — школы хотели больше тренингов со мной, и мне приходилось придумывать новые курсы, как только заканчивался предыдущий. Они говорили, что я вливаю креативность прямо в их вены, и я была совершенно счастлива. У меня было всё: партнёр, который мной восхищался, и деньги, которые были только результатом моих усилий, позволявшие мне финансировать все мои прихоти и покрывать его тоже. Однако, как всегда, чего-то не хватало, и некоторые вещи работали не идеально или не так чудесно, как мне хотелось бы.

Первые щелчки

Внезапно, в тридцать шесть лет, биологические часы начали громко тикать. Это был критический момент, потому что мы оба были на пике карьеры, но мне удалось убедить его, и я сразу забеременела.

Это застало нас совершенно неподготовленными, и меня захлестнула волна тревоги, недостаточности и материнского невежества, которое я теперь вижу на расстоянии, хотя тогда понятия не имела. Беременность была для меня лучшим физическим состоянием. Впервые в жизни я смогла расслабиться в своём теле: мне больше не нужно было носить высокие каблуки или обтягивающую одежду. Моя грудь наполнилась, и я постоянно чувствовала себя сопровождаемой — это было чудесно. Я не испытывала никаких типичных неприятных ощущений беременности; я чувствовала себя лучше, чем когда-либо.

Я пыталась компенсировать недостаток личного опыта книгами и семинарами о материнстве. Я прошла курс с педиатром и акушером-гинекологом, который позже стал известен в кругах естественных родов. Фактически, первый пациент педиатра был моим первенцем. Оттуда она стала ключевой фигурой в поддержке меня на моём родительском пути, так как у моего сына были различные симптомы. Через неё я вошла в мир гомеопатии и познакомилась с профессионалами, занимающимися такими терапиями, как остеопатия, ритмический антропософский массаж, эвритмия, педагогика Пиклера-Лоцци, дневные матери и доулы. Я начала соединяться с психопедагогическими аспектами больше, чем с бизнес-асpekтами.

Двадцать два месяца спустя родилась моя вторая дочь. Я не кормила грудью ни одного из них, о чём глубоко сожалею. Я была полностью дезориентирована: я прошла всевозможные семинары и курсы по естественному воспитанию, которые не могла поддерживать в своей реальной повседневной жизни. Я не могла воплотить в жизнь полученные знания.

И затем однажды — бац! У моего партнёра случилась авария на мотоцикле, его левая ключица раздроблена, то же плечо, на котором я привыкла отдыхать головой, засыпая.

Он не мог заботиться о себе, например, мыться или одеваться без помощи, не мог выполнять домашние дела или носить детей. Этот момент заставил меня осознать, как я отсутствовала в своей семье, потому что моя работа требовала многих поездок и интенсивных часов, и я возвращалась, когда дети уже спали. У меня были муж и двое детей, о которых я не заботилась и не знала, в чём их потребности. Я поняла эту аварию как послание вселенной — без сомнения, для него, но также и для меня. Это было как увидеть всё, что он нёс, пока я была там, снаружи, играя более мужскую, чем женскую роль.

В синхронии я получила от одного из моих университетских студентов работу о современных мыслителях, связанных с образованием. Авторы были мне знакомы, почти те же самые повторялись каждый год, за исключением одного: доктор Клаудио Наранхо, человек, о существовании которого я не знала. Я начала искать информацию о нём и была поражена его видео в интернете. За несколько лет до этого он опубликовал книгу «Менять образование, чтобы изменить мир». И внезапно я увидела, что его фонд предлагает четырёхспловинднейный курс под названием «Введение в психологию эннеатипов», и я поехала. Мои коллеги спросили меня, о чём это, и я сказала: «Понятия не имею, но я еду».

Программа SAT

Это было поразительно, с чем я столкнулась, когда приехала на курс из своего яппи-мира. Я приземлилась в своих восьмисантиметровых каблуках, идеально сочетающихся с сумочкой, обтягивающими

костюмами и соответствующими очками. И вдруг я вошла в комнату, где все были босиком. Мало того, они лежали на полу! Среди ковров и подушек я чуть не получила шок.

Моя первая мысль была: «Куда я попала?» Я срочно искала стул. Их было очень мало на такое количество людей, но с короткой юбкой, которая была на мне, я не могла позволить себе сидеть на полу, боже мой! Другая проблема была в том, как все остальные были одеты. Они выглядели как вышедшие с фотографий 1960-х годов. Все в спортивных штанах, длинных волосах, дредлоках, бородах, седых волосах, небритые... Боже мой, эти люди ни разу в жизни не посещали приличный салон, а я, конечно, пришла от Llongueras.

С этого момента я не видела, что будет дальше. Мой ум не обрабатывал никаких логических мыслей. Я была просто сгустком эмоций, которые приходили и уходили, и я даже не знала, что происходит. Я помню, как некоторые из моих сверстников говорили с терапевтами, потому что они были обеспокоены тем, как я реагировала на различные предлагаемые упражнения. Почти все участники пришли из гештальт-терапии, были терапевтами или занимались семейными расстановками или другими процессами личностного развития. Казалось, я была единственной, кто понятия не имел, где находится.

По мере того как проходили дни, я всё больше убеждалась, что нашла нечто действительно значительное. Впервые в жизни информация поступала не через мой ум или понимание. Я делала записи, но это не имело значения, потому что не было содержания, которое можно было бы уловить, чего-то фиксированного. Это было моё тело, которое понимало, и это понимание было чем-то, что я не могла объяснить словами, но выражала через эмоции. Я не помнила, когда в последний раз плакала от такой глубокой боли.

Терапевтами на семинаре были Ассумпта Матеу и дорогой, незабвенный Рамон Ресино. В последний день я подошла к нему и сказала: «Сеньор Рамон, я думаю, было бы интересно, если бы Клаудио Наранхо встретился со мной».

Я до сих пор помню его лицо. Он был ошеломлён, а затем добродушно рассмеялся: «Конечно! Я свяжу вас с Асунтой Ормаэчеа, которая находится в Мадриде, чтобы она связала вас с ним». Затем я спросила, где я могу продолжить обучение и какого терапевта он порекомендует для начала личного процесса. Он предложил мне следующий уровень обучения: SAT I. Он также дал мне имена Пако Пеньяррубия и Мадридской школы гештальт-терапии, а также Педро де Кассо. И туда я пошла.

Клаудио Наранхо

Вскоре после завершения курса «Введение в психологию эннеатипов» я поехала в Барселону, чтобы встретиться с человеком, который станет моим учителем, Клаудио Наранхо. До этого момента я не осознавала, что на самом деле я тосковала через все эти поиски по учителю, по референту. До тех пор я не чувствовала возможности или необходимости восхищаться кем-либо. Напротив: любой авторитет, которого я встречала, быстро помещался ниже меня. Через соблазнение, интеллект, компетентность или мораль мне удавалось чувствовать себя выше.

Мы встретились в штаб-квартире Фонда Клаудио Наранхо. Я помню, что он посмотрел на меня и коротко улыбнулся. Затем он шёл с опущенной головой и искоса взглянул на меня — сначала на мои руки, затем на шею. Я никогда не спрашивала его, почему, но я представляю, что он пытался идентифицировать меня характерологически и не знал, куда я склоняюсь. Как только мы обменялись первыми словами и я сказала ему, что хочу провести с ним исследовательский проект в области образования в качестве основы для моей докторской диссертации, мои амбиции, должно быть, были очевидны.

К счастью, мы были с другими людьми, потому что я почти лишилась дара речи, кроме ответов на его прямые вопросы. Учитывая мою говорливость, я не могла понять, что со мной происходит: я была в шоке. Его отношение было наблюдательным, молчаливым, и он говорил без обычных любезностей или типичных фраз, которые люди используют при первой встрече. Это оставило меня сухой; я не была к этому привычна. Я подготовила речь обо всём, что собиралась сказать, чтобы показать ему, как много я прочитала его книг и

насколько я умна со своими наблюдениями и вопросами о его мыслях. Но для этого не было места. К счастью, другие заполняли тишину, и это заставило меня думать, что встреча будет очень короткой, но слова всё равно не шли, хотя я, возможно, упускала единственный шанс поговорить с ним.

Однако Клаудио пригласил меня на обед с ними. Разговор был лёгким и простым, и никто не говорил о фундаментальных или трансцендентных вещах. Я продолжала молчать, отвечая на вопросы, глядя в свою тарелку. Я чувствовала себя совершенно неизвестной. Затем, когда подали десерт, Клаудио сказал мне: «Можете зайти на склад фонда и посмотреть, что там найдёте». На этом наша встреча закончилась. По крайней мере, казалось, что если я найду что-то интересное, у меня может быть шанс увидеть его снова.

Я пошла на склад штаб-квартиры и в бесконечном мире коробок, полных бумаг, устроилась и начала просматривать их одну за другой. Я нашла различные батареи тестов и множество разнообразных ответов на разные формы, которые я начала сортировать и раскладывать по отдельным коробкам. К концу дня я собрала все батареи, ответы, факторные анализы и копии девяти групп страниц, содержащих около трёхсот фраз для каждого из девяти эннеатипов. Я понятия не имела, насколько Клаудио оценит это, так как это были материалы 1980-х годов, напечатанные на пишущей машинке. Я вижу это как крошечный символический образец его наследия, которое всё ещё предстоит отсортировать, классифицировать и организовать, большая часть которого всё ещё в коробках, видеокассетах или CD.

Я бы хотела не отклоняться от этого пути исследования с ним. В моей фантазии я помогала бы ему в этой области, где, по-видимому, у него не было поддержки, и я также могла бы закончить свою диссертацию, которая до сих пор не завершена. Но неоновые огни были слишком привлекательны, и я снова наступила на те же грабли.

К счастью, появились новые возможности для сотрудничества с Клаудио. Его желанием было создать личностный тест с 27 шкалами, по одной для каждого подтипа психологии эннеаграммы, вместо описания пяти измерений личности, как у Рэймонда Кеттелла. Поэтому мы начали работать с 240 пунктами, хотя в последние месяцы Клаудио исследовал возможность работы с 300. Он был убеждён, что если мы отберём прилагательные и фразы, которые он нашёл, и перекрестно сопоставим их с результатами NEO Pi, сгруппированными по подтипам, мы сможем создать тест, который сможет подтвердить специфические черты по подтипам — инструмент, который до сих пор не существует, и я надеюсь, что он будет создан в будущем, путём исследования его наследия.

Мы сформировали команду с Хавьером Эрнандесом де ла Лус, Сьюзан Сильвестр, Моникой Бустос, Антонио Кастильо, моим мужем и мной, с целью использования добровольного участия студентов SAT для прохождения обоих тестов — NEO и теста из 240 прилагательных — и мы встретились в Саморе по этому случаю. Мой муж компьютеризировал инструмент, но мы так и не смогли его использовать. У меня случился гипер-невротически-творческий приступ, и, не осознавая этого, я взяла другое направление...

Я цитирую Клаудио дословно из одного из наших писем в августе 2011 года: «Мне будет очень интересно услышать ваши предложения о том, как приблизить педагогов к мечте о новом образовании, чтобы обновить наш мир в кризисе». И с одной лишь этой фразой разразилось цунами. Теперь я вижу свою прозорливость: я стала машиной идей. На каждую его идею я придумывала другую. Каждое его видео, которое я смотрела, или каждый текст, который находила, вдохновляли на новые предложения. Мне было так легко воодушевляться с каждым письмом, встречей, звонком или Skype, что я хотела большего и предлагала больше. Я думаю, я стала сталкером: я писала ему каждую неделю, и он отвечал так любезно и незамедлительно, что мои идеи захлёстывали меня.

Клаудио стал для меня источником вдохновения и творчества, а я стала его помощницей в вопросах, требующих внимания.

Однажды мы случайно встретились в аэропорту: он собирался на рейс в Барселону, а я — в Мадрид. Там мы договорились о следующей встрече, всего через несколько дней. К тому времени у меня уже была своего рода «клаудианская лихорадка»: каждый обмен открывал новое окно. И Клаудио никогда не переставал давать

мне задание за заданием, которые я часто оставляла незавершёнными или выполняла только частично. Я не могла справиться со своей жизнью, и благодаря SAT, гештальту и терапии я начала видеть всё более ясно: как много я хочу охватить и как мало я могу удержать. Я до сих пор чувствую глубокую боль за все обещания, которые я ему дала и не смогла выполнить при жизни Клаудио, и я не знаю, смогу ли я когда-нибудь их сдержать.

Перемена в жизни

Моё пришествие в школу SAT и во вселенную Клаудио Наранхо принесло много изменений. Во-первых, на личном уровне. Но также многие другие — на семейном и профессиональном уровне. Например, мы всегда отправляли детей в дорогие школы, такие как Швейцарская школа, где у нас была интенсивная социальная жизнь как семьи. Мы организовывали благотворительные ужины и ярмарки подержанных вещей для сбора средств для продовольственных банков, участвовали в гала-ужинах посольств и т. д.

Но к концу 2013 года мы достигли финансового дна и больше не могли поддерживать ту жизнь, которую вели: аренда пентхауса в Лас-Таблас, две машины, две платы за частную школу плюс обед, внеклассные занятия, парковка в центре, различные страховки и т. д. Я больше не работала как фрилансер; я решила перестать работать со всеми своими клиентами, чтобы сосредоточиться исключительно на Фонде Клаудио Наранхо, который был единственным, что имело для меня смысл в то время. Это в сочетании с экономическим кризисом, который также затронул бизнес моего мужа, показало нам, что мы живём не по средствам. Впервые у меня не было финансовой безопасности, которой я всегда наслаждалась.

Самым важным критерием при смене города было то, чтобы дети продолжили образование, которое поддерживает нас как семью в рамках целостной педагогики, как Клаудио предлагал в своей книге «Менять образование, чтобы изменить мир». Так мы прибыли в Sa Llavog на Мальорке: я знала о проекте с 2011 года, когда искала школу для моей племянницы, так как моя сестра переехала жить на остров.

Так мы начали жизнь с низкими расходами на одном из самых дорогих островов Испании. Когда мы говорили людям, что едем жить на Мальорку, чтобы сократить расходы, они смеялись, но в итоге нам удалось хотя бы заставить их задуматься. Новая школа находилась в старом монастыре в Манкор-де-ла-Валь, деревне с населением менее тысячи человек, в конце дороги. Мы переехали из двух комнат в дом с четырьмя спальнями, тремя ванными, передним и задним садом, прекрасным видом на горы, снегом зимой... и за треть меньше, чем мы платили в Мадриде.

В школе не разрешены рафинированные сахара, поэтому наша диета значительно изменилась. Мы ходили в школу пешком, на велосипеде или самокате. Утренние пробки, расходы на парковку, дополнительный бензин и страховка исчезли. И если мы оставались в этом районе, мы могли поужинать менее чем за половину стоимости в Мадриде. Как резиденты, мы получали очень дешёвые авиабилеты... Но всё это имело свою цену: дети не могли адаптироваться к новой деревне, мы скучали по прогулкам в Мадриде, по семье... Сначала было нелегко.

В то время мы оба были в терапии. И в последнюю ночь на Мальорке, перед тем как я уехала в Барселону, а он в Италию, оставив детей с бабушкой и дедушкой, на прощание мой муж сказал мне: «Я хочу завести с тобой ребёнка». И через несколько месяцев родился младший в семье, мне было сорок пять, ему — сорок шесть. В том же году я сменила язык, тип города, район, дом, школу, работу, коллег, рутины и темп жизни, а теперь — большую семью!

Выбор этой новой жизни был нелёгким, но теперь я могу больше воплощать женскую роль. Мы семья, которая функционирует как таковая. Я поняла, что жизнь происходит не в больших кабинетах власти, а в повседневности с людьми, которых ты действительно любишь, и поэтому я достигла определённого спокойствия.

Попытки найти себя с терапевтом

В последующие годы, и благодаря моим отношениям с Клаудио, его учениками и сообществами интегрального образования Фонда Клаудио Наранхо, мой интерес к индивидуальной терапии постепенно возрастал. Раньше я считала это пустой тратой времени; мне казалось более практичным и масштабным обращаться к группе, а не к одному человеку. Я думала, что моё время слишком ценно, чтобы вкладывать его в одного человека. В группе казалось, что есть статистическая вероятность заинтересовать нескольких людей. Вероятно, я не угожу всем, но в индивидуальном взаимодействии всё было сосредоточено на возможности угодить одному человеку. За эти годы я работала над своим страхом интимности, позволяя себе соединяться со всем, что возникает во встрече с другим. Однако у меня всё ещё есть страхи, что я не буду хорошим терапевтом, потому что во мне пробудилось желание посвятить себя терапевтической работе. И я всё ещё боюсь, что меня могут вынудить взять отпуск как последнее средство.

Ещё один страх, который мешал мне исследовать возможность стать терапевтом, — это идея оставления, отсутствия, отвержения и бегства. Теперь я вижу их как призраков, которые постоянно преследуют мою жизнь — как с моей стороны, так и со стороны других. Это не то же самое, если несколько человек покидают большую группу, чем если внезапно один человек уходит в индивидуальных отношениях.

Мои трудности в становлении индивидуальным терапевтом рассеиваются по мере того, как я учусь по-настоящему видеть другого, слушать его с присутствием, просто молчать, не пытаюсь навязать себя, пока они говорят, чувствуя приверженность их процессу, уважая их темп и отдавая приоритет их повестке дня над моей. Иногда я чувствую прилив энергии, как у таролога, астролога или ясновидящего, и рискую поддаться искушению сказать другому, кто он и что ему делать. Осознание этого помогает успокоить тревогу, которую я обычно испытываю к медлительности, невежеству, непониманию, хрупкости и капризности.

Я также вижу риск впасть в безграничное слушание, теряя контроль над временем, не умея сказать «до следующего раза», теряясь в другом, или используя стратегию заставить его чувствовать себя гипер-выслушанным, более выслушанным, чем когда-либо, чтобы он чувствовал себя особенным в моих глазах и чтобы я показала, что я лучший «слушатель», который у него когда-либо был. В моём самом лихорадочном состоянии я вижу свой страх перед медлительностью другого в терапевтическом процессе, перед его трудностью немедленно принять моё «святое слово» и перед его неспособностью увидеть свет через меня.

Однако я вспоминаю опыты терапевтического слушания, которые у меня были на протяжении моего обучения в Мадридской школе гештальт-терапии, и обратную связь от моих «выслушанных» сверстников, которая была довольно лестной, как будто у меня есть потенциал стать терапевтом. И во многих случаях это правда: в определённых ситуациях, когда кто-то делится тем, что с ними происходит, я начинаю говорить так, как будто мои слова текут естественно, как будто я передаю послание, которое приходит из другого места; не из моего разума, не из моего соблазнения, не из моей стратегии (я обычно не помню, что я им только что сказала). Сегодня меня интересует групповая терапевтическая работа с подростками и родителями подростков. Мне нравится слушать и видеть, что возникает. Я стараюсь быть внимательной к своему языку тела и языку тела других. Я много использую рефлекссию, повторяя то, что сказали другие, как способ подтвердить, действительно ли я поняла, так как я склонна интерпретировать и придумывать содержание. Мне также нравится синтезировать то, что было сказано до сих пор. Мне нравится спрашивать об очевидных фразах, и я не люблю оставлять что-то на предположение: даже если это кажется глупым вопросом, мне нравится его задавать, и это заставляет меня думать, что я могу показать, что я не знаю или не понимаю. У меня много конфронтации, но я всё ещё работаю над тем, чтобы она становилась всё более любящей. Иногда, когда я слушаю кого-то, я чувствую импульс устанавливать границы, и я обычно это делаю. Когда сомневаюсь, я молчу, и меня не смущает молчание другого — это как практика предоставления пространства. Другой владеет своим временем, и ему решать, как его использовать. Я не тороплюсь двигаться вперёд, если он не хочет, хотя в итоге это меня расстраивает...

Смена реального отца на идеального

Несколько месяцев назад, после завершения SAT 1, мой отец снова появился в моей жизни.

Прошёл тридцать один год с тех пор, как мы в последний раз делили больше, чем просто кофе. Кажется,

он пересматривал своё прошлое и вспомнил, что у него есть дочь. Он приехал в Сальту и убедил моего адвоката дать ему мой номер телефона в Испании, и так мой муж передал мне трубку, просто сказав: «Это твой отец».

Я оцепенела. Я взяла трубку так, как будто говорила с ним вчера, затем стала требовательной и агрессивной, спрашивая, почему он так долго не подавал признаков жизни. Я не получила ответа, только «извини». Мы поговорили ещё несколько раз, и когда я начала задавать ему неудобные вопросы о его прошлом или нашем, он говорил, что лучше обсудить это лично. Мы договорились встретиться в конце января 2012 года; мы оставались на связи, но уже было ясно, что деликатные темы будут обсуждаться при встрече.

Мы организовывали две конференции на 16 и 17 января 2012 года в Университете Комплутенсе — одну с Хосе Антонио Мариной и Клаудио на философском факультете, и вторую только с Клаудио на педагогическом факультете, где я всё ещё была профессором. Ночью 16 января, после окончания первой лекции, Асунта Ормаэчеа попросила меня отнести цветы, украшавшие сцену, к моей машине, чтобы мы могли использовать их для следующей конференции. Когда я открыла дверь, меня поразил запах кладбища. Я подумала: «Конечно, это просто цветы». Две ночи спустя я получила телефонный звонок из Буэнос-Айреса, от жены моего отца, которая сказала мне, что в понедельник, 16 января, он скончался.

Прошло три дня, он уже был в могиле, и я не могла попасть на поминки или похороны. Мне не с кем было поговорить, и все в моей семье были бы рады этой новости. У меня был рейс в Аргентину через двенадцать дней, чтобы встретиться с ним. Все мои вопросы остались без ответа, ожидая встречи, которая никогда не могла состояться.

Затем я попыталась видеть стакан наполовину полным. Я подумала: мой биологический отец умер, но жизнь дала мне учителя, которого я теперь вижу как идеального отца. Это принесло мне спокойствие, которое привело меня к двенадцатидневному ежедневному посту.

Теперь, годы спустя, потеряв своего идеального отца, своего учителя, я чувствую глубокую печаль, но также веру в будущее и огромную благодарность. Связь с ним помогла мне восстановить связь с моим отцом. Я перестала быть сиротой.